

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

1 (37) 2015

**Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:
Северо-Западного федерального округа**

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Мурманская область)
Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства

Санкт-Петербургского государственного экономического университета
Череповецкого государственного университета (Вологодская область)

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Республика Башкортостан)
Институт экономики Уральского отделения РАН (Свердловская область)

Редакционный совет:

Решением Президиума
Высшей аттестационной
комиссии Минобрнауки
России от 19 февраля
2010 года №6/6
журнал включён
в Перечень ведущих
научных изданий,
рекомендуемых для
публикации основных
результатов
диссертаций
на соискание учёной
степени доктора
и кандидата наук.

Журнал включён в базы
данных ВИНТИ РАН,
Ulrich's Periodicals
Directory, Index
Sopernicus International,
EBSCOhost, Proquest,
а также в Российский
индекс научного
цитирования и
представлен в открытом
доступе на платформе
Научной электронной
библиотеки
(<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская
национальная
экономическая
библиотека
включила журнал
в свой фонд.

Журнал также
направляется в
Библиотеку Конгресса
США.

Макаров В.Л., академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)

Татаркин А.И., академик РАН, директор Института экономики УРО РАН (Екатеринбург, Россия)

Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Никитенко П.Г., академик НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (HESS), Центра исследований индустриализации (СЕМІ) (Париж, Франция)

Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)

Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Ильин В.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)

Кибиткин А.И., д.э.н., проф., заместитель ректора по науке и стратегическому развитию Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия)

Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)

Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Ларичкин Ф.Д., д.э.н., проф., директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)

Максимцев И.А., д.э.н., профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН, зав. лаб. ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Путилов А.В., д.т.н., проф., декан факультета управления и экономики высоких технологий Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ (Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)

Штомпка Пётр, профессор, декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)

Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

У Эньюань, проф., Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова, д.э.н., проф. А.Г. Воробьев,

д.э.н., проф. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин,

д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора),

к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь),

д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. С.В. Терёбова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

FEDERAL AGENCY FOR SCIENTIFIC ORGANISATIONS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

1 (37) 2015

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West Federal District

Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of RAS (Karelia Republic)
G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (the Murmansk Oblast)
Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda Oblast)

and according to the decision of the administration of

Saint Petersburg State University of Economics and Finance
Cherepovets State University (the Vologda Oblast)

and RAS institutions of other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)
Institute of Economics of the Ural RAS Department (the Sverdlovsk Oblast)

Editorial Council:

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (No.6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Makarov V.L., RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
Ivanter V.V., RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Okrepilov V.V., RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
Tatarkin A.I., RAS Academician, Director of the Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)
Vityaz P.A., Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
Nikitenko P.G., Academician of the NASB (Minsk, Belarus)
Lazhentsev V.N., RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Sapir J., Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
Valentey S.D., Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
Gaynanov D.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
Dayneko A.E., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
Ilyin V.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
Kibitkin A.I., Doctor of Economics, Professor, Vice Rector for Science and Strategic Development of the Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)
Kivinen M., Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Kotlyarov I.V., Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
Kuznetsov S.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
Larichkin F.D., Doctor of Economics, Professor, Director of Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of the RAS (Apatity, Russia)
Maksimtsev I.A., Doctor of Economics, Professor, Rector of the Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
Putilov A.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean at the Department of Management and Economics of High Technologies of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia)
Polterovich V.M., RAS Academician, Head of Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute (Moscow, Russia)
Chukreev Yu.Ya., Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Sztompka, P., Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
Wu Enyuan (Beijing, China), Professor, the Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of the Chinese Academy of Social Sciences
Afanasyev D.V., Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)

Chief Editor - V.A. Ilyin

Editorial Board:

Doctor of Economics, Professor L.A. Anosova, Doctor of Economics, Professor A.G. Vorobyov,
Doctor of Economics, Professor E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor), Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor, Executive Editor),
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova,
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova, Ph.D. in Economics S.V. Terebova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

ISSN 1998-0698

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ISED T RAS, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Ильин В.А.</i> Настораживающие тенденции	9
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	16

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

<i>Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Асанович В.Я.</i> Оценка реализации стратегии развития региона.....	30
<i>Козырева П.М.</i> Малое предпринимательство в России: повседневные проблемы и трудности развития	43

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Гаджиев Ю.А., Акопов В.И., Канев В.Н.</i> Динамика инвестиций в основной капитал экономики северных регионов	59
<i>Калашников К.Н.</i> Ресурсное обеспечение российского здравоохранения: проблемы территориальной дифференциации	72

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Павлов Б.С.</i> Учащаяся молодёжь города и села на Урале: проблемы социально-поселенческой ассимиляции.....	88
<i>Дзуцев Х.В., Дибирова А.П.</i> Проблема наркомании в молодёжной среде Республики Северная Осетия–Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации	99
<i>Аксютин С.В., Овсянкина Н.М.</i> Актуальные вопросы алкогольной безопасности региона	117

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

<i>Шабунова А.А., Фахрадова Л.Н.</i> Причины и факторы распространения сердечно-сосудистых заболеваний в Вологодской области (по данным исследования ЭССЕ-РФ).....	134
--	-----

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

<i>Поварова А.И.</i> Региональный бюджет 2015–2017: бездефицитность или отказ от развития?	150
--	-----

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Козицина А.Н., Филимоненко И.В.</i> Стратегическая взаимосвязь инновационного развития и управления кадровым потенциалом региона.....	171
--	-----

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

<i>Тихонова Т.В.</i> Оценка эффективности направлений развития особо охраняемых природных территорий Республики Коми	182
--	-----

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>Грибоедова И.А.</i> Анализ и адаптация опыта диверсификации мировой продовольственной системы в Республике Беларусь.....	196
<i>Киреева А.А.</i> Дифференцированные организационно-экономические механизмы индустриально-инновационной модернизации регионов Казахстана	214

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

<i>Третьякова О.В.</i> Развитие национального индекса цитирования как условие формирования системы оценки результатов научной деятельности	230
--	-----

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Белехова Г.В.</i> О методологических подходах к исследованию сберегательного поведения населения	246
Требования к оформлению статей.....	264
Информация о подписке	269

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i> Alarming trends.....	9
Public opinion monitoring of the state of the Russian society.....	16

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

<i>Uskova T.V., Selimenkov R.Yu., Asanovich V.Ya.</i> Assessment of the regional development strategy implementation	30
<i>Kozyreva P.M.</i> Small business in Russia: everyday issues and development constraints.....	43

REGIONAL ECONOMY

<i>Gadzhiev Yu.A., Akopov V.I., Kanev V.N.</i> Dynamics of investment in fixed capital in the economy of the Northern regions.....	59
<i>Kalashnikov K.N.</i> Resource security of healthcare in Russia: issues of territorial differentiation	72

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Pavlov B.S.</i> Urban and rural students in the Urals: socio-residential assimilation issues.....	88
<i>Dzutsev Kh.V., Dibirova A.P.</i> Problem of drug addiction in the youth in the Republic of North Ossetia-Alania of the RF North Caucasian Federal District	99
<i>Aksyutina S.V., Ovsyankina N.M.</i> Critical issues of alcohol safety in the region.....	117

ECONOMICS AND SOCIOLOGY OF PUBLIC HEALTH AND HEALTHCARE

<i>Shabunova A.A., Fakhradova L.N.</i> Causes and factors promoting the expansion of cardiovascular diseases in the Vologda Oblast (according to the research in epidemiology of cardiovascular disease)	134
--	-----

PUBLIC FINANCE

- Povarova A.I.* Regional budget for 2015–2017: doing away with deficit or doing away with development? 150

INNOVATION DEVELOPMENT

- Kozitsina A.N., Filimonenko I.V.* Strategic relationship between innovation development and management of human resources potential in the region 171

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

- Tikhonova T.V.* Evaluation of the efficiency of development of specially protected natural areas in the Republic of Komi 182

FOREIGN EXPERIENCE

- Griboedova I.A.* Analysis and adoption of the experience of the global food system diversification in the Republic of Belarus 196
- Kireeva A.A.* Differentiated organizational and economic mechanisms of industrial-innovation development of the regions of Kazakhstan 214

DISCUSSION PLATFORM

- Tret'yakova O.V.* Development of national citation index as a condition for the formation of a system to evaluate scientific research performance 230

YOUNG RESEARCHERS

- Belekhova G.V.* On the methodological approaches to the study of saving behavior of the population 246
- Requirements to manuscripts 264
- Subscription information 269

Владимир Александрович ИЛЬИН

д.э.н., профессор,
заслуженный деятель
науки РФ,
директор ИСЭРТ РАН
ilin@vscc.ac.ru

Vladimir Aleksandrovich ILYIN

Doctor of Economics,
Professor, Honoured
Scientist of the Russian
Federation,
ISEDТ RAS Director
ilin@vscc.ac.ru

Настораживающие тенденции

Итоги социологических опросов в Вологодской области в феврале 2015 года показали существенные изменения по ряду позиций (параметров) социального самочувствия населения по сравнению с декабрем 2014 года:

- удельный вес лиц, испытывающих нормальное настроение, снизился с 70,9 до 61,8% (на 9 п.п.);
- удельный вес считающих, что «всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть», сократился с 80 до 74,3% (на 6 п.п.);
- индекс потребительских настроений снизился с 82,3 до 75,7 п. (на 6 п.).

Вероятно, одно из объяснений этим тревожным фактам — это нерешительность в 2014 году политических структур, Государственной Думы, Совета Федерации в принятии реальных мер по приостановке тенденций ухудшения социально-экономического развития практически по всем показателям¹.

В статье, открывавшей первый номер нашего журнала в 2014 году, было высказано мнение о позитивном потенциале состоявшейся 19 февраля 2014 года встречи Президента РФ В.В. Путина с авторами подготовленного Российской академией наук доклада «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике»². В своем вступительном слове на встрече Президент сказал: «Мы договорились с вами сегодня собраться, чтобы послушать ваше мнение. Я попрошу и своих коллег из Правительства, из Администрации Президента высказать свои соображения, чтобы поискать конкретные меры по стимулированию экономического роста. Мы все исходим из того, что только на основе решения этой самой главной, капитальной,

¹ Подробная информация приведена в разделе «Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества» на стр. 16-29.

² См. Ильин В.А. Фактор времени // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 1. — С. 9-12.

фундаментальной задачи можно решать задачи опережающего развития экономики и социальной сферы...**Нами должна быть разработана и заявлена внятная политика по мобилизации всех имеющихся ресурсов для ускоренного роста»** (выделено автором)³.

За минувший год Российская Федерация прошла через серьезные испытания. Историческим событием стало воссоединение Крыма и Севастополя с Россией. Россия на деле доказала, что способна защищать соотечественников, отстаивать правду и справедливость. В полном объеме заработал Евразийский экономический союз. На новый уровень поднялись экономические отношения с Китаем. Завершилась крупномасштабная национальная программа полной реконструкции транспортной системы города Сочи, строительство современного спорткомплекса для проведения зимней Олимпиады, а также и само блестящее проведение зимних Олимпийских игр.

Важным шагом в укреплении национальной безопасности явилось утверждение в декабре 2014 года военной доктрины, подписанной Президентом РФ 26 декабря 2014 года.

По мнению одного из ведущих экспертов военная доктрина отражает переходное состояние России от подконтрольного западу государства к обретению независимости по крайней мере в политической сфере⁴.

³ Встреча с учеными-экономистами РАН // Официальный сайт Президента России. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/2029/>

⁴ «У России до сих пор не было ни одного государственного документа, адекватно отражающего весь необходимый спектр проблем, связанных с изменением места и роли страны в XXI веке», — пишет генерал-полковник Л. Ивашов в своей статье (Ивашов Л. Угрозы названы // Завтра. — 2015. — № 2. — Янв.). Он подробно характеризует перечень задач, которые решает доктрина, давая анализ военно-политической ситуации в мировом пространстве и вскрывая военные опасности и угрозы в адрес РФ.

Вместе с тем необходимо отметить, что «за весь 2014 г. не было разработано и заявлено внятной политики по мобилизации всех имеющихся ресурсов для ускоренного роста»⁵, что, в конечном счете, привело к значительному снижению темпов развития экономики страны.

«Неудовлетворительные экономические результаты 2014 года, — отмечает один из авторов вышеупомянутого научного доклада «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике» академик В.В. Ивантер, — обусловлены продолжением понижательного тренда 2012–2013 гг., а также рассогласованностью отдельных элементов экономической политики, запаздыванием реагирования экономических властей на нарастающие риски и, главное, неадекватностью используемого инструментария в целом внутренней экономической политики и конкретными социально-экономическими условиями России. Использование таргетирования инфляции и плавающего курса рубля для стимулирования экономики, стремление к бездефицитному бюджету за счет снижения расходов на экономику в целях макроэкономической стабильности, сокращение инвестиций, прежде всего, в реальный сектор экономики в 2012–2013 гг. на деле привело к результатам, которые оказались обратными желаним»⁶.

В конце 2014 года обстановку существенно ухудшило обрушение курса рубля, приведшее к потере доверия национальной валюте всех субъектов экономики. Нега-

⁵ Встреча с учеными-экономистами РАН // Официальный сайт Президента России. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/2029/>

⁶ Ивантер В.В. Конструктивный прогноз развития экономики России. Основные сценарии до конца 2015 г. // Российская академия наук. — Институт народнохозяйственного прогнозирования, 2015.

тивное влияние этих внутриэкономических факторов углубили неблагоприятные внешнеэкономические обстоятельства, в первую очередь — снижение цен на нефть и введение секторальных санкций западными странами во второй половине 2014 года.

Однако, несмотря на быстрое нарастание острых проблем, сдерживающих рост российской экономики, Правительство страны решительных мер по их разрешению или смягчению обостряющихся проблем своевременно не принимало. Правительство до последнего времени оценивало происходящее как финансовый кризис, который продержится столько, сколько продержится низкая цена на нефть, и считало, что этот кризис надо просто переждать.

Ярким отражением этой позиции стал Гайдаровский форум, с которого начался новый 2015 год. На нем выступали самые известные российские либералы. Но с кафедр форума не прозвучало мнений ученых, придерживающихся точки зрения, альтернативной правительственной⁷. Весьма примечательно, что на форуме выступило все экономическое «начальство», включая премьер-министра Д.А. Медведева. С трибуны форума Председатель Правительства РФ положительно отозвался о либеральной модели экономики России. Он, в частности, сказал: «Считаю правильным, что бюджет 2015 года был сформирован исходя из той же схемы распределения сверхдоходов от экспорта нефти. По всей вероятности, нам нужно будет сохранить действие правила и дальше». Свое отношение к нарастающей общественной тревоге о состоянии российской экономики

⁷ См. публикации С.Ю. Глазьева, О.Г. Дмитриевой, Е.М. Примакова, А.А. Дынкина, С.С. Губанова, А.Д. Некипелова, Р.С. Гринберга.

высказал на форуме и министр экономики А. Улюкаев. «В кризисной ситуации, — заявил он, — самое главное — сохранять душевное спокойствие, иметь крепкие тылы дома, в семье, и больше всего думать о собственном здоровье и здоровье своих близких»⁸. Можно понять министра так: не ваше, мол, дело переживать за динамику развития экономики страны, думайте о себе. Это явное проявление снобизма, на наш взгляд.

Известный экономический публицист и эксперт Александр Привалов, характеризуя речи, прозвучавшие на форуме, точно заметил: «Сходные универсальные резолюции мы уже давно получаем по любым вопросам экономической политики... Разговоры о негодном инвестклимате **одни и те же люди одними и теми же словами ведут невесть сколько лет — кабы они были способны хоть что-нибудь улучшить, давно бы улучшили** (выделено автором). Разговоры о борьбе с инфляцией особо прекрасны, когда их ведут деятели, только что внесшие могучий вклад в одной инфляции раскошегаривание»⁹.

Только в конце января 2015 года Правительство РФ разработало и опубликовало антикризисную программу. Она названа «Планом первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году».

В Плане 60 пунктов, но пока только 20 из них содержали количественные характеристики, — то есть лишь по трети меро-

⁸ Цитируется по материалам онлайн-трансляции: Гайдаровский форум 2015 «Россия и мир: новый вектор». — Режим доступа: <http://www.gaidarforum.ru/news>

⁹ Привалов А. О полыхаевском форуме // Эксперт. — 2015. — № 6. — 3 февр.

приятый определены суммы государственной поддержки. По значительной части мероприятий суммы поддержки будут закреплены при внесении очередных изменений в федеральный бюджет в конце февраля – начале марта. Потом еще неизвестно, сколько времени будет идти доведение бюджетных средств до получателей.

Зато очень оперативно реализуются меры поддержки банковской сферы. В Плате сообщается, что на докапитализацию кредитных организаций триллион рублей был уже выделен в 2014 году (в рамках исполнения бюджета). Дополнительные вливания в банки составят еще 550 млрд. руб. Если суммировать объем поддержки банковской системы, то он составляет 85% от всего плана.

По мнению д.э.н., депутата Госдумы РФ О.Г. Дмитриевой и ее единомышленников по партии «Справедливая Россия», такой шаг не даст необходимого эффекта. По их мнению, дело не в том, что практика массовой поддержки банков, предпринятая в период мирового кризиса 2008–2009 гг., имела скромную результативность.

Суть в том, что подобный способ «лечения» логичен лишь в странах, где имеет место сбой в работе финансовых институтов, и совершенно не логичен в России, потому что главная причина ее нынешних экономических трудностей – резкое снижение цен на нефть и девальвация. При проведении грамотной политики «удешевление» рубля может сослужить хорошую службу – предоставить возможность для стимулирования экономического роста и импортозамещения. Именно этот фактор был использован премьер-министром Е.М. Примаковым и главой

Центробанка В.В. Геращенко в 1998 году как мощнейший рычаг преодоления кризиса¹⁰.

А что делает правительство Д.А. Медведева? На фоне девальвации пытается проводить жесткую кредитную и бюджетную политику, при которой причиной спада экономики является уже не девальвация, а закручивание финансовых гаек в условиях девальвационного шока. В этом же ключе действует Банк России, который доводит ключевую ставку по кредиту до 17% и фактически препятствует кредитованию реального сектора экономики. Никаких сроков этой «хирургической» меры от ЦБ или правительства не названо.

Чёткую оценку действий власти дал директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН академик В.В. Ивантер: «Такое, я бы сказал, непрофессиональное управление привело к тому, к чему привело. Мы проводили неадекватную экономическую политику. Эту политику проводили и финансовые, и денежные власти... Мы сейчас экспериментально проверили, что **эта политика для нашей экономики не годится**» (выделено автором)¹¹.

Главное, что сделали, по словам академика, – «утратили доверие и со стороны населения, и со стороны банков, и даже со стороны власти. А в денежной экономике нельзя жить без доверия к национальной валюте.

¹⁰ Развернуто точка зрения О.Г. Дмитриевой представлена на сайте газеты «Московский комсомолец» под заголовком «Краткая альтернативная кризисная программа – против правительственной программы «примирения» с кризисом». – Режим доступа: <http://www.mk.ru/upload/userfiles>.

¹¹ В. Ивантер дал интервью В. Познеру на Первом канале 9 февраля 2015 г. Онлайн-версия интервью размещена на сайте <http://pozneronline.ru/viktor-viktorovich-ivanter/>

Значит, первая задача, которая есть сегодня, — это восстановление доверия к национальной валюте... Все, что власть делает, должно быть абсолютно понятным бизнесу и населению. **Должно быть понятно и бизнесу, и власти, когда и зачем они это делают, А главное, должно быть понятно, что то, что власть делает, от этого станет лучше и когда станет лучше»** (выделено автором). Еще одна серьезная опасность, — добавил Ивантер, — в том, что возможна остановка производства из-за высокого уровня кредитных ставок, и поэтому необходимо «обеспечить производство деньгами по доступным ставкам». При этом нельзя разбрасывать кредиты по всему фронту, они должны канализоваться туда, где есть внутренний спрос.

Мы же со своей стороны здесь отметим, что одной из основных составляющих выхода российской экономики из сложившихся отрицательных трендов является вывод из длительного системного кризиса региональных бюджетов. Еще в Бюджетном кодексе 1998 года было определено разделение консолидированного бюджета между центром и субъектами Федерации в соотношении 50 на 50 процентов. На практике же эта пропорция не соблюдается, все большая часть бюджетных доходов поступает в федеральный центр¹².

Что предпринимается в Правительственном Плане для разрешения этой проблемы? Она сформулирована в первом пункте Плана, где значится «увеличение бюджетных ассигнований на предостав-

¹² По исследованиям ИСЭРТ РАН (см.: Поварова А.И. Региональные бюджеты — 2014: проблемы формирования и реализации // Проблемы развития территорий. — 2015. — № 1) в 2000 году доля доходов федерального бюджета составляла 15,5% от ВВП, доля бюджетов субъектов РФ — 14,5%. В 2014 году на долю федерального бюджета пришлось 19,4%, а доходов субъектов РФ — только 12,1% валового внутреннего продукта.

ление кредитов бюджетной системы Российской Федерации при условии реализации субъектами Российской Федерации региональных планов обеспечения устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году». Предполагается направить на эти цели до 160 млрд. рублей. Для регионов с их текущим двухтриллионным долгом в 160 млрд. рублей эта сумма ни на йоту не снижает остроты сложившегося бюджетного кризиса регионов¹³.

В России более чем 22 тысячи муниципальных образований — от крупного города до небольшого сельского поселения. Однако по-прежнему к разномасштабным муниципалитетам применяется универсальный подход в отношении их социально-экономических функций. В результате многие муниципальные власти, особенно сельских поселений, оказываются практически недееспособными. Тем не менее, в антикризисном Плане решение этих проблем фак-

¹³ На страницах различных журналов мы выступали с развернутыми предложениями о путях пополнения региональных бюджетов. См., например: Ильин В.А. Частный капитал и национальные интересы. На примере собственников металлургических корпораций // Вестник Российской академии наук. — 2013. — № 7; Ильин В.А. Эффективность государственного управления и состояние региональных бюджетов // Экономист. — 2013. — № 12; Ильин В.А. Частные интересы ограничивают доходы бюджета // Экономическая наука современной России. — 2014. — № 2; Ильин В.А. Бюджетный кризис регионов как отражение неэффективности государственного управления // Проблемы теории и практики управления. — 2014. — № 11; Ильин В.А. Бюджетный кризис регионов как отражение неэффективности отжившей модели экономики // Экономист. — 2014. — № 12. В частности, аргументировано, что одной из важнейших мер пополнения бюджетов является отказ от возврата налога на добавленную стоимость по экспортируемой продукции, что позволило бы в течение одного года смягчить напряженность региональных бюджетов.

Но все же теперь, когда работа по антикризисному Плану уже началась, первостепенную значимость приобретает дисциплина и ответственность за его выполнение.

К сожалению, пока нет оснований считать, что российское правительство под руководством Д.А. Медведева способно своевременно и качественно осуществить выполнение намеченных пунктов Плана и, главное, изменить отрицательный вектор развития экономики на положительный, что позволит не снижать уровень жизни основных слоев населения, а планомерно и динамично его повышать.

Президент за последние три года неоднократно высказывал весьма резкие оценки по различным аспектам работы Правительства¹⁴.

Самый недавний пример качества работы Правительства Д.А. Медведева — непредусмотренные последствия решений о компенсации из региональных бюджетов доходов компаний, осуществляющих при-

городные железнодорожные перевозки. Было ведь хорошо известно, что у большинства регионов денег на эти цели нет. Вологодская область, например, задолжала РЖД 142 млн. рублей и шаг за шагом в последние месяцы лишалась электричек. Тариф, действующий по области в 2014 году, — 2 рубля 20 коп. за километр — был повышен в начале февраля 2015 года до 5 рублей 20 коп. за километр, что не по средствам местным жителям. В целом по стране с января 2015 года ОАО «РЖД» отменило 144 электрички в 26 регионах, в февралемарте предлагало ликвидировать еще 139 пригородных поездов. И вполне понятным было возмущение В.В. Путина на совещании с членами правительства 4 февраля выступлением вице-премьера правительства А. Дворковича по поводу отмены электричек: «У нас Министерство транспорта не существует, что ли? Что происходит? Это же не один автобусный маршрут отменили, а перестали ходить электрички в регионах.

¹⁴ 19 сентября 2012 г. Указ Президента РФ (по итогам совещания по проекту бюджета на 2013–2015 гг.). В.В. Путин объявил дисциплинарные взыскания в виде выговора министру образования и науки Д. Ливанову, министру регионального развития РФ О. Говоруну и министру труда и социальной защиты А. Топилину в связи с неисполнением поручений по президентским указам.

16 апреля 2013 г. Из речи на совещании в г. Элисте по вопросам переселения граждан из аварийного жилищного фонда. В.В. Путин: «*Как мы работаем? Качество работы — ничтожное, все поверхностно делаем. Если будем работать так, то ни хрена не сделаем! Давайте повысим качество нашей работы. Это нужно сделать! Если мы этого не сделаем, то надо будет признать, что либо я работаю неэффективно, либо вы все плохо работаете и вам нужно уйти. Обращаю ваше внимание на то, что на сегодняшний день я склоняюсь ко второму варианту! Думаю, что это понятно. Чтобы не было никаких иллюзий*».

14 ноября 2013 г. Из выступления на Заседании Агентства стратегических инициатив (АСИ). В.В. Путин: «*...вынужден буду напомнить, что есть определенная практика решения вопросов, перед тем как выходить в средства массовой информации. Известно, что если кто-то с чем-то не согласен, как Кудрин сделал в свое время — он перешел в экспертное сообщество...*».

Из Ежегодного Послания Президента РФ Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. «*В майских указах 2012 года были обозначены конкретные меры, призванные обеспечить динамичное развитие страны во всех сферах. По сути, указы составили единую программу действий, аккумулировав волю миллионов людей, стремление народа России к лучшей жизни*».

«*С издания указов прошло полтора года. Вы знаете, что я отмечаю? То ли делается так, что это вызывает негативную реакцию в обществе, то ли вообще ничего не делается. Конечно, при такой работе мы не достигнем поставленной цели*».

Вы что, с ума сошли, что ли? Послушайте, это несерьезный подход к делу. Это же касается тысяч людей... Железнодорожное пригородное сообщение должно быть восстановлено немедленно»¹⁵.

К сожалению, факты, когда ради чьих-то личных и корпоративных интересов под угрозу поставлена нормальная жизнь и безопасность огромной страны, — не редкость.

Роль железнодорожного транспорта как системообразующего фактора пространственного единства страны, вероятно, следует переосмыслить. Об этом уже были дискуссии ранее, и теперь они вспыхнули снова. Очень убедительные размышления о роли РЖД в сохранении целостности страны высказали Е. Холмогоров в газете «Известия»¹⁶ и Т. Воеводина в газете «Завтра»¹⁷.

В общем хотелось бы поддержать оценки Президента, высказанные в адрес Правительства: «с ума сошли», «не серьезный подход к делу», но не думаю, что они с ума сошли, и к делу они относятся серьезно, просто целеполагание у них другое, они по-другому видят будущее России. Со всем не так, как видит его Президент РФ В.В. Путин.

Свое видение будущего России Президент закрепил в Указах от 7 мая 2012 года и избиратели продолжают верить Президенту, что он выполнит заявленные цели по повышению качества жизни всех слоев населения. Однако впервые за последний год по ряду параметров социального самочувствия избирателей появились настораживающие тенденции.

¹⁵ Совещание В.В. Путина с членами правительства 04.02.2015.

¹⁶ Холмогоров Е. Железные реки // Известия. — 2015. — № 20. — 6 февр.

¹⁷ Воеводина Т. Рыночный стоп-кран // Завтра. — 2015. — № 6. — Февр.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в декабре 2014 – феврале 2015 г., а также в среднем за последние 6 опросов (с апреля 2014 по февраль 2015 г.). Дается сопоставление их с данными за 2013 г.

Оценка деятельности власти

В декабре 2014 – феврале 2015 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ был устойчивым и составил 66%. Доля негативных суждений составила 21%. В целом оценки населения лучше, чем в 2013 г., когда уровень поддержки деятельности главы государства составлял 55%, а доля негативных характеристик – 29%.

Уровень одобрения деятельности Председателя Правительства РФ в феврале 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г. также не изменился. Доля положительных оценок составляет 56%, отрицательных – 25%. Для сравнения, в 2013 году оценки населения были хуже: поддержка Председателя Правительства РФ составляла 49%, удельный вес отрицательных суждений – 33%.

Для справки: по данным ВЦИОМ поддержка Президента РФ в среднем по стране на начало февраля 2015 г. также не изменилась по сравнению с декабрем 2014 г. и составляет 86% (доля отрицательных оценок – 7%). Уровень одобрения деятельности Премьер-министра РФ в декабре 2014 – начале февраля 2015 г. составляла 69–70% (доля негативных оценок – 18%).

В среднем за последние 6 опросов поддержка федеральных органов государственной власти была более высокой, чем в 2013 г.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше.

Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vsc.ac.ru/>.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
												2013	2011	2007
Президент РФ														
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	62,8	66,6	66,4	66,8	66,0	66,3	65,8	+11	+7	-10
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	25,4	21,8	19,3	18,5	19,7	20,5	20,9	-9	-5	+9
Председатель Правительства РФ*														
Одобрю	-*	59,3	48,9	54,2	52,5	55,8	55,2	56,2	56,3	56,1	55,4	+7	-4	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	30,9	26,4	26,8	23,9	24,7	24,7	26,2	-7	+2	-
Губернатор														
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	41,6	38,5	38,8	39,7	39,3	38,3	39,4	-5	-6	-16
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	39,0	40,9	40,1	39,6	37,0	37,4	39,0	+6	+9	+17
* Вопрос задается с 2008 г.														

За последние два месяца существенно не изменилась доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ по решению большинства ключевых проблем страны. Удельный вес людей, поддерживающих действия главы государства по укреплению международных позиций России, составляет 50–51%, по наведению порядка в стране – 50–52%, по защите демократии и укреплению свобод граждан – 40–41%.

В то же время обращает на себя внимание снижение доли жителей области, считающих, что Президент РФ успешно справляется с подъемом экономики и ростом благосостояния граждан. В декабре 2014 – феврале 2015 г. доля положительных оценок уменьшилась с 38 до 34%, что ниже, чем в среднем за последние 6 опросов. Индекс успешности за последние два месяца снизился с 87 до 83 пунктов².

² Для расчёта индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющаяся, по сути, нейтральной отметкой.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..? (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
												2013	2011	2007
Укрепление международных позиций России														
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	48,6	53,7	50,9	52,3	50,8	50,4	51,1	+5	+5	-7
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	35,5	31,7	30,0	31,0	30,3	29,5	31,3	-5	-2	+6
<i>Индекс успешности</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>118,0</i>	<i>113,1</i>	<i>122,0</i>	<i>120,9</i>	<i>121,3</i>	<i>120,5</i>	<i>120,9</i>	<i>119,8</i>	<i>+10</i>	<i>+7</i>	<i>-14</i>
Наведение порядка в стране														
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	46,7	49,5	47,5	49,4	52,1	50,3	49,3	+10	+13	-4
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	40,9	39,5	37,8	37,8	35,1	37,3	38,1	-9	-12	+4
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>108,9</i>	<i>105,8</i>	<i>110,0</i>	<i>109,7</i>	<i>111,6</i>	<i>117,0</i>	<i>113,0</i>	<i>111,2</i>	<i>+19</i>	<i>+25</i>	<i>-8</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан														
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	36,3	40,1	37,6	38,2	40,7	39,5	38,7	+7	+6	-6
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	48,7	43,9	43,7	44,3	41,9	40,9	43,9	-7	-4	+7
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>92,1</i>	<i>87,6</i>	<i>96,2</i>	<i>93,9</i>	<i>93,9</i>	<i>98,8</i>	<i>98,6</i>	<i>94,8</i>	<i>+14</i>	<i>+11</i>	<i>-13</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан														
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	34,9	35,8	35,1	33,9	37,6	34,4	35,3	+4	+5	-12
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	54,3	53,5	50,2	54,4	50,8	51,5	52,5	-4	-4	+13
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>81,4</i>	<i>80,6</i>	<i>82,3</i>	<i>84,9</i>	<i>79,5</i>	<i>86,8</i>	<i>82,9</i>	<i>82,8</i>	<i>+8</i>	<i>+8</i>	<i>-25</i>

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за последние 6 опросов.

Структура партийно-политических предпочтений населения за последние два месяца существенно не изменилась. Доля жителей области, которые считают, что их интересы выражает «Единая Россия», составляет 37–39%. Поддержка КПРФ составляет 8%, ЛДПР – 7–8%, Справедливой России – 3–4%.

Следует отметить, что в феврале 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г., уменьшилась доля жителей области, считающих, что никакая из политических сил не отражает их интересы (с 33 до 30%). Это меньше, чем в 2013 г. (35%) и в среднем за последние 6 опросов (34%), что свидетельствует о росте интереса жителей области к вопросам экономической и политической жизни в стране.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Среднее за послед- ние 6 опро- сов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
														2013	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	29,5	32,7	34,3	35,5	36,7	38,8	34,6	+5	+4	+4
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	10,7	9,8	9,1	9,3	8,3	7,7	9,2	-2	-1	+2
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	8,3	6,2	6,9	7,3	7,8	6,7	7,2	0	-1	0
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,3	3,3	3,7	3,9	3,2	4,1	3,6	-1	-2	-4
Другая	1,8	–	1,9	–	0,6	0,3	0,2	0,1	0,1	0,7	0,1	0,3	0,3	0	-2	-2
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,9	34,4	34,8	36,0	35,0	32,6	32,7	30,3	33,6	-1	+4	+16
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	10,2	11,7	13,1	11,8	10,9	10,7	11,1	12,0	11,6	+1	-2	-10

Характеристики социального настроения и запаса терпения за последние два месяца существенно ухудшились.

Доля жителей области, оценивающих своё настроение как «прекрасное и нормальное», уменьшилась в декабре 2014 – феврале 2015 г. с 71 до 62%. Удельный вес «испытывающих напряжение, раздражение, страх, тоску» возрос с 24 до 31%.

Доля полагающих, что «всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть», уменьшилась с 80 до 74%. Удельный вес тех, кто «не может терпеть свое бедственное положение», возрос с 14 до 17%.

В целом оценки социального настроения и запаса терпения в феврале 2015 г. более негативные, чем в декабре 2014 г., в среднем за последние 6 опросов и в среднем за 2007–2014 гг. Очевидно, что это связано с ухудшением социально-экономической ситуации в стране в условиях санкций и по-прежнему низкого, нестабильного курса национальной валюты.

Последствия негативных процессов в национальной экономике ощущает на себе все большее число россиян. Так, в феврале 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г. доля жителей Вологодской области, считающих себя людьми «среднего достатка», уменьшилась с 42 до 38%, а удельный вес тех, кто субъективно относит себя к категории «бедных и нищих», возрос с 51 до 53%. Такая негативная ситуация отмечается впервые за последние 6 опросов.

Продолжает снижаться индекс потребительских настроений (ИПН) – один из комплексных индикаторов, характеризующих не только экономическое положение населения, но и ожидания людей относительно развития своего благосостояния и экономической ситуации в стране в целом. В декабре 2014 – феврале 2015 г. ИПН уменьшился с 82 до 76 пунктов, что существенно ниже, чем в среднем за последние 6 опросов и за период 2007–2014 гг.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
												2013	2011	2007
Настроение														
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	69,3	71,1	70,5	69,3	70,9	61,8	68,8	0	+6	+5
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	24,9	23,7	25,1	24,6	24,1	31,3	25,6	-1	-3	-2
Запас терпения														
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	81,3	81,0	82,5	80,3	80,0	74,3	79,9	+1	+5	+6
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	11,1	13,4	12,8	12,1	13,6	17,3	13,4	-1	-2	0
Социальная самоидентификация														
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	43,1	42,0	44,1	43,5	42,3	38,3	42,2	-2	-1	-6
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	49,1	48,4	49,6	49,3	51,0	53,3	50,1	+3	+6	+8
Индекс потребительских настроений														
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	90,3	90,5	87,1	84,0	82,3	75,7	85,0	-5	-5	-21

Снижение ИПН имело место в июне – декабре 1998 г., в период дефолта.

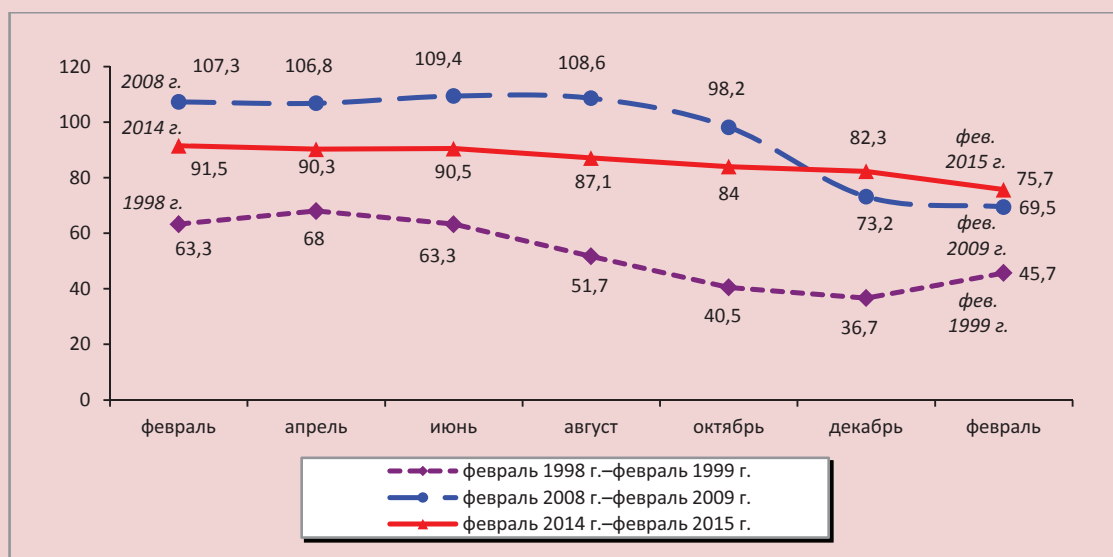
Аналогичные изменения Индекса происходили в июне 2008 – феврале 2009 г., когда население столкнулось с последствиями мирового финансового кризиса.

Отмечаемая на сегодняшний день негативная динамика ИПН продолжается с июня 2014 г. и темпы этой тенденции усиливаются. В декабре 2014 – феврале 2015 г. ИПН снизился на 6 пунктов (с 82 до 76 п.). Для сравнения, в течение последних 6 опросов он не снижался более чем на 4 пункта (это произошло в июне – августе 2014 г., с 91 до 87 п.).

За последние два месяца индекс потребительских настроений снизился во всех социально-демографических категориях населения. В том числе во всех доходных и возрастных группах. Особенно негативные изменения отмечаются среди людей с высшим и незаконченным высшим образованием (ИПН снизился с 91 до 81 п.), 20% наиболее обеспеченных (со 101 до 93 п.), жителей Вологды (с 84 до 75 п.).

Настораживает прежде всего то, что в большинстве социально-демографических групп снижение ИПН уже приобрело характер устойчивой тенденции. Она отмечается с июня 2014 г.

Динамика индекса потребительских настроений (ИПН) в 1998, 2008 и 2014 гг. (в пунктах)

Индекс потребительских настроений в различных социально-демографических группах (в пунктах)

Категория населения	2007	2011	2012	2013	2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2013	2011	2007
Пол															
Мужской	107,8	90,3	92,2	91,0	87,6	91,3	90,1	86,6	82,9	82,6	76,8	85,1	-6	-5	-23
Женский	104,4	89,1	91,0	89,8	87,6	89,6	90,8	87,5	84,9	81,9	74,8	84,9	-5	-4	-19
Возраст															
До 30 лет	115,2	95,0	97,0	94,5	93,0	97,4	93,4	94,7	89,3	87,8	82,7	90,9	-4	-4	-24
30-55 лет	107,1	89,1	91,9	91,4	87,5	90,1	92,2	86,3	83,1	80,1	73,0	84,1	-7	-5	-23
Старше 55 лет	95,7	86,0	86,3	85,6	84,2	85,5	86,1	82,9	81,8	81,6	74,9	82,1	-3	-4	-14
Образование															
Среднее и н/среднее	100,2	85,6	84,9	83,4	80,5	84,4	82,5	79,0	78,8	75,0	69,6	78,2	-5	-7	-22
Среднее специальное	105,9	87,9	90,2	88,7	86,9	89,5	89,5	86,5	82,2	82,0	76,9	84,4	-4	-3	-21
Высшее и н/высшее	113,1	95,5	98,8	99,2	96,3	98,4	100,2	96,9	92,1	91,0	80,7	93,2	-6	-2	-20
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	88,2	74,8	77,6	71,2	69,8	72,3	73,2	66,5	67,8	64,2	58,6	67,1	-4	-8	-21
60% средне-обеспеченных	105,5	89,0	90,3	90,8	87,0	88,9	88,5	87,0	83,6	81,9	76,5	84,4	-6	-5	-21
20% наиболее обеспеченных	124,7	105,3	107,5	108,9	107,5	112,4	111,3	105,7	103,7	101,2	92,5	104,5	-4	-1	-20
Территории															
Вологда	104,2	90,9	93,6	92,3	90,8	93,6	94,9	90,8	87,8	84,3	74,7	87,7	-5	-3	-17
Череповец	114,9	98,9	100,2	97,7	95,3	99,0	96,8	93,6	90,1	90,0	82,7	92,0	-6	-7	-23
Районы	102,3	84,4	86,2	85,3	81,7	83,8	84,6	81,5	78,7	76,9	72,4	79,7	-6	-5	-23
Область	105,9	89,6	91,5	90,3	87,6	90,3	90,5	87,1	84,0	82,3	75,7	85,0	-5	-5	-21

О сильном влиянии материального положения людей на их самооценку социального состояния свидетельствует тот факт, что **за последние два месяца доля жителей области, характеризующих свое настроение как «прекрасное, нормальное, ровное», также снизилась во всех социально-демографических категориях.** Причем наибольшее снижение позитивных оценок социального настроения отмечается среди 20% наименее обеспеченных (на 17 п.п., с 55 до 38%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2012	2013	2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Авг. 2014	Окт. 2014	Дек. 2014	Фев. 2015	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
													2013	2011	2007
Пол															
Мужской	65,9	64,5	69,1	69,9	68,9	68,5	71,3	69,5	68,8	69,7	61,7	68,3	-2	+4	+2
Женский	61,7	62,0	65,8	67,5	69,8	70,0	71,0	71,4	69,8	72,0	61,9	69,4	+2	+7	+8
Возраст															
До 30 лет	71,3	70,0	72,3	75,5	75,1	70,8	76,1	79,1	76,6	76,4	71,3	75,1	0	+5	+4
30-55 лет	64,8	62,5	67,9	69,2	69,5	70,0	71,8	70,3	68,3	69,8	58,3	68,1	-1	+6	+3
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,1	62,4	65,4	67,2	66,7	64,9	66,1	69,1	60,7	65,8	+3	+7	+11
Образование															
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	57,2	60,6	62,5	61,3	61,7	63,3	65,4	67,8	54,8	62,4	+2	+5	+4
Среднее специальное	64,6	63,6	66,7	68,1	70,4	70,7	72,2	71,3	70,2	71,8	65,2	70,2	+2	+7	+6
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,0	77,4	76,2	78,1	80,4	77,7	73,3	73,5	65,8	74,8	-3	+7	+6
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	51,5	46,2	50,8	47,4	54,9	54,1	50,2	55,1	38,3	50,0	+4	+5	-2
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	68,7	71,9	72,3	72,6	72,7	71,5	73,5	75,0	65,2	71,8	0	+6	+9
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	81,1	83,3	84,8	82,7	89,0	89,6	79,0	81,6	80,3	83,7	0	+8	+9
Территории															
Вологда	63,1	67,1	73,6	75,0	76,4	75,6	78,6	80,7	75,5	75,6	66,4	75,4	0	+8	+12
Череповец	68,1	71,2	76,2	75,3	76,3	79,0	79,9	76,5	72,8	73,2	63,1	74,1	-1	+3	+6
Районы	61,6	57,1	59,8	61,6	61,8	60,7	62,3	61,5	64,0	67,1	58,6	62,4	1	+5	+1
Область	63,6	63,1	67,3	68,6	69,4	69,3	71,1	70,5	69,3	70,9	61,8	68,8	0	+6	+5

Заключение:

Кризисные явления в российской экономике начались еще в 2011–2012 гг. Они обусловлены внутренними причинами и в настоящее время приобрели системный характер. Экономические санкции и нестабильный курс национальной валюты лишь усугубили их последствия. Как показывают результаты опросов, проведенных в феврале 2015 г., на территории области отмечается ухудшение структуры социальной самоидентификации населения, спад индекса потребительских настроений.

В начале 2015 г. негативные процессы в экономике впервые ощутимо отразились на социальном самочувствии жителей региона: показатели социального настроения и запаса терпения, которые в последние годы (2007–2014 гг.) отличались достаточной устойчивостью и позитивной динамикой, впервые снизились на 6–9 п.п.

Пока что ухудшение материального положения и социального самочувствия не отражается на уровне поддержки федеральных и региональных органов государственной власти, однако опыт проведения социологических исследований (в частности измерения индекса потребительских настроений) свидетельствует о том, что без принятия решительных шагов по улучшению социально-экономической ситуации возможны серьезные негативные изменения в ближайшей перспективе.

Ниже помещены результаты многолетних измерений ИСЭРТ РАН по оценке отношения населения Вологодской области к действующим властным и общественно-политическим институтам.

Представленные графические материалы учитывают результаты измерений за период с 2000 по 2014 г. Как видно из этих данных, жители Вологодской области в большей степени доверяют государственным, а не общественным институтам.

Высоким и достаточно устойчивым остается доверие населения к деятельности федеральных органов власти. С 2000 г. индекс доверия находится выше пределов нейтрального уровня (100 пунктов), что означает стабильную поддержку федеральных органов государственного управления большинством жителей области.

Тренд снижения доверия к президентской власти в период, когда эту должность занимал Д.А. Медведев (2009–2012 гг.), изменился с началом третьего президентского срока В.В. Путина. Это положительно отразилось на отношении населения к деятельности Правительства РФ, Совета Федерации, Государственной Думы.

Уровень доверия руководству области несколько ниже, однако в отношении к нему также преобладают положительные оценки.

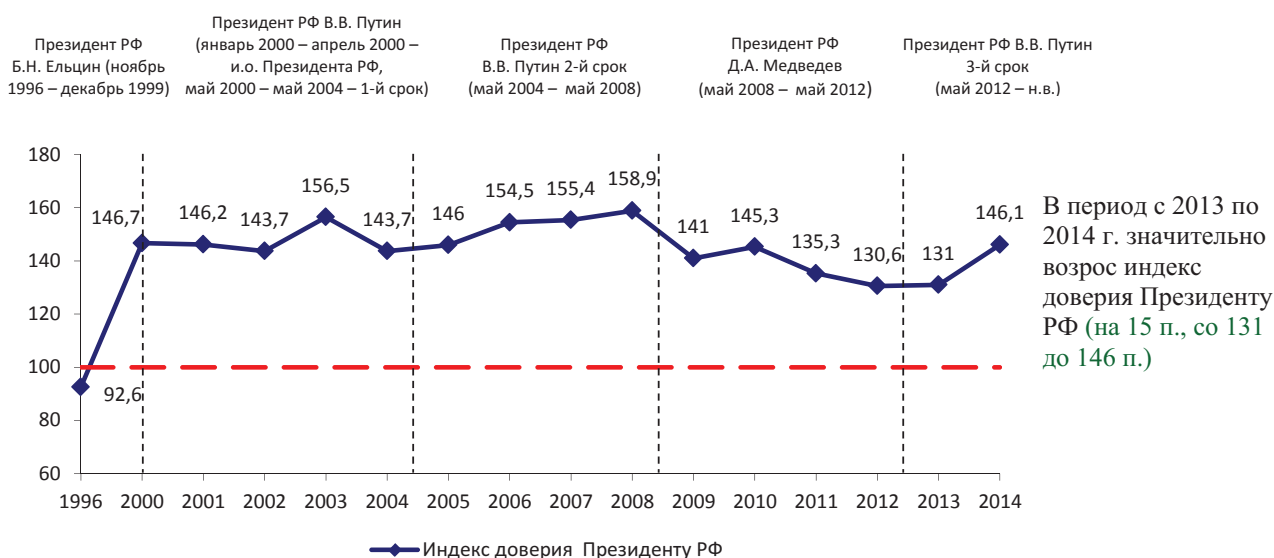
Среди негосударственных институтов наиболее высоким уровнем доверия пользуется церковь. Отношение к ней остается стабильным с 2012 г.

Высоким остается уровень доверия жителей области силовым структурам (армии, полиции, ФСБ) и суду. Причем следует отметить, что отношение к деятельности правоохранительных органов улучшается с 2013 г.

Наименее высоким остается уровень доверия населения общественным институтам, особенно средствам массовой информации, директорам и руководителям предприятий, банковским и предпринимательским кругам, политическим партиям и движениям. По отношению к ним преобладают негативные характеристики, причем в 2014 г. уровень доверия к ним заметно снизился.

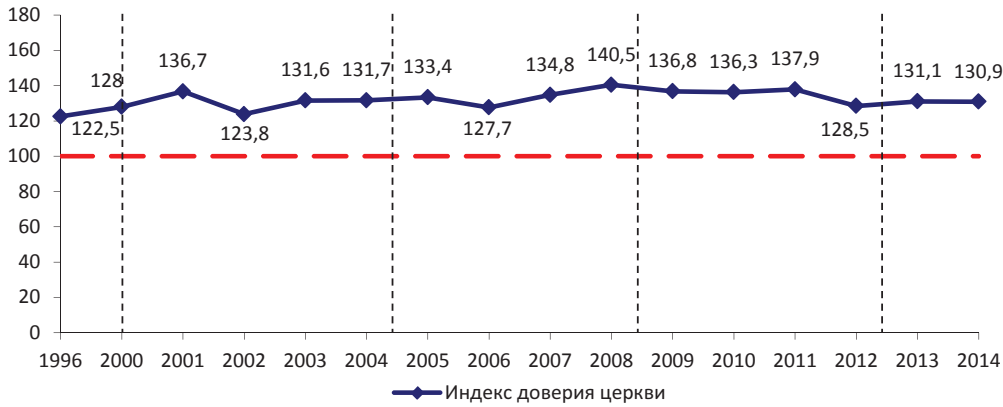
Таким образом, динамика оценок населения свидетельствует о том, что фокус общественного мнения все больше концентрируется на федеральном уровне государственного управления, что неудивительно в условиях нестабильной геополитической ситуации. Общество консолидируется вокруг федеральной власти и ключевую роль в этом процессе играет Президент РФ.

Отношение к деятельности Президента РФ

Отношение к деятельности церкви

Президент РФ Б.Н. Ельцин (ноябрь 1996 – декабрь 1999) Президент РФ В.В. Путин (январь 2000 – апрель 2000 – и.о. Президента РФ, май 2000 – май 2004 – 1-й срок) Президент РФ В.В. Путин 2-й срок (май 2004 – май 2008) Президент РФ Д.А. Медведев (май 2008 – май 2012) Президент РФ В.В. Путин 3-й срок (май 2012 – н.в.)

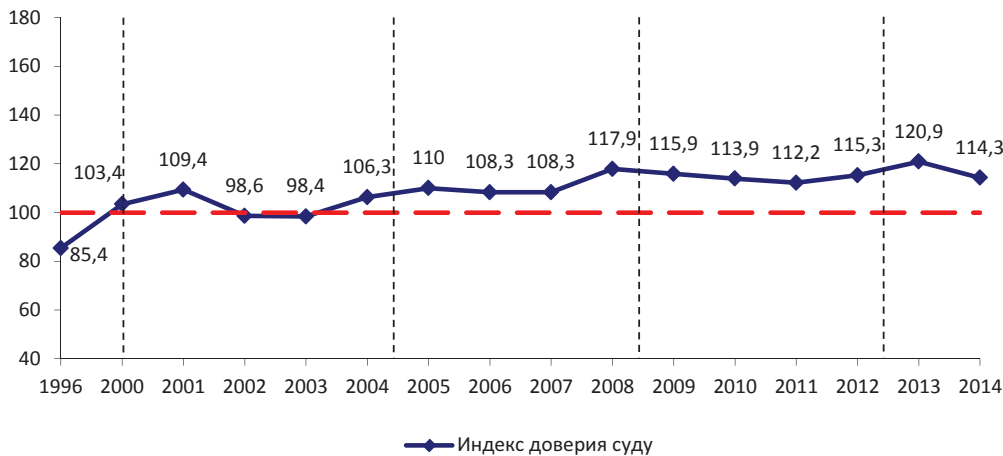
Индекс доверия церкви в 2014 г. сохранился на уровне 2013 г. (131 п.).

Отношение к деятельности Правительства РФ

В 2014 г. индекс доверия Правительству РФ значительно увеличился (на 12 п., со 120 до 132 п.).

Отношение к деятельности суда

В 2014 г. по сравнению с 2013 г. снизился индекс доверия жителей области к суду (на 7 п., со 121 до 114 п.).

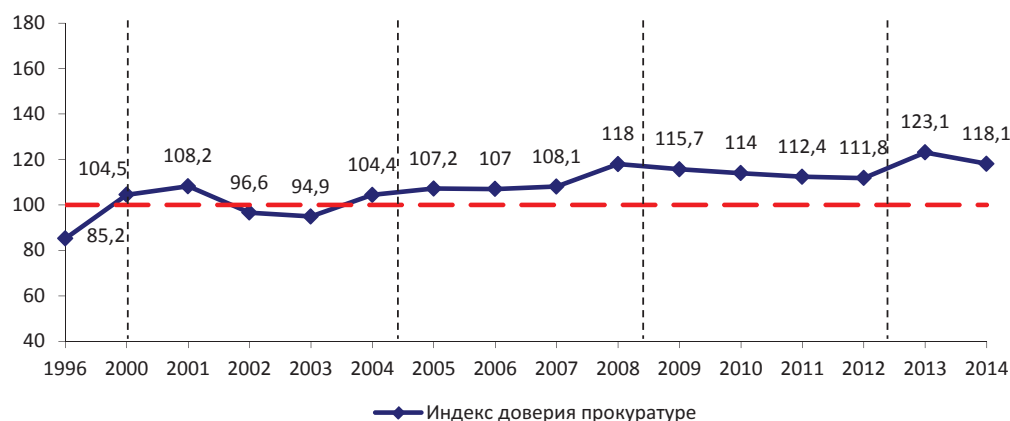
Отношение к деятельности руководства области

Президент РФ Б.Н. Ельцин (ноябрь 1996 – декабрь 1999)
 Президент РФ В.В. Путин (январь 2000 – апрель 2000 – и.о. Президента РФ, май 2000 – май 2004 – 1-й срок)
 Президент РФ В.В. Путин 2-й срок (май 2004 – май 2008)
 Президент РФ Д.А. Медведев (май 2008 – май 2012)
 Президент РФ В.В. Путин 3-й срок (май 2012 – н.в.)

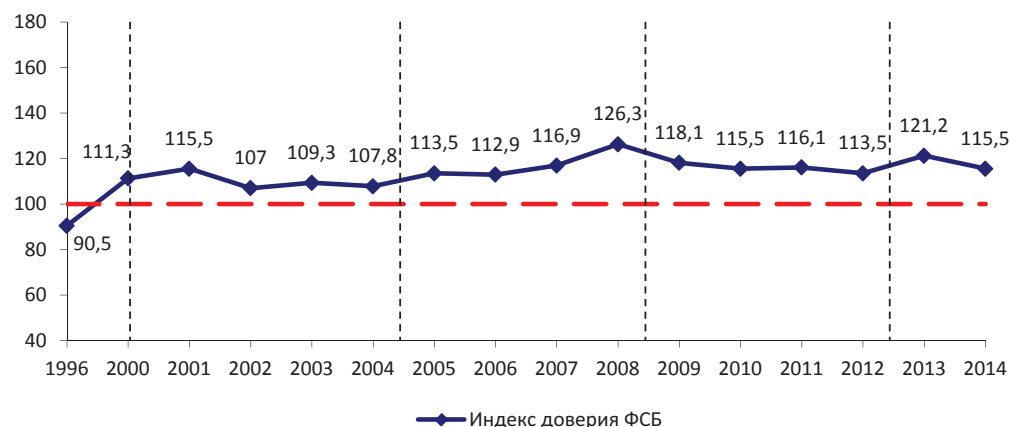
В 2014 г. индекс доверия руководству области снизился на 6 п. (со 118 до 112 п.).

Отношение к деятельности прокуратуры

В 2014 г. индекс доверия прокуратуре снизился на 5 п. (со 123 до 118 п.).

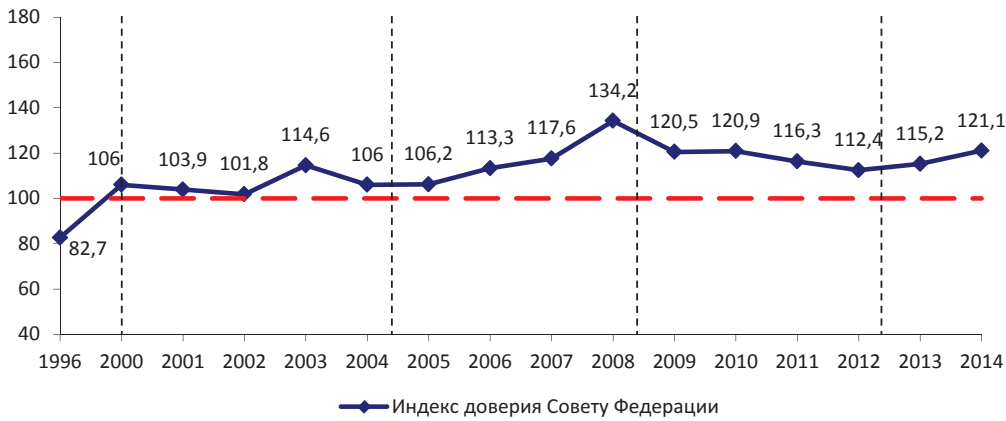
Отношение к деятельности ФСБ

В 2014 г. по сравнению с 2013 г. снизился индекс доверия жителей области к ФСБ (на 5 п., со 121 до 115 п.).

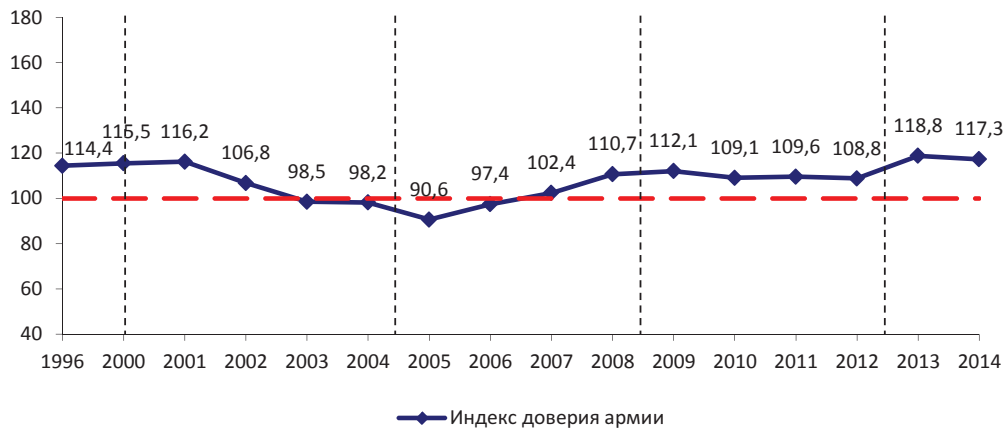
Отношение к деятельности Совета Федерации

Президент РФ Б.Н. Ельцин (ноябрь 1996 – декабрь 1999)
 Президент РФ В.В. Путин (январь 2000 – апрель 2000 – и.о. Президента РФ, май 2000 – май 2004 – 1-й срок)
 Президент РФ В.В. Путин 2-й срок (май 2004 – май 2008)
 Президент РФ Д.А. Медведев (май 2008 – май 2012)
 Президент РФ В.В. Путин 3-й срок (май 2012 – н.в.)

В 2014 г. продолжился рост доверия к Совету Федерации РФ. По сравнению с 2013 г. индекс увеличился на 6 п., по сравнению с 2012 г. – на 9 п. (со 112 – 115 до 121 п.).

Отношение к деятельности армии

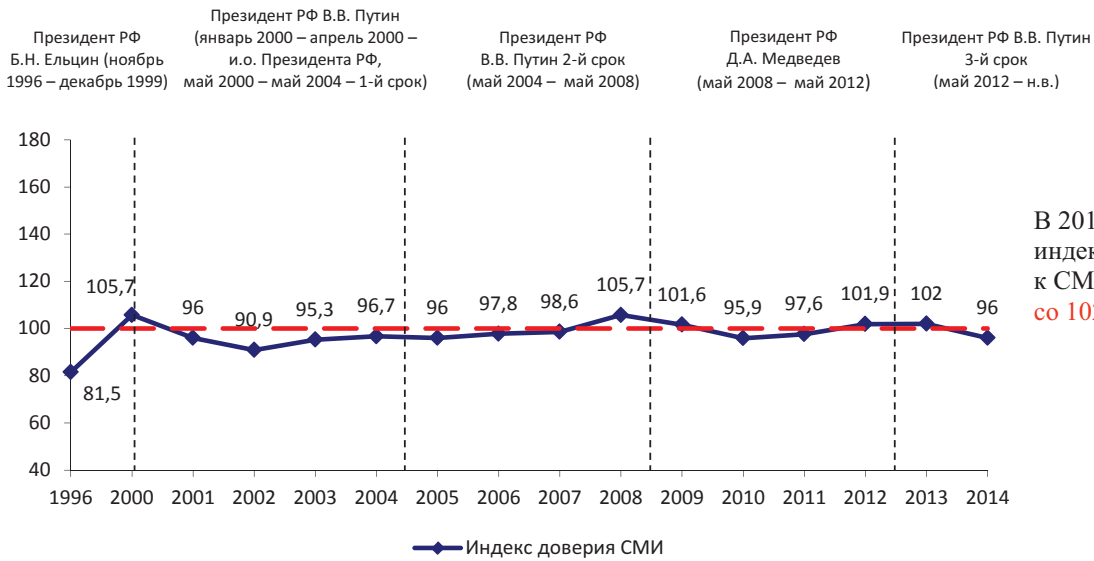
В 2014 г. индекс доверия населения к армии сохранился на уровне 117 – 119 п.

Отношение к деятельности Государственной думы

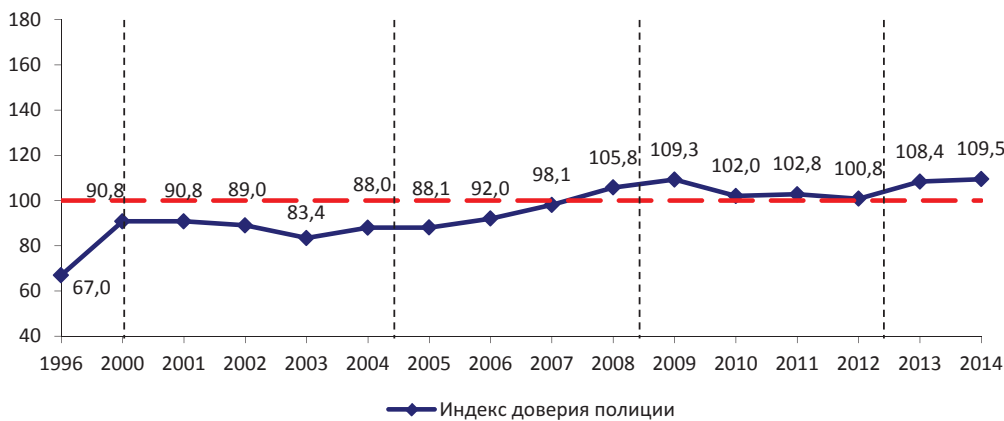
В 2014 г. индекс доверия Государственной Думе РФ был на 3 п. выше уровня 2011 – 2013 гг. (110 п. против 107).

Отношение к деятельности СМИ

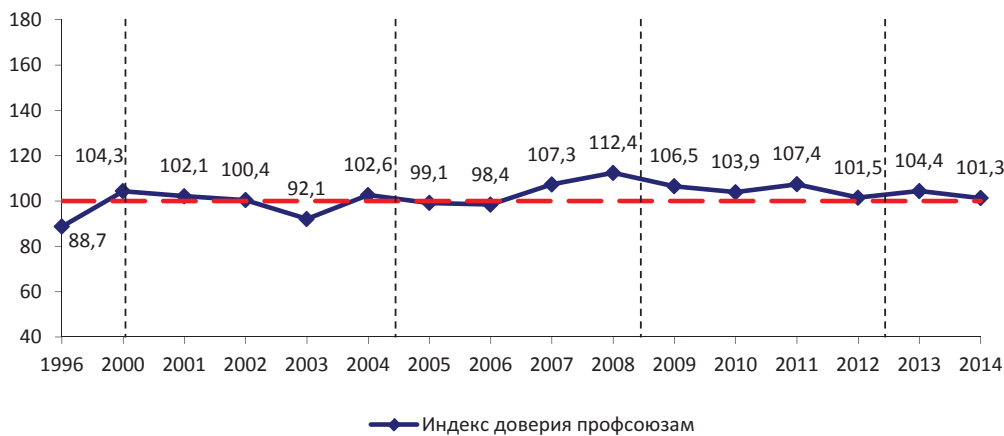
В 2014 г. снизился индекс доверия к СМИ (на 6 п., со 102 до 96 п.).

Отношение к деятельности полиции

В 2014 г. индекс доверия полиции незначительно увеличился (на 2 п., со 108 до 110 п.).

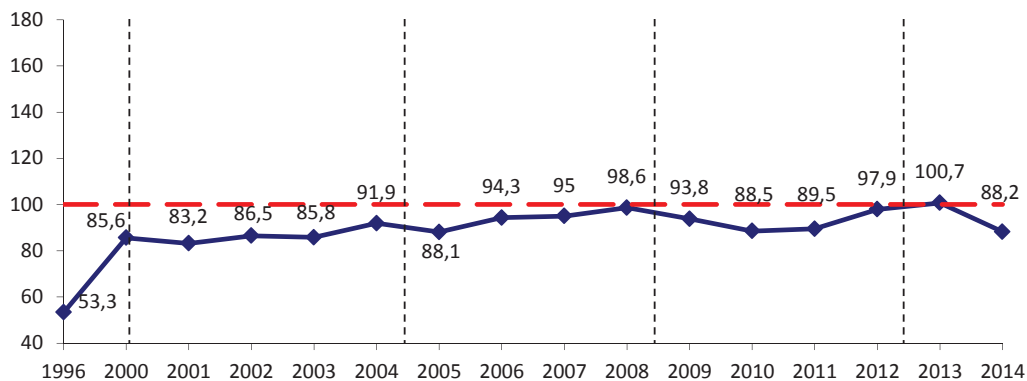
Отношение к деятельности профсоюзов

В период с 2013 по 2014 г. немного снизился индекс доверия профсоюзам (на 3 п., со 104 до 101 п.).

Отношение к деятельности директоров, руководителей предприятий

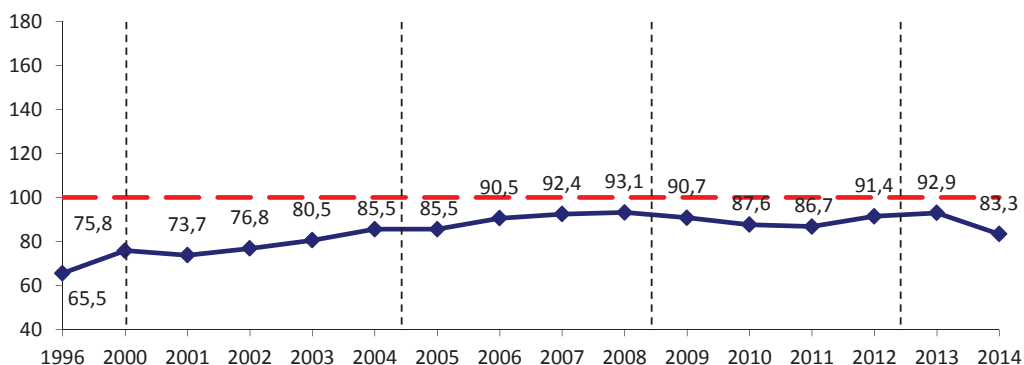
Президент РФ Б.Н. Ельцин (ноябрь 1996 – декабрь 1999)
 Президент РФ В.В. Путин (январь 2000 – апрель 2000 – и.о. Президента РФ, май 2000 – май 2004 – 1-й срок)
 Президент РФ В.В. Путин 2-й срок (май 2004 – май 2008)
 Президент РФ Д.А. Медведев (май 2008 – май 2012)
 Президент РФ В.В. Путин 3-й срок (май 2012 – н.в.)

— Индекс доверия директорам, руководителям предприятий

В 2014 г. по сравнению с 2013 г. заметно снизился индекс доверия директорам и руководителям предприятий (на 13 п., со 101 до 88 п.).

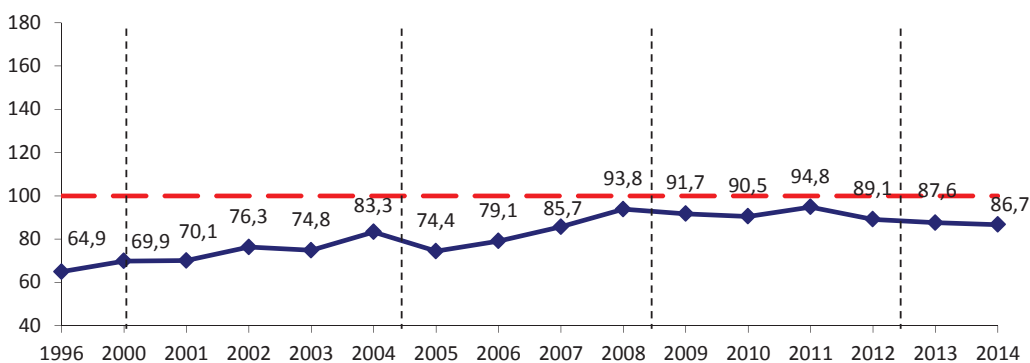
Отношение к деятельности банковских, предпринимательских кругов

— Индекс доверия банковским, предпринимательским кругам

В 2014 г. снизился индекс доверия банковским и предпринимательским кругам (на 10 п., с 93 до 83 п.).

Отношение к деятельности политических партий, движений

— Индекс доверия политическим партиям, движениям

В период с 2013 по 2014 г. уровень доверия политическим партиям и движениям изменился незначительно (87 – 88 п.).

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.2

УДК 332.1(470.12), ББК 65.04(2Рос-4Вол)

© Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Асанович В.Я.

Оценка реализации стратегии развития региона

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, tvu@vscc.ac.ru)

**Роман Юрьевич
СЕЛИМЕНКОВ**

кандидат экономических наук, заместитель заведующего отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56-а, rus_vscc@mail.ru)

**Валерий Яковлевич
АСАНОВИЧ**

доктор химических наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет (220070, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Партизанский, д. 26, asan41@gmail.com)

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме формирования эффективного механизма реализации стратегий социально-экономического развития региона. Авторами акцентировано внимание на несовершенстве системы стратегического планирования в региональной практике. Данную проблему особенно высветил мировой финансово-экономический кризис, затронувший в конце 2008 года российскую экономику. На основе анализа последствий мирового финансового

кризиса для региональной экономики обозначена значимость мониторинга как инструмента оценки реализации стратегии. Предложен авторский подход оценки реализации стратегии на основе метода динамического норматива.

Данный метод предполагает проведение оценки на основе сравнения достигнутого уровня с моделью эталонного режима (матрица доминирования) функционирования хозяйственной системы. Апробация авторской методики позволила определить эффективность реализации стратегии развития Вологодской области на тактическом и стратегическом уровнях и выявить основные проблемы социально-экономического развития.

Ключевые слова: регион, динамический норматив, матрица доминирования, стратегия, социально-экономическое развитие.

В системе регионального управления стратегическое планирование становится необходимым инструментом, позволяющим не только своевременно реагировать на все возрастающую скорость происходящих в экономике и обществе перемен и ужесточение конкуренции во всех сферах жизнедеятельности, но и формировать конкурентные преимущества. Традиционное планирование не способно справиться с этими вызовами современности. Тезис о приоритетности стратегии над тактикой в полной мере подтверждается мировой практикой. От того, насколько правильно поставлены и структурированы стратегические задачи, насколько рационально используются ресурсы для их решения и насколько последовательны планируемые мероприятия, зависит устойчивость региональной социально-экономической системы и, как следствие, благополучие населения. Следовательно, в условиях нестабильной рыночной среды региональное стратегическое планирование выступает важнейшим инструментом государственного управления территориальным развитием [14].

В настоящее время в Российской Федерации система регионального стратегического планирования начинает формироваться на новой законодательной базе: в 2009 г. утверждены Основы стратегического

планирования в Российской Федерации [13], а в 2014 г. принят Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [16].

Современная практика регионального стратегического планирования свидетельствует о положительных тенденциях в его использовании для решения социально-экономических проблем территорий, в особенности для тех регионов, которые встали на путь форсированного выхода из кризиса и структурной модернизации своего регионального хозяйства.

В то же время анализ реальной практики регионального стратегического планирования позволяет говорить о том, что она далека от совершенства. В российских регионах, как подчеркивают авторы [9], зачастую используются устаревшие методические схемы и приемы; не учитываются ключевые различия между стратегическим и традиционным долгосрочным планированием; не принимаются во внимание специфические особенности региональных систем как объектов стратегирования; стратегическое планирование не подкрепляется реальным и эффективным стратегическим управлением; практически отсутствует мониторинг эффективности реализации стратегий; слабо используются современные возможности информационных технологий и т.п.

Отсутствие действенной системы мониторинга, необходимой для оценки эффективности реализации стратегии, принятия своевременных решений по обеспечению качественных изменений ситуации и диагностики их последствий, резко снижает эффективность принимаемых стратегий.

Эту проблему особенно высветил мировой финансово-экономический кризис, затронувший в конце 2008 года российскую экономику.

Большинство регионов СЗФО не смогли оперативно адаптировать стратегии к кризисным условиям, что, в конечном счёте, привело к дестабилизации экономической ситуации, снижению инвестиционной активности, спаду промышленного и сельскохозяйственного производства [15].

Не стала исключением и Вологодская область. В 2009 г. из-за влияния кризиса в регионе наблюдалось существенное снижение темпов роста физического объёма ВРП, при этом к 2012 году докризисного уровня роста пока достичь не удалось (рис. 1).

Одной из причин сложившейся ситуации явилась моноструктура промышленного сектора, роль которого в создании валового регионального продукта области весьма значительна.

В условиях кризисного 2008 года в регионе произошёл значительный спад объёмов промышленного производства (95,3% к предыдущему году), а в 2009 г. ситуация ещё более ухудшилась (90,5%). Рост промышленного производства в регионе начал наблюдаться только в 2010 году, но в 2012 году его темпы снова замедлились (табл. 1).

Рисунок 1. Динамика темпов роста физического объёма ВРП, в % к 2000 г. [5, 8]

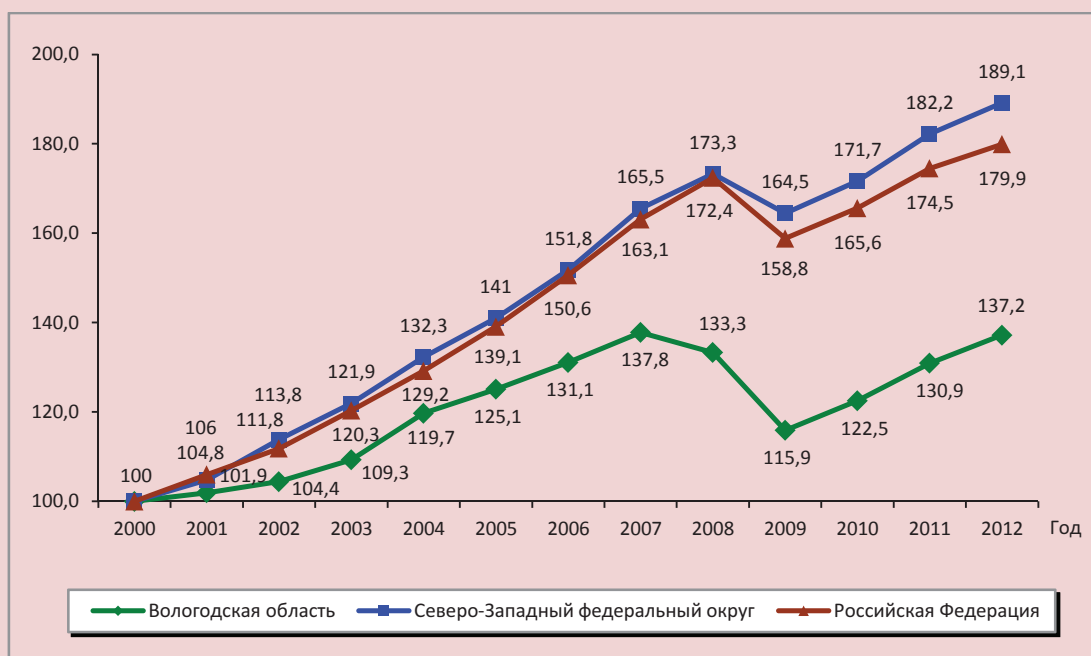

Таблица 1. Индекс промышленного производства в регионах СЗФО в 2001–2012 гг., в % к предыдущему году [5, 8]

Регион	2001 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г. к 2000 г., %
Калининградская обл.	110,1	127,4	101,8	95,3	117	118	101,9	570,5
Ленинградская обл.	104,78	108,1	101	96,9	113,8	106,2	105,7	335,8
Архангельская обл.	98,85	117,3	105,5	115,4	102,1	82,1	95,1	254,8
г. Санкт-Петербург	106,97	105,7	103,6	83,4	109,4	113,8	104,7	230,1
Новгородская обл.	104,8	108,3	102,3	87,7	113,9	110	104,4	193,6
Псковская обл.	105,2	98,7	105,1	89,6	116,9	109,8	99,6	179,8
Республика Коми	108	104,1	102,9	98,3	100,4	104,3	102,1	150,7
Вологодская обл.	96,9	106,5	95,3	90,5	111,1	104,6	101,3	148,0
Республика Карелия	98,8	118,7	97	78,5	110,2	99,4	102	146,6
Мурманская обл.	101,1	100,2	94,6	96,5	105,2	98,7	102,7	108,1
<i>СЗФО</i>	<i>103,7</i>	<i>108,5</i>	<i>100,6</i>	<i>92,6</i>	<i>108,4</i>	<i>105,5</i>	<i>102,6</i>	<i>210,4</i>

Таблица 2. Индекс сельскохозяйственного производства в регионах СЗФО в 2001–2012 гг., в % к предыдущему году [5, 8]

Регион	2001 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г. к 2000 г., %
Новгородская обл.	105,8	98,7	106,1	117,7	125,8	117,3	105	161,1
Ленинградская обл.	104,4	102	101,8	104,5	102,6	108,8	108,1	135,2
Калининградская обл.	93,5	100,5	119,8	109,9	100,1	100,1	105,3	129,4
Республика Коми	100,3	97,6	107,9	97,2	103,3	108,9	101,4	94,5
Мурманская обл.	95,5	105,5	103,5	100,7	97,7	101,8	99,9	88,3
Республика Карелия	111	97,7	104,9	96,2	99,2	99,8	94,4	79,5
Вологодская обл.	102,3	100,3	100,5	97,6	92,5	110,6	95	75,7
Псковская обл.	98,1	86,9	98,7	101,9	100,8	105,3	105,8	69,3
Архангельская обл.	94,9	93,6	96	105	97,8	107,9	100,9	65,2
<i>СЗФО</i>	<i>101,4</i>	<i>98,7</i>	<i>103,8</i>	<i>104,2</i>	<i>101,9</i>	<i>108,3</i>	<i>103,9</i>	<i>106,2</i>

Схожая ситуация наблюдалась и в сельском хозяйстве региона. При этом кризисные процессы усугубили общий спад сельскохозяйственного производства в регионе (табл. 2).

Кризисные явления также сказались на объёмах инвестиционных вложений в производство. Если в докризисный период наиболее быстрыми темпами росли инвестиции в Вологодской области по сравнению с СЗФО и РФ, то в период кризиса их падение в регионе также было более существенным. При этом докризисный уровень инвестиционных вложений был восстановлен в 2011 году (рис. 2).

Следует отметить, что о проблемах экономики Вологодской области свидетельствует и снижение бюджетной обеспеченности. Кризис, повлиявший на финансовое состояние промышленных предприятий, «подорвал» один из основных источников бюджета – поступления от налога на прибыль.

Их объём сократился более чем на 20%, а область опустилась по показателю бюджетной обеспеченности на 9-е место среди регионов СЗФО (табл. 3). При этом с 2011 г. регион стал дотационным [10].

Очевидно, что в данных условиях задачи диверсификации экономики, инновационного развития, создания развитой производственной и социальной инфраструк-

Рисунок 2. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал (в постоянных ценах; в % к 2000 году) [5, 8]

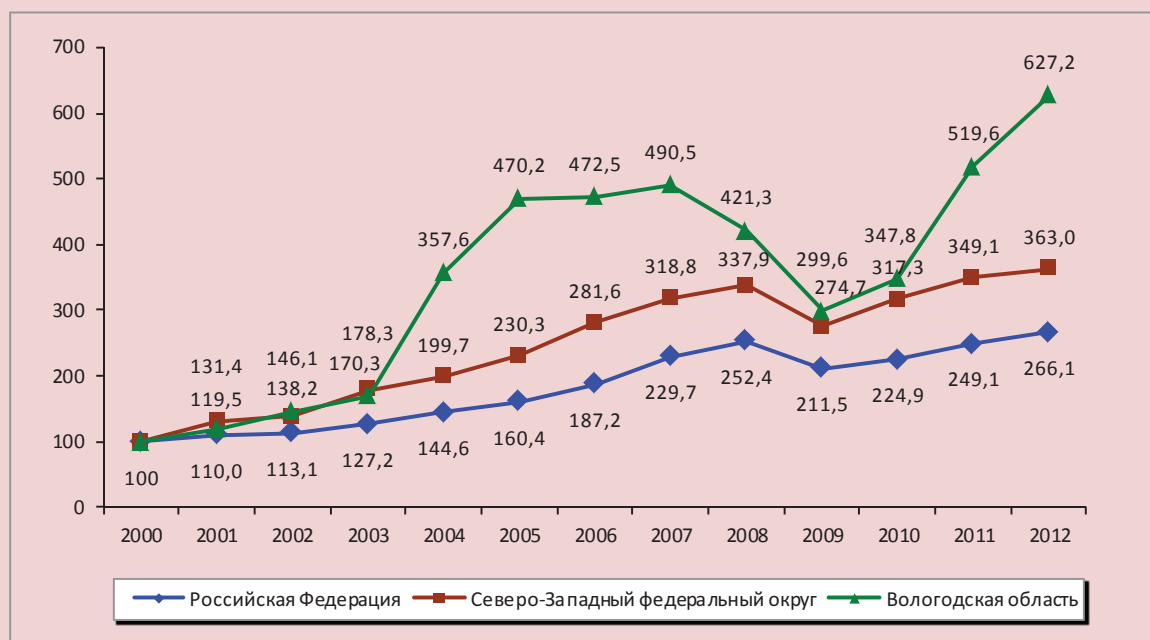

Таблица 3. Исполнение консолидированного бюджета по доходам на душу населения (тыс. руб. в текущих ценах) [5, 10]

Территория	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г. к 2000 г., раз
г. Санкт-Петербург	8,1	31,3	74,9	69,8	72,4	83,1	76,1	9,4
Мурманская обл.	9,9	24,9	45,8	47,7	55	64,4	75,8	7,7
Республика Коми	6,8	19,9	55,9	55,4	65,4	71,2	67,7	10,0
Республика Карелия	4,8	17,4	42	40,5	51,4	53	56,5	11,8
Архангельская обл.	4,7	16,7	33,7	36,9	36,4	44,4	55,1	11,7
Калининградская обл.	4,6	16,1	39,7	44,9	40,9	51,6	52,0	11,3
Ленинградская обл.	7,1	25,6	39,3	37,5	49,4	55,8	51,9	7,3
Новгородская обл.	5,6	20,3	38,8	38,2	41,7	47,9	51,3	9,2
Вологодская обл.	7,4	21,4	41,7	33,1	38,4	42,2	45,6	6,2
Псковская обл.	4,1	12,6	26	28,8	33,4	41,3	40,7	9,9
<i>СЗФО</i>	<i>5,5</i>	<i>23,1</i>	<i>53</i>	<i>50,8</i>	<i>55,8</i>	<i>63,8</i>	<i>63,5</i>	11,5
<i>РФ</i>	<i>7,3</i>	<i>21</i>	<i>43,7</i>	<i>41,8</i>	<i>45,7</i>	<i>53,5</i>	<i>56,3</i>	7,7

туры как основы для экономического роста и повышения качества жизни населения приобретают стратегическую значимость.

Поэтому реализация стратегии социально-экономического развития региона должна быть направлена на концентрацию инвестиционных ресурсов по при-

оритетным направлениям и определение «точек роста», развитие которых принесёт наибольший эффект.

В связи с этим важной методической задачей является оценка реализации стратегии. На наш взгляд, для этого может быть использован метод динамических нормативов.

Идея построения динамических нормативов впервые была высказана в работах профессора И.М. Сыроежина в концепции измерения эффективности деятельности. И.М. Сыроежин использовал идею упорядочивания показателей для моделирования эффективного режима реализации функционирования системы [12].

Режим деятельности хозяйственной системы может быть представлен некоторым набором экономических показателей. Используя ранжирование показателей по темпам роста, можно построить такой порядок, который способен выразить требования к лучшему режиму деятельности и может выступать в роли эталона. Такой порядок носит название динамического норматива.

Динамический норматив (ДН) – модель эталонного режима функционирования хозяйственной системы. Очевидно, в качестве эталонного режима может выступать и стратегия развития системы. Такой ДН может быть назван стратегическим [12]. Любой фактический порядок показателей можно сравнить с нормативным, тем самым оценив уровень реализации эталонного режима (в частности уровня реализации стратегии системы).

Обобщающая оценка уровня реализации стратегии может быть получена на основе сравнения нормативного порядка движения показателей и фактического порядка по формулам, основанным на коэффициентах ранговой корреляции Спирмена и Кендалла:

Коэффициент Спирмена учитывает отклонения по отклонениям и определяется по формуле (1).

$$R_{\text{спирм}} = 1 - \frac{6 \sum D_s^2}{n \times (n^2 - 1)}, \quad (1)$$

где D_s – разность между фактическим и оптимальным рангами;

n – количество показателей в НСП.

Коэффициент Кендалла рассчитывается на основании инверсии по формуле (2).

$$R_{\text{инв}} = \frac{4 \sum R_s}{n \times (n - 1)} - 1, \quad (2)$$

где R_s – инверсия S -го показателя.

Оценка R меняется в диапазоне от 0 до 1. Совпадение фактического и заданного в ДН порядка показателей свидетельствует о наивысшем уровне реализации стратегии системы, когда все нормативно установленные соотношения темпов роста показателей фактически выполняются, при этом $R = 1$. Фактический порядок показателей, полностью противоположный эталонному, дает оценку $R = 0$.

Необходимо отметить, что качество ДН зависит, прежде всего, от состава включенных в него показателей. Они должны удовлетворять следующим требованиям:

- список показателей должен отражать целостный характер деятельности системы;
- показатели должны быть доступны из существующей отчетности и иметь единый период наблюдения;
- в ДН желательно включать не производные, а первичные показатели;
- не следует вводить слишком большое количество показателей.

При определении перечня показателей для включения в ДН проводится их ранжирование в норматив на основе качественного анализа движения показателей либо экспертными методами, либо с помощью парного сравнения.

Средством представления ДН может служить граф предпочтений или же соответствующая ему матрица, каждый элемент которой отображает нормативное соотношение показателей. Построенную таким образом матрицу называют матрицей предпочтений или матрицей доминирования (табл. 4).

Таблица 4. Матрица доминирования реализации стратегии в регионе

Показатель	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. ВРП					1	1	1	1		
2. Доходы населения				1						
3. Доходы бюджета				1			1			
4. Розничный товароборот		-1	-1							
5. Промышленное производство	-1						1		1	
6. С/х продукция	-1									
7. Инвестиции	-1		-1		-1			1		
8. Численность населения	-1						-1			1
9. Природные ресурсы (ТЭР)					-1					
10. Численность безработных								-1		

Источник: разработано авторами на основе [12].

В данном случае элементы матрицы определяют нормативную динамику пар показателей, отражающих уровень реализации следующих целей регионального развития.

При определении динамики показателей используются базисные и цепные темпы роста (Т):

$$T_b = (x_i / x_0) \times 100\%, \quad (3)$$

где T_b – базисный темп роста;

x_i – значение показателя в i -ом периоде;

x_0 – значение показателя в базисном периоде.

$$T_c = (x_i / x_{i-1}) \times 100\%, \quad (4)$$

где T_c – цепной темп роста;

x_i – значение показателя в i -ом периоде;

x_{i-1} – значение показателя в $i-1$ -ом периоде.

Это связано с тем, что выбор «точки отсчета» при определении динамической структуры показателей влияет на результаты анализа. Применение базисных темпов роста характеризует монотонность изменения уровня реализации функции, что позволяет выявить стабильные, устойчивые закономерности и тенденции процесса

реализации региональной стратегии. Такие оценки соответствуют стратегическому уровню анализа и диагностики регионального развития (табл. 5).

Исследование реализации стратегии на тактическом уровне целесообразно осуществлять с использованием цепных темпов роста, позволяющих оценивать изменение уровня реализации стратегии между двумя смежными периодами. Цепные темпы роста характеризуют изменчивость экономической политики, определяя динамику структуры выполненных и нарушенных нормативных соотношений.

Рассмотрим последовательность и результаты анализа реализации региональной стратегии для Вологодской области в посткризисный период. В таблице 6 приведена исходная статистическая информация для анализа.

Согласно полученным результатам, эффективность реализации стратегии на тактическом уровне характеризуется средним уровнем ранговых коэффициентов корреляции. При этом их колебания за анализируемый период объясняются инверсиями подсистем региональной экономики при решении тактических задач социально-экономического развития (табл. 7).

Таблица 5. Нормативная динамика показателей и целей регионального развития

Нормативный порядок показателей	Цели регионального развития
Т (валовой региональный продукт) > Т (объем промышленного производства)	Увеличение отдачи промышленного производства
Т (валовой региональный продукт) > Т (объем с/х производства)	Увеличение отдачи с/х производства
Т (валовой региональный продукт) > Т (инвестиции в основной капитал)	Рост эффективности инвестирования
Т (валовой региональный продукт) > Т (численность населения)	Рост совокупной производительности труда
Т (численность населения) > Т (численность безработных)	Уменьшение безработицы
Т (объем промышленного производства) > Т (потребление природных ресурсов)	Снижение техногенной нагрузки на окружающую среду
Т (денежные доходы населения) > Т (объем розничного товарооборота)	Улучшение структуры потребления населения
Т (инвестиции в основной капитал) > Т (численность населения)	Увеличение объема инвестиций
Т (доходная часть бюджета региона) > Т (инвестиции в основной капитал)	Рост отдачи инвестиций
Т (объем промышленного производства) > Т (инвестиции в основной капитал)	Рост эффективности капитальных вложений
Т (доходная часть бюджета региона) > Т (объем розничного товарооборота)	Социальная ориентированность регионального бюджета.

Таблица 6. Статистические значения показателей, входящих в матрицу доминирования (на материалах Вологодской области) [5, 8, 10]

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2012 г. к 2008 г., %
Валовой региональный продукт всего, млрд. руб.	294,9	213,4	262,4	323,1	356,1	120,7
Индекс физического объема ВРП, в % к предыдущему году	96,7	87,1	105,7	106,9	104,8	103,1
Денежные доходы населения всего, млрд. руб.	178,6	177,9	204,1	225,2	262,2	146,8
Доходная часть бюджета, млрд. руб.	50,8	40,1	46,2	50,7	54,6	107,4
Численность населения, тыс. чел.	1214,0	1208,0	1201,0	1198,0	1196,0	98,5
Численность безработных, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите, тыс. чел.	12,6	24,6	16,0	11,6	9,5	75,4
Объем промышленного производства, в фактически действовавших ценах, млрд. руб.	397,2	259,9	349,8	428,0	419,6	105,6
Индексы промышленного производства, в % к предыдущему году	95,3	90,5	111,1	104,8	100,5	105,9
Продукция сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий, млрд. руб.	20,0	19,3	20,0	23,3	21,6	108,3
Индексы сельскохозяйственного производства продукции, в % к предыдущему году	100,5	97,6	92,5	110,6	95,0	94,9
Инвестиции в основной капитал, в сопоставимых ценах 2012 года, млрд. руб.	100,9	72,1	83,7	125,1	151,0	149,7
Розничный товарооборот, в фактически действовавших ценах, млрд. руб.	70,8	69,6	85,5	100,0	125,7	177,4
Индексы розничного товарооборота, в % к предыдущему году	108,5	89,4	116,3	107,6	119,7	133,9
Израсходовано топливно-энергетических ресурсов, млрд. куб м	7736,7	7111,3	6252,9	6244,4	6217,2	80,4

Таблица 7. Динамика показателей для оценки результативности региональной стратегии Вологодской области (тактический уровень)

Показатель	2009		2010		2011		2012	
	Тр (цел.)	Ранг	Тр (цел.)	Ранг	Тр (цел.)	Ранг	Тр (цел.)	Ранг
ВРП	87,1	8	105,7	6	106,9	6	104,8	5
Денежные доходы населения	99,6	2	114,7	4	110,3	3	116,5	3
Доходная часть бюджета	79,0	9	115,1	3	109,8	4	107,7	4
Розничный товарооборот	89,4	7	116,3	1	107,6	5	119,7	2
Объем промышленного производства	90,5	6	111,1	5	104,8	7	100,5	6
Продукция с/х в хозяйствах всех категорий	97,6	4	92,5	8	110,6	2	95	9
Инвестиции в основной капитал	71,5	10	116,1	2	149,4	1	120,7	1
Численность населения	99,5	3	99,4	7	99,8	9	99,8	7
Использование ТЭР	91,9	5	87,9	9	99,9	8	99,6	8
Численность безработных	195,2	1	65,0	10	72,5	10	81,9	10
R откл.		-0,39		0,59		0,48		0,58
R инв.		-0,33		0,42		0,33		0,42

Таблица 8. Динамика показателей для оценки результативности региональной стратегии Вологодской области (стратегический уровень)

Показатель	2009		2010		2011		2012	
	Тр (баз.)	Ранг	Тр (баз.)	Ранг	Тр (баз.)	Ранг	Тр (баз.)	Ранг
ВРП	87,1	8	92,1	6	98,4	8	103,1	6
Денежные доходы населения	99,6	2	114,3	2	126,1	1	146,8	2
Доходная часть бюджета	79,0	9	90,9	7	99,7	6	107,4	4
Розничный товарооборот	89,4	7	104,0	3	111,9	3	133,9	3
Объем промышленного производства	90,5	6	100,5	4	105,4	4	105,9	5
Продукция с/х в хозяйствах всех категорий	97,6	4	90,3	8	99,8	5	94,9	8
Инвестиции в основной капитал	71,5	10	83,0	9	124,0	2	149,7	1
Численность населения	99,5	3	98,9	5	98,7	7	98,5	7
Использование ТЭР	91,9	5	80,8	10	80,7	10	80,4	9
Численность безработных	195,2	1	127,0	1	92,1	9	75,4	10
R откл.		-0,39		0,14		0,45		0,59
R инв.		-0,33		0,20		0,33		0,47

Источник: разработано авторами.

Эффективность реализации стратегии на стратегическом уровне имеет выраженную тенденцию роста (табл. 8). Коэффициент ранговой корреляции Спирмена в 2012 году составил 0,59, что выше уровня 2009 года на 0,98 пункта.

Положительная динамика эффективности реализации стратегии свидетельствует о том, что решение тактических задач в целом направлено на достижения стратегических целей социально-экономического развития экономики региона.

На основе анализа уровня реализации стратегии определим, за счет каких положительных и отрицательных тенденций сложилась данная оценка. Для этого построим матрицу доминирования реализации стратегии (табл. 9).

Сравнение фактического порядка матрицы с нормативным позволило выявить проблемы реализации стратегии социально-экономического развития региона (табл. 10).

Таким образом, учитывая выявленные проблемы социально-экономического развития региона, главной стратегической целью при выборе направлений развития Вологодской области, на наш взгляд, долж-

на быть инновационная направленность развития экономики, более действенный механизм привлечения инвестиций и реализации эффективных инвестиционных проектов, и на этой основе повышение уровня конкурентоспособности экономики, включая структурную перестройку, технико-технологическое перевооружение и реструктуризацию промышленного производства.

На наш взгляд, вывод В.Е. Селиверстова [9] о необходимости развития научных и методологических основ регионального стратегического планирования, выработки рекомендаций по усилению его системности, информационной обеспеченности,

Таблица 9. Матрица доминирования реализации стратегии (стратегический уровень)

Показатель	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. ВРП					-1	1	-1	1		
2. Доходы населения				1						
3. Доходы бюджета				-1			-1			
4. Розничный товарооборот		-1	1							
5. Промышленное производство	1						-1		1	
6. С/х продукция	-1									
7. Инвестиции	1		1		1			1		
8. Численность населения	-1						-1			1
9. Природные ресурсы (ТЭР)					-1					
10. Численность безработных								-1		

Таблица 10. Анализ проблем развития региона

Нормативный порядок показателей	Фактический порядок показателей	Стратегические проблемы
$T(\text{валовой региональный продукт}) > T(\text{объем промышленного производства})$	$T(\text{валовой региональный продукт}) < T(\text{объем промышленного производства})$	Снижение отдачи промышленного производства в регионе
$T(\text{валовой региональный продукт}) > T(\text{инвестиций})$	$T(\text{валовой региональный продукт}) < T(\text{инвестиций})$	Снижение эффективности инвестирования в экономику региона
$T(\text{доходы бюджета}) > T(\text{розничный товарооборот})$	$T(\text{доходы бюджета}) < T(\text{розничный товарооборот})$	Снижение социальной ориентированности регионального бюджета
$T(\text{доходы бюджета}) > T(\text{инвестиции})$	$T(\text{доходы бюджета}) < T(\text{инвестиции})$	Снижение отдачи инвестиций в экономике региона
$T(\text{объем промышленного производства}) > T(\text{инвестиции})$	$T(\text{объем промышленного производства}) < T(\text{инвестиции})$	Снижение эффективности капитальных вложений

по укреплению институционального, правового и организационного сопровождения, расширения арсенала методов экономико-математического моделирования при прогнозировании перспектив развития и оценки эффективности реализации региональных стратегий не теряет своей актуальности. Представленный в статье метод построения моделей динамического норматива обеспечивает

системность решения проблемы анализа и диагностики реализации стратегии развития региона. Его основная концепция связана с формированием интегральной оценки функционирования системы, которая отражает ее конечную результативность и включает в себя динамические характеристики факторов, в совокупности описывающие различные стороны ее деятельности.

Литература

1. Аналитическая оценка и прогнозирование экономической и социальной эффективности регионального развития // Экономический анализ: теория и практика. – 2006. – № 6 (63). – С. 22-27.
2. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики / А.Г. Гранберг. – М., 2004. – 495 с.
3. Гринберг, Р.С. Информационные технологии моделирования процессов управления экономикой: учеб. пособие для студентов вузов / Р.С. Гринберг, В.М. Шестаков. – М.: ЮНИТИ, 2003. – 399 с.
4. Кульба, В.В. Методы формирования сценариев развития социально-экономических систем / В.В. Кульба, Д.А. Кононов, С.А. Косяченко, А.В. Шубин. – М.: СИНТЕГ, 2004. – 296 с.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
6. Прогнозирование экономического потенциала регионов // Экономика и математические методы. – 2006. – Т. 42. – № 1. – С. 32-50.
7. Региональные проблемы развития инфраструктуры и межотраслевых производств / под ред. Л.В. Козловской. – Минск: Наука и техника, 1985. – 246 с.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 990.
9. Селиверстов, В.Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике / В.Е. Селиверстов. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. – 436 с.
10. Статистический ежегодник Вологодской области 2013: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 373 с.
11. Соколов, Д.В. Стратегия регионального развития: формирование и управление / Д.В. Соколов, М.С. Мотышина. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 153 с.
12. Сыроежин, И.М. Совершенство системы показателей эффективности и качества / И.М. Сыроежин. – М.: Экономика, 1980. – 192 с.
13. Указ президента «Об основах стратегического планирования в РФ». – Режим доступа: <http://lj.rossia.org/users/anticomproamat/587675.html>
14. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст]: монография / Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
15. Ускова, Т.В. К вопросу о формировании институтов развития в регионе / Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 2. – С. 18.
16. Федеральный закон Российской Федерации «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>

Uskova T.V., Selimenkov R.Yu., Asanovich V.Ya.

Assessment of the regional development strategy implementation

Tamara Vital'evna Uskova – Doctor of Economics, Deputy Director for Science, Head of the Department, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, tvu@vscc.ac.ru)

Roman Yur'evich Selimenkov – Ph.D. in Economics, Deputy Head of the Department, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, rus_vscc@mail.ru)

Valerii Yakovlevich Asanovich – Doctor of Chemistry, Professor, Belarus State Economic University (26, Partizansky Avenue, Minsk, 220070, Republic of Belarus, asan41@gmail.com)

Abstract. The article considers the issue concerning the formation of an effective mechanism to implement the strategies for socio-economic development in the region. The authors focus on the imperfection of the regional strategic planning system. This problem has become critical in the time of the global financial and economic crisis at the end of 2008. The article indicates the importance of monitoring as a tool to assess the implementation of the strategy on the basis of analyzed consequences of the global financial crisis for the regional economy. The authors present their own approach to estimating the strategy implementation according to the dynamic normal method. The method presupposes that it is possible to carry out the assessment on the basis of comparison of the achieved level with the reference model (matrix of domination) of the economic system functioning. Testing of the authors' method has helped assess the implementation of the strategy for the Vologda Oblast development at the tactical and strategic level and identify the main problems of socio-economic development.

Key words: region, dynamic normal, matrix of domination, strategy, socio-economic development

References

1. Analiticheskaya otsenka i prognozirovaniye ekonomicheskoi i sotsial'noi effektivnosti regional'nogo razvitiya [Analytical Assessment and Forecasting of Economic and Social Efficiency of Regional Development]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Financial Analytics: Science and Experience], 2006, no. 6 (63), pp. 22-27.
2. Granberg A.G. *Osnovy regional'noi ekonomiki* [Foundations of the Regional Economy]. Moscow, 2004. 495 p.
3. Grinberg A.S., Shestakov V.M. *Informatsionnye tekhnologii modelirovaniya protsessov upravleniya ekonomikoi: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [Information Technologies to Simulate Economic Management Processes: Manual for Graduate Students]. Moscow: YuNITI, 2003. 399 p.
4. Kul'ba V.V., Kononov D.A., Kosyachenko S.A., Shubin A.V. *Metody formirovaniya stsenariyev razvitiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem* [Methods of Formation of Scenarios to Develop Socio-Economic Systems]. Moscow: SINTEG, 2004. 296 p.
5. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official Web-Site of the Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru>
6. Prognozirovaniye ekonomicheskogo potentsiala regionov [Forecasting Economic Potential of the Regions]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods], 2006, vol. 42, no.1, pp. 32-50.
7. *Regional'nye problemy razvitiya infrastruktury i mezhotraslevykh proizvodstv* [Regional Problems of Infrastructure Development and Cross-Sectoral Production]. Under editorship of L.V. Kozlovskaya. Minsk: Nauka i tekhnika, 1985. 246 p.
8. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2013: stat. sb. [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2013: Statistics Digest]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Moscow, 2013, p. 990.

9. Seliverstov V.E. *Regional'noe strategicheskoe planirovanie: ot metodologii k praktike* [Regional Strategic Planning: from Methodology to Practice]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2013. 436 p.
10. *Statisticheskii ezhegodnik Vologodskoi oblasti 2013: stat. sb.* [Statistical Yearbook of the Vologda Oblast 2013: Statistics Digest]. Vologdastat [Regional Office of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast]. Vologda, 2013. 373 p.
11. Sokolov D.V., Motyshina M.S. *Strategiya regional'nogo razvitiya: formirovanie i upravlenie* [Strategy for Regional Development: Formation and Management]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGUEF, 2002. 153 p.
12. Syroezhin I.M. *Sovershenstvo sistemy pokazatelei effektivnosti i kachestva* [Perfection of the System of Efficiency and Quality Indicators]. Moscow: Ekonomika, 1980. 192 p.
13. *Ukaz prezidenta "Ob osnovakh strategicheskogo planirovaniya v RF"* [Decree of the President "On the Basics of Strategic Planning in the Russian Federation"]. Available at: <http://lj.rossia.org/users/anticompromat/587675.html>
14. Uskova T.V. *Upravlenie ustoichivym razvitiem regiona: monografiya* [Management of Sustainable Development of the Region: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2009. 355 p.
15. Uskova T.V., Selimenkov R.Yu. K voprosu o formirovanii institutov razvitiya v regione [On the Issue of Formation of Development Institutions in the Region]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 2, p. 18.
16. *Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii "O strategicheskoy planirovani v Rossiiskoi Federatsii" ot 28 iyunya 2014 g. № 172-FZ* [Federal Law of the Russian Federation "On Strategic Planning in the Russian Federation" of June 28, 2014 no. 172-FZ]. Available at: <http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>

Малое предпринимательство в России: повседневные проблемы и трудности развития

**Полина Михайловна
КОЗЫРЕВА**

доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии РАН, директор Центра лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ (117218, г. Москва, ул. Кржижановского д. 24/35, корп. 5, pkozyreva@isras.ru)

Аннотация. В статье на основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) рассматриваются актуальные проблемы деятельности и особенности социального самочувствия предпринимателей, занятых в сфере малого бизнеса, – руководителей микропредприятий и индивидуальных предпринимателей как одной из наименее защищенных профессиональных групп, сталкивающихся с большими трудностями при организации своей деятельности. Анализ убеждает, что многочисленные проблемы, затрудняющие их профессиональную деятельность и длительное время не находящие позитивного решения, влекут за собой снижение уровня предпринимательской активности населения, заметно ухудшают социальное самочувствие предпринимателей и вынуждают многих из них менять профессиональные и жизненные планы. Исследование выявило сложность, нечеткость социального самочувствия предпринимателей, занимающихся малым бизнесом, как следствие противоречивости условий жизни и труда, неоднородности данной категории занятых. Они чаще чувствуют себя счастливыми, чем наемные работники. Но, при сравнительно высоком уровне удовлетворенности своей работой, отдельными ее сторонами и жизнью в целом, повышенных самооценках профессионального мастерства, малые предприниматели менее других категорий занятых обеспокоены невысоким престижем своего труда и отсутствием широких властных полномочий, с осторожностью выстраивают взаимоотношения с другими людьми и отличаются сравнительно низким уровнем законопослушности. Доказывается, что одним из условий успешного функционирования и развития малого предпринимательства является сбалансированное сочетание предпринимательской активности, инициативы и эффективного государственного управления.

Вместе с тем сегодня предпринимательские способности, которые должны стать главным драйвером новой российской экономики, используются крайне неэффективно, о чем свидетельствует аномально низкий уровень предпринимательской активности граждан. И всего лишь около половины из тех, кто предполагает открыть собственное дело, организовать свое предприятие, добиваются успеха. Только малая их часть демонстрирует четко выраженное стремление осваивать новые знания и технологии, другие сферы приложения труда.

Ключевые слова: малое предпринимательство, социальное самочувствие, социальная адаптация, государственная поддержка, конкуренция.

Постоянные и глубокие изменения социально-экономической ситуации в России сопровождаются значительными переменами в социальном положении различных профессиональных групп.

Специфическим образом социально-экономические процессы сказываются на положении и условиях жизнедеятельности предпринимателей, занятых в сфере малого бизнеса, порождая многочисленные социальные, социально-психологические и сугубо психологические проблемы, игнорирование которых усложняет дальнейшие преобразования.

Положение этой категории предпринимателей, как и любой другой социальной группы, во многом зависит от того, насколько «обществу объективно необходимы те социальные функции, которые группа выполняет, а также от субъективных оценок пользы деятельности этой группы представителями других социальных групп и властных структур»¹.

Индикатором того, насколько успешным является процесс адаптации к происходящим переменам для самого адаптанта, в какой степени его устраивает собственное положение, достигнутый уровень благополучия, является социальное самочувствие.

¹ Мансуров В.А. Вместо введения. Исследование профессиональных групп российской интеллигенции: ситуация, методология и методика // Профессиональные группы интеллигенции / отв. ред. В.А. Мансуров. — М: Изд-во Института социологии РАН, 2003. — С. 8.

Социальное самочувствие выступает в качестве важнейшего показателя степени адаптированности, «базовым элементом, свидетельствующим об определенных достижениях» в конкретной ситуации². Оно характеризует общее внутреннее состояние индивида и социальной группы, которое формируется в повседневной жизни, и включает их отношение к окружающей действительности, оценку условий жизнедеятельности и жизненных перспектив, своего положения в обществе, степень удовлетворенности жизнью. С позитивными или негативными оценками своей жизни в целом и различных ее сторон во многом связаны различия в социальном самочувствии.

В данной статье мы сконцентрировали внимание на анализе основных проблем деятельности, особенностей положения и социального самочувствия предпринимателей, представляющих самые простые формы организации предпринимательской деятельности — руководителей микропредприятий (средняя численность работников за предшествующий год — до 15 человек) и индивидуальных предпринимателей, которые согласно Федеральному закону «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ относятся к субъектам малого и среднего предпринимательства.

² Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Две модели адаптации к социальным изменениям // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. — М.: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. — С. 610.

Исследование выявляет некоторые тенденции и факторы адаптации предпринимателей, занимающихся малым бизнесом, к меняющейся социально-экономической ситуации, особенности их поведения на рынке труда.

Анализ опирается на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) за 2012 год³.

Малое предпринимательство, включающее индивидуальные, семейные и мелкие предпринимательские инициативы, играет огромную роль в развитии региональных рынков и экономики страны в целом. Во многом эта роль определяется такими преимуществами малого предпринимательства, как достаточно высокая независимость и самостоятельность действий, мобильность, гибкость и экономичность, способность быстро принимать и выполнять решения, высокая восприимчивость к разного рода новшествам, узкая специализация и оперативность реагирования на изменения местных условий. На него распространяются облегченные процедуры создания и ликвидации бизнеса, порядок принятия решений, упрощенная система налогообложения, учета и отчетности. По причине недостаточной насыщенности российского рынка услуг востребованной сегодня может оказаться любая предпринимательская инициатива, что способствует обеспечению довольно высокой доходности малого бизнеса.

Огромное значение имеет и то, что основными сферами деятельности малого предпринимательства являются наиболее

чувствительные для каждого человека области повседневной жизни, связанные с жизнеобеспечением. Так, среди наших респондентов 52,8% были заняты в торговле и бытовом обслуживании; 13,2% – в транспорте; 11,7% – в строительной отрасли; 4,2% – в сельском хозяйстве. Этот сегмент предпринимательства образует наиболее разветвленную сеть предприятий, работающих на массового потребителя, удовлетворяя самые разнообразные и насущные запросы населения.

То, что основная масса малых предпринимателей устремляется в сферы торговли и бытового обслуживания объясняется также тем, что здесь требуется сравнительно меньше средств, чтобы открыть и развивать свое дело, а также отсутствием предельно жесткой конкуренции, которая присутствует на более высоких этажах бизнеса. От остальных занятых эти предприниматели мало отличаются по уровню образования: среди них оказалось 32,2% лиц с высшим образованием; 25,5% окончили техникум; 42,3% – профтехучилище и среднюю школу. Подавляющее большинство респондентов (97,3%) сами создали свое дело, и лишь немногим помогли родственники или друзья.

Малое предпринимательство тесно связано с развитием самозанятости, представляющей собой крайне неоднородное явление. Согласно наиболее общей точке зрения, которая отражена в рекомендациях Международной организации труда, самозанятость включает работодателей, использующих наемный труд; индивидуальных предпринимателей (self-account self-employed), работающих индивидуально или с привлечением неоплачиваемого труда членов своих семей; членов производственных кооперативов; неоплачиваемых работников семейных предприятий

³ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» проводится НИУ ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Российской академии наук (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/org/hse/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>).

(помогающие индивидуальным предпринимателям члены их семей)⁴. Методологическое положение по статистике Росстата помимо перечисленных категорий относит к самозанятым лиц, занятых производством в домашнем хозяйстве товаров и услуг, предназначенных для продажи⁵. Но есть и другие точки зрения. Согласно одной из них самозанятость включает формальную самозанятость (малые предприятия, микропредприятия, индивидуальные предприниматели, крестьянские/фермерские хозяйства) и неформальную самозанятость (сельское и городское подсобное хозяйство – ЛПХ, собирательство и др.)⁶.

В категорию самозанятых попадают не только способные и активные предприниматели, добровольно выбравшие этот род деятельности⁷. Очень часто она носит вынужденный характер, являясь одним из способов выживания в условиях сложной экономической ситуации, и не ориентирована на высокие доходы. В настоящее время самозанятость рассматривается в качестве одного из способов снижения безработицы и важного направления решения острых социально-экономических проблем населения. В России уже несколько лет реализуются программы самозанятости населения, которые разрабатываются отдельно по каждому региону. В связи с этим в качестве важнейшей социальной функции малого предпринимательства выделяется его способность поглощать в больших объемах незанятую рабочую силу, снижая тем самым безработицу и социальную напряженность.

⁴ Обзор занятости в России. – Вып. 1 (1991–2000 гг.). – М.: ТЕИС, 2002. – С. 70.

⁵ Методологические положения по статистике. Вып. 1. – М.: Госкомстат России, 1996.

⁶ Абрамова Е.А. Самозанятость населения как ступень подъема экономики в период преодоления кризиса // Приложение к журналу «Современные наукоемкие технологии». – 2010. – № 1. – С. 5–11.

⁷ Аистов А.И. О развитии некоторых форм самозанятости в России в 1994–2002 годах // Экономический журнал ВШЭ. – 2005. – Т. 9. – № 2. – С. 185–215.

Несмотря на свою значимость и определенные преимущества, малый бизнес в России постоянно сталкивается с большими трудностями, сдерживающими его развитие. Речь идет, прежде всего, об отсутствии эффективных механизмов поддержки предпринимательства со стороны государства, частых изменениях условий хозяйственной деятельности, ограниченности всевозможных ресурсов, высоком уровне риска и постоянном давлении крупных компаний, которые обуславливают высокую неустойчивость положения на рынке и препятствуют интенсивному развитию деловой активности. Негативные последствия для расширения любых форм предпринимательской деятельности имеют высокий монополизм на рынке и избыточное участие государства не только в бизнесе, но и в других сферах жизни общества.

За период так называемого восстановительного экономического роста, сопровождающегося повышением адаптационных возможностей населения, усилением роли активных адаптационных практик в формировании и реализации жизненных стратегий, заметно увеличилось количество граждан, предпочитающих опираться на собственные силы, не перекладывать ответственность за происходящее с ними на других людей и различные внешние обстоятельства. Эти люди не теряют оптимизма даже в сложных ситуациях и стараются строить свои адаптационные стратегии, ориентируясь на повышение благополучия своих семей. Часть из них довольно успешно приспособились к изменившимся социально-экономическим условиям и продвинулись на более высокие социальные позиции.

Вместе с тем большинство россиян, как и прежде, отличаются невысокими социальными амбициями, заражены патернализмом. Многие люди среднего и старшего возраста, разуверившись в способности

добиться жизненного успеха, снижают планку своих притязаний и ведут скромную жизнь, которая не позволяет в полной мере реализовать их возможности. Поскольку связь между карьерой и благополучием зачастую оказывается слабой, желание заработать и получить гарантированное место работы у них превалирует над карьерными устремлениями. Очень многие предпочитают быть наемными работниками со стабильной зарплатой, пользоваться социальными пособиями и льготами, получать бесплатное образование и медицинские услуги. Доминирующей сегодня является субкультура, представители которой избегают трудноразрешимых целей, снижая планку жизненных притязаний, т.е. выбирают «стратегию избегания»⁸. Даже среди молодых людей чрезвычайно много тех, кто отдадут предпочтение не рискам и высокой ответственности предпринимательства, частной инициативе, а спокойной, неторопливой и стабильной карьере обычного чиновника, финансиста, экономиста или адвоката⁹.

Результаты разных исследований показывают, что россияне отличаются высоким уровнем пессимизма в оценке условий для развития предпринимательства, а также низким уровнем предпринимательской активности. По данным ВЦИОМ, если в 2009 г. 44% опрошенных граждан оценивали условия для бизнеса в своем городе, поселке или селе как очень плохие или плохие, то в 2013 г. — уже 55%. Наиболее критично настроены жители небольших провинциальных городов, сел и деревень, где доля пессимистов достигает 62%¹⁰.

⁸ Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. — М.: Альфа-М, 2009. — С. 12.

⁹ Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. — М.: Институт социологии РАН, 2007. — С. 12-14.

¹⁰ Антоненц О. Бизнес-иллюзии // РБК. — 2014. — № 1. — С. 33.

Облегчения некоторых бюрократических процедур, предпринятого в последние годы, оказывается явно недостаточно для того, чтобы заметно улучшить бизнес-климат в стране и повысить деловую активность. Так, согласно данным «Глобального мониторинга предпринимательства» (Global Entrepreneurship Monitor, GEM), в 2012 г. всего лишь около 7% населения России были вовлечены в предпринимательскую деятельность. И только 3,8% россиян предполагали открыть собственное дело в ближайшие три года, тогда как в странах БРИКС данный показатель составлял в среднем около 21%, а в странах Восточной Европы — свыше 24%. Около половины россиян, имеющих предпринимательские намерения, составили действующие предприниматели, планирующие открыть новый бизнес. Следовательно, на долю потенциальных новичков пришлось около 2%, что явилось самым низким показателем среди всех стран, участвующих в международном исследовании начиная с 2006 года¹¹. Что касается молодых людей, намерения которых определяют контуры будущего, то, согласно данным Института социологии РАН, среди граждан в возрасте от 18 до 30 лет доля лиц, планирующих открыть свое дело, даже в сравнительно благополучные годы не превышала 5%¹².

Далеко не все люди, предполагающие заняться предпринимательской деятельностью, достигают успеха на этом поприще. Так, по данным RLMS-HSE, из всех респондентов, опрошенных в 2012 г., примерно каждый десятый когда-нибудь пытался организовать собственное предприятие, начать свое собственное дело.

¹¹ Объявлены результаты исследования «Глобальный мониторинг предпринимательства» 2012. — URL: http://www.gsom.spbu.ru/all_news/obyavleny_rezultaty_issledovaniya_globalnyj_monitoring_predprinimatelstva_2012

¹² Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. — М.: ЦСПиМ, 2010. — С. 186-187.

Но в итоге сумели преодолеть все трудности и осуществить задуманное только 4,7% опрошенных, т.е. около половины тех, кто пытался заняться предпринимательской деятельностью. Полностью самостоятельно, без посторонней помощи, справились с этой задачей примерно 55% респондентов, тогда как остальные прибегали к помощи родственников, друзей и знакомых.

Наиболее активны сегодня в организации предпринимательской деятельности мужчины и женщины в возрасте 25–35 лет. Однако чаще всего эта активность вознаграждается в более зрелом возрасте. Возможно, это связано с тем, что часть людей зрелого возраста обладают более высоким адаптивным потенциалом и ресурсами, чем молодежь, в силу более глубоких знаний, богатого жизненного опыта, широкого круга друзей и знакомых.

Важным фактором, определяющим успех начала предпринимательской деятельности, выступает образование. Среди тех, кто организовал свое дело, оказалось намного больше людей с высшим образованием, чем среди тех, кто никогда не пытался заниматься предпринимательством или пытался, но не смог добиться успеха. Другие исследователи обращают внимание как на позитивный факт на наличие высокой доли так называемых «добровольных» предпринимателей, нацеленных на самореализацию (до 42%), в противовес 27% «вынужденных», т.е. тем, кто остался без работы и от безысходности решил заняться малым бизнесом¹³. Как показывает практика, «вынужденные» предприниматели гораздо реже добиваются успеха в бизнесе, чем те, кто решает заниматься этим делом более осознанно.

¹³ Куликов С. Отечественный бизнес придушили чиновники // Независимая газета. — 2012. — 24 января.

В силу указанных и некоторых других обстоятельств вклад малого и среднего предпринимательства в ВВП страны остается довольно скромным — не превышающим 21%. Между тем в Бразилии он достигает 30%, в Испании, Греции и Норвегии — около 65–75%¹⁴. Существенное отставание в величине данного показателя наблюдается и в большинстве других европейских стран. В целом в государствах БРИКС предприниматели создают около 42% ВВП, а в Евросоюзе — до 58%.

Отталкиваясь от своего опыта и опыта своих товарищей по бизнесу, многие предприниматели крайне пессимистично оценивают перспективы позитивных изменений в условиях для развития предпринимательства в ближайшее время. В этом убеждает их, в частности, неснижающийся поток злоупотреблений чиновников своими полномочиями, необоснованность проверок и многочисленные нарушения в ходе их проведения, огромные масштабы всевозможных штрафов и «неофициальных поборов». Для значительной части предпринимателей суммы штрафов оказываются настолько большими, что вынуждают их работать нелегально или вести «черную» бухгалтерию. К этому следует добавить, что только за последние пять лет в России были осуждены около 240 тыс. бизнесменов. Получается, что государство, принимая масштабные программы по поддержке малого предпринимательства, одновременно применяет к нему требования, отбивающие желание заниматься бизнесом.

В качестве примера можно привести двукратное повышение страховых взносов в России с 1 января 2013 г., результатом которого стало прекращение работы за год реализации новых мер тарифной политики

¹⁴ «ОПОРА России»: предпринимательская активность в стране остается низкой. — URL: <http://www.creditforbusiness.ru/news/24757/>

почти 500 тыс. индивидуальных предпринимателей, что составило более 11% от общего числа всех зарегистрированных в России предпринимателей данной категории. Часть из них ушла «в тень». Все это вынудило власти пересмотреть принятое решение и ввести в 2014 г. дифференцированный подход к расчету страховых платежей. Подобные резкие изменения законодательства, как и отсутствие прозрачных, простых налоговых правил предпринимательской деятельности в целом, негативно сказываются на экономике, снижая активность малого и среднего бизнеса и способствуя расширению теневого сектора экономики, оставляя не у дел многих более или менее успешных предпринимателей и превращая их в неудачников.

Еще одной важной и хорошо известной специалистам и самим предпринимателям проблемой является отсутствие надежной финансовой поддержки малого бизнеса в регионах. По данным общероссийской организации малого бизнеса «ОПОРА России», только около 21% представителей малого предпринимательства могут рассчитывать на получение финансовой поддержки при реализации своих стартовых проектов. И лишь в каждом четвертом муниципальном образовании созданы какие-либо организации финансовой поддержки малого бизнеса.

Крайне негативно сказывается на развитии малого предпринимательства низкое качество правосудия, генерирующее дополнительные угрозы не только для бизнеса, но и для всех других участников рынка.

По словам Председателя Конституционного Суда В.Д. Зорькина, судебная система отягощена такими язвами, как коррупция, кумовство, несовершенство правовой системы. В качестве одного из аргументов, подтверждающих этот тезис, он приводит данные исследования, согласно которым 45% предпринимателей

в последние годы сталкивались с нарушением их прав со стороны органов власти и лишь 8% — с проблемами со стороны криминалитета¹⁵. Неслучайно малые предприниматели отличаются очень высоким уровнем недоверия к судебной системе. Среди наших респондентов доля лиц, с недоверием относящихся к судам, составила 46%, тогда как доверие выразили только 18%. Более 53% опрошенных предпринимателей уверены в коррумпированности судей, и только 13% верят в их честность и неподкупность (среди всех занятых — соответственно 44,1 и 18,4%).

В силу этих обстоятельств, а также некоторых особенностей образа жизни предприниматели, занятые в сфере малого бизнеса, характеризуются пониженным уровнем законопослушности. В ходе опроса 49,3% наших респондентов-предпринимателей согласились с тем, что в России нельзя жить, не нарушая законы (*таблица*). И это на 7,5 процентных пункта больше, чем среди всех занятых. Около трети опрошенных предпринимателей (32,3%) в той или иной степени согласились с утверждением «Если высшие государственные или политические деятели не соблюдают законы, то и простые люди могут не соблюдать законы». И почти четверть респондентов (23,4%) выразила мнение, что если человек считает закон несправедливым, он имеет право «обойти его».

Отсутствие надежной и эффективной судебной системы, защиты прав собственности, чрезмерное вмешательство правоохранительных органов в предпринимательскую деятельность вкупе с высокими налогами и всевозможными бюрократическими препонами выступают факторами,

¹⁵ Зорькин В.Д. Освободительные реформы и правовая модернизация России: доклад на научно-практической конференции «Великие реформы и модернизация России», Санкт-Петербург, 3 марта 2011 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://isknaisk.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2817&Itemid=31

Оценка суждений, характеризующих отношение респондентов к необходимости соблюдения закона (в % от числа опрошенных)

Суждения	Занятые в целом		Занятые малым предпринимательством	
	Согласны	Не согласны	Согласны	Не согласны
Если человек считает закон несправедливым, он имеет право «обойти его»	19,7	59,8	23,4	59,0
В России нельзя жить, не нарушая законы	41,8	30,4	49,3	28,8
Если высшие государственные или политические деятели не соблюдают законы, то и простые люди могут не соблюдать законы	28,0	49,8	32,3	50,6

сдерживающими развитие действующего бизнеса и препятствующими развитию предпринимательской активности. Этим можно объяснить тот факт, что опрошенные предприниматели чаще, чем другие занятые, указывают на важность создания действительно справедливых и независимых судов, обеспечения законности и порядка в стране. Предприниматели хотят жить и работать в понятных и стабильных условиях, а низкий уровень их законопослушности зачастую является вынужденным, обусловленным тем, что приходится постоянно сталкиваться с криминальной средой, произволом и взяточничеством чиновников и полиции.

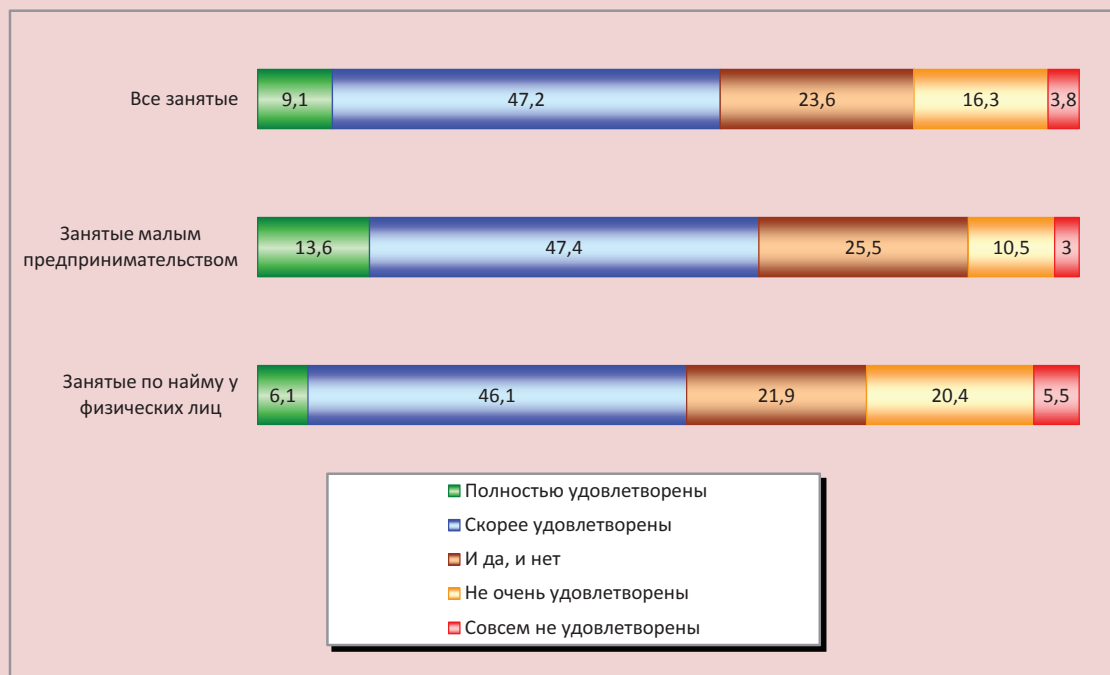
Исследование выявляет неоднозначность социального самочувствия предпринимателей, занимающихся малым бизнесом, как следствие противоречивости условий жизни и неоднородности данной категории занятых. Опора на свои силы и возможности, адаптация к изменившимся социально-экономическим условиям позволяют им оценивать свое самочувствие выше по сравнению с другими людьми.

Как следует из *рисунка 1*, среди представителей малого бизнеса больше, чем среди занятых в целом, доля лиц, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью (61% против 56,3%), и почти в полтора раза меньше тех, кто недоволен своим существованием (13,5% против 20,1%). Обращает на себя внимание и заметное преобладание по данному показателю лиц, занимающихся малым предпринимательством, над занятыми по найму вне предприятий (у физических лиц), значительная доля которых связана с неформальным сектором. Среди различных профессиональных групп более высоким уровнем социального самочувствия отличаются только руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, а также специалисты высшего уровня квалификации.

Оценивая достигнутый уровень благополучия с учетом конкретных жизненных обстоятельств, то, как складывается жизнь в целом, насколько она удачна или неудачна, в какой мере она состоялась, свыше половины опрошенных предпринимателей отнесли себя к очень счастливым и довольно счастливым людям (соответственно 21,5 и 32,5%). Кроме того, 37,1% респондентов указали, что они скорее счастливы, чем не счастливы, а доля тех, кто не очень счастлив или совсем несчастлив, составила только 8,9%. Ощущение счастья как состояние наивысшей внутренней удовлетворенности условиями своего существования не исключает даже у самых счастливых людей временного недовольства отдельными сторонами жизни, в том числе отношениями в семье, в коллективе, теми или иными аспектами или сторонами трудовой деятельности, состоянием здоровья и др. Неслучайно каждый пятый из числа респондентов, считающих себя счастливыми, не смог с уверенностью указать, что удовлетворен своей жизнью в целом.

Оценивая достигнутый уровень благополучия с учетом конкретных жизненных обстоятельств, то, как складывается жизнь в целом, насколько она удачна или неудачна, в какой мере она состоялась, свыше половины опрошенных предпринимателей отнесли себя к очень счастливым и довольно счастливым людям (соответственно 21,5 и 32,5%). Кроме того, 37,1% респондентов указали, что они скорее счастливы, чем не счастливы, а доля тех, кто не очень счастлив или совсем несчастлив, составила только 8,9%. Ощущение счастья как состояние наивысшей внутренней удовлетворенности условиями своего существования не исключает даже у самых счастливых людей временного недовольства отдельными сторонами жизни, в том числе отношениями в семье, в коллективе, теми или иными аспектами или сторонами трудовой деятельности, состоянием здоровья и др. Неслучайно каждый пятый из числа респондентов, считающих себя счастливыми, не смог с уверенностью указать, что удовлетворен своей жизнью в целом.

Рисунок 1. Удовлетворенность своей жизнью в целом (в % от числа опрошенных)

В сравнении с основной массой населения предприниматели более настойчивы и мобильны – чаще меняют место жительства и вид деятельности. Они в большей степени предрасположены к риску, терпимее относятся к временным неудачам и внезапно возникающим препятствиям, а также чаще ощущают себя благополучными и счастливыми, чем люди, не занятые в сфере предпринимательства. Те, кто не занимается предпринимательской деятельностью, чаще всего объясняют это отсутствием предпринимательского таланта, необходимостью платить высокие налоги, несовершенством и коррумпированностью судебной системы и т.п.

Представляет интерес и тот факт, что повышенным уровнем социального самочувствия отличаются не только предприниматели, но и даже те, кто только пытался организовать свое дело. Это может свидетельствовать о том, что нередко предпринимательская активность оказывается

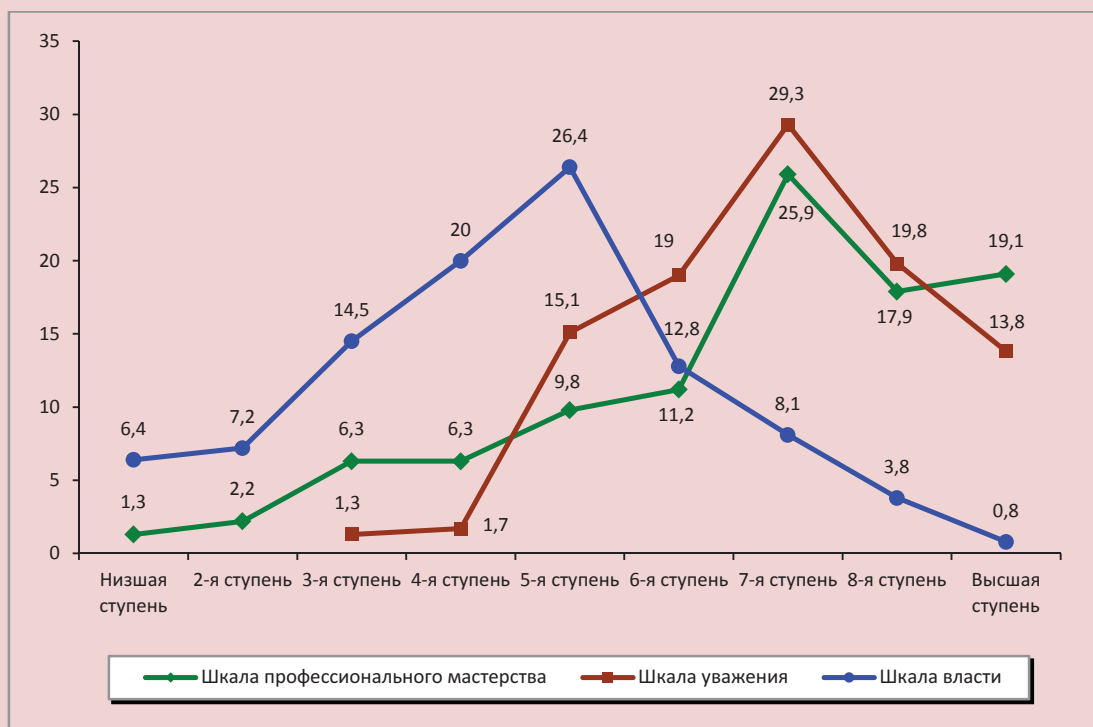
более значимым фактором, способствующим снижению социального дискомфорта, чем достижение успеха в этой области. Не добившись успеха в одной сфере деятельности, предприимчивые и активные люди переключают свое внимание на другие и чаще всего находят свою нишу. Для части таких людей характерна высокая готовность действовать даже в тех случаях, когда они оценивают свои возможности как ограниченные. И как показывает практика, в периоды социальных трансформаций и на крутых жизненных переломах люди с завышенной самооценкой оказываются нередко в более выгодном положении, чем те, кто стремится следовать «голосу разума». Завышенная самооценка становится своеобразным способом мобилизации собственного ресурса, необходимого для успеха индивида на другом, более сложном уровне социальной деятельности и перехода в более престижную социальную группу.

Предприниматели, занятые в сфере малого бизнеса, характеризуются довольно высоким уровнем удовлетворенности своей работой в целом, который выше, чем общий уровень удовлетворенности работой у других занятых (74,9% против 65,5%). У них также выше удовлетворенность такими сторонами своего труда, как условия работы (67,4% против 64,2%) и особенно оплата труда (57,3% против 38,2%). Но при этом немало респондентов выражают стремление зарабатывать еще больше. Многих не устраивают такие издержки профессии, как высокая напряженность, нерегламентированный рабочий день, отсутствие нормального режима труда и отдыха и т.п. Самостоятельная предпринимательская деятельность отнимает много сил и времени, что отражается на психологическом состоянии. Так, респонденты, занятые в сфере малого бизнеса, практически в той

же мере, что и другие занятые, испытывают периодические депрессии (13,8% против 13,5%), ослабление памяти (15,1% против 14,2%) и хроническую бессонницу (10,9% против 10,1%), но значительно чаще ощущают чувство тревоги, частые приступы паники (20,5% против 16,8%), нервозность (29,7% против 26%), приступы раздраженности и спонтанной агрессии (26,8% против 21,7%).

Высокому уровню удовлетворенности работой предпринимателей соответствуют высокие оценки своего профессионального мастерства. Определяя свое место на 9-ти-ступенчатой шкале профессионального мастерства («начинающий, ученик» – «профессионал высокого класса»), 62,9% респондентов расположились на трех верхних ступенях шкалы и только 27,3% – на трех средних, а 9,8% – на трех нижних (рис. 2).

Рисунок 2. Распределение респондентов по ступеням шкал профессионального мастерства, уважения и власти, в %

Сопоставление этих данных с оценками всех занятых показывает, что предприниматели оценивают свое мастерство выше, чем работающее население в целом, уступая по этому показателю только законодателям, руководителям разного ранга и специалистам высшего уровня. Но в то же время у них слабее, чем у других занятых, выражена профессиональная идентификация. Так, если среди всех занятых единство с людьми той же профессии, рода занятий ощущают часто 68,7%, то среди опрошенных предпринимателей – 63,6%. Они менее других обеспокоены престижем своего труда и возможностью оказывать влияние на других людей. Немногие из них стремятся осваивать новые знания и технологии. В течение последних 12 месяцев, предшествовавших опросу, только 2,5% из них учились на каких-либо курсах, включая курсы иностранных языков, профессиональное обучение.

Очень слабыми являются сегодня и надежды на интенсивные изменения в массовых представлениях этой категории занятых, которые позволяют судить о расширении процесса формирования модернизационного сознания, способного стать одним из факторов оздоровления экономики. Можно согласиться с тем, что малый бизнес уже внес значительный вклад в модернизацию розничной торговли и потребительских услуг, но слабое его проникновение в наиболее «технологичные» сферы, такие как промышленное производство, научно-исследовательская деятельность, является свидетельством незначительной его роли в тех инновационных процессах, которые выступают решающим фактором научно-технического прогресса и экономического роста¹⁶. И с годами такая ситуация практически не меняется.

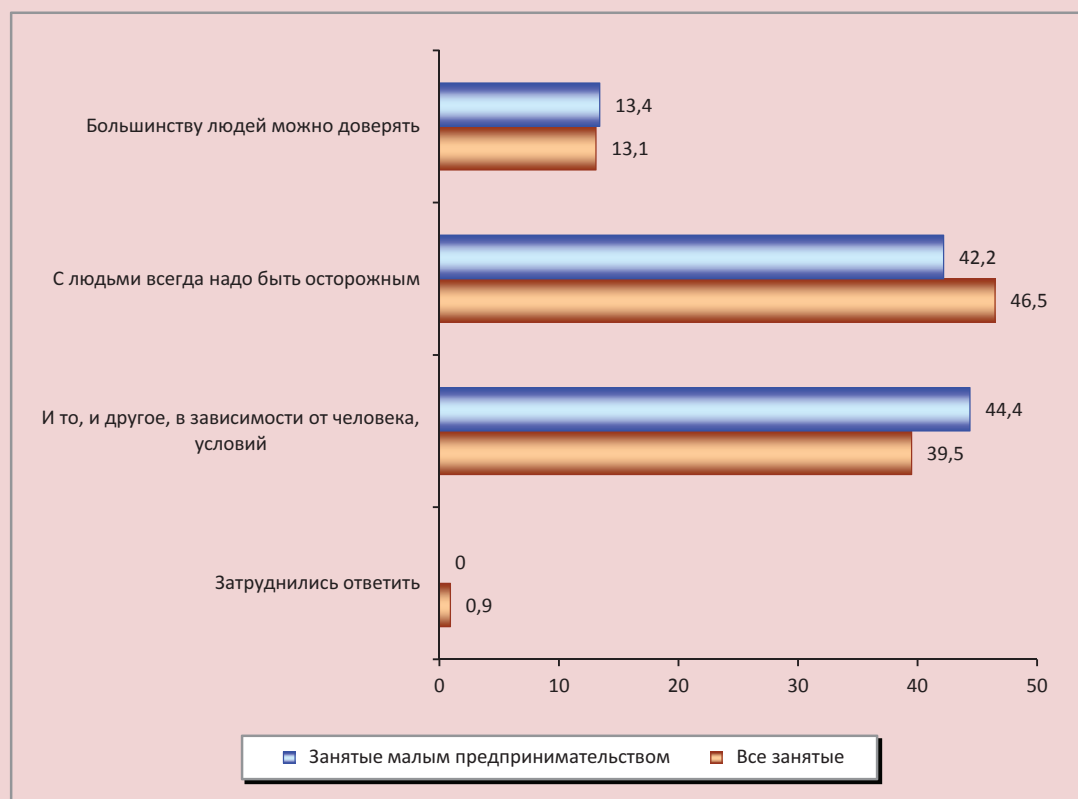
¹⁶ Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. – С. 162.

Хотя, как показывает опыт наиболее развитых стран, роль малого предпринимательства в инновациях может быть весьма существенной.

Значительное большинство опрошенных малых предпринимателей высоко оценивают не только уровень своего профессионального мастерства, но и отношение к себе со стороны окружающих людей. В подтверждение этого достаточно указать, что, согласно самооценкам, 62,9% респондентов расположились на трех верхних ступенях и 35,8% – на трех ступенях среднего уровня 9-ти-ступенчатой шкалы уважения. Что касается оценок обладания властью, то они оказались намного ниже: только 12,7% респондентов отнесли себя к лицам, обладающим большой властью, тогда как большинство, достигающее 59,2%, расположилось на ступенях среднего уровня данной шкалы, а 28,1% – посчитали себя бесправными, расположившись на трех нижних ступенях.

Предприниматели отличаются более рациональным и прагматическим подходом при оценке того, как необходимо выстраивать отношения с другими людьми. Речь идет о доверии к посторонним людям вообще, т.е. к незнакомым людям, которые не являются родственниками, друзьями, близкими знакомыми, сослуживцами, коллегами и т.п., получившем в современной англоязычной научной литературе название генерализованного (или обобщенного) доверия. О наличии указанной тенденции свидетельствует повышенная доля лиц, которые занимают довольно прагматическую позицию, т.е. полагают, что доверять или не доверять людям следует в зависимости от того, какими качествами они обладают, каковы их достоинства и недостатки, как они поступают в конкретных ситуациях и т.п. (рис. 3). Но, рассматривая эти данные, нельзя упускать из вида то обстоятельство, что «решение о доверии или недоверии в огромной своей части порождается эмоци-

Рисунок 3. Уровень доверия к другим людям (в % от числа опрошенных)

ональной сферой и во многих случаях его рационализация требует немалых усилий и способностей»¹⁷. Что касается лиц, полагающих, что большинству людей можно доверять, то они среди предпринимателей встречаются так же редко, как и среди других занятых (13,4% против 13,1%).

Анализ показал, что неудача в создании своего предприятия, провал в организации иного собственного дела заметно повышает недоверие человека к окружающим. Свыше половины неудачников полагают, что с другими людьми надо быть всегда очень осмотрительными и осторожными, в то время как рациональную, взвешенную позицию занимают только 36%.

¹⁷ Белянин А.В., Зинченко В.П. Доверие в экономике и общественной жизни. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. – С. 66.

Чаще других рациональную точку зрения разделяют также законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена, специалисты высшего уровня квалификации, т.е. наиболее образованные и хорошо информированные граждане, многие из которых имеют богатый опыт руководящей деятельности, непосредственной работы с людьми.

У малых предпринимателей уровень удовлетворенности своим материальным положением лишь немного выше, чем у остальных занятых (31,8% против 25,9%). Но еще менее существенными оказались различия в оценках изменения материального положения своей семьи за год, предшествовавший опросу. Так, среди представителей малого бизнеса 31,4% ощутили улучшение материального положения

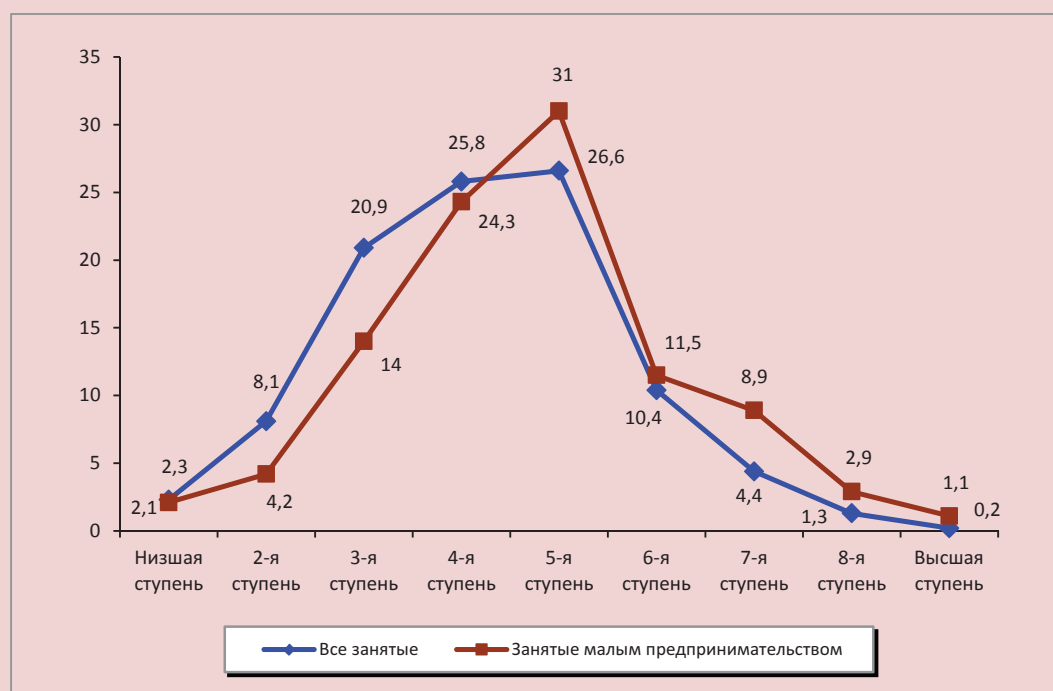
своих семей и только 9,2% – ухудшение, тогда как большинство не заметило каких-либо серьезных изменений. В то же время среди других занятых эти доли составили соответственно 31 и 12,2%. Общую картину, характеризующую материальное положение респондентов, занимающихся малым предпринимательством, дополняют приведенные данные (рис. 4).

Что касается покупательских возможностей малых предпринимателей, то они намного превосходят возможности других занятых. В частности, среди представителей малого бизнеса в 1,5–2 раза больше тех, кто способен улучшить свои жилищные условия, т.е. купить квартиру, дом, часть дома (20,9% против 10,1%); откладывать деньги на такие крупные покупки, как машина, дача, мебель, ювелирные изделия и т.д. (42,3% против 24,8%); провести всей семьей отпуск за границей (34,3% против 22%).

Кроме того, из числа тех предпринимателей, к кому это относится, 85,5% способны оплачивать дополнительные занятия своих детей в музыкальной школе, на курсах иностранного языка, в спортивной секции, в творческом или каком-либо другом кружке; 69,7% – готовы оплачивать учебу детей в вузах (среди других занятых – соответственно 44,1 и 67,7%). Эти различия оказываются еще более существенными, если учесть качество приобретаемых товаров и услуг. Очевидно, что люди с разным материальным достатком по-разному понимают, что значит улучшить свои жилищные условия, приобрести новый автомобиль, выбрать престижный вуз для своего ребенка.

В оценках личных и семейных жизненных перспектив занятые малым бизнесом проявляют умеренный оптимизм или тревожность. В последние годы у них, как и у многих других людей, в массовом масштабе

Рисунок 4. Распределение респондентов по ступеням шкалы материального благосостояния, в %

отсутствуют как ожидания катастрофического ухудшения жизни, так и уверенность в том, что ситуация будет улучшаться или оставаться стабильной. Жизненные планы оказываются хотя и осторожными, но вполне прагматичными.

В конце 2012 г. 45,6% опрошенных предпринимателей надеялись на улучшение жизни в течение ближайших 12 месяцев и еще 36% — на сохранение достигнутого уровня благополучия. И в то же время 61% респондентов выражали беспокойство тем, что не смогут обеспечить себя даже самым необходимым в течение ближайшего года, в то время как отсутствие тревожности по этому поводу было характерно только для каждого четвертого. Около 46% респондентов в большей или меньшей степени были обеспокоены тем, что могут потерять работу.

Стоит обратить внимание на тот факт, что у предпринимателей, которые заняты в сфере малого бизнеса, особенно хорошо заметно влияние характера и результатов профессиональной деятельности на степень удовлетворенности своей жизнью в целом, оценки личных и семейных жизненных перспектив. У них четче проявляется зависимость повышения тревожности по поводу того, что в течение ближайшего

года они не смогут обеспечить себя самым необходимым, от снижения уровня удовлетворенности своей работой в целом и такими ее сторонами, как заработная плата, а также от роста обеспокоенности возможной потерей работы.

Таким образом, малое предпринимательство сталкивается в своей повседневной деятельности с большими трудностями, многие из которых требуют к себе самого пристального внимания. Среди них разного рода административные и налоговые барьеры, высокие штрафы и коррупционные поборы, нехватка инвестиций, отсутствие надежной системы финансовой поддержки в регионах, слабость судебной системы, нестабильность законодательства, низкий запас финансовой прочности и общей выживаемости малого бизнеса.

Все это снижает уровень предпринимательской активности населения, а также негативно сказывается на социальном самочувствии предпринимателей и вынуждает многих из них или выбирать те сферы деятельности, которые не предполагают серьезных затрат и обеспечивают быструю окупаемость вложений, или отказываться от занятия бизнесом, уходить в теневой сектор экономики.

Литература

1. Абрамова, Е.А. Самозанятость населения как ступень подъема экономики в период преодоления кризиса / Е.А. Абрамова // Приложение к журналу «Современные наукоемкие технологии». — 2010. — № 1. — С. 5-11.
2. Аистов, А.И. О развитии некоторых форм самозанятости в России в 1994–2002 годах / А.И. Аистов // Экономический журнал ВШЭ. — 2005. — Т. 9. — № 2. — С. 185-215.
3. Антонец, О. Бизнес-иллюзии / О. Антонец // РБК. — 2014. — № 1. — С. 33.
4. Белянин, А.В. Доверие в экономике и общественной жизни / А.В. Белянин, В.П. Зинченко. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. — С. 66.
5. Горшков, М.К. Молодежь России: социологический портрет / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. — М.: ЦСПиМ, 2010. — С. 186-187.
6. Дилигенский, Г.Г. Люди среднего класса / Г.Г. Дилигенский. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. — С. 162.
7. Дудченко, О.Н. Две модели адаптации к социальным изменениям / О.Н. Дудченко, А.В. Мытиль // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. — М.: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. — С. 610.

8. Зорькин, В.Д. Освободительные реформы и правовая модернизация России: доклад на научно-практической конференции «Великие реформы и модернизация России», Санкт-Петербург, 3 марта 2011 г. [Электронный ресурс] / В.Д. Зорькин. – URL: http://isknaisk.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2817&Itemid=31
9. Куликов, С. Отечественный бизнес придушили чиновники / С. Куликов // Независимая газета. – 2012. – 24 января.
10. Мансуров, В.А. Вместо введения. Исследование профессиональных групп российской интеллигенции: ситуация, методология и методика / В.А. Мансуров // Профессиональные группы интеллигенции / отв. ред. В.А. Мансуров. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. – С. 8.
11. Методологические положения по статистике. – Вып. 1. – М.: Госкомстат России, 1996.
12. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – С. 12-14.
13. Обзор занятости в России. – Вып. 1 (1991–2000 гг.). – М.: ТЕИС, 2002. – С. 70.
14. «ОПОРА России»: предпринимательская активность в стране остается низкой [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.creditforbusiness.ru/news/24757/>
15. Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М.: Альфа-М, 2009. – С. 12.
16. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» проводится НИУ ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Российской академии наук (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/org/hse/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>).

Kozyreva P.M.

Small business in Russia: everyday issues and development constraints

Polina Mikhailovna Kozyreva – Doctor of Sociology, First Deputy Director of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Director of the Center for Longitudinal Studies NRU HSE (24/35, Krzhizhanovsky Street, building 5, Moscow, 117218, Russian Federation, pkozyreva@isras.ru).

Abstract. The article is based on the data of “Russian longitudinal monitoring survey of economic situation and public health NRU HSE” (RLMS-HSE) and considers current issues and specifics of social well-being of entrepreneurs engaged in small business – managers of micro-enterprises and individual entrepreneurs as one of the least protected professional groups who face great difficulties in organizing their business. The analysis confirms that numerous lingering problems impeding their work cause a reduction in the level of entrepreneurial activity, significantly worsen the social well-being of entrepreneurs and force many of them to change professional and life plans. The study reveals that social well-being of entrepreneurs engaged in small business is complex and uncertain; it is a consequence of an inconsistency between conditions of life and work, and the heterogeneity of this category of employees. They feel happy more often than wage workers. However, possessing a relatively high level of job satisfaction and life satisfaction in general, and having higher self-assessment of professional skills, small-scale entrepreneurs are less concerned with the low prestige of their work and their lack of wide power and authority in comparison to other categories of employed persons; they are cautious in establishing relationships with other people and they have a comparatively low level of law-abidance. The article proves that one of the conditions for successful functioning and development of small business consists in a balanced combination of entrepreneurial activity, initiative and efficient state governance. However, today, entrepreneurial ability, which should be the main driving force of the new Russian economy, is used extremely inefficiently, which is evident from the abnormally low level of entrepreneurial activity of citizens. And only about half of those who want to start their own business or establish their own company succeed. Only a small part of them clearly expresses the desire to gain new knowledge and master new technology and other work spheres.

Key words: small business, social well-being, social adaptation, public support, competition.

References

1. Abramova E.A. Samozanyatost' naseleniya kak stupen' pod'ema ekonomiki v period preodoleniya krizisa [Self-Employment as a Stage of Economic Recovery in the Period of Crisis]. *Prilozhenie k zhurnalu "Sovremennyye naukoemkie tekhnologii"* [Supplement to the Journal "Modern High Technologies"], 2010, no. 1, pp. 5-11.
2. Aistov A.I. O razvitiy nekotorykh form samozanyatosti v Rossii v 1994–2002 godakh [About the Development of Some Forms of Self-Employment in Russia in 1994–2002]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE* [HSE Economic Journal], 2005, vol. 9, no. 2, pp. 185-215.
3. Antonets O. Biznes-illyuzii [Business Illusions]. *RBK* [RBC], 2014, no. 1, p. 33.
4. Belyanin A.V., Zinchenko V.P. *Doverie v ekonomike i obshchestvennoy zhizni* [Trust in the Economy and Public Life]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya", 2010. P. 66.
5. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret [The Youth of Russia: a Sociological Portrait]. Moscow: TsSPiM, 2010. Pp. 186-187.
6. Diligenskii G.G. *Lyudi srednego klassa* [People of the Middle Class]. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie", 2002. P. 162.
7. Dudchenko O.N., Mytil' A.V. Dve modeli adaptatsii k sotsial'nym izmeneniyam [Two Models of Adaptation to Social Change]. *Rossiya: transformiruyushcheesya obshchestvo* [Russia: the Society under Transformation]. Ed. by V.A. Yadov. Moscow: Izd-vo "KANON-pess-Ts", 2001. P. 610.
8. Zor'kin V.D. *Osvoboditel'nye reformy i pravovaya modernizatsiya Rossii: doklad na nauchno-prakticheskoi konferentsii "Velikie reformy i modernizatsiya Rossii", Sankt-Peterburg, 3 marta 2011 g.* [Liberation Reforms and Legal Modernization of Russia: Report on the Research-to-Practice Conference "Great Reforms and Russia's Modernization", Saint Petersburg, March 3, 2011]. Available at: http://isknaisk.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2817&Itemid=31
9. Kulikov S. Otechestvennyi biznes pridushili chinovniki [Domestic Business Smothered by Officials]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], 2012, January 24.
10. Mansurov V.A. Vmesto vvedeniya. Issledovanie professional'nykh grupp rossiiskoi intelligentsii: situatsiya, metodologiya i metodika [In Lieu of an Introduction. Research into Professional Groups of the Russian Intelligentsia: the Situation, Methodology and Technique]. *Professional'nye gruppy intelligentsii* [Professional Groups of Intelligentsia]. Executive editor V.A. Mansurov. Moscow: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN, 2003. P. 8.
11. *Metodologicheskie polozheniya po statistike* [Methodological Provisions of Statistics]. Issue 1. Moscow: Goskomstat Rossii, 1996.
12. *Molodezh' novoi Rossii: obraz zhizni i tsennostnye priority* [Young people of the New Russia: Lifestyle and Values]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2007. Pp. 12-14.
13. *Obzor zanyatosti v Rossii* [Overview of Employment in Russia]. Issue 1 (1991–2000). Moscow: TEIS, 2002. P. 70.
14. "OPORA Rossii": predprinimatel'skaya aktivnost' v strane ostaetsya nizkoi [All-Russian Public Organization of Small and Medium-Sized Enterprises "OPORA Russia: Entrepreneurial Activity in the Country Remains Low]. Available at: <http://www.creditforbusiness.ru/news/24757/>
15. *Rossiya na novom perelome: strakhi i trevogi* [Russia at a New Turning Point: Fears and Anxiety]. Ed. by M.K. Gorshkov, R. Krumm, V.V. Petukhov. Moscow: Al'fa-M, 2009. P. 12.
16. "Rossiiskii monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VShE (RLMS-HSE)" provoditsya NIU VShE i ZAO "Demoskop" pri uchastii Tsentra narodonaseleniya Universiteta Severnoi Karoliny v Chapel Khille i Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk ["Russian Longitudinal Monitoring Survey of Economic Situation and Public Health NRU HSE" (RLMS-HSE) is carried out by NRU HSE and Demoscop CJSC with the Participation of the Carolina Population Center at the University of North Carolina at Chapel Hill and the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Available at: <http://www.hse.ru/org/hse/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.4

УДК 332.1:330.322.21 (470-17), ББК 65.04-56 (251)

© Гаджиев Ю.А., Акопов В.И., Канев В.Н.

Динамика инвестиций в основной капитал экономики северных регионов

**Юсиф Алимович
ГАДЖИЕВ**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, gadjiev@iespn.komisc.ru)

**Валерий Ишханович
АКОПОВ**

кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, gadjiev@iespn.komisc.ru)

**Виктор Николаевич
КАНЕВ**

начальник отдела, Общество с ограниченной ответственностью «РН-Северная нефть» (169711, г. Усинск, ул. Мира, д. 4, кв. 7, vnkanev@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены особенности и тенденции инвестиций в основной капитал северных регионов. Выделены фазы бурного докризисного роста, кризисного спада, посткризисного подъема и стагнации. Причины стагнации и спада в последние годы объясняются завершением крупных инвестиционных проектов, сокращением собственных финансовых средств предприятий, ограничением доступности инвестиционных ресурсов и увеличением утечки капитала. Установлен определяющий вклад в темпы прироста инвестиций в основной капитал Севера в посткризисный период регионов, осуществляющих крупные вложения в магистральный газо- и

нефтепроводный транспорт, добычу нефти, производство и распределение электроэнергии, газы и воды.

Малозаметными были изменения в секторальной и отраслевой структуре инвестиций в основной капитал северных регионов, по-прежнему высок удельный вес инвестиций торгуемого сектора, особенно добычи полезных ископаемых, обусловленный специализацией северных регионов на добывающих отраслях. Остается низким удельный вес инвестиций сектора государственных и социальных услуг. Существенным изменениям подверглась видовая структура инвестиций в основной капитал: резко увеличилась доля инвестиций в здания (кроме жилищных) и сооружения и заметно снизилась – в машины, оборудование, транспортные средства из-за нежелания инвестирования добывающих предприятий и нехватки финансовых средств у обрабатывающих.

В структуре инвестиций в основной капитал по направлениям в большинстве регионов отмечено увеличение доли инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в новом строительстве, инвестиций в здания и сооружения и снижение удельного веса инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в модернизации и реконструкции и в приобретении новых основных средств. Особенности динамики и неэффективная структура инвестиций по основным фондам и направлениям свидетельствуют о недостаточности инвестиций, направляемых на инновации северных регионов.

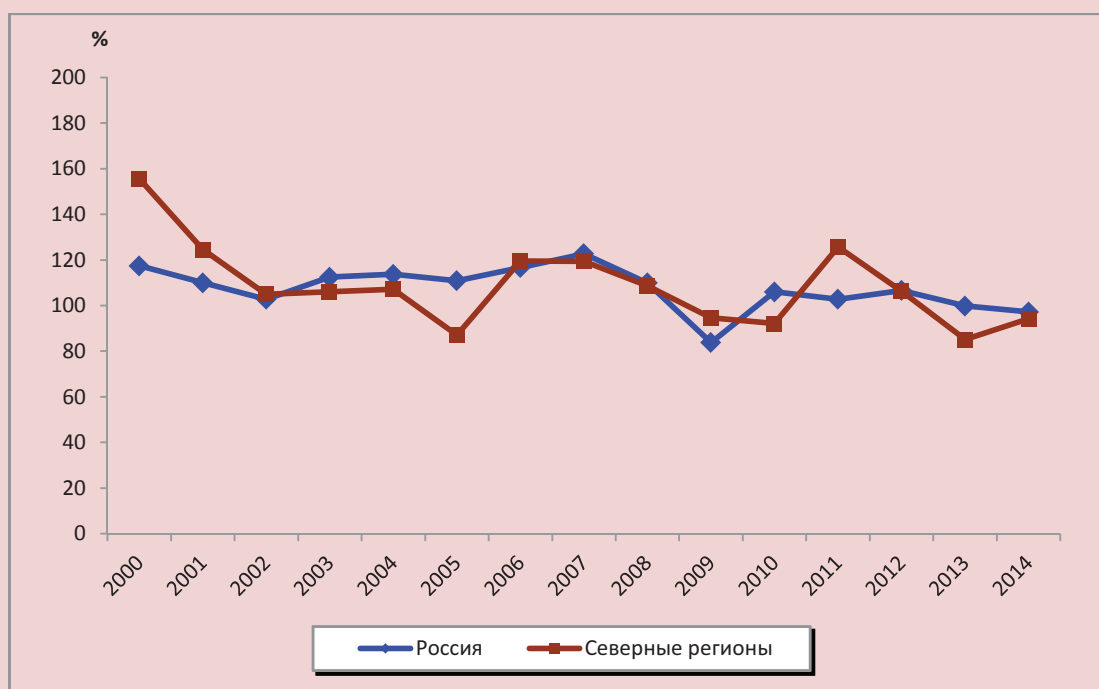
Ключевые слова: стагнация; инвестиции в основной капитал; видовая структура инвестиций; новое строительство; модернизация и реконструкция; приобретение новых основных средств; северные регионы.

Главной задачей экономики страны в настоящее время является поиск выхода из стагнации. Практическое ее решение непосредственно связано с преодолением замедления и ускорением темпов экономического роста, которого можно достичь прежде всего активизацией инвестиционной деятельности, и в первую очередь – инвестиций в реальный сектор как главный фактор модернизации и роста экономики. Особенно обострена эта проблема в северных регионах, где велик моральный и физический износ производственного аппарата, а финансирование инвестиций далеко не полностью обеспечивает его обновление и необходимые технологические и структурные изменения в экономике. Данные обстоятельства предопределили необходимость исследования особенностей динамики, территориальной, секторальной, отраслевой и видовой структур инвестиций в основной капитал регионов Севера.

Анализ динамики инвестиций

Динамика инвестиций в основной капитал экономики Севера в 2000–2014 гг. (январь–февраль) характеризовалась неустойчивым трендом (рисунки) [5, с. 922–923; 7, с. 932–933; 11]. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал Севера в анализируемый период дважды резко падают, опускаясь ниже 100% в 2005 г. и во время глобального кризиса в 2009–2010 гг., затем быстро растут в 2011 г. и снова быстро падают в 2013–2014 гг. В первом случае рецессия была обусловлена резким сокращением их в таких инвестиционно емких регионах, как Ямало-Ненецкий АО и Ханты-Мансийский АО, в связи с окончанием инвестиционных циклов; во втором – последствиями мирового финансово-экономического кризиса; в третьем – эффектом низкой базы; в четвертом – завершением крупных инвестиционных проектов и ожиданиями предпринимателей в отношении более благоприятных условий для вложений.

Динамика инвестиций в основной капитал северных регионов и России за 2000–2014 гг., %

В России по сравнению с Севером динамика инвестиций в экономику была более сглаженной, без резкого падения (ниже 100%) инвестиций в 2005 г., с кратковременным спадом в 2009 г., но затем последовавшим заметным ростом в 2010–2012 гг. и вновь начавшимся с 2013 г. небольшим спадом, который продлился в 2014 г. [5, 922-923; 7, 932-933; 11].

Основные причины этого: ограничение доступности инвестиционных ресурсов (прямых инвестиций и кредитов) для отечественных предприятий; спекуляции на валютном рынке из-за обесценения курса рубля относительно иностранных валют; приостановка инвестиционных программ естественных монополий в связи с замораживанием тарифов в 2014 г. и резкое увеличение утечки капиталов, которая значительно превышает объемы кредитования экономики, из-за событий на Украине.

Следует отметить, что в условиях кризиса в северных регионах и России спад

инвестиций был намного глубже, чем падение ВРП и ВВП. Так, в 2009 г. инвестиции в основной капитал на Севере и в Российской Федерации упали соответственно до 5,4 и 16,2% против 3,3% ВРП и 7,6% ВВП [4, с. 296-293; 7, с. 932-933].

В динамике инвестиций в основной капитал Севера за 2000–2012 годы¹ можно выделить три фазы: *подъем* (2000–2008 гг.), *кризисный спад* (2008–2009 гг.) и *посткризисный рост* (2009–2012 гг.) (табл. 1). Фаза подъема характеризуется бурным приростом инвестиций в северных регионах, который составил 97,9% (в России – 152,4%). Главными факторами быстрого роста инвестиций в регионах Севера, как и в целом по стране, явились доходы от масштабного экспорта сырья, дешевые иностранные кредиты и государственное финансирование.

¹ Анализируемый период ограничен 2012 годом из-за отсутствия утвержденных данных Росстатистики за 2013 г.

Таблица 1. Темпы прироста инвестиций в основной капитал северных регионов за 2000–2012 гг., %*

Регионы	2000–2008	2008–2009	2009–2012	2010–2012
Российская Федерация, всего	152,4	-16,3	16,7	9,6
Северные регионы, всего	97,9	-7,9	20,7	31,8
Республика Карелия	85,2	-31,9	26,3	26,4
Республика Коми	65,1	24,7	110,6	66,6
Архангельская область	364,2	-50,2	37,7	22,8
Ненецкий АО	651,4	-61,6	-41,8	-32,5
Мурманская область	152,3	-18,4	34,8	23,9
Ханты-Мансийский АО	44,5	-4,3	25,3	25,5
Ямало-Ненецкий АО	84,6	-10,8	-19,8	25,6
Республика Саха (Якутия)	256,7	9,4	61,7	36,2
Камчатский край	280,2	61,9	12,9	1,6
Магаданская область	154,9	-24,6	231,4	65,7
Сахалинская область	446,6	-16,3	-59,9	18,4
Чукотский АО	282,4	61,9	104,5	503,2

* Рассчитано по: [5, с. 922-923, с. 918-919; 7, с. 928-929, с. 932-933].

Наиболее высокими темпами прироста инвестиций в 2000–2008 гг. отличались Ненецкий АО, Сахалинская и Архангельская области, Чукотский АО, Камчатский край и Республика Саха (Якутия) благодаря крупным вложениям в нефте- и газодобычу, добычу алмазов, золота и «оборонку». Самые низкие темпы показали Ханты-Мансийский АО и Республика Коми, где в основном сказался эффект высокой базы.

Кризисные годы, наоборот, были отмечены глубоким спадом инвестиций в основной капитал северных регионов, составившим в 2008–2009 гг. 7,9% (в России – 16,3%). Особенно резким он был в Ненецком АО, Республике Карелия и Магаданской области. На это повлияли последствия мирового финансового кризиса, а именно резкое сокращение средств от вышестоящих («материнских») организаций, сильное удорожание кредитов иностранных и отечественных банков, отчасти сказалась и специализация регионов на более чувствительных к спаду обрабатывающих производствах.

Положительные темпы прироста инвестиций в основной капитал в кризисные годы были отмечены в Чукотском АО, Камчатском крае, Республике Коми и Республике Саха (Якутия). Они были обусловлены продолжающимся финансированием крупных инвестиционных проектов, в частности строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) и запуска двух рудников – «Мир» и «Айхал» в Республике Саха (Якутия [7], строительства газопровода «Бованенково–Ухта» и инвестиционного проекта «Степ» в целлюлозно-бумажном производстве в Республике Коми [8], а также вложениями в добычу золота и серебра в Чукотском АО и Камчатском крае [9].

Посткризисный период (2009–2012 гг.) характеризуется заметными темпами прироста инвестиций в основной капитал экономики Севера, которые составили 20,7% (по России – 9,5%). Особенно высокими они были в Магаданской области, Республике Коми и Чукотском АО, что связано в основном с инвестированием в добычу полезных ископаемых, транспорт

и с эффектом низкой базы. В то же время отрицательные темпы прироста, отмеченные в Сахалинской области, Ненецком АО и Ямало-Ненецком АО, можно объяснить завершением инвестиционных проектов, малым объемом собственных средств и ограниченной доступностью инвестиционных ресурсов (прямых инвестиций и кредитов).

Вклад регионов в темпы прироста инвестиций

Вклад регионов в темпы прироста инвестиций в основной капитал (ИОК) определялся посредством пересчета номинальных объемов в сопоставимых ценах 2004 г., расчета абсолютного роста (ИОК) как разницы между реальным объемом (ИОК) регионов текущего и базового годов и соотношения абсолютных значений роста (ИОК) регионов с общим ростом (ИОК) в процентах.

Предкризисные годы (2005–2008) характеризуются положительным вкладом всех регионов в темпы прироста инвестиций в основной капитал северных регионов. Наибольший вклад в него внесли три экспортоориентированных региона – Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО и Республика Саха (Якутия) (табл. 2). В основном он был обеспечен за счет доходов от экспорта нефти, газа, алмазов и «подогревался» притоком дешевых зарубежных кредитов. Менее весомый вклад в прирост дали Ненецкий АО, Сахалинская и Архангельская области. Наименьший вклад внесли Чукотский АО, Магаданская область и Республика Карелия. В целом, несмотря на некоторое сокращение, вклад северных регионов в прирост инвестиций в основной капитал экономики Российской Федерации остается достаточно значительным – 14,9%.

Таблица 2. Вклад в темпы прироста инвестиций в основной капитал экономики северных регионов за 2005–2012 гг., %*

Регионы	2005–2008		2008–2009		2009–2012	
	Российская Федерация	Регионы Севера	Российская Федерация	Регионы Севера	Российская Федерация	Регионы Севера
Экономика, всего	100	100	100	100	100	100
Северные регионы	14,9	-	-20,8	-	22,7	-
Республика Карелия	0,3	1,9	-0,7	-3,2	0,4	1,9
Республика Коми	0,7	5,0	1,1	5,2	9,5	41,7
Архангельская область	1,1	7,3	-4,1	-19,9	1,1	4,9
Ненецкий АО	1,5	9,9	-5,8	-27,7	-1,2	-5,1
Мурманская область	0,6	4,1	-1,9	-9,2	1,2	5,2
Ханты-Мансийский АО	3,0	20,4	-3,5	-17,1	9,1	39,9
Ямало-Ненецкий АО	3,7	25,0	-5,1	-24,4	-5,9	-25,9
Республика Саха (Якутия)	2,3	15,1	2,3	11,0	8,6	38,0
Камчатский край	0,1	0,6	0,1	0,3	0,1	0,6
Магаданская область	0,2	1,1	-5	11,0	2,0	8,9
Сахалинская область	1,4	9,1	-2,2	0,3	-3,3	-14,7
Чукотский АО	0,1	0,7	-0,5	11,0	1,0	4,6

* Рассчитано по: [5, с. 922-923, с. 918-919; 7, с. 928-929, с. 932-933].

Кризисные годы (2008–2009) отмечены существенным отрицательным вкладом (20,8%) северных регионов в падение инвестиций в основной капитал страны (см. табл. 2). В наибольшей степени он проявился в нефте- и газодобывающих регионах – Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском автономных округах и Архангельской области. Основными причинами были резкое сокращение собственных и привлеченных средств из-за существенного снижения мировых цен на нефть и газ, удорожание стоимости кредитов на мировом и отечественном рынках, выжидание инвесторами более благоприятных условий инвестирования. В этот период только шесть регионов внесли небольшой положительный вклад в прирост инвестиций.

Посткризисный период отличается достаточно большим вкладом Севера в темпы прироста инвестиций в основной капитал экономики страны – 22,7%. Этот вклад в основном обеспечили Республика Коми, Ханты-Мансийский АО и Республика Саха (Якутия) (см. табл. 2). В то же время большой отрицательный вклад, внесенный Ямало-Ненецким АО и Сахалинской областью, связан с передислокацией значительных вложений ОАО «Газпром» в другие регионы, например в Республику Коми, в строительство газопровода «Ямал–Европа».

Секторальная и отраслевая структура инвестиций

За последние годы в структуре инвестиций в основной капитал по ключевым секторам и отраслям экономической деятельности регионов Севера не произошло радикальных изменений. Так, доля инвестиций *торгуемого* и *неторгуемого секторов* за 2005–2012 гг. почти не изменилась, составив соответственно 58,9 и 35,8%, а *сектора государственных и социальных услуг* – заметно сократилась: с 5,8 до 4,9% (табл. 3).

Заметим, что удельный вес инвестиций *торгуемого* сектора северных регионов был существенно выше, чем в России, а доля *неторгуемого* сектора и сектора государственных и социальных услуг, наоборот, значительно уступала российской. В основном это связано с преимущественно сырьевой специализацией регионов Севера.

В *торгуемом секторе* регионов Севера доминирующее положение занимают инвестиции в добычу полезных ископаемых (см. табл. 3). Причем удельный вес их в 2012 г. был почти в 3,5 раза больше, чем в России. Доля инвестиций в обрабатывающие производства по-прежнему находится на очень низком уровне – в восемь раз меньше, чем в целом по стране. Менее 1% приходится на сельское хозяйство, охоту и лесное хозяйство, рыболовство и рыбноводство. В целом инвестиции в *торгуемый* сектор недостаточны для ускорения темпов экономического роста; остается неэффективной отраслевая структура инвестиций, поскольку, как и ранее, очень малы объемы средств, направляемых в основной капитал обрабатывающих производств и сельского хозяйства.

Среди северных районов высокой долей инвестиций в основной капитал *торгуемого* сектора в 2012 г. выделялись Ненецкий АО (91,9%), Ханты-Мансийский АО (73,4%), Ямало-Ненецкий АО (67,1%), Чукотский АО (61,9%) и Сахалинская область (61,9%), причем подавляющую часть этих инвестиций составляют вложения в добычу полезных ископаемых [5, с. 934-937; 6, с. 542-545; 7, с. 942-945]. Низким удельным весом инвестиций отличались Камчатский край (24,3%), Республика Коми (26,2%) и Республика Саха (Якутия) (33,5%). В двух первых регионах он был обусловлен крупномасштабными инвестициями в основной капитал транспорта (газопроводы), а в третьем – в производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

Таблица 3. Структура инвестиций в основной капитал в разрезе ключевых секторов северных регионов РФ (в текущих ценах), %*

Регион	2005		2008		2012	
	Российская Федерация	Регионы Севера	Российская Федерация	Регионы Севера	Российская Федерация	Регионы Севера
Экономика, всего	100	100	100	100	100	100
Торгуемый сектор	34,3	58,5	34,2	57,7	35,9	59,2
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	4,0	0,6	4,4	0,4	4,3	0,3
Рыболовство и рыбоводство	2,1	1,0	0,1	0,1	0,1	0,3
Добыча полезных ископаемых	13,4	55,3	14,1	54,5	16,4	56,8
Обрабатывающие производства	16,8	2,3	15,7	2,7	15,1	1,8
Неторгуемый сектор	58,1	35,7	65,8	42,3	54,7	35,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6,6	5,1	7,7	3,8	10,7	7,2
Строительство	3,5	3,1	3,4	4,1	3,0	1,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов и др.	3,9	0,5	3,2	0,5	3,9	0,3
Гостиницы и рестораны	0,3	0,1	0,4	0,1	0,5	0,0
Транспорт и связь	25,9	19,9	24,4	23,6	31,5	21,4
Финансовая деятельность	1,4	0,3	0,9	0,3	3,3	0,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	16,6	6,6	16,7	5,3	1,8	4,5
Сектор государственных и социальных услуг	7,7	5,8	8,7	4,7	9,4	4,9
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное страхование	1,5	1,1	1,7	1,2	1,9	1,4
Образование	1,5	1,8	2,0	1,3	1,9	1,4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2,2	1,4	2,4	1,2	2,3	1,1
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2,4	1,6	2,7	1,1	3,2	1,0

* Рассчитано по: [5, с. 934-937; 6, с. 542-545; 7, с. 942-945].

Оптимальной является отраслевая структура инвестиций торгуемого сектора в Республике Карелия, где вложения примерно в равной мере направляются в добычу полезных ископаемых (13,7%) и обрабатывающие производства (24,5%) [5, с. 934-937; 6, с. 542-545; 7, с. 942-945].

В неторгуемом секторе северных регионов подавляющую часть составляют инвестиции в основной капитал транспорта

и связи, доля которых в 2012 г. составила 21,4%, что объясняется периферийностью регионов, а также прокладкой трубопроводных линий большой протяженности (см. табл. 3). Затем с многократно меньшей долей следуют инвестиции в производство и распределение электроэнергии, газа и воды, операции с недвижимым имуществом, аренду и предоставление услуг и другие.

В целом отраслевая структура инвестиций неторгуемого сектора Севера не эффективна, поскольку в ней весьма малый удельный вес занимают инвестиции в такие важные для северных регионов отрасли, как строительство, оптовая и розничная торговля, гостиничная и ресторанная деятельность и др.

Среди северных регионов наибольший удельный вес инвестиций, направленных в неторгуемый сектор, в 2012 г. имели Республика Коми (71,6%), Республика Саха (Якутия) (57,8%) и Камчатский край (56,7%). Большею частью это были инвестиции в транспорт и связь, операции с недвижимым имуществом, аренду и предоставление услуг [5, с. 934-937; 6, с. 542-545; 7, с. 942-945]. Низким удельным весом неторгуемого сектора характеризуются Ненецкий АО (7,1%), Ханты-Мансийский АО (23,6%), Ямало-Ненецкий АО (29,4%) и Чукотский АО (33,5%), что объясняется сравнительно малыми вложениями в инфраструктурные отрасли, а также высоким уровнем инвестиций в торгуемый сектор [5, с. 934-937; 6, с. 542-545; 7, с. 942-945].

В отраслевой структуре инвестиций сектора государственных и социальных услуг Севера за 2005–2012 гг. не произошло существенных изменений, хотя несколько увеличился удельный вес инвестиций в образование, государственное управление и обеспечение военной безопасности (см. табл. 3).

К регионам с большим удельным весом инвестиций в основной капитал данного сектора в 2012 г. относились: Камчатский край (19%) – за счет масштабных инвестиций в образование и здравоохранение и предоставление социальных услуг; Мурманская область (16,8%) и Архангельская область (10,5%) – благодаря росту инвестиций в государственное управление. Малой долей отличались Ненецкий АО (1,0%), Республика Коми (2,2%), Ханты-

Мансийский АО (3,0%) и Ямало-Ненецкий АО (3,5%), что объясняется большими масштабами инвестирования данного сектора частными компаниями, т.е. за счет внебюджетных средств.

В целом секторальную и отраслевую структуру инвестиций в основной капитал регионов Севера с точки зрения развития их экономик можно считать нормальной; в ней вполне оправданно преобладают инвестиции в торгуемый сектор, приносящий большие доходы. Вместе с тем некоторое опасение вызывает большой масштаб инвестиций в добычу полезных ископаемых на фоне слишком скромного объема инвестиций в обрабатывающие производства. Как негативный момент следует рассматривать также очень низкий удельный вес инвестиций в сектор государственных и социальных услуг, в частности в образование, здравоохранение и предоставление коммунальных услуг.

Видовая структура инвестиций

За последние годы произошли нежелательные изменения в структуре инвестиций в основной капитал по видам основных фондов Севера. Так, за 2005–2012 гг. доля инвестиций в машины и оборудование, транспортные средства сократилась с 36,4 до 30,4% (по России – с 41,1 до 36,3%), особенно резкое сокращение (27,9%) произошло в кризисном 2009 году (табл. 4).

Это сокращение объясняется незаинтересованностью экспортоориентированных предприятий в модернизации производственного аппарата из-за легкости получения больших прибылей при высоком спросе на их продукцию в докризисный и дефицитом финансовых средств в кризисный и посткризисный периоды. В то же время возрос удельный вес инвестиций в жилища, здания (кроме жилищных) и сооружения, обусловленный возрастанием инвестиций в частное жилищное строительство и в передаточные устройства

Таблица 4. Динамика структуры инвестиций в основной капитал северных регионов по видам основных фондов за 2005–2012 гг., %*

Виды основных фондов	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
<i>Российская Федерация</i>								
Инвестиции в основной капитал, всего	100	100	100	100	100	100	100	100
Жилища	12,0	11,8	13	13,6	15,3	11,4	12,7	15,2
Здания (кроме жилищных) и сооружения	40,4	40,9	41,7	42,6	45,5	42,6	43,3	42,6
Машины и оборудование, транспортные средства	41,1	40,5	38,9	37,7	33,1	38,6	37,9	36,3
Прочие	6,5	6,8	6,4	6,1	6,1	7,4	6,1	5,9
<i>Регионы Севера</i>								
Инвестиции в основной капитал, всего	100	100	100	100	100	100	100	100
Жилища	4,9	4,3	4,3	3,6	5,0	5,1	3,7	5,8
Здания (кроме жилищных) и сооружения	47,6	52,3	47,4	48,9	52,7	53,4	54,1	54,7
Машины и оборудование, транспортные средства	36,4	33,2	37,7	35,2	27,9	27,3	32,4	30,4
Прочие	11,1	10,2	10,5	12,3	14,4	14,2	9,9	9,1
* Рассчитано по: [1, с. 58-63; 3, с. 59-64].								

(нефте- и газопроводы, линии электропередачи), инфраструктурные (транспортные и терминальные сооружения) и экологические (заводы по утилизации отходов и очистные сооружения) объекты. Следует отметить, что в видовой структуре инвестиций в основной капитал регионов Севера высок уровень *прочих* инвестиций, связанный с большими затратами по эксплуатационному и глубокому разведочному бурению на нефть и газ. Отмеченные выше тенденции в видовой структуре инвестиций в основной капитал северных регионов были характерны и для экономики России в целом.

Среди северных регионов наиболее высоким удельным весом инвестиций в машины и оборудование, транспортные средства в 2012 г. отличались Мурманская область (56,6%), Магаданская область (45,0%), Камчатский край (39,3%) и Республика Карелия (38,9%) [3, с. 59-64].

Однако это свидетельствует не столько о проведении в них активной модернизации производственного аппарата предприятий, сколько об их специализации на обрабатывающих производствах. Большая доля инвестиций в здания (кроме жилищных) и сооружения, характерная для Сахалинской области (81,5%), Республики Коми (65,5%), Ямало-Ненецкого АО (62,4%) [3, с. 59-64], объясняется спецификой используемых в этих регионах технологий производства (например, ледостойкие платформы для добычи нефти и газа в Сахалинской области и т.п.), а также заменой и обновлением морально и физически устаревших сооружений.

Последние годы отмечены позитивными и негативными изменениями в инвестициях в основной капитал по направлениям на Севере (табл. 5). К позитивным изменениям в 2007–2012 гг. относятся: снижение удельного веса инвестиций в здания и

Таблица 5. Динамика структуры инвестиций в основной капитал северных регионов по основным направлениям за 2007–2012 гг., %*

Направление	2007	2008	2009	2010	2011	2012
<i>Российская Федерация</i>						
Новое строительство						
Здания и сооружения	78,3	77,9	76,5	75,1	75,6	75,2
Машины, оборудование, транспортные средства	11,9	77,9	14	14,8	14,7	15,5
Модернизация и реконструкция						
Здания и сооружения	61,1	60,5	61	64	61,8	75,2
Машины, оборудование, транспортные средства	36,4	36,7	35,8	33,2	32,9	15,5
Приобретение новых основных средств						
Здания и сооружения	4,6	6,3	7,2	7,1	7	5,8
Машины, оборудование, транспортные средства	88,8	88,9	88,1	89,9	90,1	91,1
<i>Регионы Севера</i>						
Новое строительство						
Здания и сооружения	78,3	73,0	76,1	76,8	76,1	75,4
Машины, оборудование, транспортные средства	11,9	13,8	11,4	8,3	12,8	12,4
Модернизация и реконструкция						
Здания и сооружения	61,1	64,2	67,9	63,2	71,1	70,9
Машины, оборудование, транспортные средства	36,4	25,9	23,1	31,5	21,3	22,2
Приобретение новых основных средств						
Здания и сооружения	4,6	10,0	13,7	11,8	11,3	11,4
Машины, оборудование, транспортные средства	88,8	81,8	78,8	83,6	82,7	85,6

* Рассчитано по: [1, с. 64-69; 2, с. 64-69; 3, с. 64-69].

сооружения и увеличение доли инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в *новом строительстве*; рост доли инвестиций в здания и сооружения в *модернизации и реконструкции* и в *приобретении новых основных средств*. К негативным тенденциям следует отнести снижение удельного веса инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в *модернизации и реконструкции* и в *приобретении новых основных средств*.

Из северных регионов наибольший удельный вес инвестиций в здания и сооружения в новом строительстве в 2012 г. имели Камчатская область (96,4%), Чу-

котский АО (90,1%), Республика Карелия (86,2%) и Магаданская область (84,1%); в машины и оборудование, транспортные средства – Мурманская область (27,0%), Республика Коми (19,7%) и Магаданская область (14,1%) [3, с. 64-69]. Большую долю инвестиций в здания и сооружения в модернизации и реконструкции имели Сахалинская область (94,6%), Камчатская область (86,2%), Чукотский АО (85,6%) и Республика Карелия (84,2%), а в машины и оборудование, транспортные средства – Мурманская область (44,1%), Магаданская область (43,6%) и Республика Саха (Якутия) (32,3%) [3, с. 64-69].

В приобретении новых основных средств очень большой удельный вес (85,6%) на Севере занимают инвестиции в машины, оборудование, транспортные средства. Особенно велики такие инвестиции в Республике Карелия (97,1%), Магаданской области (95,2%), Камчатской области (94,4%), Мурманской области (93,8%) и Чукотском АО (93,5%) [3, с. 64-69]. Среди северных регионов большой удельный вес инвестиций в здания и сооружения имеют Ненецкий АО (48,6%), Республика Саха (Якутия) (16,0%) и Республика Коми (15,5%), и это обусловлено затратами на инфраструктурные, экологические и передаточные объекты для нужд производственного процесса.

Процесс совершенствования воспроизводственной структуры основных фондов, инвестиций в основной капитал по направлениям экономики северных регионов неоднозначен. С точки зрения сроков окупаемости (возврата денег) инвестиции в модернизацию и реконструкцию выгоднее, чем в новое строительство, поэтому увеличение доли инвестиций в эту форму воспроизводства основных фондов можно считать прогрессивной тенденцией.

Однако, если судить об этом с позиций инновационного развития предприятий, предполагающего переход к качественно новому технологическому уровню производства, то оказывается, что необходимо отдать предпочтение инвестициям в новое строительство. Хотя они дают отдачу в более поздние сроки, чем инвестиции в модернизацию и реконструкцию, но приводят к росту эффективности производства за счет использования достижений научно-технического прогресса.

Наряду с этим очевидно, что в условиях большого удельного веса морально и физически устаревшего производственного аппарата предприятий правильнее и даже выгоднее осуществлять инвестиции в пер-

вые два направления, чем в приобретение новых основных фондов.

Таким образом, анализ динамики и структуры инвестиций в основной капитал экономики северных регионов выявил следующее:

- инвестиции в экономику северных регионов по сравнению с Россией упали во время кризиса в меньшей степени и быстрее возросли в восстановительный период, что связано в основном с реализацией крупномасштабных инвестиционных проектов;

- в разрезе районов высокие темпы прироста инвестиций в основной капитал в восстановительный период имели Магаданская область, Республика Коми, Мурманская область и Республика Саха (Якутия), что связано с вложениями в добычу полезных ископаемых, трубопроводный транспорт и эффектом низкой базы;

- спад инвестиций в основной капитал северных регионов в 2013 г. и ожидаемый в 2014 г. обусловлен завершением крупных инвестиционных проектов, ограничением доступности инвестиционных ресурсов (прямых инвестиций и кредитов), ожиданиями предпринимателей в отношении более благоприятных условий для вложений, спекуляциями на валютном рынке из-за обесценения курса рубля относительно иностранных валют, приостановкой инвестиционных программ естественных монополий в связи с замораживанием тарифов в 2014 г.;

- большой вклад в темпы прироста инвестиций в основной капитал Севера в восстановительный период внесли Республика Коми, Ханты-Мансийский АО и Республика Саха (Якутия), связанный с крупными вложениями в магистральный газо- и нефтепроводный транспорт, добычу нефти, производство и распределение электроэнергии, газы и воды;

- в секторальной и отраслевой структуре инвестиций в основной капитал нет

существенных изменений, сохраняется высокий удельный вес инвестиций торгового сектора, особенно добычи полезных ископаемых, обусловленный специализацией северных регионов на добывающих отраслях;

– существенно изменилась видовая структура инвестиций в основной капитал, резко увеличился удельный вес инвестиций в здания (кроме жилищных) и сооружения, заметно снизилась доля инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства, что обусловлено нежеланием инвестирования сырьевых и нехваткой финансовых средств у обрабатывающих предприятий;

– наметились позитивные и негативные тенденции в структуре инвестиций в основной капитал по направлениям. К первым относятся: снижение удельного веса инвестиций в здания и сооружения и увеличение доли инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в новом строительстве; рост доли инвестиций в здания и сооружения в модернизации и реконструкции и в приобретении новых основных средств. Ко вторым следует отнести снижение удельного веса инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в модернизации и реконструкции и в приобретении новых основных средств.

Литература

1. Инвестиции в России. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009 – 323 с.
2. Инвестиции в России. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 303 с.
3. Инвестиции в России. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 326 с.
4. Национальные счета России в 2003–2010 годах: стат. сб. / Росстат. – М., 2011.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – 981 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 990 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 990 с.
8. Республика Саха (Якутия): Мегaproект новой России. – М.: Промсвязьбанк, 2010.
9. Социально-экономическое положение Республики Коми. Январь–декабрь 2009 г. / Комистат. – Сыктывкар, 2010.
10. Статистический ежегодник Чукотки. 2009: статистический сборник. – Анадырь, 2010.
11. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: C:\DOCUME~1\411-GS~1\LOCALS~1\Temp\info-stat-02-2014.rar\info-stat-02-2014\07 инвестиции\

Gadzhiev Yu.A., Akopov V.I., Kanev V.N.

Dynamics of investment in fixed capital in the economy of the Northern regions

Yusif Alimovich Gadzhiev – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Head of the Laboratory, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktvykar, 167982, Russian Federation, gajiev@iespn.komisc.ru)

Valerii Ishkhanovich Akopov – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktvykar, 167982, Russian Federation, gajiev@iespn.komisc.ru)

Viktor Nikolaevich Kanev – Department Head, LLC RN-Severnaya Neft (4, Mira Street, Apartment 7, Usinsk, 169711, Russian Federation, vnkaney@yandex.ru)

Abstract. The article describes characteristics and trends of investment in fixed capital of the Northern regions. It singles out phases of rapid pre-crisis growth, crisis, post-crisis growth and stagnation. Stagnation and decline in recent years are caused by completed major investment projects, reduced own funds of enterprises, limited availability of investment resources and increased capital outflow. The article reveals that the growth of investment in fixed capital of the North in the post-crisis period is provided by the regions, carrying out major investment in oil and gas pipeline transport, oil extraction, production and distribution of electricity, gas and water.

The changes in the sectoral structure of investment in fixed capital of the Northern regions are barely visible; the share of investment in the traded sector is still high, especially in mining, due to the Northern regions' specialization in the extractive industries. The share of investment in the public sector and social services remains low. The specific structure of investment in fixed capital has changed: the share of investment in buildings (excluding housing) and structures has increased greatly; the share of investment in machinery, equipment, vehicles has decreased due to insufficient investment in mining enterprises and financial shortages in manufacturing.

In most regions the structure of investment in fixed capital by directions is characterized by the increase in the share of investment in machinery, equipment, vehicles in new construction, investment in buildings and structures and the decline in the proportion of investment in machinery, equipment, vehicles modernization and reconstruction and acquisition of new fixed assets. The dynamics and the inefficient structure of investment in fixed assets and directions testify the shortage of investment in innovation in the Northern regions.

Key words: stagnation; investment in fixed capital; structure of investment by types, new construction, modernization and reconstruction; purchase of fixed assets; Northern regions.

References

1. Investitsii v Rossii. 2009: stat. sb. [Investment in Russia. 2009: Statistics Digest]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Moscow, 2009. 323 p.
2. Investitsii v Rossii. 2011: stat. sb. [Investment in Russia. 2011: Statistics Digest]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Moscow, 2011. 303 p.
3. Investitsii v Rossii. 2013: stat. sb. [Investment in Russia. 2013: Statistics Digest]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Moscow, 2013. 326 p.
4. Natsional'nye scheta Rossii v 2003–2010 godakh: stat. sb. [National Accounts of Russia in 2003–2010: Statistics Digest]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Moscow, 2011.
5. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2006: stat. sb. [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2006: Statistics Digest]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Moscow, 2007. 981 p.
6. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2009: stat. sb. [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2009: Statistics Digest]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Moscow, 2009. 990 p.
7. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2013: stat. sb. [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2013: Statistics Digest]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Moscow, 2013. 990 p.
8. *Respublika Sakha (Yakutiya): Megaproekt novoi Rossii* [The Republic of Sakha (Yakutia): Project for the New Russia]. Moscow: Promsvyaz'bank, 2010.
9. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Respubliki Komi. Yanvar'–dekabr' 2009 g. [Socio-Economic Situation of the Komi Republic. January–December 2009]. *Komistat* [Regional Office of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation in the Republic of Komi]. Syktyvkar, 2010.
10. *Statisticheskii ezhegodnik Chukotki. 2009: statisticheskii sbornik* [Statistical Yearbook of Chukotka. 2009: Statistics Digest]. Anadyr', 2010.
11. *Indeksy fizicheskogo ob'ema investitsii v osnovnoi kapital* [Indices of Physical Volume of Investment in Fixed Capital]. Available at: C:\DOCUME~1\411-GS~1\LOCALS~1\Temp\info-stat-02-2014.rar\info-stat-02-2014\07 investitsii\

DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.5
УДК 338.46(470), ББК 65.495(2Рос)
© Калашников К.Н.

Ресурсное обеспечение российского здравоохранения: проблемы территориальной дифференциации*

**Константин Николаевич
КАЛАШНИКОВ**

кандидат экономических наук, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, e-mail: konstantino-84@mail.ru)

Аннотация. Регионы России (субъекты Федерации) существенно различаются по уровню социально-экономического развития, что обуславливает неравенство и в развитии социальной инфраструктуры. Это актуально и для сферы здравоохранения. Существует сильная связь между экономическим развитием регионов и финансированием медицинской помощи. Важно, что реальный уровень риска заболеваемости и смертности не находит отражения в объёмах ресурсного обеспечения отрасли в разрезе территорий, тем самым нарушаются принципы социальной справедливости и общественной солидарности.

В статье на основе анализа статистических данных по субъектам РФ показаны масштабы территориальных различий в обеспеченности жителей страны основными ресурсами здравоохранения – финансовыми (размер подушевого финансирования и уровень исполнения территориальных программ госгарантий), трудовыми (обеспеченность населения врачами и средним медицинским персоналом), материальными (обеспеченность больничными койками). Названы регионы, демонстрирующие устойчиво низкие показатели ресурсного обеспечения здравоохранения.

Показано, что дифференциация между субъектами РФ по уровню подушевого финансирования здравоохранения достигает 10 раз, по обеспеченности населения врачами – 3 раз, средним медперсоналом – 2 раз, койками круглосуточного пребывания – 3 раз. Более того, территориальные различия в обеспеченности здравоохранения трудовыми ресурсами достаточно стабильны. Снижение дифференциации отмечается только по показателю обеспеченности граждан стационарными койками, что, однако, было достигнуто за счёт проведённой реструктуризации и сокращения коечных фондов. Территориальное неравенство в обеспеченности здравоохранения и населения ресурсами сохраняется и на муниципальном уровне.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда №14-18-03120.

Правительственные структуры должны вести социальную политику таким образом, чтобы острые диспропорции в обеспечении граждан страны медицинской помощью нивелировались, причём исключительно за счёт улучшения ситуации в регионах, где отмечается наиболее неблагоприятная ситуация. Кроме того, необходимо более широко использовать механизмы финансирования, опирающиеся на специфику территорий и объективные потребности населения в медицинской помощи. Этот процесс, как показано в статье, в РФ идёт, но весьма низкими темпами.

Ключевые слова: здравоохранение, финансовые ресурсы, кадровые ресурсы, больничные койки, территориальная дифференциация, субъект Федерации.

Введение

Проблемы ресурсного обеспечения здравоохранения относятся к разряду актуальных и наиболее острых для России. Они регулярно находят отражение в работах ведущих отечественных учёных и практиков, которые соглашались во мнении, что в российском здравоохранении сложился затратный режим использования ограниченного количества ресурсов [5, 7, 17].

Важные шаги в сторону увеличения финансирования отрасли, предпринятые в 2000–2012 гг. (речь идёт о нацпроекте «Здоровье» и Программе модернизации здравоохранения), бесспорно сыграли свою роль в развитии здравоохранения, однако принципиальных изменений в финансовом обеспечении отрасли так и не произошло. Ситуация обостряется и сегодня. Так, бюджет на 2015 г. в части расходов на здравоохранение был подвергнут строгой критике со стороны известного российского эксперта Г.Э. Улумбековой, назвавшей его «500 000 смертей» [15]. Стоит согласиться с её авторитетным мнением, именно такими последствиями может быть чревата потеря государством своих позиций в финансировании столь значимой сферы, как здравоохранение.

Режим тотального недофинансирования здравоохранения усложняется ещё и тем, что субъекты РФ крайне неравномерны по социально-экономическому развитию. Вследствие неоднородности обеспечения регионов объектами инфра-

структуры здравоохранения и, что более важно, отсутствия связи между спросом и предложением медицинских услуг возникает территориальное неравенство населения в возможностях получения необходимой медицинской помощи [8]. И если ставший популярным тезис «каждый народ получает то здравоохранение, которое заслуживает» (подразумевается связь между уровнем социально-экономического и правового развития общества и состоянием здравоохранения) на межстрановом уровне имеет известные основания, то острые различия в обеспечении граждан медицинской помощью в рамках единого государства следует рассматривать не иначе как нарушение принципов социальной справедливости и общественной солидарности¹.

В этом отношении чрезвычайно актуальным становится анализ ресурсных возможностей здравоохранения в территориальном аспекте. Анализ обеспеченности здравоохранения материальными, трудовыми, финансовыми ресурсами, а также сложившейся в стране дифференциации территорий РФ по ресурсным возможностям здравоохранения является основной целью статьи.

¹ В ст. 41 Конституции РФ утверждаются равные права на получение бесплатной медицинской помощи для всех граждан страны, но не говорится об её объёмах и качестве, поэтому речь не может идти о нарушении конституционных гарантий. Однако равенство граждан вне зависимости от места жительства закреплено Законом об ОМС.

Финансовые ресурсы здравоохранения

Дефицит финансирования отечественного здравоохранения часто звучит как главный упрёк в сторону лиц, ответственных за принятие решений [15]. Действительно, расходы на здравоохранение в РФ заметно уступают таковым в развитых странах мира. В 2012 г. в России они составили 6,3% от ВВП (это соответствует уровню таких государств, как Турция, Албания, Латвия, Узбекистан), причём за ряд предыдущих лет эта цифра существенно не менялась, а в 2008 г. даже снизилась до 5,1% от ВВП. В постиндустриальных странах доля расходов на здравоохранение больше и варьируется от 9–11% (Германия, Канада, Япония, Финляндия, Италия и пр.) до 17% в США [14, 19, 20]. При этом удельный вес общественных расходов в общей сумме финансирования здравоохранения в России составляет 61% (в 2012 г.), что значительно меньше, чем во многих развитых странах мира (например, в Германии – 76%, Финляндии – 75%, Италии – 78%). Таким образом, низкие показатели расходов здравоохранения в России не находят оправдания в широких государственных гарантиях её бесплатности.

Система всеобщего медицинского страхования (в России – ОМС), по своей природе призванная обеспечить равенство граждан в праве получения медицинской помощи в любой точке страны, в нынешнем состоянии развития не позволяет достичь этой цели. И хотя верно то, что территории в рамках любой страны, особенно если речь идёт о России, чрезвычайно разнородны по институциональным характеристикам, соблюдение принципа общественной солидарности не должно допускать существенных различий между территориями в обеспечении и реализации социальных гарантий.

Между тем на сегодняшний день сохраняется неравенство субъектов РФ по

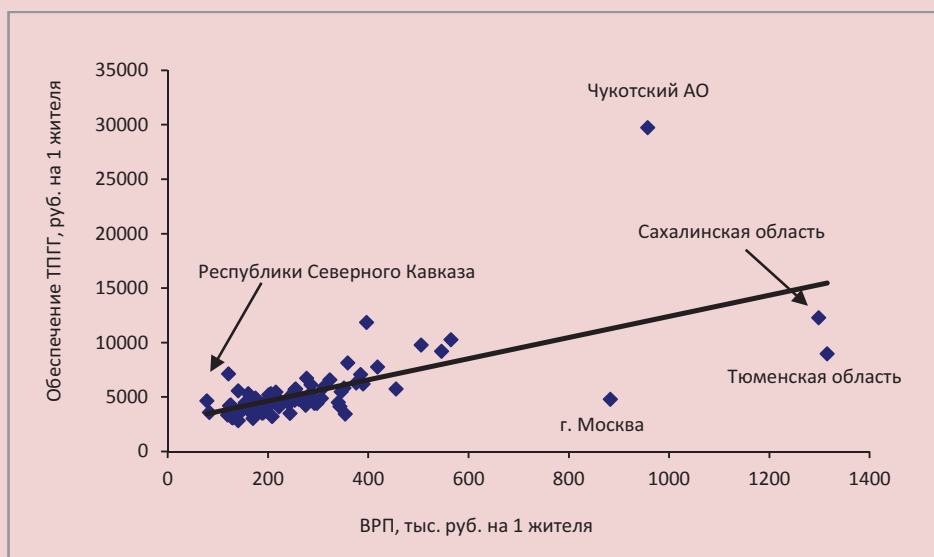
уровню финансовой обеспеченности территориальных программ государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи.

Дифференциация в фактических расходах на здравоохранение в расчёте на душу населения, по данным Росстата, достигает 10 раз: от наибольшего показателя в Чукотском АО (в 2012 г. – 29 750,4 руб. на 1 жителя) до минимального в Республике Северная Осетия–Алания (2841,9 руб. на 1 жителя).

Важно, что основной причиной межрегиональной дифференциации по душевым расходам на здравоохранение являются не различия в уровне страховых рисков, то есть реальное состояние здоровья населения, а неравенство в экономическом развитии территорий, следовательно, масштабах налоговой базы [7]. В итоге регионы с развитой промышленностью и высоким уровнем подушевого ВРП выделяют больше средств на финансирование здравоохранения, чем менее развитые экономически (имеет значение и численность населения, например многомиллионный город Москва оказывается в числе субъектов с низкими подушевыми расходами на здравоохранение). Обнаруживается тесная корреляционная связь (связь средней силы, $R=0,642$) между показателями подушевого ВРП и обеспеченностью Территориальных программ госгарантий субъектов РФ средствами страховых фондов (ОМС) (рисунок)².

² Обнаруживается связь средней силы ($R=0,574$) между подушевым ВРП и общими расходами на ТППГ. Между показателями подушевого ВРП и обеспеченностью территориальных программ бюджетными средствами наблюдается слабая связь ($R=0,372$), поскольку в г. Санкт-Петербурге, Челябинской и Магаданской областях в анализируемом 2012 г. имели место значительно большие, чем в прочих регионах, показатели бюджетных расходов на здравоохранение. По этой же причине связь между размером подушевого ВРП и общими расходами на ТППГ достаточно слабая.

Связь обеспеченности Территориальных программ госгарантий субъектов РФ средствами ОМС и подушевым ВРП, 2012 г.

Источник: данные Росстата, 2013.

Из диаграммы на рисунке видно, что высокие показатели расходов приходится на северные, нефтедобывающие регионы (в частности Сахалинскую область), а также малочисленный и богатый полезными ископаемыми регион – Чукотский Автономный округ. Минимальные показатели демонстрируют, как правило, Северо-Кавказские республики³.

Ценный показатель финансирования здравоохранения – дефицит Территориальной программы госгарантий, выражающийся в процентах как доля недополученных здравоохранением средств от их необходимого объема. Несмотря на то что в целом уровень дефицитности Тер-

риториальных программ госгарантий в РФ сокращается (так, если в 2011 г. он достигал почти 19%, то в 2013 г. составлял чуть больше 9%), говорить об успехах преждевременно. В 2013 г. Территориальные программы были бездефицитны только в двадцати пяти субъектах Российской Федерации, в том числе в городах Москве и Санкт-Петербурге⁴. Максимальный размер дефицита финансового обеспечения программ в 2013 г. отмечен в Республике Дагестан – 22% общей потребности (в 2011 г. он составлял для республики более 50%) или 65% потребности в бюджетных ассигнованиях бюджетов субъектов Российской Федерации (табл. 1)⁵.

³ Конечно, г. Москва, Чукотский АО и Республика Дагестан – слишком разные территориальные единицы, чтобы анализировать их в единой связке без приведения соответствующих оговорок. Северные районы, южные республики и мегаполисы качественно отличаются друг от друга не только уровнем социально-экономического развития, но и социокультурными контекстами. Однако в данной работе, прежде всего для наглядности и удобства, комплекс ресурсных показателей анализируется по всему ряду субъектов РФ. Автор понимает, что многие из присутствующих в статье сопоставлений и выводов нуждаются в дополнительных методологических комментариях.

⁴ Здесь и далее: подробную информацию о субъектах РФ см. в Докладе о реализации Программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в 2013 году. – URL: <http://www.gosminzdrav.ru>

⁵ В 2013 году дефицит финансового обеспечения территориальных программ за счет бюджетных ассигнований консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации составил по 58 субъектам Российской Федерации 81,7 млрд. рублей (9% общей потребности или 27% потребности в бюджетных ассигнованиях бюджетов субъектов Российской Федерации, рассчитанной в соответствии с установленными на 2013 год нормативами).

Таблица 1. Дефицит финансового обеспечения Территориальных программ госгарантий в субъектах Российской Федерации, 2013 г.

Ранг	10 субъектов с наибольшим дефицитом ТППГ	Значение, в %	Ранг	10 субъектов с наименьшим дефицитом ТППГ*	Значение, в %
1	Республика Дагестан (max)	22,1	49	Орловская область	4,7
2	Республика Марий Эл	21,4	50	Красноярский край	2,5
3	Республика Хакасия	20,1	51	Республика Башкортостан	2,3
4	Республика Алтай	19,9	52	Липецкая область	2,3
5	Республика Калмыкия	19,5	53	Нижегородская область	1,5
6	Тамбовская область	18,5	54	Новгородская область	1,0
7	Чеченская Республика	17,8	55	Рязанская область	0,7
8	Республика Ингушетия	17,8	56	Белгородская область	0,6
9	Алтайский край	17,5	57	Самарская область	0,6
10-11	Волгоградская область	17,3	58	Республика Мордовия (min)	0,2
10-11	Вологодская область	17,3			

Примечание. В РФ в целом – 9,2.
* Без 25 регионов со 100% обеспеченностью ТППГ.
Источник: Росстат, 2014.

Территориальное неравенство сохраняется и на муниципальном уровне. Например, диапазон значений подушевых расходов на здравоохранение в муниципальных образованиях Вологодской области достигает 2–3 раз [5]. Важно, что эта разница обусловлена не столько различиями в объективных потребностях населения территории в медицинской помощи, сколько неравномерностью развития материально-технической базы лечебно-профилактических учреждений. В г. Череповце, Сокольском и Великоустюгском районах, где функционируют крупные сети медицинских учреждений, преимущественно стационары, количественные и качественные характеристики материально-технической базы существенно выше, чем в других районах области [5].

Объем бюджетного финансирования муниципалитетов выводится нормативно, исходя из фактически произведенных затрат на здравоохранение в предыдущий период, поэтому величины поправочных коэффициентов, используемых для оценки

расходов по муниципальным образованиям Вологодской области, различаются – более чем в два раза.

Одним из механизмов, позволяющих нивелировать подобные перекосы, является применение передовых методов оплаты медицинской помощи. Они ориентируют учреждения не на поддержание уже созданных материальных фондов, а на финансирование объемов медицинской помощи с поправкой на потребности отдельных территорий, что создаёт предпосылки для большей социальной справедливости в распределении общественных ресурсов здравоохранения и мотивирует руководителей учреждений к их эффективному использованию.

В 2004–2006 гг. на основе опросов руководителей учреждений здравоохранения было проведено широкое (но не полное) обследование распространённости в регионах России различных способов оплаты медицинской помощи. Это исследование, во-первых, обнажило значительную дифференциацию субъектов Федерации

по использованию механизмов финансирования здравоохранения и, во-вторых, выявило широкую популярность морально устаревших методов оплаты медицинской помощи, обуславливающих затратный режим расходования средств.

В 2004–2006 гг. в здравоохранении РФ преобладала и продолжала расширяться практика применения оплаты амбулаторной помощи по посещениям, которая поощряет рост обращений к врачам и не стимулирует работу по профилактике заболеваний. Лишенный этих недостатков и зарекомендовавший себя в других странах метод оплаты по подушевому принципу на одного прикрепившегося использовался в 2006 г. лишь в 14% регионов (19% в 2004 г.). В 8–11% субъектов РФ применялся неконструктивный и устаревший метод оплаты амбулаторной помощи «по смете расходов» [12].

Обращает на себя внимание увеличение в тот период доли регионов, применяющих метод оплаты по количеству фактически проведенных пациентом койко-дней – с 42% в 2004 г. до 47% в 2006 г. Он ориентирует стационары на поддержание максимального числа коек, рост госпитализаций и длительности лечения. Расширилось применение метода оплаты по средней стоимости лечения больного в профильных отделениях, но этот метод не обеспечивает адекватного учета различий в расходах на лечение заболеваний разной сложности. Между тем метод оплаты согласованных объемов медицинской помощи, который позволяет более адекватно учесть реальную сложность оказываемой помощи и создать стимулы у стационаров к повышению эффективности использования ресурсов, применялся в те годы лишь в 8% регионов (в Кемеровской, Костромской, Самарской, Тульской областях, Чувашской Республике) [12].

Однако в тот период наметились и положительные сдвиги. Например, среди методов оплаты стационарной помощи расширилось применение оплаты за законченный случай госпитализации: в 2005 г. он использовался в 49% регионов, а в 2006 г. – уже в 65%.

Насколько изменилась ситуация спустя 10 лет? По данным Министерства здравоохранения РФ, в 2013 г. 57 субъектов Российской Федерации при оказании медицинской помощи в амбулаторных условиях использовали способ оплаты за единицу объема медицинской помощи (медицинскую услугу, посещение, обращение, законченный случай лечения).

В 18 субъектах РФ основным являлся передовой способ оплаты по подушевому нормативу финансирования на прикрепившихся лиц, но всё-таки в сочетании с оплатой за единицу объема медицинской помощи. Однако только в 8 субъектах Российской Федерации (Архангельская область, Пензенская область, Алтайский край, Тюменская область, Кемеровская область, Томская область, Республика Саха (Якутия), Камчатский край) в большинстве медицинских организаций использовался способ оплаты медицинской помощи по подушевому нормативу финансирования на прикрепившихся лиц с учетом показателей результативности деятельности медицинской организации, в том числе с включением расходов на медицинскую помощь, оказываемую в иных медицинских организациях [1].

В 2013 г. в 21 субъекте Российской Федерации оплата медицинской помощи в стационарных условиях осуществлялась за законченный случай лечения заболевания, что нельзя не оценить положительно, однако в 9 субъектах Российской Федерации при оплате медицинской помощи в стационарных условиях использовались непредус-

мотренными Программой способы оплаты, в том числе за единицу объема медицинской помощи (1 койко-день).

Таким образом, движение к передовым методам оплаты медицинской помощи в РФ идёт весьма умеренными темпами. Это находит объяснение не только в косности местных властей, но и в незаинтересованности руководителей учреждений переходить на новые принципы финансирования, которые могут сократить доходы учреждений.

Трудовые ресурсы здравоохранения

Система здравоохранения предусматривает наличие хорошо подготовленных медицинских работников, обеспечивающих охрану здоровья населения, профилактику и лечение заболеваний, реабилитацию больных на высоком профессиональном уровне, с соблюдением этических норм. Под обеспеченностью населения врачами и средним медперсоналом понимается относительное количество этих категорий специалистов, работающих в лечебно-профилактических учреждениях региона.

По данным Всемирного Банка, количество врачей в России составляет 4,3‰ (человек на 1000 населения), что весьма существенно. В мире в среднем значение

данного показателя составляет всего 1,5‰, в Европе — 3,7‰. Наиболее близкие к российскому показателю значения демонстрируют такие страны, как Литва (4,1‰), Грузия (4,2‰), Швейцария и Андорра (3,9‰), Швеция и Болгария (3,8‰), а также Уругвай, Испания, Норвегия (3,7‰), Чехия и Казахстан (3,6‰). Бóльшая, чем в РФ, обеспеченность населения врачами имеет место только в нескольких странах, сравнение с которыми методологически некорректно, но всё же иллюстративно: это Австрия (4,8‰), Сан-Марино (5,1‰), Греция (6,2‰), Куба (6,7‰), Монако (7,2‰), Катар (7,7‰) [20].

Территориальное неравенство в обеспеченности населения врачами сохраняет свою остроту и на следующем уровне территориальной организации, в России — на уровне субъектов Федерации. Дифференциация по обеспеченности населения врачами охватывает широкий диапазон значений — от максимальных в крупнейших городах Москве (68,6‰) и Санкт-Петербурге (81,2‰), а также Чукотском АО и Республике Северная Осетия-Алания (73,8 и 71,7‰), до минимального (27‰) в Чеченской Республике (табл. 2).

Таблица 2. Обеспеченность населения врачами, человек на 10 000 населения, 2013 г.

10 наиболее обеспеченных регионов*	Значение, в ‰		10 наименее обеспеченных регионов	Значение, в ‰	
	2003 г.	2013 г.		2003 г.	2013 г.
г. Санкт-Петербург	77,3	81,2	Костромская область	36,1	35,5
Чукотский автономный округ	73,2	73,8	Псковская область	34	35,5
Республика Северная Осетия–Алания	67,1	71,7	Республика Марий Эл	35,6	35
г. Москва	73	68,6	Вологодская область	33,9	34,7
Астраханская область	65,5	65,8	Тамбовская область	34,4	34,5
Томская область	68,6	61,1	Ленинградская область	29,8	34,3
Амурская область	59,2	60,6	Владимирская область	34,7	33,9
Магаданская область	54,7	59,5	Тульская область	33,7	33,6
Ярославская область	56,9	58	Курганская область	27,7	30,2
Хабаровский край	58,3	57,9	Чеченская Республика	н.д.	27

Примечание. В РФ в целом – 49 (2013 г.); разница между max и min значениями – 3 раза.
* Ранжировано по данным 2013 г.
Источник: Росстат, 2014.

Территориальные различия в обеспеченности здравоохранения трудовыми ресурсами достаточно стабильны, и в 2003 г. отношение максимального и минимального значений анализируемого показателя между субъектами Федерации также достигло 3,2. Составы групп регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров по обеспеченности врачами относительно постоянны. Стабильно низкий уровень обеспеченности врачами имеет место в Псковской, Вологодской, Тульской, Курганской областях (и в 2003, и в 2013 гг. они входили в 10 регионов с минимальными значениями показателя).

Различия в значениях показателей обеспеченности населения врачами сохраняются и на уровне муниципальных территорий. Так, в Вологодской области, даже если не принимать во внимание крупные города, разница между минимальным (10‰ в Кадуйском муниципальном районе) и максимальным (22,4‰ в Великоустюгском районе) значениями показателя обеспеченности населения врачами составляет 2,2 раза.

Важным свидетельством дефицита врачей в РФ является низкий уровень укомплектованности штатных должностей физическими лицами и высокий уровень совместительств. Иллюстративна ситуация Вологодской области: если укомплектованность врачами ЛПУ Вологодской области по данным 2013 г. составляет в среднем 91% для врачей, то обеспеченность штатных должностей физическими лицами составляет лишь 49% для врачей. При этом коэффициент совместительств равен 1,9, в отдельных районах области достигает и 2,1 (Бабаевский район). Для сравнения, ситуация с обеспеченностью средним медперсоналом обстоит лучше: при укомплектованности штатами на 94% обеспеченность штатных должностей физическими

лицами равна 63% при коэффициенте совместительств 1,5. Чрезмерные нагрузки при работе на нескольких ставках (включая и ночные дежурства) негативно сказываются на физическом и психическом здоровье врачей, что приводит к снижению качества медицинского обслуживания (согласно данным опроса населения Вологодской области, 18% граждан, посещая медицинские учреждения, часто сталкивались с невнимательным отношением медработников и 14% — с хамством с их стороны), предоставляемого в региональных учреждениях здравоохранения, и падению престижа профессии [4].

Несмотря на то что в сравнении с другими странами мира РФ отличается высокими показателями численности врачей, официально декларируется их дефицит (за период с 2000 по 2013 г. обеспеченность врачами населения в РФ увеличилось не существенно — на 2%). Есть основания полагать, что при этом имеется в виду недостаток не врачей в целом, а специалистов первичного звена. Так, министр здравоохранения РФ В. Скворцова утверждает, что количество врачей первичного контакта в России ниже нормативов ВОЗ в 2–2,5 раза [13]. Однако это справедливо только в отношении врачей общей практики: их в РФ действительно в два и более раза меньше, чем в Европе и мире. Так, в 2000 г. в России их численность в пересчёте на 1000 чел. населения составляла 20,5⁶, в Европейском регионе ВОЗ — 54 в 2000 г. и 60,8 в 2012 г., в Великобритании — 81,2 в 2012 г. (64,5 в 2000 г.), в Германии — 65,8 в 2011 г., а во Франции — 159,2 в 2012 г. [19]. Подобные различия объяснимы: институт семейного врача традиционно не был характерен для России, однако были весьма распространены терапевты и фельдшеры.

⁶ Это последние данные по РФ, приведённые в Базе ВОЗ в 2014 г.

Как обстоит ситуация с развитием службы врача общей практики в субъектах РФ? Несмотря на то что значения показателей, по данным 2013 г., охватывают широкий диапазон — от 0,1‰ в г. Москве, Республике Ингушетия и Ямало-Ненецком АО до 3,8‰ в Чувашской Республике, в большинстве субъектов РФ количество семейных врачей незначительно (от 0,1 до 0,9‰). Особо неблагоприятная ситуация сложилась в Чеченской Республике и Республике Адыгея, где семейные врачи практически отсутствуют.

Обеспокоенность лиц, ответственных за принятие решений в здравоохранении, по поводу недостатка врачей общей практики понятна: они руководствуются рекомендациями ВОЗ, в соответствии с которыми важен акцент на первичной медико-санитарной помощи. Однако в контексте российских реалий эта позиция далеко не всегда разделяется как гражданами, так и самими медицинскими работниками.

Во-первых, ситуация с обеспеченностью населения РФ врачами терапевтических специальностей, если опираться на данные по странам мира, в целом вполне благоприятна. В России её уровень достигает 145,9, это наибольший в мире показатель. Для убедительности уместно привести данные по численности терапевтов как в странах близких России по социалистическому прошлому, так и государствах западного мира. В Беларуси численность врачей первичного контакта составляла 140,9 в 2011 г., на Украине — 135,1 в 2012 г., во Франции — 83,4 в 2011 г., в Германии — 89,8 в 2011 г., в Италии — 137,5 в 2011 г. [19].

Во-вторых, в неблагоприятных условиях высокой смертности и запущенности патологий чрезвычайно важны узкие специалисты, которые по ряду направлений являются редкими для регионов. А в таком актуальном и остром секторе, как онкология, усилиями первичного звена и врачей

общей практики не добиться успехов — необходимо создание специализированной государственной службы. Трудно не заметить и утечку кадров из государственных учреждений в частные клиники.

Кроме того, опросы населения показывают, что пациентов волнует дефицит врачей именно узких специальностей. Он особенно ощутим в тех регионах, где отсутствуют медицинские образовательные учреждения или сложился низкий уровень социально-экономического развития, имеет место низкая заработная плата в здравоохранении.

Согласно социологическим опросам, проведённым в Вологодской области, 32% граждан часто сталкиваются с проблемой отсутствия в медицинском учреждении нужного специалиста [4]. Однако факт того, что наиболее распространённым негативным моментом в работе поликлиник граждане называют сложность попасть на приём к врачу (55% респондентов), не выстояв длинную очередь, свидетельствует о недостатке участковых терапевтов и врачей общей практики. Это чревато не только длительностью ожидания приёма, но и сокращением самого времени приёма пациентов, что снижает эффективность первичного звена, увеличивает потоки пациентов к специалистам и в стационары⁷.

В России сложились заметные региональные различия и по обеспеченности населения средним медперсоналом. Так, дифференциация между наиболее и наименее обеспеченными регионами достигает двукратной величины.

⁷ Кадровый дефицит не является проблемой только первичной или вторичной медицинской помощи. Например, в «Публичном докладе о результатах деятельности департамента здравоохранения Вологодской области за 2013 г.», где внушительная часть текста посвящена трудовым ресурсам здравоохранения, утверждается, что дефицит кадров ощутим во всех типах медицинских организаций региона. — URL: <http://okuvshinnikov.ru/files/ocenka/duganov.pdf>

Наибольший уровень обеспеченности средним медицинским персоналом имеет место в Магаданской области (151,3‰), Чукотском автономном округе (151,1‰), Мурманской области (149,3‰), Республике Коми (146,6‰), Ханты-Мансийском автономном округе-Югре (144,4‰). Стабильно низкий уровень обеспеченности средним медицинским персоналом отмечается в республиках Дагестан и Ингушетия, Московской области, Чеченской Республике, Ленинградской области (и в 2003, и в 2013 гг. они входили в 10 регионов с минимальными значениями показателя). В целом наиболее неблагоприятная ситуация укрепилась в таких регионах, как республики Ингушетия и Дагестан, Ростовская область, Приморский край (табл. 3).

Обеспеченность населения РФ средним медицинским персоналом в целом по стране достаточно стабильна. За период с 2000 по 2013 г. она снизилась всего на 2%. Анализ ситуации в ретроспективе позволяет говорить и о сокращении территориальных диспропорций в обеспеченности населения регионов средним медперсоналом.

За период с 2003 по 2013 г. различия в значениях максимальных и минимальных показателей снизились с 2,8 до 2 раз.

Важную роль играет и оптимальное соотношение численности врачей и среднего медицинского персонала, занятых в медицинских учреждениях страны. В экономике здравоохранения существует аксиома, согласно которой эффективность кадрового обеспечения здравоохранения не может быть достигнута без существенного численного преимущества среднего медицинского персонала, то есть вспомогательных работников, над врачами.

В России соотношение врачей и среднего медперсонала пусть и складывается в пользу второго (1:2), однако в странах Европы и США перевес достигает четырёхкратной величины. В Вологодской области, к примеру, ситуация близка к «западному образцу», но причиной тому является скорее острый дефицит врачей в регионе.

Дать объективную оценку состоянию кадровых ресурсов здравоохранения затруднительно по причине сложности и многогранности самого вопроса (за сред-

Таблица 3. Обеспеченность населения средним медицинским персоналом, человек на 10 000 населения

10 наиболее обеспеченных регионов*	Значение, в ‰		10 наименее обеспеченных регионов	Значение, в ‰	
	2003 г.	2013 г.		2003 г.	2013 г.
Магаданская область	147,9	151,3	Ростовская область	89,3	92,1
Чукотский автономный округ	137,3	151,1	Самарская область	100,1	91,7
Мурманская область	136,7	149,3	Калининградская область	86,2	90,9
Республика Коми	138,8	146,6	Краснодарский край	100,1	88,1
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	133,1	144,4	Приморский край	88,1	87,4
Сахалинская область	127,6	143,5	Республика Дагестан	80,4	82,1
Республика Тыва	137,3	139,7	Республика Ингушетия	51,6	77,1
Архангельская область	141,8	139,7	Московская область	81,5	76,7
Республика Саха (Якутия)	138,5	137,4	Чеченская Республика	н.д.	73,2
Республика Алтай	128,7	135,3	Ленинградская область	73,3	73

В РФ в целом – 105,7 (2013 г.); разница между max и min значениями – 2 раза.
* Ранжировано по данным 2013 г.
Источник: Росстат, 2014.

ними цифрами скрываются важные качественные характеристики: специализация, профессиональная категория, структура кадрового состава, уровень заработной платы, действия мотивирующих факторов и т.д.). Однако анализ даже самых общих статистических показателей позволяет очертить контуры актуальных для российского здравоохранения проблем, в частности проблемы территориальных диспропорций в обеспеченности региональных систем здравоохранения медицинскими кадрами.

Нельзя не отметить парадоксальности сложившейся ситуации: на фоне внушительных, в межстрановом сопоставлении, показателей обеспеченности отечественного здравоохранения врачами на локальном уровне остро ощущается дефицит врачебных кадров.

*Больничные койки*⁸

По масштабам развития стационарной помощи Россия занимает одну из ведущих позиций в мире. Согласно оценкам ВОЗ, в 2005–2012 гг. уровень обеспеченности населения больничными койками в РФ достигал 97‰. По данному показателю Россия уступает лишь 5 странам: карликовому государству Монако (165‰), Японии (137‰), КНДР (132‰), республикам Беларусь (111‰) и Корея (103‰)⁹ [19].

Столь широкие стационарные мощности являются наследием советской системы здравоохранения, опиравшейся преимущественно на больницы. Известно, что в советский период большое число больниц считалось основным показателем хорошей

системы здравоохранения. Неслучайно Всесоюзным институтом социальной гигиены им. Н.А. Семашко были установлены нормативы (число коек на 10 000 населения и др.), обязательные к применению на всей территории страны. Необходимость обеспечения всех жителей СССР медицинской помощью обусловила строительство многих стационарных учреждений различной специализации и всех уровней территориальной организации.

В постсоветский период из-за хронической нехватки средств в России произошло закрытие множества больниц и сокращение числа больничных коек. Приём больных в свете указанных негативных процессов также сократился, однако сроки стационарного лечения больных в силу экстенсивности режима лечения оставались высокими [18].

В 2004 г. сокращение коечных фондов в стране продолжилось в рамках процесса структурной реорганизации здравоохранения, направленной, согласно официальным заявлениям, на повышение внутриотраслевой эффективности¹⁰.

Разработанная позже, в 2007 г., и рекомендованная к использованию методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ также ориентировала региональные власти на сокращение «избыточных» коечных фондов. Ставилась простая цель — устранить диспропорции между регионами в объёмах стационарной помощи, приведение их к единому федеральному «нормативу»¹¹.

⁸ Материально-техническая база здравоохранения представлена не только коечными фондами, однако в данной статье, прежде всего в силу универсальности и доступности официальных статистических данных, за основу принят именно показатель обеспеченности населения стационарными койками. Развитие стационарной помощи само по себе не свидетельствует об эффективности здравоохранения, однако даёт ценные сведения о её доступности.

⁹ Минимальный уровень отмечен в Мали, где на 10 000 чел. населения в среднем приходится одна стационарная койка.

¹⁰ Основные принципы реструктуризации изложены в проекте Отраслевой программы «Повышение структурной эффективности системы здравоохранения Российской Федерации на 2004–2010 годы» (2004 г.).

¹¹ Методика была разработана и утверждена Комиссией при Президенте Российской Федерации по вопросам совершенствования государственного управления и правосудия во исполнение Указа Президента Российской Федерации «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» от 28 июня 2007 г. № 825. Протокол № 1 от 18 июля 2007 г.

Реализация этих «оптимизационных» мероприятий привела к стремительному сокращению коечных фондов. Например, в Вологодской области за период с 2000 по 2013 г. снижение показателя обеспеченности жителей койками круглосуточного пребывания составило 30%. В итоге регион, в течение длительного времени демонстрировавший высокий на общероссийском фоне уровень обеспеченности населения больничными койками, к 2009 г. практически вышел на общенациональный показатель.

В результате этой политики удалось добиться снижения показателей обеспеченности населения койками, при этом территориальная дифференциация сохранилась, но стала более умеренной. Если в 2000 г. разница в уровне обеспеченности населения больничными койками между наиболее и наименее обеспеченными субъектами Федерации (Чукотским автономным округом и Республикой Ингушетия) достигала более 4 раз (без учёта ещё существовавших тогда Корякского, Эвенкийского и Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономных округов), то в 2013 г. она составила 3 раза.

Наиболее неблагоприятная ситуация сохраняется в республиках Северного Кавказа, где система здравоохранения в течение данного периода оставались на низком уровне развития (табл. 4).

Интересно заметить, что именно слабое развитие инфраструктуры здравоохранения Северо-Кавказских республик становилось причиной отнесения их к категории «эффективных» по итогам оценки эффективности органов исполнительной власти по разделу «здравоохранение» в соответствии с утверждённой методикой [3].

Если и есть показатель, который не выявляет существенных различий между субъектами РФ, то это уровень финансирования паллиативной медицинской помощи, одинаково низкий для всех регионов страны. Это большая организационная и этическая проблема российского здравоохранения. Пациента с тяжёлым и неизлечимым заболеванием, требующего регулярного врачебного контроля, в России, как правило, выписывают из стационара под формулировкой «для наблюдения по месту жительства», то есть фактически умирать в домашних условиях.

Таблица 4. Обеспеченность населения больничными койками круглосуточного пребывания, человек на 10 000 населения

10 наиболее обеспеченных регионов	Значение, в ‰		10 наименее обеспеченных регионов	Значение, в ‰	
	2000 г.	2013 г.		2000 г.	2013 г.
Чукотский автономный округ (max)	184,5	148,3	Челябинская область	120,7	74,9
Магаданская область	143,8	125,6	Чеченская Республика	н.д.	74,1
Ненецкий автономный округ	116,2	121,5	Московская область	106,7	72,1
Сахалинская область	131,5	120,8	Ставропольский край	88,8	72,1
Республика Тыва	161,7	117,4	Республика Дагестан	81,2	67,7
Республика Саха (Якутия)	148,2	106,9	Республика Адыгея	103,5	67,4
Камчатский край	146,6	106	Тюменская область	106,7	67,3
Орловская область	118,9	97,7	Ленинградская область	99,2	66,7
Забайкальский край	125,3	96,3	Республика Татарстан	114,1	65,5
Смоленская область	130,6	95	Республика Ингушетия (min)	41,6	47,2

Примечание. В РФ в целом – 81,5 (2013 г.); разница между max и min значениями – 3 раза.
Источники: Росстат, 2000; Минздрав, 2014.

Эта проблема не решается и сегодня. Несмотря на то что с 2013 года в Программе госгарантий впервые установлены средние нормативы объема и стоимости единицы объема паллиативной медицинской помощи, оказываемой в больницах, их размер крайне мал. Фактический объем паллиативной медицинской помощи в стационарных условиях в 2013 году составил 0,035 койко-дня на 1 жителя, что более чем в 2 раза ниже среднего норматива, установленного Программой (0,077 койко-дня на 1 жителя) [1]. Средняя стоимость 1 койко-дня по паллиативной медицинской помощи на треть уступала даже установленному в 2013 г. ограниченному нормативу и составила 1 180,7 рубля. В 29 субъектах Российской Федерации эта помощь в стационарных условиях гражданам совсем не оказывалась.

Заключение

Проблемы территориального неравенства всегда сложны и многоаспектны. В статье предпринята попытка на основе самой простой и доступной статистической информации раскрыть масштабы и до некоторой степени причины дифференциации территорий РФ по обеспеченности населения основными ресурсами здравоохранения. Не все возможные и важные аспекты данной проблемы были затронуты. Так, более обстоятельного анализа заслуживает анализ роли ФЗ № 326 «Об ОМС» в нивелировании территориальных перекосов в доступности медицинской помощи для граждан России, специфики и эффективности пространственного размещения сетей здравоохранения и т.д. Однако и в подобном формате исследования удалось актуализировать острые проблемы российского здравоохранения, касающиеся неравномерного распределения ресурсов и объектов инфраструктуры здравоохранения на территории страны.

Проанализированные факты должны помочь ещё раз обратить внимание властей на характерный для отечественного здравоохранения дефицит финансирования, который усугубляется невыполнением расходных обязательств субъектов РФ по обеспечению медицинской помощи. Даже официально утверждённый уровень затрат не обеспечивается необходимыми средствами. В 2013 г. только в 25 субъектах РФ Программы госгарантий были на 100% обеспечены финансовыми ресурсами.

Сложилась существенная дифференциация субъектов РФ и по уровню обеспеченности кадровыми ресурсами и масштабами развития материально-технической базы, прежде всего стационарных фондов.

Так, различия между субъектами РФ в обеспеченности населения врачами достигает 3 раз, средним медперсоналом — 2 раз, койками круглосуточного пребывания — 3 раз. Проведённая реструктуризация коечных фондов, призванная оптимизировать и выровнять предложение стационарной помощи в регионах, снизила разрыв в обеспечении населения больничными койками, но за счёт значительного сокращения стационарного звена.

Описанные в статье примеры дифференциации территорий не должны приводить к заключению об избыточности финансирования медицинской помощи регионов с наибольшими показателями расходов и в целом ресурсного обеспечения здравоохранения.

Это неправомерно, особенно в условиях общего дефицита финансирования отрасли. Важно обратить внимание на регионы-аутсайдеры, где ресурсное обеспечение медицинской помощи оказывается ниже и без того скудного общенационального показателя.

Литература

1. Доклад о реализации Программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в 2013 году // Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ. – Режим доступа: <http://www.rosminzdrav.ru/documents/8122-doklad-o-realizatsii-programmy-gosudarstvennyh-garantiy-besplatnogo-okazaniya-grazhdanam-meditsinskoj-pomoschi-v-2013-godu>
2. Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2008 г. Первичная медико-санитарная помощь сегодня актуальнее, чем когда-либо [Текст]. – Женева: ВОЗ, 2008. – 152 с.
3. Дуганов, М.Д. Оценка эффективности расходов на здравоохранение: опыт Вологодской области [Текст] / М.Д. Дуганов, А.А. Шабунова, К.Н. Калашников // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 3. – С. 201-218.
4. Калашников, К.Н. Доступность и качество медицинской помощи в контексте модернизации здравоохранения / К.Н. Калашников, О.Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2 (32). – С. 130-143.
5. Калашников, К.Н. Организационно-экономические факторы управления региональной системой здравоохранения [Текст]: монография / К.Н. Калашников, А.А. Шабунова, М.Д. Дуганов. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 153 с.
6. Конституция Российской Федерации. – М.: Юрайт, 2009. – 48 с.
7. Линденбратен, А.Л. Актуальные проблемы финансирования здравоохранения [Электронный ресурс] / А.Л. Линденбратен // БЮДЖЕТ.RU. – Режим доступа: <http://bujet.ru/article/40147.php>
8. Маркес, П. Государственные расходы на здравоохранение в Российской Федерации: проблемы и пути их решения [Электронный ресурс] / П. Маркес // Всемирный банк – Режим доступа: http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/Public_Spending_report_ru.pdf
9. Министерство здравоохранения РФ // Официальный сайт. – URL: <http://www.rosminzdrav.ru/>
10. Модернизация здравоохранения: новая ситуация и новые задачи / Л.Д. Попович, Е.Г. Потапчик, С.К. Салахутдинова, Е.В. Селезнёва, И.М. Шейман, С.В. Шишкин; под ред. И.М. Шеймана, С.В. Шишкина. – М.: «Дело» РАНХ, 2010. – 232 с.
11. Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области. – Вологда: Департамент здравоохранения Вологодской области, 2013.
12. Реализация реформы здравоохранения в субъектах РФ [Электронный ресурс]: база данных. – Режим доступа: <http://www.healthreform.ru/>
13. Скворцова: система здравоохранения в РФ обескровлена дефицитом кадров [Электронный ресурс] / РИА-новости. – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20131209/982823851.html>
14. OECDiLibrary [Электронный ресурс]: база данных. – Режим доступа: <http://www.oecd-ilibrary.org>
15. Улумбекова, Г.Э. Бюджет-2015 – это 500 000 смертей [Электронный ресурс] / Г.Э. Улумбекова // Pravda.ru. – Режим доступа: <http://www.pravda.ru/video/society/15488.html>
16. Финансирование здравоохранения: альтернативы для Европы / Э. Моссиалос, А. Диксон, Ж. Фигерас, Д. Кутцин; пер. с англ. – М: Весь Мир, 2002. – 352 с.
17. Шишкин, С.В. Стратегии трансформации государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи [Электронный ресурс] / С.В. Шишкин // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. – 2007. – № 7. – Осень-зима. – Режим доступа: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/spero/07/N7_2007-27-50.pdf
18. Hospitals in a changing Europe / edited by Martin McKee and Judith Healy. – Open University Press, 2002. Buckingham, Philadelphia. – P. 320.
19. WHO // Официальный сайт. – URL: <http://www.euro.who.int/ru>
20. World Bank [Электронный ресурс]: база данных. – <http://data.worldbank.org/>

Kalashnikov K.N.

Resource security of healthcare in Russia: issues of territorial differentiation

Konstantin Nikolaevich Kalashnikov – Ph.D. in Economics, Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, e-mail: konstantino-84@mail.ru)

Abstract. Russia's regions (federation subjects) vary greatly by level of socio-economic development; this fact leads to inequality in social infrastructure development as well. The same can be said about healthcare. There is a strong link between economic development in the regions and funding of medical care. It is necessary to point out that the actual level of morbidity and mortality is not reflected in the volumes of resource supply of the sector in terms of territories; consequently, the principles of social justice and social solidarity are violated.

The article analyzes statistical data on the RF subjects and shows the extent of territorial disparities in the provision of population with the main healthcare resources: financial (the amount of per capita funding and the level of implementation of territorial programs of state guarantees), labor (provision of population with doctors and nursing staff), equipment (provision with hospital beds). The author points out the regions that show consistently low rates of resource security of healthcare.

The article reveals that the differentiation between the RF subjects by level of per capita financing of healthcare reaches 10 times, the provision of population with doctors – 3 times, with nursing staff – 2 times, with hospital beds – 3 times. Moreover, territorial differences in the provision of Russia's citizens with healthcare services are quite stable. The reduction of differentiation is observed only in the indicator of provision of citizens with ward beds; it was achieved through the restructuring and reduction of the number of hospital beds. Territorial inequalities in the provision of healthcare and population with resources still exist at the municipal level as well.

Government agencies should conduct social policy that aims to eliminate sharp disparities in providing citizens with medical care; moreover, this should be done only by improving the situation in the regions where the situation is the gravest. In addition, it is necessary to use more extensively the mechanisms of funding taking into account the specifics of territories and objective needs of population with regard to healthcare. In Russia this process, as the article shows, is going on, but very slowly.

Key words: healthcare, financial resources, human resources, hospital beds, territorial differentiation, subject of federation.

References

1. Doklad o realizatsii Programmy gosudarstvennykh garantii besplatnogo okazaniya grazhdanam meditsinskoj pomoshchi v 2013 godu [Report on Implementation of the Program of State Guarantees of Free-of-Charge Provision of Citizens with Medical Care in 2013]. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva zdravookhraneniya RF* [Official Website of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation]. Available at: <http://www.rosminzdrav.ru/documents/8122-doklad-o-realizatsii-programmy-gosudarstvennykh-garantiy-besplatnogo-okazaniya-grazhdanam-meditsinskoy-pomoschi-v-2013-godu>
2. *Doklad o sostoyanii zdravookhraneniya v mire, 2008 g. Pervichnaya mediko-sanitarnaya pomoshch' segodnya aktual'nee, chem kogda-libo* [The World Health Report 2008 – primary Health Care (Now More Than Ever)]. Geneva: WHO, 2008. 152 p.
3. Duganov M.D., Shabunova A.A., Kalashnikov K.N. Otsenka effektivnosti raskhodov na zdravookhranenie: opyt Vologodskoi oblasti [Efficiency of Health Care Expenditures: Assessing the Experience of Vologda Oblast]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2010, no. 3, pp. 201-218.

4. Kalashnikov K.N., Kalachikova O.N. Dostupnost' i kachestvo meditsinskoj pomoshchi v kontekste modernizatsii zdavookhraneniya [The Availability and Quality of Medical Care in the Context of Modernization of Healthcare]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2011. Pp. 23-30.
5. Kalashnikov K.N., Shabunova A.A., Duganov M.D. *Organizatsionno-ekonomicheskie faktory upravleniya regional'noi sistemoi zdavookhraneniya: monografiya* [Organizational-Economic Factors in the Management of Regional Healthcare System: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2012. 153 p.
6. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation]. Moscow: Yurait, 2009. 48 p.
7. Lindenbraten A.L. Aktual'nye problemy finansirovaniya zdavookhraneniya [Topical Issues of Healthcare Financing]. *BYuDZhET.RU* [Budget.ru]. Available at: <http://bujet.ru/article/40147.php>
8. Marquez P. Gosudarstvennye raskhody na zdavookhranenie v Rossiiskoi Federatsii: problemy i puti ikh resheniya [Public Spending in Russia for Health Care: Issues and Options]. *Vsemirnyi bank* [World Bank]. Available at: http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/Public_Spending_report_ru.pdf
9. *Ministerstvo zdavookhraneniya RF Ofitsial'nyi sait* [Official Website of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation]. Available at: <http://www.rosminzdrav.ru/>
10. Popovich L.D., Potapchik E.G., Salakhutdinova S.K., Selezneva E.V., Sheiman I.M., Shishkin S.V. *Modernizatsiya zdavookhraneniya: novaya situatsiya i novye zadachi* [Modernization of Healthcare: New Situation and New Tasks]. Ed. by I.M. Sheiman, S.V. Shishkin. Moscow: "Delo" RANKh, 2010. 232 p.
11. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti uchrezhdenii zdavookhraneniya Vologodskoi oblasti* [Key Performance Indicators of Healthcare Institutions in the Vologda Oblast]. Vologda: Departament zdavookhraneniya Vologodskoi oblasti, 2013.
12. *Realizatsiya reformy zdavookhraneniya v sub"ektakh RF: baza dannykh* [Implementation of Health Care Reform in the Subjects of the Russian Federation: Database]. Available at: <http://www.healthreform.ru/>
13. Skvortsova: sistema zdavookhraneniya v RF obeskvolenena defitsitom kadrov [Skvortsova: Healthcare System in the Russian Federation Is Weakened by Lack of Personnel]. *Ria-novosti* [Russian Agency of International Information "RIA Novosti"]. Available at: <http://ria.ru/society/20131209/982823851.html>
14. *OECDiLibrary Database*. Available at: <http://www.oecd-ilibrary.org>
15. Ulumbekova G.E. Byudzhet-2015 – eto 500 000 smertei [The 2015 Budget Means 500,000 Deaths]. *Pravda.ru*. Available at: <http://www.pravda.ru/video/society/15488.html>
16. Mossialos E., Dixon A., Figueras J., Kutzin J. *Finansirovanie zdavookhraneniya: al'ternativy dlya Evropy* [Funding Health Care: Options for Europe]. Translated from English. Moscow: Ves' Mir, 2002. 352 p.
17. Shishkin S.V. Strategii transformatsii gosudarstvennykh garantii okazaniya besplatnoi meditsinskoj pomoshchi [Strategies for Transformation of State Guarantees of Free Medical Care]. *SPERO. Sotsial'naya politika: ekspertiza, rekomendatsii, obzory* [SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Overview], 2007, no. 7, spring–winter. Available at: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/spero/07/N7_2007-27-50.pdf
18. *Hospitals in a changing Europe*. Ed. by M. McKee and J. Healy. Buckingham, Philadelphia: Open University Press, 2002. P. 320.
19. *Official Website of the WHO*. Available at: <http://www.euro.who.int/ru>
20. *World Bank Database*. Available at: <http://data.worldbank.org/>

Учащаяся молодёжь города и села на Урале: проблемы социально-поселенческой ассимиляции

**Борис Сергеевич
ПАВЛОВ**

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, действующий член МАН и РАЕН; Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, pavlov_boris@mail.Ru)

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы миграции сельской молодёжи в города в контексте социально-поселенческой ассимиляции, предполагающей сближение образа жизни различных больших и малых социальных групп, проживающих в различных типах поселений. Автор анализирует место и значение социального окружения в становлении поколенческой культуры молодых селян, формировании их ценностных ориентаций в сфере жизненного самоопределения.

В статье проводится мысль, что успешное стратегическое социально-экономическое развитие (процветание) больших городов, особенно городов-миллионников, должно быть тесно увязано с их ответственностью за адекватное развитие малых городов и сельских поселений с целью воспроизводства и сбережения трудового потенциала сельскохозяйственного производства в регионе и достойного образа жизни всех акторов этого производства.

Размышления и выводы автора опираются на результаты ряда сравнительных социологических опросов городской и сельской молодёжи, проведенных им в 2008–2014 гг. в различных городах и сельских поселениях ряда субъектов РФ, входящих в Уральский федеральный округ.

Ключевые слова: город, село, семья, молодёжь, социализация, труд, образование, социально-поселенческая ассимиляция, ценностные ориентации, образ жизни.

Исторически одним из механизмов поступательного развития общества является *социально-поселенческая ассимиляция*, предполагающая *сближение образа жизни различных больших и малых социальных групп, проживающих в различных типах поселений*.

В широком смысле под ассимиляцией (от лат. *assimilatio* – уподобление, слияние, усвоение) понимается процесс, в ходе которого две или более группы, ранее различавшиеся внутренней организацией, ценностными ориентациями, культурой,

создают новую общность, в которой происходит смена групповой самоидентификации, утрачивается ощущение своей самобытности, специфичности.

Наиболее рельефно имеющиеся в России социально-поселенческие различия отражены в понятии «село—город». Основные ассимиляционные изменения населения предопределяются прежде всего процессами, идущими в молодёжной части социума, и проявляются в трансформации образа жизни поколений «отцов и детей». Эта трансформация может фиксироваться в изменениях структуры и характере формирующихся (сформированных) потребностей и ценностных ориентаций молодых людей по мере их взросления. Они отражаются в жизненных планах, в выборе основных средств их достижения, в формах повседневного поведения и поступках. А каковы особенности процесса социально-поселенческой ассимиляции молодёжи на Урале?

В представленной статье нами использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам жизнедеятельности сельских и городских семей на Урале, их роли в подготовке детей к вступлению во взрослую жизнь. Конкретно-социологические исследования проводились автором в 2008–2014 гг. в Институте экономики УрО РАН на базе ряда городов и сельских поселений Урала, в частности:

1. В 2008 г. в 7-ми городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошены: а) учащиеся средних и старших классов городских школ — 900 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ — 540 чел.; в) родители опрошенных учащихся городских школ — 770 чел. — «Урал-1».

2. В 2009 г. проведён опрос 680 студентов старших курсов технических и гуманитарных факультетов УГТУ-УПИ о причастности их к религиозной культуре — «Урал-2».

3. В феврале—марте 2013 г. проведён социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15 общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга и 300 учащихся 9 школ ЗАТО «Лесной» Свердловской области, связанный с анализом процессов социализации и подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши — 46%, девушки — 54%) — «Урал-3».

Общей исследовательской целью реализации указанных социологических проектов было выявление факторов и обстоятельств, сопровождающих нежелательную тенденцию суженного воспроизводства дееспособного сельского населения в регионе, за счёт молодых селян, стремящихся учиться, жить и работать в городах. В частности, объектом исследований были учащиеся старших классов сельских и городских школ, студенты вузов, то есть молодые люди, стоящие на пороге выбора профессии, места жительства, места реализации своих социальных, в частности трудовых, потенциалов. Необходимо подчеркнуть ещё одно немаловажное обстоятельство. Полигоном для исследования служил конкретный российский регион — Уральский, который имеет, наряду с общероссийскими чертами и характеристиками, свои, зачастую уникальные природно-климатические, историко-поселенческие, социально-экономические и этнонациональные особенности. Последние оказывают своё влияние как на процесс воспроизводства населения в целом, так и на социализацию молодых поколений в частности.

И ещё одна существенная оговорка. В силу ограничений, диктуемых форматом статьи, наша эмпирическая база будет преимущественно опираться на результаты опросов общественного мнения. Вспомним, кстати, что к числу ключевых атрибутов новой модели госуправления отнесён принцип, согласно которому «главным критерием оценки эффективности власти,

предоставляющей услуги гражданам, а также учреждений социальной сферы должно стать общественное мнение, мнение самих граждан» [1].

Прежде всего, отметим, что особенности сельского образа жизни (в отличие от городского) связаны с особенностями труда и быта жителей: подчиненностью их жизнедеятельности ритмам и циклам года; более тяжелыми, чем обычно в городе, условиями труда; малыми возможностями для трудовой мобильности селян; большой слитностью труда и быта, непреложностью и трудоемкостью труда в домашнем и подсобном хозяйствах. Так, работа на приусадебных участках, в саду, огороде занимает буквально полжизни селян – в среднем около 180 дней в году; набор занятий в свободное время сравнительно ограничен.

Свои традиционные особенности имеет и деревенская среда социализации детей. Следует учитывать, что в жизненном укладе

сельских поселений сохранились элементы традиционной соседской общины. В них довольно стабилен состав жителей, слаба его социально-профессиональная и культурная дифференциация, типичны тесные родственные и соседские связи. В какой мере эта сохраняющаяся традиционность сельского образа жизни детерминирует особенности процесса естественного воспроизводства непосредственной жизни, формирование материальных и духовных потребностей, ценностных ориентаций и жизненных планов молодых селян?

Нашим юным респондентам в уральских городах и в сёлах («Урал-1»), а также в большом городе – Екатеринбурге («Урал-3») – задавался вопрос: «Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять самых-самых важных для Вас». Нами были получены следующие ответы (табл. 1).

Таблица 1. Наиболее предпочтительные жизненные ценности, к которым, по мнению молодых горожан и селян, может стремиться молодой человек (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в 2008 г. – опрос 900 городских и 570 сельских подростков; в 2013 г. – опрос 510 подростков г. Екатеринбурга и 300 подростков ЗАТО «Лесной»)

Жизненные ценности, к которым следует стремиться	Группы учащихся			
	«Урал-1»		«Урал-3»	
	Город	Село	Екат-г	Лесной
Хорошая семья и дети	87	88	Н.д.*	Н.д.
Хорошие родители	Н.д.	Н.д.	57	62
Хорошее здоровье	68	70	72	78
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	81	77
Любимая работа, успешная деловая карьера	68	67	Н.д.	н.д.
Возможность обучения в вузе любимой профессии	Н.д.	Н.д.	68	69
Возможность самому зарабатывать деньги для собственных нужд	Н.д.	Н.д.	61	51
Материальное благополучие, экономическая независимость, самостоятельность	58	46	52	47
Хорошие жилищные условия	42	46	40	49
Сознание того, что приносишь пользу людям	23	25	31	30
Содержательный, интересный досуг	27	20	47	44
Порядочность, совестливость, доброе имя	23	23	30	33
Чувство безопасности от насилия, воровства	Н.д.	Н.д.	29	29
Вера в бога	Н.д.	Н.д.	21	13
Н.д. – нет данных, т.е. этот пункт не был включён в анкету соответствующего опроса.				

Прежде всего, не может не удивлять практическая идентичность в распределении ответов у юных горожан и селян в опросе 2008 г. Разница по различным позициям в пределах статистической погрешности. Подобную схожесть в ценностных ориентациях мы связываем преимущественно с воздействием на молодёжь единого в городе и селе информационно-идеологического поля, создаваемого Интернетом, телевидением, радио и другими СМИ. Пятилетний лаг между опросами («Урал-1» и «Урал-2») практически не изменил структуру ценностных ориентаций молодых горожан в сфере материального благосостояния, но несколько повысил их претензии и ожидания в сфере духовной жизни (*друзья, досуг, польза людям, доброе имя*) [2].

Семья была, есть и останется в будущем главным социальным институтом воспроизводства населения, обеспечивающим государственное строительство. Семья также была, есть и останется важнейшей составляющей в строительстве личности и жизненного пути каждого конкретного человека, каждой конкретной социальной группы. Именно институт родительской семьи с его уникальными возможностями влияния на формирование личности ребёнка выступает основным средством ассимиляционных процессов в молодёжной среде [3]. О самочувствии и отношении городских и сельских подростков к условиям своего бытия в родительской семье, в какой-то мере, можно судить по полученным нами результатам опроса «Урал-1». Ниже приведены вопросы анкеты и ответы наших юных респондентов (% от общего числа опрошенных подростков; в числителе – в городе – 900 чел.; в знаменателе – в селе – 540 чел.).

1. К какой категории по уровню жизни, достатку Вы относите себя, естественно, семью, родителей в настоящее время?:

Пока живём в полном достатке	45/52
Имеем средний достаток	52/45
Живем на грани бедности	2/2
Живем за чертой бедности	1/1
Затрудились ответить	0,6/0,7

2. Оцените, пожалуйста, как Вы питаетесь в родительской семье:

Моё питание в семье, как правило, можно оценить на:	Отлично	58/64
	Хорошо	32/30
	Удовлетворительно	4/2
	Неудовлетворительно	1/1
Случается по-разному: «то густо, то пусто»		2/1
Затрудились ответить		3/2

3. Оцените, дружная ли у Вас семья:

Да, очень дружная	57/60
Более-менее дружная	36/33
Не очень дружная	5/5
Совсем не дружная, каждый сам по себе	2/1
Затрудились ответить	0,3/1

Нетрудно видеть практически идентичное социально-экономическое самочувствие городских и сельских подростков в родительских семьях. Социально-экономические болезни, которые переживает общество в целом, не могут не сказываться на жизнедеятельности семей, составляющих это сообщество. «Болеет» общество – «болеет» большинство семей. Болеет и институт российской семьи как в городе, так и в селе. Вот некоторые проявления этой болезни.

«Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, – писал К.Д. Ушинский, – должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни... Воспитание не только должно развить разум человека и дать ему известный объём сведений, но должно зажечь в нём жажду серьёзного труда, без которой жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой» [4, с. 155].

Попробуем ответить на вопрос о том, в какой мере сегодня родительские семьи «зажигают в детях жажду серьёзного труда». Взрослая жизнь – это не только возрастной период, но и участие в труде и выполнение семейных обязанностей. Однако без надлежащей подготовки к взрослой жизни, в том числе семейной, или же в том случае, если сформировавшиеся позиции или модели поведения молодежи не могут быть адаптированы к изменяющимся социальным условиям, период юности может стать временем утраченных возможностей и повышенного (с медицинской точки зрения) риска. На вопрос нашим респондентам, учащимся сельской местности («Урал-1»), «Умеете ли Вы выполнять (более или менее сносно) следующие работы?» – нами были получены следующие ответы (% от общего числа опрошенных в селе юношей и девушек; табл. 2).

Хорошо это или плохо, что в России (в нашем случае на Урале) 47% современных 16–17-летних сельских девушек (заметим, в недалёком будущем – жён, матерей) умеют варить борщи, супы, 40% – стряпать пироги, 17% – заготавливать варенья, соленья? Да, скорее всего, хорошо для семей их родителей и для будущих их собственных семей. Но посмотрим на эти цифры с

другой стороны. По самооценкам наших молодых респонденток-селянок, к 10–11 классу 53% от общего числа опрошенных не научились варить борщ, 60% – стряпать пироги и 83% – не умеют заготавливать варенья, соленья. Заметим, что речь шла не о городских девушках, максимально «приближенных» к услугам общепита, а о селянках, «приближенных к земле», к натуральному хозяйствованию.

Было бы неверным оценивать степень приобщённости детей к домашнему труду лишь с позиции их утилитарной готовности к самообслуживанию в сфере потребительской деятельности семейной группы. Трудовые навыки в том или ином виде домашнего труда, постоянная приобщённость к нему – это одновременно и свидетельство общей трудовой социализации ребёнка (молодого человека), выработки у него не только таких общетрудовых качеств, как трудолюбие, целеустремлённость, выносливость, ловкость, но и таких личностных качеств, как умение сочетать личные, групповые и общественные интересы, формирование уважительного отношения к материальным ценностям, к труду, чувства ответственности за своё поведение, развитие чувства доброты, сочувствия и соучастия и т.д.

Таблица 2. Трудовые навыки уральских сельских подростков (% от общего числа опрошенных по каждой группе семей)

Виды работ, занятия	Юноши (село)	Виды работ, занятия	Девушки (село)
Пилить, колоть дрова	45	Варить борщи, супы	47
Косить траву	33	Стряпать пироги	40
Водить машину	33	Вышивать	39
Водить мотоцикл	29	Вязать варежки, носки	17
Стоговать сено, солому	14	Заготавливать соленья, варенья	17
Водить трактор	13	Шить платья, одежду	13
Плотничать	11	Доить корову	13
Запрягать лошадь	7	Выпекать хлеб	9

Как показал опрос «Урал-3», *особо «не перерабатывают»* в домашнем хозяйстве и городские подростки. Ответы учащихся школ двух уральских городов на вопрос анкеты «*Какую работу по дому и саду ты выполняешь регулярно (более или менее постоянно)?*» распределились следующим образом (% от общего числа опрошенных по каждому городу; в числителе – ответы респондентов из г. Екатеринбурга – 510 чел., в знаменателе – из ЗАТО «Лесной» – 300 чел.):

а) выполнение работ в квартире:

Убираю пыль пылесосом	67/64
Мою, чищу посуду	65/66
Регулярно хожу в магазин за продуктами	49/51
Делаю влажную уборку, мою полы	46/ 46
Готовлю еду (суп, второе блюдо)	32/32
Глажу бельё	27/28

б) выполнение работ в саду, в огороде:

Поливаю овощи, цветы, ягоды	51/ 39
Собираю «трудоёмкие» ягоды (облепиху, смородину и др.)	37/33
Пропалываю грядки	33/26
Копая землю, грядки	27/23
Топлю печь (в доме, в бане)	21/17
Отвечаю за приготовление еды	13/13

в) работы, которые выполняют или дома, или в саду:

Ухаживаю за домашней живностью (собакой, кошкой и др.)	59/55
Помогаю в ремонтных работах по дому, саду	35/36
Ухаживаю за младшими братьями, сестрами	32/33
Ухаживаю за пожилыми родственниками (бабушкой)	22/19
Высаживаю (ухаживаю) рассаду, цветы	17/15
Ухаживаю за автомобилем, мотоциклом	12/10

«Интеллектуализм» современного подростка, большой объем усвоенных им знаний нередко достигается ценой полного освобождения его от трудовых обязанностей в семье и в процессе школьной учебы. А между тем проблема трудового воспитания органически связана с формированием

социальной зрелости подростка, далеко не синхронной с ускорением его физического развития и насыщением информацией [5].

Своеобразный «сельский синдром» имеет свой антипод – «городской синдром», с менее ощутимыми для человека, но социально столь же, и даже более, негативными чертами-симптомами. В большей степени речь идёт о соблазнах тунеядства, провоцируемого реальными возможностями прожить в городе (прежде всего, в крупном), месяцами и годами (в принципе даже всю жизнь) не занимаясь никаким трудом. Это ведет к прямому моральному разложению если не родителей, то, наверняка, их детей. Свой «вклад» в отчуждение горожанина от трудовой активности вносит возможность бытового потребительства, т.е. полной ориентации во всех житейских мелочах только на сферу обслуживания. В результате появляются целые поколения инфантилов, не способных к элементарному самообслуживанию, с соответствующими сдвигами в психике [6].

Обращает на себя внимание и такой факт. В опросе «Урал-3» в перечень жизненных ценностей дополнительно была включена позиция «*вера в бога*». Из 510 опрошенных молодых екатеринбуржцев эту ценность, наряду с другими, выбрали 105 человек (21%); в ЗАТО «Лесной» – соответственно 13% (см. табл. 1). Не углубляясь в анализ этого феномена, отметим, что в настоящее время религиозность (например, факт причисления себя к верующим в молодёжной среде) часто имеет ситуативный характер, в ней проявляется скорее не устойчивая мировоззренческая позиция, а умонастроение, «элементы молодёжной субкультуры», отличающиеся значительной подвижностью. Нередко люди называют себя православными или мусульманами, воспринимая эти религии как существенный элемент культурной традиции того народа, к которому они принадлежат.

Освоение сельской молодёжью «основ» девиантной субкультуры городских сверстников — одна из значимых составляющих процесса социально-поселенческой ассимиляции населения [7]. В частности, важным представляется выявление нравственно-этических позиций молодых людей в сфере асоциальных проявлений и того, как они отражаются в социализационном процессе. Исследование «Урал-2» показало, что соотносительная разница ценностных ориентаций и нравственных оценок большинства асоциальных проявлений в различных социально-демографических группах весьма незначительна. Так, «пьянство» не считают грехом 57% всех опрошенных студентов, 50% из них признают себя «православными». Небезынтересно и распределение ответов на этот же вопрос среди двух групп студентов — мужчин и женщин. «Аборт» считают грехом 66% мужчин и 78% женщин; «гомосексуализм» — соответственно — 64/41%; «проституцию» — 59/69%; «измену (жене/мужу)» — 57/65%; «пьянство» — 37/48% и т.д. [8].

И ещё один важный для нашего анализа тезис. Сфера профессионального обучения, представленная в основном вузами в крупных городах, — это та социокультурная «кузница», через духовно-нравственное «горнило» и «наковальни» которой проходит подавляющее большинство будущих специалистов села. С дипломами в руках они несут культуру из города в село. С ними же идут и антиподы и изъяны городской цивилизации. Печально, но факт.

Обозначенная ситуация с социально-поселенческой ассимиляцией сельской молодёжи в городах тесно сопряжена не только с решением социокультурных задач стратегического развития российского социума. Тот или иной поворот в их решении напрямую отражается на состоянии экономики, благосостоянии населения, в первую очередь на решении проблем с

обеспечением продовольственной безопасности. Российскому обществу не столь отдалённой перспективой предстоит отвечать на вопросы: кто и как будет обрабатывать российскую землю-кормилицу; кто и как будет выращивать скот и птицу для будущих шашлыков и гамбургеров; как и чем заинтересовать (заметим: «не заставить») сельского юношу или девушку пренебречь манящими огнями города и остаться жить и работать на малой родине своих отцов; и, наконец, как и чем заинтересовать городскую молодёжь в воспроизводстве привлекательных сторон сельского образа жизни? Привлекательных не только с позиций обеспечения «сытного стола», но и в целях сохранения своего физического и нравственного здоровья, ведения здорового образа жизни в целом. Каково состояние этой проблемы на Урале?

Известно, что город всегда притягивал к себе население деревень, хуторов, небольших городов, сел, что обусловлено в первую очередь: а) возможностью получить «престижное» и «денежное» образование; б) более широким выбором сфер приложения труда; в) более высоким уровнем благоустройства; г) набором коммунальных и культурных услуг; д) нежеланием заниматься тяжёлым сельскохозяйственным трудом. Все это сформировало и воспроизводит основное направление миграционных потоков населения из сельских поселений в городские, из малых городов — в большие и более крупные.

Давайте попытаемся ответить на вопрос: насколько идентичны интересы сельской родительской семьи и государства в формировании и реализации жизненных планов учащихся сельских школ? Подавляющая часть родителей стремится «выучить» и «поселить» своих детей в городе, «подальше от села». В свою очередь, государство (если отбросить красивые слова), испытывающее острый дефицит рабочих рук в

сельскохозяйственном производстве, заинтересовано «закрепить» жителей села (как самих родителей, так и их детей) по месту их рождения по формуле «Где родился, там и пригодился». Отсюда – возникновение и наличие «объективных» препятствий с переселением сельской молодёжи в города: ограничения с пропиской, трудности с жильём, «неподъёмные» расходы на обучение «городским профессиям».

Подведём некоторые итоги.

1. Прежде всего, отметим, что появление платного высшего образования существенно деформировало совокупность тех факторов, которые определяют поступление выпускников сельских (и не только сельских) школ в вузы. При этом «родительские деньги» решают и проблему преодоления конкурсного барьера, и оплаты за обучение, и содержания, и досужих занятий детей-студентов в городе, вдали от родного крова. Получение диплома с «городской профессией» и пятилетний городской образ жизни выходцев из села (ощущение вкуса «красивой жизни») ещё более актуализирует их стремление закрепиться в городе, приблизиться к тем социальным благам, которых сегодня нет (и неизвестно когда будут) на их сельской родине. В основе такого стремления селян лежат их практически идентичные (с потребностями городских сверстников) материальные и особенно духовные потребности и интересы, о которых у нас шла речь в начале статьи.

2. Сегодня нередко высказывается мнение о том, что решать проблему трудовых ресурсов российского села можно как за счёт привлечения трудовых мигрантов (в частности, из стран СНГ), так и за счёт использования избытка трудовых ресурсов городов. Не останавливаясь на анализе непривлекательности (по твёрдому убеждению автора) первого варианта решения проблемы (да это и не входит в задачу нашей статьи),

ознакомим читателя с имеющимися у нас данными относительно второго варианта решения проблемы. Зададимся вопросом: стоит ли уральским сёлам ждать молодых кадров специалистов из города? В нашем исследовании «Урал-3» школьникам в двух уральских городах были заданы два вопроса, касающиеся проективного выбора характера своей дальнейшей профессиональной деятельности: первый – «На кого ты хотел бы учиться после школы? (выбери не более пяти вариантов ответа)» и второй – «Какую профессию тебе советуют выбрать родители?» Среди 40 профессий, из которых респондентам предлагалось выбрать «свою», в анкете были три «чисто сельские»: ветеринар, зоотехник и агроном. Вот сколько голосов набрали эти профессии (% от общего числа опрошенных по каждому городу; в числителе – ответы респондентов из г. Екатеринбурга – 510 чел., в знаменателе – из ЗАТО «Лесной» – 300 чел.):

Сельские профессии	Выбрал сам	Совет родителей
Ветеринар	6,2/6,7	3,6/4,6
Зоотехник	2,1/2,1	1,8/1,8
Агроном	1,1/1,8	0,3 (1 чел.)/0,0

Нетрудно видеть, что особой «непопулярностью» среди родителей и их взрослеющих детей на Урале пользуется профессия *агроном*. Несколько большую ориентацию городских школьников на такую традиционно сельскую профессию, как «зоотехник», мы связываем прежде всего с востребованностью этих специалистов в городе для лечения домашних животных, в первую очередь собак и кошек.

3. В стратегии инновационного развития села должны быть даны чёткие ответы на вопросы: зачем и каким образом в настоящее время должны развиваться экономика сельскохозяйственного производства, сельский образ жизни в целом, чтобы реализовать видение, миссию и достичь

желаемых целей в будущем. Инновационная стратегия осуществляет видение долгосрочной перспективы, взгляд «из будущего в настоящее». Стратегия определяет, что изменить и как изменить. Ответы на эти вопросы дают возможность проектировать механизм инновационного развития села как системы [9].

Сущность инновационной стратегии развития села состоит в предвидении изменений не только (и не столько) его товарно-производственной деятельности, выработке решений, обеспечивающих гармоническое и устойчивое развитие этого жизненно важного воспроизводственного процесса. Стратегия должна «представить» желаемую трансформацию всех сфер общественной жизни сельского социума, его взаимосвязь с городом, городским образом жизни. «Важная задача, — отмечается в президентском Послании Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2013 г., — повысить привлекательность сельских территорий для жизни и работы... на первый план выходит задача закрепления людей на селе, формирования современной, комфортной инфраструктуры в сельских территориях» [10].

4. Как известно, в XX столетии появилось и получило распространение учение о ноосфере — оболочке Земли, формируемой разумом человека на основе биосферы (сферы жизни). В начале III тысячелетия от Р.Х. внимание исследователей, изучающих глобальные проблемы современности, возросло в связи с необходимостью поиска путей выхода из глобальных кризисов. Сохранение мира живого, тех, кого С. Есенин очень точно обозначил как наших «меньших братьев», — это сегодня нравственный долг человечества, повинного в разрушительных последствиях своего воздействия на природную среду. Речь идёт о патернализме Человека над исчезающими видами животного и растительного мира.

Возьмём на себя смелость сравнить, по ассоциации, отношения между крупными городами (в первую очередь городами-миллионниками), с одной стороны, и многочисленными мелкими городами и сельскими поселениями — с другой, с отношениями между «старшими» и «младшими братьями» в развитии урбанистической культуры России. А итоги этих отношений не радуют. За последние десятилетия с карты страны исчезли десятки тысяч сёл, деревень, мелких городов. В «Красную книгу поселений» необходимо вносить ещё тысячи ранее процветавших, а ныне стагнирующих городов, рабочих посёлков, крупных поселений. Заметим, что процесс угасания одних поселений идёт, в подавляющем большинстве своём, на фоне стремительного роста и благоустройства незначительного числа крупных и крупнейших городов. Это, как правило, административные центры регионов. Примером тому может служить растущий и «хорошеющий на глазах» Екатеринбург на фоне большинства «худеющих» городов и сел Свердловской области [11].

5. И последнее. Не вдаваясь детально в обозначенную проблему (*это особое исследование*), выскажем своё предложение относительно составления и реализации стратегических планов развития успешных городов. Нарращивая свою красоту, фешенебельность, силу и инвестиционную привлекательность, они («старшие урбанистические братья») не должны забывать о глубинных корнях-источниках такого «всплеска» развития. Другими словами, речь идёт о воссоздании своеобразного института «урбанистического патернализма», т.е. заботы и непреложной ответственности больших городов за «социально-экономическое здоровье» и достойное выживание окружающих их селитебных территорий. В народе есть поговорка: «Не руби сук, на котором сидишь»...

Источники

1. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // полный текст. – Режим доступа: <http://www.b-port.com/news/item/93504.html>.
2. Павлов, Б.С. О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале / Б.С. Павлов, Л.Н. Бондарева // *Аграрный вестник Урала*. – 2013. – № 12. – С. 90-94.
3. Павлов, Б.С. «Отцы и дети» в городской семье: общение или отчуждение / Б.С. Павлов, Н.И. Разикова // *Дискуссия*. – 2012. – № 10. – С. 110-119.
4. Ушинский, К.Д. Избранные педагогические произведения / К.Д. Ушинский. – М.: Мысль, 1968. – С. 155.
5. Павлов, Б.С. Из школьного в рабочий класс / Б.С. Павлов. – М.: Советская Россия, 1989. – 240 с.
6. Павлов, Б.С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) / Б.С. Павлов // *ЭКО*. – 2013. – № 7. – С. 128-138.
7. Павлов, Б.С. Над опасным «социальным Придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) / Б.С. Павлов // *Социологические исследования*. – 2013. – № 2. – С. 69-80.
8. Павлов, Б.С. Верят ли в бога уральские студенты / Б.С. Павлов, Н.И. Разикова, А.И. Подвысоцкий // *Дискуссия*. – 2012. – № 8. – С. 104-110.
9. Берсенева, В.Л. Особые грани современной российской экономики и не только / В.Л. Берсенева, С.Г. Вазнин, Б.С. Павлов // *Экономика региона*. – 2011. – № 1. – С. 264-267.
10. Ежегодное Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/12/12/poslanie.html>.
11. Павлов, Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала) / Б.С. Павлов. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2014. – 575 с.

Pavlov B.S.

Urban and rural students in the Urals: socio-residential assimilation issues

Boris Sergeevich Pavlov – Doctor of Philosophy, Professor, Leading Research Associate, Full-Fledged Member of the International Association of Academies of Sciences and the Russian Academy of Natural Sciences; Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, pavlov_boris@mail.ru)

Abstract. The article discusses current problems of the rural youth migration to the cities in the context of socio-residential assimilation, suggesting a convergence of lifestyles of different large and small social groups living in different types of settlements. The author analyzes the significance of social environments for the formation of political culture of young villagers and the development of their values in the sphere of self-identification.

The article suggests that successful strategic socio-economic development (prosperity) of large cities, especially megacities, should be closely connected with their responsibility for the adequate development of small towns and rural settlements in order to reproduce and save labor potential of agricultural production in the region and ensure decent life for all actors in this production.

The authors' reflections and conclusions are based on the results of comparative sociological surveys of the urban and rural youth, carried out in various cities and rural settlements of some RF subjects within the Ural Federal District in 2008–2014.

Key words: city, village, family, youth, socialization, labor, education, socio-residential assimilation, values, lifestyle.

References

1. *Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu* [Address of V.V. Putin to the Federal Assembly]. Available at: <http://www.b-port.com/news/item/93504.html>.
2. Pavlov B.S., Bondareva L.N. O problemakh vosproizvodstva sel'skogo naseleniya na Urale [About the Problems of Reproduction of Rural Population in the Urals]. *Agrarnyi vestnik Urala* [Agricultural Herald of the Urals], 2013, no. 12, pp. 90-94.
3. Pavlov B.S., Razikova N.I. "Ottsy i deti" v gorodskoi sem'e: obshchenie ili otchuzhdenie ["Fathers and Sons" in the Urban Family: Communication or Alienation]. *Diskussiya* [Discussion], 2012, no. 10, pp. 110-119.
4. Ushinskii K.D. *Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya* [Selected Pedagogical Works]. Moscow: Mysl', 1968. P. 155.
5. Pavlov B.S. *Iz shkol'nogo v rabochii klass* [Out of the Classroom and into the Working Class]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1989. 240 p.
6. Pavlov B.S. Potreblenie i potrebitel'stvo molodezhi v "inter'ere" bednosti roditel'skikh semei (na primere Urala) [Consumption and Consumerism in Young People on the Background of Poverty in Their Families (Case Study of the Urals)]. *EKO* [All-Russian Economic Journal], 2013, no. 7, pp. 128-138.
7. Pavlov B.S. Nad opasnym "sotsial'nym pridon'em" (o deviantnoi subkul'ture podrostkov) [Over the Dangerous "Social Lower Depths" (about Deviant Subculture)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2013, no. 2, pp. 69-80.
8. Pavlov B.S., Razikova N.I., Podvysotskii A.I. Veryat li v boga ural'skie studenty [Do the Students in the Urals Believe in God]. *Diskussiya* [Discussion], 2012, no. 8, pp. 104-110.
9. Bersenev V.L., Vazhenin S.G., Pavlov B.S. Osobyie grani sovremennoi rossiiskoi ekonomiki i ne tol'ko [Special Facets of Modern Russian Economy and Other Issues]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2011, no. 1, pp. 264-267.
10. *Ezhegodnoe Poslanie Prezidenta RF V.V. Putina Federal'nomu Sobraniyu 12 dekabrya 2013 g.* [Annual Address of V.V. Putin to the Federal Assembly, December 12, 2013]. Available at: <http://www.rg.ru/2013/12/12/poslanie.html>.
11. Pavlov B.S. *Vosproizvodstvo chelovecheskogo potentsiala v regione: teoreticheskie i metodicheskie aspekty sotsial'no-ekonomicheskogo analiza (na primere Urala)* [Reproduction of Human Potential in the Region: Theoretical and Methodological Aspects of Socio-Economic Analysis (Case Study of the Urals)]. Yekaterinburg: In-t ekonomiki UrO RAN, 2014. 575 p.

Проблема наркомании в молодёжной среде Республики Северная Осетия—Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации

**Хасан Владимирович
ДЗУЦЕВ**

доктор социологических наук, профессор, директор, Северо-Осетинский центр социальных исследований Института социально-политических исследований РАН; заведующий кафедрой социологии и социальных процессов, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (362005, Республика Северная Осетия—Алания, г. Владикавказ, пр-т Мира, д. 10, khasan_dzutsev@mail.ru)

**Аминат Паруковна
ДИБИРОВА**

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Северо-Осетинский центр социальных исследований Института социально-политических исследований РАН (362005, Республика Северная Осетия—Алания, г. Владикавказ, пр-т Мира, д. 10, dibirova59@mail.ru)

Аннотация. Данная статья написана по материалам массового опроса на тему «Проблема наркомании в молодёжной среде Республики Северная Осетия—Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации». В апреле—мае 2012 г. Северо-Осетинским центром социальных исследований Института социально-политических исследований РАН совместно с Северо-Осетинским государственным университетом им. К.Л. Хетагурова было проведено мониторинговое социологическое исследование, целью которого явились изучение и оценка наркоситуации в РСО—А, выявление причин распространения наркомании среди молодых граждан республики с помощью исследования системы их представлений, привычек, притязаний.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

- сделать анализ убеждений, системы ценностей, жизненных планов, состояния здоровья граждан РСО—А, изучить их мнение в режиме мониторинговых исследований о возможности рационального проведения свободного времени и полноценного отдыха молодежи;
- провести анализ вредных привычек граждан республики, исследовать отношение общества к проблемам наркомании и наркозависимым гражданам, проанализировать причины возникновения и существования в обществе этого явления;

- оценить эффективность предпринимаемых мер по борьбе с наркоманией;
- определить действия, ведущие к употреблению наркотических веществ молодыми гражданами, выявить наиболее часто используемые виды наркопрепаратов, стоимость разовой дозы, места сбыта, степень доступности данных средств для потребителей;
- оценить степень целесообразности мероприятий, направленных на улучшение наркоситуации в республике. Объем выборки составил 600 человек.

Ключевые слова: либерализация, психотропные вещества, наркодилеры, наркозависимость, индустрия наркотиков, бывшие наркоманы, лекции и беседы, подросток, благополучные европейские страны, реклама, власть, школьники, студенты, удовольствие, ощущения, снятие напряжения, высокий уровень дохода, угощение наркотиками.

Мероприятия против употребления наркотиков

В научной литературе, на бумажном носителе и в сети Интернет, имеется достаточно источников, отражающих исследование способов социализации наркозависимых. Самый обширный сектор подобной информации демонстрирует наркозависимость как социальное, медицинское, психологическое явление. Специалистами хорошо разработаны направления исследований в сфере профилактики наркомании. Однако обзор проводимых в этом направлении социально-массовых мероприятий представлен недостаточно полно. Часто он сводится только к реестру проводимых министерствами, ведомствами и объединениями одноактных действий без должной аналитической оценки происходящего. Иногда авторы публикаций ограничиваются описанием таких мероприятий в рамках отдельных учебных заведений, как тематические лекции, беседы, настаивая на том, что их проецирование на более обширную аудиторию может стать эффективным [9]. Исключение могут составить некоторые публикации в журнале «Наркология» [8]. В данной статье наиболее полно представлен обзор антинаркотических ресурсов русскоязычного сегмента сети Интернет. Основное внимание уделено описанию информационно-публицистических проектов, реализуемых как государственными органами, так и частными структурами

или отдельными гражданами. Проводится анализ преимуществ и недостатков тематических интернет-проектов, созданных для профилактики употребления наркотиков. Подобные обзоры позволяют составить представление о проводимых в стране и мире антинаркотических мероприятиях, выделяя наиболее эффективные из них и давая рекомендации соответствующим социальным институтам по разработке именно этого направления.

По мнению ряда экспертов, принявших участие в нашем исследовании, в Республике Северная Осетия—Алания проводится достаточно массовых мероприятий антинаркотической направленности. Министерство по делам молодежи, физической культуры и спорта, молодежный парламент провели ряд удачных мероприятий с участием эстрадных певцов, танцевальных коллективов. Однако по-прежнему слабыми звеньями подобных акций остаются пропаганда, масштабы и частота их проведения. Под этим подразумеваются недостаточная информированность населения о данных мероприятиях, их сосредоточенность преимущественно в столице и нерегулярность проведения.

На поставленный вопрос о проводимых в республике концертах и фестивалях против употребления наркотиков более половины респондентов ответили отрицательно: «В последние два года не сталкивался(лась)» — 52,3% (табл. 1).

Таблица 1. Какие из профилактических мероприятий против употребления наркотиков Вы встречали за последние два года и насколько Вам было интересно? (специальные концерты, фестивали; в %)

Вариант ответа	Все опрошенные	Место опроса								
		г. Владикавказ	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
Участвовал(а), видел(а), слышал(а)	23,4	22,8	14,8	22,2	6,5	37,9	21,4	24,1	41,9	22,6
Знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это	24,3	24,5	14,8	33,3	16,1	31,0	21,4	20,7	9,7	45,2
В последние два года не сталкивался(лась)	52,3	52,7	70,4	44,4	77,4	31,0	57,1	55,2	48,4	32,3
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Остальные участники массового опроса распределили свои голоса практически равномерно между двумя вариантами ответов: «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» (23,4%) и «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» (24,3%). Ответы жителей Владикавказа идентичны ответам в общем опросе. Так, 52,7% столичных опрошенных также ответили, что в последние два года не сталкивались с этим. Остальные распределили свои голоса практически равномерно между двумя вариантами ответов: «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» (22,8%) и «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» (24,5%).

В ответах респондентов из провинции обнаружилось больше разнообразия. Так, менее всего осведомлены о проводимых мероприятиях респонденты Дигорского (77,4%) и Алагирского (70,4%) районов. Далее так же ответили 57,1% респондентов Кировского, 55,2% – Моздокского, 48,45% – Правобережного, 44,4% – Ардонского районов республики. Менее всего ответов «в последние два года не сталкивался(лась)» было у опрошенных из Ирафского района (31,0%). Вариант «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» предпочли: 41,9% респондентов Правобережного, 37,9% – Ирафского, 24,1% – Моздокского, 22,6% – Пригород-

ного, 22,2% – Ардонского, 21,4% – Кировского. Менее всего ответов «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» (14,8%) было у опрошенных из Алагирского района (14,8%).

Ответ «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» предпочли: 45,2% респондентов Пригородного, ровно треть – Ардонского, 31,0% – Ирафского, 21,4% – Кировского, 20,7% – Моздокского, 16,1% – Дигорского, 14,8% – Алагирского районов. Менее всего ответов «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» было у опрошенных из Правобережного района (9,7%).

Участники опроса из провинции были плохо информированы о проходящих в республике концертах и фестивалях, посвященных борьбе с употреблением наркотиков. В среднем около 70% респондентов ответили, что «в последние два года не сталкивался(лась)». Доля тех, кто ответил, что «участвовал(а), видел(а), слышал(а)», не превышала 40%, а в среднем составляла 25%. Особенно много негативных ответов было у респондентов Дигорского района: более 70% из них не имели представления о проходящих мероприятиях, число участвовавших в них было на порядок ниже, чем среди представителей других районов республики.

В итоге среди респондентов из районов РСО–А велика доля тех, кто не в курсе проводимых в республике мероприятий о вреде наркотиков (концертах, фестивалях). Исключение составляют жители Ирафского района, среди которых было поровну и тех, кто не осведомлен, и тех, кто знает об этом от друзей, знакомых. Обращает на себя внимание то, что среди подростков, школьников и учащихся ссузов менее всего осведомленных о проводимых в республике подобных мероприятиях (около половины), в то время как среди студентов вузов таковых менее трети.

Более половины участников массового опроса (55,4%) заявили относительно антинаркотической рекламы на телевидении, радио, в прессе: «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» (табл. 2).

23,0% из них знают об этих мероприятиях от друзей, знакомых, читали; 21,5% – в последние два года не сталкивались. Жителям столицы (65,7%) в большей степени удалось участвовать, видеть, слышать»; 16,7% респондентов «знают о них от друзей, знакомых, читали про это»; 17,6% – «в последние два года не сталкивались».

В ответах сельчан замечены большие пределы колебаний. Так, жители Пригородного и Ирафского районов чаще других

участвовали в таких мероприятиях, видели их и слышали о них (74,2 и 70,0% соответственно). Самую меньшую активность проявили опрошенные из Дигорского (22,6%), Алагирского и Ардонского (по 25,9%) районов. «Участвовали, видели, слышали» также около половины респондентов Моздокского (51,6%), Правобережного (45,2%) и Кировского (41,9%) районов. «От друзей, знакомых знают, читали про это» более других опрошенные из Ардонского района (66,7%). Доля таких ответов у респондентов других районов колеблется между третью и четвертью. А именно: 38,7% ответов у респондентов Кировского района, 26,7% – Ирафского, 25,9% – Алагирского, 25,8% – Правобережного, по 22,6% – Моздокского и Пригородного. Менее всего осведомленных о проходящих мероприятиях было среди опрошенных из Дигорского района – 9,7%. На поставленный вопрос 67,7% опрошенных Дигорского и 48,1% Алагирского районов ответили, что с этим в последние два года не сталкивались. Такой же ответ дали 29,0% респондентов Правобережного, 25,8% – Моздокского, 19,4% – Кировского и 7,4% – Ардонского районов республики. Доля таковых среди респондентов Ирафского и Пригородного ничтожно мала – 3,3 и 3,2% соответственно.

Таблица 2. Какие из профилактических мероприятий против употребления наркотиков Вы встречали за последние два года и насколько Вам было интересно? (антинаркотическая реклама на телевидении, радио, в прессе; в %)

Вариант ответа	Все опрошенные	Место опроса								
		г. Владикавказ	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
Участвовал(а), видел(а), слышал(а)	55,4	65,7	25,9	25,9	22,6	70,0	41,9	51,6	45,2	74,2
Знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это	23,0	16,7	25,9	66,7	9,7	26,7	38,7	22,6	25,8	22,6
В последние два года не сталкивался(лась)	21,5	17,6	48,1	7,4	67,7	3,3	19,4	25,8	29,0	3,2
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Судя по материалам *таблицы 3*, респондентами Северной Осетии даны преимущественно негативные оценки качества выпускаемых плакатов, открыток с тематикой антинаркотической пропаганды.

44,4% всех опрошенных по республике в последние два года не сталкивались с подобной продукцией, около трети (33,6%) «участвовали, видели, слышали», 22,0% – «знают от друзей, знакомых, читали про это». Ответы столичных респондентов сходны с таковыми у всех опрошенных: 47,9% – в последние два года не сталкивались с подобной продукцией, около трети (34,3%) – «участвовали, видели, слышали», 17,8% – «знают от друзей, знакомых, читали про это». В ответах респондентов-сельчан больше разнообразия. В большей степени, чем другие опрошенные, жители Дигорского района в последние два года не сталкивались с подобной продукцией (77,8%). Ответы респондентов других районов расположились в порядке убывания: 57,7% – Алагирского, 48,4% – Кировского, 41,9% – Моздокского и Пригородного, 29,0% – Правобережного, 23,1% – Ардонского в последние два года не сталкивались ни с плакатами, ни с открытками. Менее всего осведомленных в этом было среди респондентов Ирафского района (6,7%).

Ответы респондентов из других районов расположились в порядке убывания: 48,4% –

Правобережного, по 32,3% – Моздокского и Пригородного, 30,8% – Ардонского, 19,4% – Кировского, 19,2% – Алагирского участвовали, видели, слышали о плакатах и открытках на данную тематику. Менее всего осведомлены в этом респонденты Дигорского района (16,1%).

Среди всех опрошенных жителей районов в большей степени знают от друзей, знакомых, читали о подобной продукции представители Ардонского района (46,2%). Ответы респондентов из других районов расположились в порядке убывания: 32,3% – Кировского, 30,0% – Ирафского, по 25,8% – Моздокского и Пригородного, 23,1% – Алагирского, 22,6% – Правобережного знают от друзей, знакомых, читали о подобной продукции. Меньше всего осведомлены в этом респонденты Дигорского района (6,5%).

В итоге на поставленный вопрос о плакатах, открытках против употребления наркотиков около трети респондентов-сельчан ответили: «участвовали, видели, слышали». Примерно столько же респондентов знают об этом от друзей, знакомых, читали о подобной продукции. Причём наиболее активными в этом смысле были респонденты Правобережного района. В среднем около половины сельчан в последние два года не сталкивались ни с плакатами, ни с открытками.

Таблица 3. Какие из профилактических мероприятий против употребления наркотиков Вы встречали за последние два года и насколько Вам было интересно? (плакаты, открытки; в %)

Вариант ответа	Все опрошенные	Место опроса								
		г. Владикавказ	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
Участвовал(а), видел(а), слышал(а)	33,6	34,3	19,2	30,8	16,1	63,3	19,4	32,3	48,4	32,3
Знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это	22,0	17,8	23,1	46,2	6,5	30,0	32,3	25,8	22,6	25,8
В последние два года не сталкивался(лась)	44,4	47,9	57,7	23,1	77,4	6,7	48,4	41,9	29,0	41,9
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

На вопрос о распространении буклетов и брошюр о вреде наркотиков около половины всех опрошенных с такой переменной, как «место проживания», ответили, что в последние два года с таковыми не сталкивались (47,8%) (табл. 4).

28,4% опрошенных выбрали вариант «участвовал(а), видел(а), слышал(а)», 23,7% – «знаю об этом от друзей, знакомых, читал(а) про это». На вопрос о распространении буклетов и брошюр о вреде наркотиков около половины всех опрошенных ответили, что в последние два года с ними не сталкивались (47,8%).

Ровно треть опрошенных из Владикавказа дали ответ «участвовал(а), видел(а), слышал(а)», 17,0% – «знаю об этом от друзей, знакомых, читал(а) про это». Половина из них в последние два года с этим не сталкивались с этим.

60,0% респондентов Правобережного, 29,0% – Пригородного, 25,9% – Ардонского, 25,8% – Кировского, 17,2% – Ирафского районов выделили ответ «участвовал(а), видел(а), слышал(а)». Меньше всего таковых было среди опрошенных из Моздокского (13,3%), Алагирского (11,5%), Дигорского (6,7%) районов. В последнем случае столь же мало было представитель-

ство вариантов ответа «знаю об этом от друзей, знакомых, читал(а) про это».

Более половины опрошенных из Ардонского (59,3%) и Ирафского (51,7%), 34,6% – из Алагирского, ровно треть – Моздокского, 32,4% – Кировского, 25,8% – Пригородного районов «знают об этом от друзей, знакомых, читали про это». Менее всего таковых оказалось в Правобережном районе (3,3%).

89,7% респондентов Дигорского, более половины – Алагирского (53,8%) и Моздокского (53,3%), 45,2% – Пригородного, 41,9% – Кировского, 36,7% – Правобережного, 31,0% – Ирафского районов в последние два года с подобной печатной продукцией не сталкивались. Меньше всего таковых оказалось в Ардонском районе (14,8%).

По материалам исследования следует отметить, что активность граждан республики относительно чтения буклетов и брошюр о вреде наркотиков невелика: среди респондентов Владикавказа – только треть, в сельской местности – до 30%, особенно плохо осведомлены об этом жители Дигорского района (6,7%). Исключение составляют респонденты Правобережного района (60%); около половины опрошенных по республике в последние два года с этим не сталкивались.

Таблица 4. Какие из профилактических мероприятий против употребления наркотиков Вы встречали за последние два года и насколько Вам было интересно? (буклеты и брошюры о вреде наркотиков; в %)

Вариант ответа	Все опрошенные	Место опроса								
		г. Владикавказ	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
Участвовал(а), видел(а), слышал(а)	28,4	33,0	11,5	25,9	6,7	17,2	25,8	13,3	60,0	29,0
Знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это	23,7	17,0	34,6	59,3	6,7	51,7	32,3	33,3	3,3	25,8
В последние два года не сталкивался(лась)	47,8	50,0	53,8	14,8	86,7	31,0	41,9	53,3	36,7	45,2
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 5. Какие из профилактических мероприятий против употребления наркотиков Вы встречали за последние два года и насколько Вам было интересно? (тематические программы и фильмы на телевидении; в %)

Вариант ответа	Все опрошенные	Место опроса								
		г. Владикавказ	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
Участвовал(а), видел(а), слышал(а)	46,3	46,9	26,9	18,5	53,3	43,3	46,7	45,2	80,6	45,2
Знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это	25,1	19,7	30,8	74,1	3,3	36,7	40,0	22,6	12,9	29,0
В последние два года не сталкивался(лась)	28,6	33,5	42,3	7,4	43,3	20,0	13,3	32,3	6,5	25,8
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В таблице 5 приведено распределение ответов респондентов на вопрос о таких профилактических мероприятиях против употребления наркотиков, как тематические программы и фильмы на телевидении. В ответах сельчан замечены большие пределы колебаний. Так, жители Пригородного района чаще других в указанных мероприятиях «участвовали, видели, слышали» – 80,6%. Самую меньшую активность проявили опрошенные из Алагирского (26,9%) и Ардонского (18,5%) районов. Вариант ответа «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» выбрали также больше половины респондентов Дигорского (53,3%), Кировского (46,7%), Ирафского (43,3%), Моздокского и Пригородного районов (по 45,2%). «От друзей, знакомых знают, читали про это» больше других респонденты Ардонского района (74,1%). Доля этого варианта в ответах респондентов других районов такова: 40,0% ответов дали респонденты Кировского района, 36,7% – Ирафского, 30,8% – Алагирского, 29,0% – Пригородного и 22,6% – Моздокского. Меньше всего осведомлены о проходящих по телевидению акциях опрошенные Дигорского района – 3,3%. Среди них же было больше всего тех, кто ответил, что «в последние два года не сталкивался(лась)» (43,3%).

Такой же ответ дали 42,3% опрошенных из Алагирского района, 32,3% – Моздокского, 25,8% – Пригородного, 13,3% – Кировского. Доля таковых среди респондентов Ардонского и Правобережного районов республики мала – 7,4 и 6,5% соответственно.

На поставленный вопрос об освещении вреда наркотиков в прессе 38,6% всех опрошенных ответили, что в последние два года не сталкивались с этим (табл. 6). Данные таблицы показали, что 34,8% респондентов из общего числа опрошенных дали ответ «участвовал(а), видел(а), слышал(а)», а 26,5% – ответ «знаю об этом от друзей, знакомых, читал(а) про это». 36,2% опрошенных из Владикавказа выбрали ответ «участвовал(а), видел(а), слышал(а)», а 23,4% – «знаю об этом от друзей, знакомых, читал(а) про это»; 40,4% респондентов в последние два года с этим не сталкивались.

В ответах сельчан на этот вопрос замечены большие пределы колебаний. Так, жители Правобережного и Пригородного районов больше других в таких мероприятиях «участвовали, видели, слышали» (54,8 и 51,7% соответственно). Самую меньшую активность проявили опрошенные из Алагирского (12,9%) и Дигорского (12,9%) районов. «Участвовали, видели, слышали»

Таблица 6. Какие из профилактических мероприятий против употребления наркотиков Вы встречали за последние два года и насколько Вам было интересно? (статьи в прессе; в %)

Вариант ответа	Все опрошенные	Место опроса								
		г. Владикавказ	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
Участвовал(а), видел(а), слышал(а)	34,8	36,2	19,2	33,3	12,9	40,0	22,6	32,3	54,8	51,7
Знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это	26,5	23,4	26,9	44,4	16,1	33,3	29,0	35,5	22,6	31,0
В последние два года не сталкивался(лась)	38,6	40,4	53,8	22,2	71,0	26,7	48,4	32,3	22,6	17,2
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

также треть респондентов Ардонского района, 22,6% – Кировского, 40,0% – Ирафского, 32,3% – Моздокского. «От друзей, знакомых знают, читали про это» больше других опрошенные из Ардонского района (44,4%). Доля ответов респондентов из других районов такова: 29,0% ответов дали респонденты Кировского района, ровно треть – Ирафского, 26,9% – Алагирского, 31,0% – Пригородного и 35,5% – Моздокского. Меньше всего осведомленных о проходящих по телевидению акциях было среди опрошенных Дигорского района – 16,1%. Среди них же было более всего тех, кто ответил: «в последние два года не сталкивался(лась)» (71,0%).

Такой же ответ дали 53,8% опрошенных из Алагирского, 48,4% – Кировского, 32,3% – Моздокского, 22,6% – Правобережного районов. Доля таковых среди респондентов Ардонского и Пригородного районов республики невелика – 22,2 и 17,2% соответственно.

Материалы таблицы 6 показали, что население Северной Осетии не особенно активно интересуется статьями в прессе о вреде наркотиков, так как позитивно в этом отношении высказалась только половина респондентов.

35,9% всех опрошенных по республике в последние два года не сталкивались с

публикациями в Интернете и со специализированными сайтами (табл. 7). 39,5% всех опрошенных «участвовали, видели, слышали»; около четверти (24,6%) «знают от друзей, знакомых, читали про это». Ответы столичных респондентов сходны с таковыми у всех опрошенных. 35,0% столичных респондентов в последние два года не сталкивались с подобной информацией, 43,9% – «участвовали, видели, слышали», 21,1% – «знают от друзей, знакомых, читали про это». В ответах респондентов из провинции больше разнообразия. Подавляющее число жителей Дигорского района в последние два года не сталкивались с публикациями в Интернете, на специализированных сайтах (90,0%). Ответы респондентов из других районов расположились в порядке убывания: 56,7% – Кировского, 40,0% – Моздокского, 25,9% – Ардонского, 23,1% – Алагирского, 20,7% – Ирафского. Меньше всего отрицательных ответов было у респондентов Правобережного (19,4%) и Пригородного (16,1%) районов.

Чаще других опрошенных жители Пригородного района (64,5%) видели, слышали подобное в Интернете на специализированных сайтах. Ответы респондентов из других районов расположились в порядке убывания: 58,1% – Правобережного, 43,3% – Моздокского, ровно треть – Ардонского,

30,8% – Алагирского, 24,1% – Ирафского, 16,7% – Кировского «участвовали, видели, слышали» о публикациях в Интернете на подобную тематику. Меньше всего осведомленными в этом были респонденты Дигорского района (6,7%).

Больше других опрошенных жители Ирафского района (55,2%) знают от друзей, знакомых, читали о подобных сайтах. Ответы респондентов из других районов расположились в порядке убывания: 46,2% – Алагирского, 40,7% – Ардонского, 26,7% – Кировского, 22,6% – Правобережного, 19,4% – Пригородного, 16,7% – Моздокского знают от друзей, знакомых, читали подобную информацию. Меньше всего осведомлены в этом были респонденты Дигорского района (3,3%).

Более трети респондентов-сельчан на вопрос о сайтах в Интернете о вреде наркотиков ответили, что «участвовали, видели, слышали». Примерно четверть «знают от друзей, знакомых, читали про это». При этом наиболее активными в этом смысле были респонденты Пригородного района (более 60%), наименее осведомленными оказались жители Дигорского – 90% из них не имели об этом понятия. В среднем около 40% сельчан в последние два года не сталкивались с сайтами в Интернете на подобную тему.

На вопрос о выступлениях в СМИ известных людей о вреде наркотиков около половины опрошенных по республике (48,1%) ответили, что в последние два года с этим не сталкивались (табл. 8).

Таблица 7. Какие из профилактических мероприятий против употребления наркотиков Вы встречали за последние два года и насколько Вам было интересно? (публикации в интернете, специализированные сайты; в %)

Вариант ответа	Все опрошенные	Место опроса								
		г. Владикавказ	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
Участвовал(а), видел(а), слышал(а)	39,5	43,9	30,8	33,3	6,7	24,1	16,7	43,3	58,1	64,5
Знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это	24,6	21,1	46,2	40,7	3,3	55,2	26,7	16,7	22,6	19,4
В последние два года не сталкивался(лась)	35,9	35,0	23,1	25,9	90,0	20,7	56,7	40,0	19,4	16,1
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 8. Какие из профилактических мероприятий против употребления наркотиков Вы встречали за последние два года и насколько Вам было интересно? (выступления в СМИ известных людей в области политики, искусства; в %)

Вариант ответа	Все опрошенные	Место опроса								
		г. Владикавказ	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
Участвовал(а), видел(а), слышал(а)	26,9	28,3	7,7	14,8	22,6	20,7	19,4	50,0	35,5	29,0
Знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это	25,0	21,3	46,2	55,6	9,7	41,4	22,6	20,0	12,9	29,0
В последние два года не сталкивался(лась)	48,1	50,4	46,2	29,6	67,7	37,9	58,1	30,0	51,6	41,9
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Остальные участники массового опроса свои голоса распределили практически равномерно между двумя вариантами ответов: «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» (26,9%) и «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» (25,0%). Ответы жителей Владикавказа идентичны таковым в общем опросе. Так, 50,4% опрошенных владикавказцев дали ответ «в последние два года не сталкивался(лась)». Остальные опрошенные практически равномерно распределили свои голоса между двумя вариантами ответов: «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» (28,3%) и «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» (21,3%).

В ответах респондентов из провинции обнаружилось больше разнообразия. Так, более всех других не сталкивались с подобными выступлениями в СМИ респонденты Дигорского (67,7%) и Кировского (58,1%) районов. Далее так же ответили 51,6% респондентов Правобережного, 46,2% – Алагирского, 41,9% – Пригородного, 37,9% – Ирафского, 30,0% – Моздокского районов республики. Меньше всего ответов «в последние два года не сталкивался(лась)» было у опрошенных из Ардонского района (29,6%).

Ответ «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» предпочли ровно половина опро-

шенных из Моздокского, 35,5% – Правобережного, 29,0% – Пригородного, 20,7% – Ирафского, 19,4% – Кировского, 14,8% – Ардонского. Меньше всего ответов «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» было у опрошенных из Алагирского района (7,7%).

Ответ «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» предпочли 55,6% опрошенных из Ардонского района, 46,2% – Алагирского, 41,4% – Ирафского, 29,0% – Пригородного, 22,6% – Кировского, 20,0% – Моздокского. Меньше всего ответов «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» было у опрошенных Дигорского района (9,7%).

На вопрос о выступлениях в СМИ специалистов-медиков, представителей полиции, наркоконтроля около трети участников массового опроса (34,2%) заявили, что в последние два года не сталкивались с этим (табл. 9).

Остальные участники распределили свои голоса между двумя вариантами ответов таким образом: «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» (40,1%) и «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» (25,7%). Ответы жителей Владикавказа идентичны таковым в общем опросе. Так, 32,4% опрошенных владикавказцев дали ответ «в последние два года не сталкивался(лась)». Остальные опрошенные распределили свои голоса между

Таблица 9. Какие из профилактических мероприятий против употребления наркотиков Вы встречали за последние два года и насколько Вам было интересно? (выступления в СМИ специалистов-медиков, представителей полиции, наркоконтроля; в %)

Вариант ответа	Все опрошенные	Место опроса								
		г. Владикавказ	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
Участвовал(а), видел(а), слышал(а)	40,1	45,6	23,1	28,6	25,8	48,3	22,6	45,2	38,7	41,9
Знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это	25,7	22,0	38,5	53,6	3,2	34,5	29,0	25,8	19,4	35,5
В последние два года не сталкивался (лась)	34,2	32,4	38,5	17,9	71,0	17,2	48,4	29,0	41,9	22,6
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

двумя вариантами ответов: «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» (45,6%) и «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» (22,0%).

Больше других не сталкивались с подобными выступлениями в СМИ респонденты Дигорского (71,0%) и Кировского (48,1%) районов. Далее так же ответили 41,9% респондентов Правобережного, 38,5% – Алагирского, 22,6% – Пригородного, 29,0% – Моздокского районов республики. Меньше всего ответов «в последние два года не сталкивался(лась)» было у опрошенных из Ирафского района (17,2%).

Ответ «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» предпочли 48,3% респондентов Ирафского, 45,2% – Моздокского, 38,7% – Правобережного, 41,9% – Пригородного, 28,6% – Ардонского, 25,8% – Дигорского, 23,1% – Алагирского районов. Меньше всего ответов «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» было у опрошенных из Кировского района – 22,6%. Ответ «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» предпочли 53,6% опрошенных Ардонского, 38,5% – Алагирского, 34,5% – Ирафского, 35,5% – Пригородного, 29,0% – Кировского, 25,8% – Моздокского районов. Меньше всего ответов «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» дали опрошенные из Дигорского района (3,2%).

Представители Ирафского района в большей степени проинформированы о выступлениях в СМИ специалистов-медиков, представителей полиции, наркоконтроля (48,3%). Больше других не сталкивались с подобными выступлениями в СМИ респонденты Дигорского (71,0%) и Кировского (48,1%) районов.

На вопрос о проводимых в учебных заведениях лекциях и беседах о вреде наркотиков 40,3% опрошенных ответили, что в последние два года с этим не сталкивались (табл. 10).

Остальные участники массового опроса свои голоса распределили между двумя вариантами ответов: «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» (35,7%) и «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» (24,1%). Ответы жителей Владикавказа идентичны таковым в общем опросе. Так, 38,2% опрошенных владикавказцев дали ответ «в последние два года не сталкивался(лась)». Остальные опрошенные распределили свои голоса практически равномерно между двумя вариантами ответов: «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» (37,0%) и «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» (24,8%). В ответах респондентов из провинции обнаружилось больше разнообразия. Так, более всех других не

Таблица 10. Какие из профилактических мероприятий против употребления наркотиков Вы встречали за последние два года и насколько Вам было интересно? (лекции, беседы в учебном заведении; в %)

Вариант ответа	Все опрошенные	Место опроса								
		г. Владикавказ	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
Участвовал(а), видела(а), слышал(а)	35,7	37,0	15,4	32,1	25,8	58,6	19,4	44,8	45,2	32,3
Знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это	24,1	24,8	26,9	42,9		31,0	22,6	20,7	9,7	35,5
В последние два года не сталкивался(лась)	40,3	38,2	57,7	25,0	74,2	10,3	58,1	34,5	45,2	32,3
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

сталкивались с подобными выступлениями в СМИ респонденты Дигорского (74,2%) и Кировского (58,1%) районов. Далее так же ответили 57,7% респондентов Алагирского, 45,2% – Правобережного, 34,5% – Моздокского, 32,3% – Пригородного, ровно четверть – Ардонского районов. Меньше всего ответов «в последние два года не сталкивался(лась)» было у опрошенных Ирафского района (10,3%).

Ответ «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» предпочли 44,8% респондентов Моздокского, 45,2% – Правобережного, 32,3% – Пригородного, 58,6% – Ирафского, 19,4% – Кировского, 32,1% – Ардонского районов. Меньше всего таких ответов было у опрошенных из Алагирского района (15,4%).

Ответ «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» предпочли: 42,9% опрошенных Ардонского района, 26,9% – Алагирского, 31,0% – Ирафского, 35,5% – Пригородного, 22,6% – Кировского, 20,7% – Моздокского. Среди опрошенных из Дигорского района таких не нашлось.

Как следует из данных таблицы 10, от трети до половины респондентов, независимо от места жительства, признались, что в последние два года не сталкивались с лекциями, беседами о вреде наркомании,

проводимыми в учебных заведениях республики. Особенно не осведомленными в этом вопросе были жители Дигорского района (74,2%), среди которых также не нашлось никого, кто бы знал об этом от друзей, знакомых или читал про это. В среднем около трети респондентов-сельчан участвовали в подобных мероприятиях, до 30% – знают о них от друзей и знакомых.

На вопрос о посещении таких мероприятий, как беседы с родителями учащихся о наркомании и ее последствиях, 58,9% участников массового опроса ответили, что в последние два года с этим не сталкивались (табл. 11).

Остальные участники массового опроса свои голоса распределили между двумя вариантами ответов: «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» (20,3%) и «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» (20,8%). Ответы жителей Владикавказа идентичны таковым в общем опросе. Так, 64,6% столичных опрошенных дали ответ «в последние два года не сталкивался(лась)». Остальные опрошенные практически равномерно распределили свои голоса между двумя вариантами ответов: «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» (16,9%) и «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» (18,6%).

Таблица 11. Какие из профилактических мероприятий против употребления наркотиков Вы встречали за последние два года и насколько Вам было интересно? (беседы с родителями учащихся; в %)

Вариант ответа	Все опрошенные	Место опроса								
		г. Владикавказ	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
Участвовал(а), видел(а), слышал(а)	20,3	16,9	11,5	20,0	9,7	50,0	12,9	40,0	22,6	22,6
Знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это	20,8	18,6	23,1	48,0	3,2	33,3	22,6	13,3	19,4	25,8
В последние два года не сталкивался(лась)	58,9	64,6	65,4	32,0	87,1	16,7	64,5	46,7	58,1	51,6
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В ответах респондентов из провинции обнаружилось больше разнообразия. Так, больше других в последние два года не сталкивались с подобными беседами с родителями респонденты Дигорского (87,1%), Кировского (64,5%) и Алагирского (64,4%) районов. Далее так же ответили 58,1% респондентов Правобережного, 46,7% – Моздокского, 51,6% – Пригородного, 32,0% – Ардонского районов. Меньше всего ответов «в последние два года не сталкивался(лась)» было у опрошенных из Ирафского района (16,7%).

Ответ «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» предпочли: ровно половина опрошенных Ирафского, 40,0% – Моздокского, по 22,6% – Правобережного и Пригородного, 20,0% – Ардонского, 12,9% – Кировского, 11,5% – Алагирского районов республики. Меньше всего ответов «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» было у опрошенных из Дигорского района (9,7%).

Ответ «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» выбрали 48,0% опрошенных Ардонского района, 23,1% – Алагирского, ровно треть – Ирафского, 25,8% – Пригородного, 22,6% – Кировского, 13,3% – Моздокского. Среди опрошенных из Дигорского района таковых было меньше всего (3,2%).

Как следует из данных таблицы 11, подавляющее число респондентов, независимо от места жительства, в последние два года не сталкивались с беседами о вреде наркомании с родителями учащихся. Особенно не осведомленными в этом вопросе были жители Дигорского района (87,1%), среди которых также меньше всех тех (3,2%), кто знал бы об этом от друзей, знакомых или читал про это. В среднем около четверти респондентов-сельчан участвовали в подобных мероприятиях и столько же знают о них от друзей и знакомых.

Более половины участников массового опроса (53,1%) ответили, что с таким мероприятием против употребления наркотиков, как выступления бывших наркоманов, они в последние два года не сталкивались (табл. 12).

Остальные участники массового опроса распределили свои голоса между двумя вариантами ответов: «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» (32,2%) и «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» (14,7%). Ответы жителей Владикавказа идентичны таковым в общем опросе. Так, 56,1% опрошенных владикавказцев дали ответ «в последние два года не сталкивался(лась)». Остальные опрошенные практически равномерно распреде-

Таблица 12. Какие из профилактических мероприятий против употребления наркотиков Вы встречали за последние два года и насколько Вам было интересно? (выступления бывших наркоманов; в %)

Вариант ответа	Все опрошенные	Место опроса								
		г. Владикавказ	Алагирский р-н	Ардонский р-н	Дигорский р-н	Ирафский р-н	Кировский р-н	Моздокский р-н	Правобережный р-н	Пригородный р-н
Участвовал(а), видел(а), слышал(а)	32,2	31,2	15,4	14,3	29,0	46,7	35,5	53,3	41,9	25,8
Знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это	14,7	12,7	23,1	32,1	6,5	23,3	25,8	3,3	9,7	12,9
В последние два года не сталкивался(лась)	53,1	56,1	61,5	53,6	64,5	30,0	38,7	43,3	48,4	61,3
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

лили свои голоса между двумя вариантами ответов: «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» (31,2%) и «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» (12,7%).

Более других в последние два года с подобными выступлениями не сталкивались респонденты Дигорского (64,5%), Алагирского (61,5%) и Пригородного (61,3%) районов. Далее так же ответили 48,4% опрошенных Правобережного, 43,3% – Моздокского, 53,6% – Ардонского, 38,7% – Кировского районов республики. Меньше всего ответов «в последние два года не сталкивался(лась)» было у опрошенных из Ирафского района (30,0%).

Ответ «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» предпочли: 53,3% опрошенных Моздокского, 46,7% – Ирафского, 41,9% – Правобережного, 35,5% – Кировского, 29,0% – Дигорского, 25,8% – Пригородного районов. Меньше всего ответов «участвовал(а), видел(а), слышал(а)» было у опрошенных из Ардонского и Алагирского районов (14,3 и 15,4% соответственно).

Ответ «знаю от друзей, знакомых, читал(а) про это» предпочли: 32,1% опрошенных Ардонского района, 23,1% – Алагирского, 23,3% – Ирафского, 12,9% – Пригородного, 25,8% – Кировского, 6,5% – Дигорского. Среди опрошенных Моздокского района таковых было меньше всего (3,3%).

Как следует из данных таблицы 12, подавляющее число респондентов, независимо от места жительства, в последние два года не сталкивались с таким мероприятием, как выступления бывших наркоманов. Особенно не осведомленными в этом вопросе были жители Дигорского и Алагирского районов (64,5 и 53,6% соответственно). Невелик и средний процент респондентов-сельчан (около 25%), которые ответили, что участвовали в подобных мероприятиях, и столько же знают о них от друзей и знакомых.

Половина экспертов положительно высказалась о проводимых в республике мероприятиях по борьбе с употреблением наркотиков. Министерством по делам молодежи, физической культуры и спорта, молодежным парламентом много делается в этом направлении. Большое количество мероприятий проводится правительством республики, в последнее время массовые концерты посвящаются в основном этой теме. Достаточно выпускается и печатной продукции.

20% экспертов согласились с тем, что в последнее время улучшились условия содержания больных в наркологическом отделении республиканской больницы. По инициативе одного из депутатов открыта наркологическая лечебница с хорошими условиями содержания, анонимным лечением.

По мнению других экспертов (40%), всего перечисленного недостаточно, так как отсутствует глобальная республиканская программа по борьбе с распространением наркотиков, а всё сделанное представляет собой только полумеры. Другие эксперты (12,0%) посетовали на то, что пропаганда проводимых мероприятий недостаточна для того, чтобы донести сделанное до каждого гражданина республики. Были и такие, которые считали, что из рук вон плохо работает Комитет по контролю над незаконным оборотом наркотиков, отсутствует обратная связь с населением (12,0%). Ловят только мелких распространителей, в то время как корень зла остается нетронутым.

Анализ установок респондентов относительно эффективности мероприятий о вреде наркотиков позволяет сделать следующий вывод: только около половины опрошенных активно высказывались по этой теме. Другая половина респондентов в основном предпочли отрицательный вариант ответа – «в последние два года не сталкивался(лась)».

Участники опроса из сельских районов плохо проинформированы о проходящих в республике концертах и фестивалях, посвященных борьбе против употребления наркотиков. В среднем около 70% респондентов ответили: «в последние два года с этим не сталкивался(лась)». Доля тех, кто «участвовал, видел, слышал», не превышала 40%, а в среднем составляла 25%. Особенно много негативных ответов было у респондентов Дигорского района: более 70% не имели представления о проходящих мероприятиях, число участвовавших в них было на порядок ниже, чем среди представителей других районов республики. Также обращает на себя внимание то, что среди подростков, школьников и учащихся ссузов менее всего респондентов, осведомленных о проводимых в республике подобных мероприятиях (около половины). В то же время среди студентов вузов таковых менее трети.

Респондентами Северной Осетии даны преимущественно негативные оценки качества выпускаемых плакатов, открыток с тематикой антинаркотической пропаганды; лишь представители имущественных слоев дали поровну положительных и отрицательных ответов. Около трети респондентов-сельчан на поставленный вопрос о плакатах, открытках на тему вреда наркотиков ответили: «участвовали, видели, слышали». Наиболее активными в этом смысле были респонденты Правобережного района. В среднем около половины сельчан ответили, что в последние два года не сталкивались с подобной продукцией.

Население Северной Осетии наиболее активно высказалось в отношении тематических программ и фильмов на телевидении, посвященных борьбе с наркоманией. Материалы опроса по данному разделу свидетельствуют о том, что население республики недостаточно активно интересуется статьями в прессе о вреде

наркотиков, так как позитивно в этом отношении высказалась только половина респондентов.

Более трети респондентов-сельчан на поставленный вопрос о сайтах в Интернете о вреде наркотиков ответили, что «участвовали, видели, слышали». Примерно четверть знают от друзей, знакомых, читали подобную информацию. При этом наиболее активными в этом смысле были респонденты Пригородного района (более 60%), наименее осведомленными оказались жители Дигорского – 90% из них не имели об этом понятия. В среднем около 40% сельчан ответили, что в последние два года не сталкивались ни с какими сайтами в Интернете на подобную тему.

Представители сельских районов в большей степени проинформированы о выступлениях в СМИ специалистов-медиков, представителей полиции, наркоконтроля (48,3%). Более всех других не сталкивались с подобными выступлениями в СМИ респонденты Ирафского (48,3%), Дигорского (71,0%) и Кировского (48,1%) районов.

Как показали материалы опроса, от трети до половины респондентов, независимо от места жительства, в последние два года не сталкивались с лекциями, беседами о вреде наркомании в учебных заведениях республики. Особенно не осведомленными в этом вопросе были жители Дигорского района (74,2%), среди которых также не нашлось никого, кто бы знал об этом от друзей, знакомых или читал. В среднем около трети респондентов-сельчан ответили, что участвовали в подобных мероприятиях, и до 30% знают о них от друзей и знакомых.

Кроме того, подавляющее число респондентов, независимо от места жительства, в последние два года не сталкивались с беседами о вреде наркомании с родителями учащихся. Особенно не осведомленными в этом вопросе были жители Дигорского

района (87,1%), среди которых также менее всех доля тех (3,2%), кто бы знал об этом от друзей, знакомых или читал. В среднем около четверти респондентов-сельчан ответили, что участвовали в подобных мероприятиях, и столько же знают о них от друзей и знакомых.

Подавляющее число респондентов, независимо от места жительства, в последние два года не сталкивались с таким мероприятием, как выступления бывших наркоманов. Особенно не осведомленными в этом вопросе были жители Дигорского и Алагирского районов (64,5 и 53,6% соответственно). Не велик и средний процент респондентов-сельчан (около 25%), которые ответили, что участвовали в подобных мероприятиях, и столько же знают о них от друзей и знакомых.

Из приведенных результатов исследований установок респондентов об их отношении к антинаркотическим мероприятиям можно заключить следующее:

1. Около половины населения не осведомлено о проходящих в республике мероприятиях. Особенно плохо дело обстоит в сельской местности, где доля позитивных ответов сводилась к трети. В Дигорском районе количество позитивных ответов было на порядок ниже, чем в среднем по республике.

2. Самых низких оценок респондентов удостоилась печатная продукция. Издаваемые плакаты, открытки, буклеты, брошюры о вреде наркотиков не находят свою аудиторию. Очевидно, что подача материала в них происходит на недостаточно современном уровне и неинтересна населению.

Литература

1. Выступление председателя Государственного антинаркотического комитета, директора ФСКН России В.П. Иванова на Всемирном форуме против наркотиков // Наркология. — 2012. — № 7. — С. 12-14.
2. Дзуцев, Х.В. Наркоситуация в республике Северная Осетия—Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации» / Х.В. Дзуцев. — М.: ИСПИ РАН, 2013. — 15,5 п.л.
3. Дмитриева, Т.Б. Формы государственного контроля за оборотом наркотиков (зарубежный и национальный опыт) / Т.Б. Дмитриева, Т.В. Клименко // Наркология. — 2011. — № 7. — С. 50-56.
4. Дорогин, В.Г. Правовое регулирование оборота наркотических средств и прсихотропных веществ в Российской Федерации / В.Г. Дорогин, Ю.В. Фомин. — Саратов: СЮИ МВД России, Международный институт рынка, 2004. — 183 с.
5. Закон Швеции о молодёжи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.fadm.gov.ru/information/16/124/; Антропов, В.В. Шведская модель социальной защиты / В.В. Антропов // Народонаселение. — 2005. — № 4. — С. 122-130.
6. Зиновьев, С.В. Проблема «двойного диагноза» в отечественной наркологии / С.В. Зиновьев // Наркология. — 2012. — № 10. — С. 95-98.
7. Интервью с начальником Управления Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Республике Дагестан генерал-майором полиции А.У. Черкесовым «О наркоситуации в Дагестане» // Дагестанская правда. — 2010. — № 3. — С. 1-2.
8. Кучеров, Ю.Н. Обзор антинаркотических ресурсов Рунета / Ю.Н. Кучеров, П.Г. Ленков, С.Г. Губанов // Наркология. — 2011. — № 8. — С. 92-100.
9. Осина, О.Н. Наркомания в России: социологический аспект / О.Н. Осина. — Саратов: Саратовский государственный университет, 2010. — 32 с.

Dzutsev Kh.V., Dibirova A.P.

Problem of drug addiction in the youth in the Republic of North Ossetia-Alania of the RF North Caucasian Federal District

Hasan Vladimirovich Dzutsev – Doctor of Sociology, Professor, Director of the North Ossetian Center of Social Research, the Institute of Socio-Political Research RAS; Head of the Department of Sociology and Social Processes, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov (10, Mira Avenue, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362005, Russian Federation, khasan_dzutsev@mail.ru)

Aminat Parukova Dibirova – Ph.D. in Biology, Senior Research Associate at the North Ossetian Center of Social Research, the Institute of Socio-Political Research RAS (10, Mira Avenue, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362005, Russian Federation, dibirova59@mail.ru)

Abstract: This article is based on the large-scale survey “the problem of drug addiction among the youth in the Republic of North Ossetia-Alania of the RF North Caucasian Federal District”. In April-May North Ossetian Center of Social Research of the Institute of Socio-Political Research RAS together with North Ossetian State University after K.L. Khetagurov conducted a monitoring aimed at evaluating the drug abuse situation in the Republic of North Ossetia-Alania and identifying the causes of drug abuse among young citizens of the republic. It studied the system of beliefs, habits and aspirations of young people. The research focused on the sociological assessment of the drug abuse situation in the Republic of North Ossetia and it was based on the study of systems of beliefs, habits and preferences of the residents, as well as on the identification of the reasons for the spread of drug addiction among the population. The achievement of this goal required solution of the following tasks:

- to evaluate beliefs, value systems, life plans, the state of health of the North Ossetia-Alania citizens, learn their opinion on the possibility of rational leisure time and recreation by means of monitoring;
- to assess bad habits of the republic citizens, estimate the society’s relation to the problems of drug addiction and drug addicts, analyze the reasons for the emergence and existence of this phenomenon in the society;
- to evaluate effectiveness of the measures to combat drug addiction;
- to identify reasons for drug addiction, most frequently used types of drugs, the cost of a single dose, a market place and consumers’ access to drugs;
- to assess practical activities aimed at improving the drug abuse situation in the republic. The sample size was 600 people.

Key words: liberalization, psychotropic substances, drug dealers, drug addiction, drug addicts, former drug addicts, lectures and talks, adolescent, prosperous European countries, advertising, authorities, pupils, students, pleasure, feelings, stress relief, high level of income, drug treating.

References

1. Vstuplenie predsedatelya Gosudarstvennogo antinarkoticheskogo komiteta, direktora FSKN Rossii V.P. Ivanova na Vsemirnom forume protiv narkotikov [Speech of Chairman of the State Anti-Narcotics Committee, Director of the FSKN V.P. Ivanov at the World Forum against Drugs]. *Narkologiya* [Narcology], 2012, no. 7, pp. 12-14.
2. Dzutsev Kh.V. *Narkosituatsiya v respublike Severnaya Osetiya-Alaniya Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga Rossiiskoi Federatsii* [Drug Abuse Situation in the Republic of North Ossetia-Alania in the North Caucasian Federal District of the Russian Federation]. Moscow: ISPI RAN, 2013.
3. Dmitrieva T.B., Klimentko T.V. *Formy gosudarstvennogo kontrolya za oborotom narkotikov (zarubezhnyi i natsional'nyi opyt)* [Forms of the State Control over Drugs Circulation (Foreign and National Experience)]. *Narkologiya* [Narcology], 2011, no. 7, pp. 50-56.

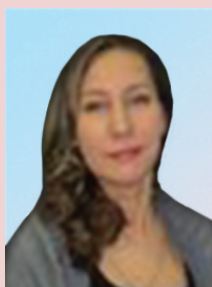
4. Dorogin V.G., Fomin Yu.V. *Pravovoe regulirovanie oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv v Rossiiskoi Federatsii* [Legal Regulation of the Narcotic and Psychotropic Substances Traffic in the Russian Federation]. Saratov: SYuI MVD Rossii, Mezhdunarodnyi institut rynka, 2004. 183 p.
5. *Zakon Shvetsii o molodezhi* [The Law of Sweden on the Youth]. Available at: www.fadm.gov.ru/information/16/124/. Antropov V.V. Shvedskaya model' sotsial'noi zashchity [Swedish Model of Social Protection]. *Narodonaselenie* [Population], 2005, no. 4, pp. 122-130.
6. Zinov'ev S.V. Problema "dvoynogo diagnoza" v otechestvennoi narkologii [Problem of "Dual Diagnosis" in Russian Narcology]. *Narkologiya* [Narcology], no. 10, pp. 95-98.
7. Interv'yu s nachal'nikom Upravleniya Federal'noi sluzhby Rossiiskoi Federatsii po kontrolyu za oborotom narkotikov po Respublike Dagestan general-maiorom politsii A.U. Cherkesovym "O narkosituatsii v Dagestane" [Interview with Head of the Federal Service of the Russian Federation for Control over Drug Trafficking in the Republic of Dagestan, Major General of the Police A. U. Cherkesov "On the Drug Abuse Situation in Dagestan"]. *Dagestanskaya Pravda* [Dagestan Truth], 2010, no. 3, pp. 1-2.
8. Kucherov Yu.N., Lenkov P.G., Gubanov S.G. Obzor antinarkoticheskikh resursov Runeta [Review of Anti-Drug Resources of Runet]. *Narkologiya* [Narcology], 2011, no. 8, pp. 92-100.
9. Osina O.N. *Narkomaniya v Rossii: sotsiologicheskii aspekt* [Drug Addiction in Russia: Sociological Aspect]. Saratov: Saratovskii gosudarstvennyi universitet, 2010. 32 p.

Актуальные вопросы алкогольной безопасности региона

**Светлана Васильевна
АКСЮТИНА**

кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Вологодский государственный университет (160002, г. Вологда, ул. Гагарина, д. 81, s_vasilievna@mail.ru)

**Наталья Михайловна
ОВСЯНКИНА**

магистр экономики, старший преподаватель кафедры статистики информационных технологий, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина (160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Мира, д. 8, ov_nataliya@mail.ru)

Аннотация. В работе представлены результаты исследования экономических и социально-демографических показателей, связанных с производством и потреблением алкогольной продукции. Представлены результаты анализа структуры алкогольного рынка Вологодской области. Приведены расчеты порогового значения безопасного объема производства алкогольной продукции в регионе с учетом допустимых Всемирной организацией здравоохранения норм потребления алкоголя и доли нелегально произведенной продукции. Определено, что фактором, способствующим увеличению налоговых поступлений в бюджет, выступает рост производства алкоголя, но фискальная политика государственного регулирования алкогольного рынка приводит к увеличению доли «теневое» оборота. Авторами рассчитаны экономические потери, связанные с незаконным производством алкогольной продукции в Вологодской области. Установлено, что потребление алкоголя является деструктивным социально-демографическим процессом и одной из угроз здоровья нации. Превышение медицинских норм потребления алкоголя вызывает алкогольную зависимость, порождает регресс общества и повышает угрозу национальной и экономической безопасности. В ходе исследования выявлена прямая зависимость между потреблением алкогольной продукции на душу населения и смертностью мужчин и женщин в трудоспособном возрасте от причин, связанных с употреблением алкогольной продукции. Исследование между-

народного опыта регулирования потребления алкоголя показало необходимость ужесточения государственного контроля в сфере производства и оборота алкогольной продукции. С целью проведения единой государственной алкогольной политики обоснована необходимость выделения алкогольной отрасли в общероссийском классификаторе видов экономической деятельности. Авторами уточнено понятие и условия алкогольной безопасности с точки зрения экономического роста и общественного развития. Обоснована необходимость мониторинга показателей алкогольной безопасности при планировании развития региона. Предложена комплексная система социально-экономических и демографических показателей для ее оценки в динамике.

Ключевые слова: алкогольная политика, рынок алкогольной продукции, государственное регулирование, алкогольная безопасность, показатели оценки, угрозы и индикаторы алкогольной безопасности.

В современной России проблема алкоголизации общества несет угрозу во все сферы деятельности государства, общества и личности. Следует отметить несоответствие государственной политики ключевым потребностям общества, что способствует ухудшению социально-демографических и экономических показателей [3]. Потери от злоупотребления алкоголем, такие как повышенный уровень смертности, снижение производительности труда и травматизм, затраты на лечение заболеваний, связанных с потреблением алкогольной продукции, социальные выплаты инвалидам и сиротам, государственные расходы на борьбу с преступностью, наносят ощутимый вред социальному и экономическому развитию страны.

В царской России (1914–1917 гг.) отмечался самый низкий уровень потребления алкогольной продукции в Европе – 0,83 литра абсолютного алкоголя (безводного спирта) в расчете на душу населения, к середине 70-х годов прошлого столетия намечилось существенное увеличение потребления алкоголя. В 2012 году в Вологодской области потребление составило 12,95 литра абсолютного алкоголя в год, что в 1,4 раза превышает среднероссийский показатель и в 1,6 раза предельно допустимую норму. Несмотря на действующую государ-

ственную антиалкогольную концепцию, предусматривающую снижение потребления алкогольной продукции, к 2012 году на 15% в регионе наметилась устойчивая тенденция повышения потребления алкоголя (*рис. 1*) [2].

С учетом не разрешенных к потреблению спиртосодержащей продукции и крепких спиртных напитков домашней выработки фактическое потребление алкогольной продукции на душу населения доходит до уровня 18–19 литров в год при допустимом Всемирной организацией здравоохранения уровне 8 литров. Очевидно, что потребление алкоголя сверх установленной нормы является крайне опасным для здоровья нации.

Соответственно, вопросы регулирования потребления алкоголя и борьба с его злоупотреблением стоят довольно остро. В рамках совершенствования механизма управления алкогольной безопасностью региона необходим непрерывный мониторинг всех элементов алкогольной политики (производство, продажа, потребление алкоголя, изменение социально-демографических показателей, связанных с потреблением алкогольной продукции). В рамках данного исследования предпринята попытка оценить уровень алкогольной безопасности региона.

В современной специальной литературе однозначного трактования алкогольной безопасности не существует. К примеру, ряд авторов предлагают рассматривать алкогольную безопасность как экономическую безопасность в сфере алкогольной промышленности с точки зрения промышленной и торговой политики и предлагают трактовку экономической безопасности в области алкогольной промышленности как состояние экономики страны, при котором обеспечивается независимость России в этой сфере, эффективное государственное регулирование рынка алкоголя, гарантия доступности и безопасности продукции, а также контроль над потреблением алкоголя в пределах рациональных норм, необходимых для здорового и динамичного образа жизни граждан. В этом случае задачами обеспечения экономической безопасности в сфере алкогольной промышленности являются: регулярный анализ и прогнозирование, позволяющие

выявить, устранить и предотвратить внутренние и внешние угрозы экономической безопасности; своевременное устранение последствий воздействия негативных факторов; обеспечение устойчивого развития отечественного производства алкогольной продукции и необходимого сырья для ее изготовления, достаточного для сохранения независимости страны в сфере алкогольной промышленности; обеспечение качества и безопасности алкогольной продукции; достижение и поддержание уровня употребления алкоголя гражданами страны, не превышающего допустимые границы, без нанесения вреда здоровью и оказания негативного влияния на социальное развитие.

Соответственно, независимость России в сфере алкогольной промышленности может быть достигнута путем устойчивого отечественного производства алкоголя в объемах, удельный вес которых в товарных ресурсах внутреннего рынка не меньше установленных пороговых значений [8, 12].

Рисунок 1. Динамика потребления алкогольной продукции в абсолютном алкоголе на душу населения в Вологодской области в 2000–2012 гг.

Источник: расчет авторов на основе данных Федеральной службы государственной статистики [13].

Вопросы алкогольной безопасности предлагается также рассматривать в системе обеспечения национальной безопасности, поскольку алкоголь является важнейшим деструктивным фактором социально-демографического развития России. Общепризнанной целью алкогольной политики государства является снижение смертности, заболеваемости и социальных проблем, связанных с употреблением алкоголя [6, 7, 9, 11, 15].

Поскольку потребление алкоголя выступает угрозой социально-демографическому развитию общества, а с другой стороны, позволяет реализовать фискальную функцию государства, то необходим баланс социально-экономических интересов в рамках алкогольной безопасности.

По нашему мнению, состояние алкогольной безопасности определяется двумя условиями:

- совокупностью предложенных на рынке алкогольных товаров и текущим уровнем алкогольных запросов, которые должны быть не ниже уровня жизненно важных интересов личности;

- текущим уровнем алкогольных запросов, который не должен превышать научно-обоснованные нормы потребления алкоголя.

Состояние угроз безопасности возникает в следующих случаях:

- уровень алкогольных потребностей ниже уровня жизненно важных интересов личности, т.е., например, качество алкогольной продукции не соответствует уровню (качеству) жизни, что может вызывать угрозу здоровью человека (продовольственная опасность);

- количество алкогольных товаров, предложенных на рынке, ниже текущего уровня алкогольных запросов, с экономической точки зрения это влечет фактически меньшее наполнение бюджета региона, чем возможное (экономическая опасность);

- текущий уровень алкогольных запросов выше научно-обоснованных норм потребления алкоголя, в результате чего развивается алкоголизм, который ведет к безусловному снижению качества жизни (социальная и национальная опасность).

Алкогольной безопасностью региона следует считать его социально-экономическое состояние, при котором, во-первых, совокупность предложенных на рынке алкогольных товаров и текущий уровень алкогольных запросов должны быть не ниже уровня жизненно важных интересов личности, во-вторых, текущий уровень алкогольных запросов не должен превышать научно-обоснованные медицинские нормы потребления алкоголя, обеспечивающие благоприятную динамику демографических показателей независимо от внутренних и внешних угроз (условий).

Кроме того, приобретает актуальность задача построения системы непрерывного мониторинга, анализа и оценки уровня угроз алкогольной безопасности. В современных условиях состояния экономики роль регулярного, всестороннего, объективного мониторинга особенно велика, так как имеет место высокая подвижность, неустойчивость социально-экономических показателей-индикаторов, наличие многочисленных диспропорций, требующих постоянного внимания. Если качество мониторинга недостаточно высоко, то динамика отрицательных экономических, социальных тенденций, их возникновение и развитие могут выйти из-под контроля государства и стать неуправляемыми и в какой-то степени необратимыми [5].

Цель создания мониторинга – обеспечение непрерывного информационно-статистического наблюдения за индикаторами алкогольной безопасности, на основе которого проводится оценка и анализ соотношений их текущих величин с пороговыми

значениями соответствующих показателей для выявления негативных тенденций, ослабляющих алкогольную безопасность.

Мировой опыт территориального управления свидетельствует о необходимости использования не единого показателя, а совокупности комплексных индикаторов для мониторинга, анализа и оценки уровня угроз алкогольной безопасности региона. При этом одной из главных задач оценки алкогольной безопасности становится определение системы экономических, социальных и демографических показателей.

Как известно, надежность системы определяется надежностью ее элементов. Интересы региона заключаются в стабильном воспроизводстве и приумножении экономического, социального и демографического потенциалов.

На наш взгляд, при разработке системы показателей необходимо придерживаться следующих требований: системный подход к основным угрозам алкогольной безопасности; интегрированность экономических, социальных и демографических показателей, ориентированных на уровень алкогольной безопасности; простота интерпретации, минимальность и доступность.

Следует отметить, что отдельные показатели могут иметь критическую величину показателей, что послужит индикатором необходимости вмешательства органов управления для выхода системы из кризисного состояния.

К первой группе показателей нами отнесены экономические показатели, т.е. состояние алкогольной отрасли (согласно нормам ВОЗ, регламентирующим потребление алкогольной продукции):

а) Абсолютные показатели:

– объем производства алкогольной продукции в абсолютном алкоголе, тыс. дал.;

– объем производства алкогольной продукции в натуральном выражении по видам, тыс. дал.;

– объем продаж алкогольной продукции в натуральном выражении, тыс. дал.;

– объем продаж алкогольной продукции в натуральном выражении, тыс. дал.;

– импорт алкогольной продукции в натуральном выражении, тыс. дал.;

– импорт алкогольной продукции в абсолютном алкоголе, тыс. дал.;

– экспорт алкогольной продукции в натуральном выражении, тыс. дал.;

– экспорт алкогольной продукции в абсолютном алкоголе, тыс. дал.;

– размер ставки акциза на алкогольную продукцию, руб.;

– доходы областного бюджета от поступления акцизов на алкогольную продукцию, млн. руб.

б) Относительные показатели, предполагающие тенденцию снижения в динамике:

– коэффициент алкогольной зависимости региона (отношение объема производства к объему продаж);

– доля импорта алкогольной продукции в натуральном выражении от всей продукции в области, %;

– доля незаконно произведенной алкогольной продукции, %.

в) Относительные показатели, предполагающие тенденцию роста в динамике:

– доля экспорта алкогольной продукции в натуральном выражении от произведенной продукции в области, %;

– доля поставок алкогольной продукции местными производителями на региональный рынок, %;

– коэффициент использования производственных мощностей ликеро-водочных заводов, %;

– соотношение темпа роста ставок акциза и темпа роста поступления акцизов в бюджет (менее 1).

Вторую группу составляют социальные показатели алкогольной безопасности региона.

а) Абсолютные показатели (предполагается в динамике снижение показателей):

– объем потребления алкогольной продукции в абсолютном алкоголе на душу населения, л;

– объем потребления алкогольной продукции в абсолютном алкоголе на душу населения по видам продукции, л;

– объем потребления алкогольной продукции в натуральном выражении на душу населения по видам продукции, л;

– количество зарегистрированных преступлений всего, ед.;

– количество зарегистрированных преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, ед.

б) Относительные показатели (снижение показателей в динамике):

– структура потребления алкогольной продукции в абсолютном алкоголе, %;

– структура потребительских расходов населения (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств), %;

– доля преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения от всех зарегистрированных преступлений, %;

– численность детей, отобранных у родителей, лишенных родительских прав, чел.;

– численность детей, оставшихся без попечения родителей, чел.

Третья группа – это демографические показатели, характеризующие алкогольную безопасность региона.

а) Абсолютные показатели, предполагающие тенденцию снижения:

– смертность от причин, связанных с употреблением алкоголя, чел.;

– численность больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях с диагнозом алкоголизм и алкогольный психоз, чел.;

– численность больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях с диагнозом алкоголизм и алкогольный психоз на 100 000 человек населения, чел.;

– численность больных, взятых под наблюдение впервые с диагнозом алкоголизм и алкогольный психоз, чел.;

– численность больных, взятых под наблюдение впервые с диагнозом алкоголизм и алкогольный психоз на 100 000 человек населения, чел.

б) Относительные показатели:

– доля смертности от причин, связанных с употреблением алкоголя, в общем показателе смертности;

– доля больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях с диагнозом алкоголизм и алкогольный психоз, в общей численности населения;

– доля больных, взятых под наблюдение впервые с диагнозом алкоголизм и алкогольный психоз, в общей численности населения.

Предложенная система показателей, рекомендуемая для проведения мониторинга алкогольной безопасности региона, достаточно проста, информационная база для расчета показателей доступна, что позволит оценить не только социально-демографическую и экономическую ситуацию, но и выявить резервы обеспечения оптимального соотношения производства и потребления алкогольной продукции с точки зрения сохранения ликероводочной отрасли, обеспечения ее эффективной работы, улучшения качества продукции, соблюдения медицинских норм и пополнения региональных бюджетных доходов.

Анализ динамики производства алкогольной продукции в Вологодской области свидетельствует об устойчивой тенденции сокращения производства алкогольной продукции, основной специализацией ЛВЗ становится выпуск вод-

ки и ликероводочных изделий (табл. 1). Коэффициент алкогольной зависимости региона (отношение объема производства в регионе к объему продаж) достаточно высок, в 2012 г. обеспеченность региона собственной алкогольной продукцией составила 28,6%. Рост интервенций внешних поставщиков кардинально меняет структуру алкогольного рынка. Например, доля внутреннего производства водки и ликероводочных изделий сокращается с 93,7 до 52,1%.

Безусловно, на состояние регионально-го рынка повлияла нестабильная работа вологодских ликероводочных заводов, монопольное положение ряда сетевых продуктовых супермаркетов, которые являются активными каналами продвижения алкоголя, ввезенного из других областей, и

неэффективно действующая система регулирования данной сферы.

Для оценки критического значения объема производства алкогольной продукции в регионе используем безопасные нормы ВОЗ (8 л в абсолютном алкоголе на душу населения).

Данный показатель является пороговым значением для потребления алкогольной продукции, т.е. это тот максимально допустимый объем на региональном алкогольном рынке, превышение которого может привести к ухудшению алкогольной безопасности региона. Кроме того, необходимо скорректировать объем безопасного потребления на долю ввезенной алкогольной продукции в регион, т.к. в структуре алкогольного рынка определенный сегмент занимает импортная продукция.

Таблица 1. Динамика производства и продажи алкогольной продукции в абсолютном алкоголе в Вологодской области в 2000–2012 гг.

Год	Производство алкогольной продукции в абсолютном алкоголе, тыс. дал.								Объем продаж алкогольной продукции в абсолютном алкоголе всего, тыс. дал.
	Водка и ликероводочные изделия	Коньяки	Вина виноградные	Вина плодовые	Напитки винные крепостью более 20%	Напитки винные крепостью до 20%	Напитки слабоалкогольные крепостью не более 9%	Всего	
2000	763,56	-	0,43	7,70	12,77	5,66	-	790,12	1247,2
2001	811,31	0,48	0,31	5,29	5,10	1,10	2,35	825,94	1596,4
2002	884,03	-	15,87	4,43	25,48	0,88	5,51	936,2	1625,7
2003	1215,99	0,63	75,26	4,44	27,38	-	4,90	1328,6	1902,2
2004	1255,44	0,90	69,16	4,45	31,12	-	2,27	1363,34	2039,4
2005	1169,70	0,93	3,00	20,17	25,77	-	4,8	1224,37	1744,4
2006	911,10	0,46	-	22,73	3,67	-	0,46	938,42	1439,9
2007	854,29	1,66	-	21,22	-	-	-	877,17	1395,1
2008	666,25	2,78	-	17,32	-	-	-	686,35	1490,8
2009	550,81	2,69	-	16,17	-	-	-	569,67	1416,1
2010	528,66	2,37	-	18,72	-	-	-	549,75	1241,1
2011	364,22	0,58	-	-	-	-	-	364,8	1413,9
2012	432,17	-	-	-	-	-	-	432,17	1551,1

Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики.

Безопасный объем производства алкогольной продукции для внутрирегионального потребления — это такой объем, который могут производить местные предприятия с учетом импорта, не превышая безопасный объем потребления.

Для определения фактического объема производства на цели внутреннего потребления необходимо из фактического объема производства исключить долю экспортных поставок алкоголя, произведенного внутри региона, и скорректировать его на долю нелегального производства.

Для расчета отклонения фактического производства от порогового значения необходимо сравнить безопасный объем производства алкогольной продукции для внутрирегионального потребления с фактическим объемом производства продукции на цели внутреннего потребления. Положительное значение данного показателя будет являться резервом безопасного производства, отрицательное — перепроизводством.

Расчет безопасного объема производства алкогольной продукции для внутрирегионального потребления на 2012 год произведен в *таблице 2*.

Фактический объем производства алкогольной продукции на цели внутреннего потребления не превышает пороговое значение — безопасный объем производства алкогольной продукции для внутрирегионального потребления, и составляет 269,46 тыс. дал., тем самым не вызывая угрозы алкогольной безопасности региона.

Резервы дополнительного производства алкогольной продукции составляют 141,01 тыс. дал. Но, учитывая наличие нелегального оборота алкогольной продукции, расчетные данные могут принимать иное значение.

Согласно оценке фактический объем производства алкогольной продукции на цели внутреннего потребления превышает безопасный объем производства алкогольной продукции для внутрирегионального потребления на 50,27 тыс. дал.

Таблица 2. Расчет безопасного объема производства алкогольной продукции для внутрирегионального потребления в 2012 г.

Показатель	Значение
Численность населения, тыс. чел.	1196,2
Потребление алкогольной продукции на душу населения в абсолютном алкоголе по нормам ВОЗ, л.	8
Безопасный объем потребления алкогольной продукции, тыс. дал.	956,6
Объем импорта алкогольной продукции, тыс. дал.	546,49
Безопасный объем производства алкогольной продукции для внутрирегионального потребления (пороговое значение), тыс. дал.	410,47
Доля легального производства	0,534
Безопасный объем внутрирегионального производства алкогольной продукции, скорректированный на долю нелегального производства, тыс. дал.	219,19
Фактический объем производства алкогольной продукции, тыс. дал.	432,17
Объем экспорта алкогольной продукции, тыс. дал.	162,71
Фактический объем производства алкогольной продукции на цели внутреннего потребления (поставки местных производителей), тыс. дал.	269,46
Отклонение фактического объема производства алкогольной продукции на цели внутреннего потребления от порогового значения (перепроизводство), тыс. дал.	- 50,27
Составлено по: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики.	

Анализ потребления алкогольных напитков показал смещение потребительских запросов от крепких алкогольных напитков к наиболее дешевому продукту – пиву. На начало исследуемого периода в структуре потребления крепкие алкогольные напитки (водка и ликероводочные изделия, коньяк) составляли 82,3%, к 2012 году произошло снижение до 49,5%. При этом объем потребления пива увеличивается практически в три раза (табл. 3).

Рост потребления алкогольной продукции неизменно приводит к ухудшению демографических показателей; за анализируемый период от причин, связанных с употреблением алкоголя, в среднем умерло 78,2% мужчин и 21,8% женщин.

Нами исследована зависимость между потреблением алкогольной продукции на душу населения и смертностью мужчин и женщин в трудоспособном возрасте от причин, связанных с употреблением алкоголя, которая отражена на рисунках 2 и 3, что позволяет судить о прямой связи между этими показателями.

Алкогольная отрасль промышленности при улучшении экономических показателей деятельности негативно влияет на социально-демографическую ситуацию в обществе. Оздоровление населения снижает потребление алкогольной продукции, тем самым уменьшает спрос на алкоголь и налоговые поступления в государственный бюджет.

Таблица 3. Структура потребления по видам алкогольной продукции в абсолютном алкоголе в Вологодской области в 2000–2012 гг.

Год	Потребление в расчете на душу населения области в абсолютном алкоголе													
	Водка и ликероводочные изделия		Винодельческая продукция		Коньяк		Шампанские и игристые вина		Напитки слабоалкогольные		Пиво		Итого	
	л	%	л	%	л	%	л	%	л	%	л	%	л	%
2000	7,72	80,2	0,42	4,4	0,2	2,1	0,02	0,2	-	-	1,27	13,2	9,63	100,0
2001	9,24	74,3	1,05	8,4	0,2	1,6	0,03	0,2	-	-	1,91	15,4	12,43	100,0
2002	8,92	69,9	1,51	11,8	0,20	1,6	0,04	0,3	-	-	2,10	16,4	12,77	100,0
2003	9,85	65,3	2,28	15,1	0,21	1,4	0,04	0,3	-	-	2,70	17,9	15,08	100,0
2004	10,72	65,8	1,84	11,3	0,26	1,6	0,06	0,4	-	-	3,42	21,0	16,30	100,0
2005	8,8	62,6	1,36	9,7	0,26	1,8	0,06	0,4	-	-	3,58	25,5	14,06	100,0
2006	6,96	59,5	1,04	8,9	0,24	2,1	0,06	0,5	-	-	3,40	29,1	11,70	100,0
2007	6,48	56,8	1,31	11,5	0,15	1,3	0,07	0,6	-	-	3,40	29,8	11,41	100,0
2008	6,96	56,8	1,39	11,3	0,22	1,8	0,11	0,9	-	-	3,57	29,1	12,25	100,0
2009	6,08	52,0	1,85	15,8	0,21	1,8	0,14	1,2	-	-	3,41	29,2	11,69	100,0
2010	5,16	50,0	1,29	12,5	0,20	1,9	0,09	0,9	0,13	1,3	3,44	33,4	10,31	100,0
2011	6,16	52,3	1,50	12,7	0,24	2,0	0,13	1,1	0,15	1,3	3,60	30,6	11,78	100,0
2012	5,96	46,0	1,44	11,1	0,45	3,5	0,13	1,0	0,14	1,1	4,83	37,3	12,95	100,0

Составлено по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://vologdastat.gks.ru/> [13]

Рисунок 2. Корреляция между смертностью мужчин в трудоспособном возрасте от причин, связанных с употреблением алкоголя и потреблением алкогольной продукции на душу населения в Вологодской области

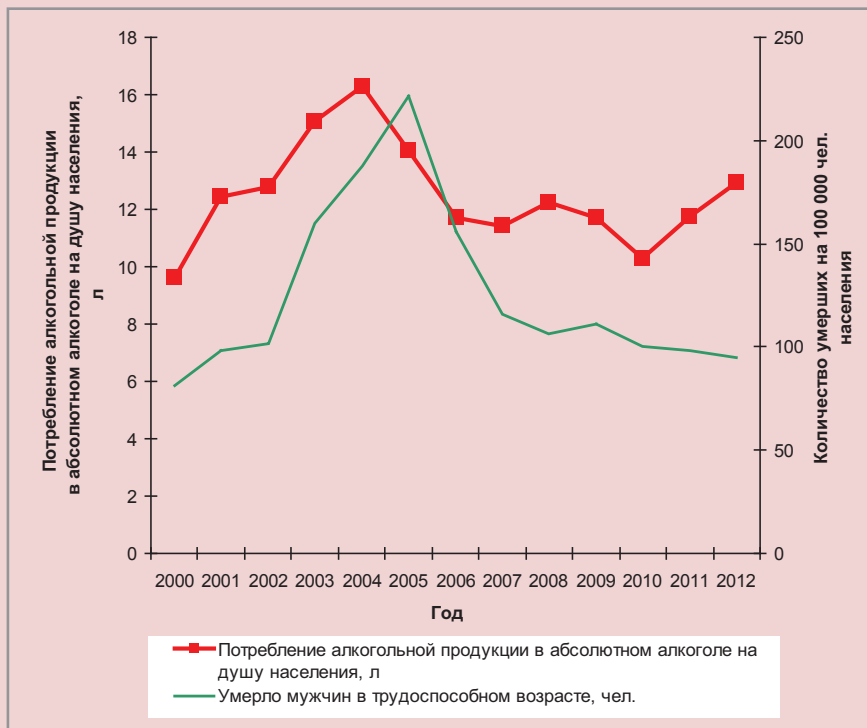
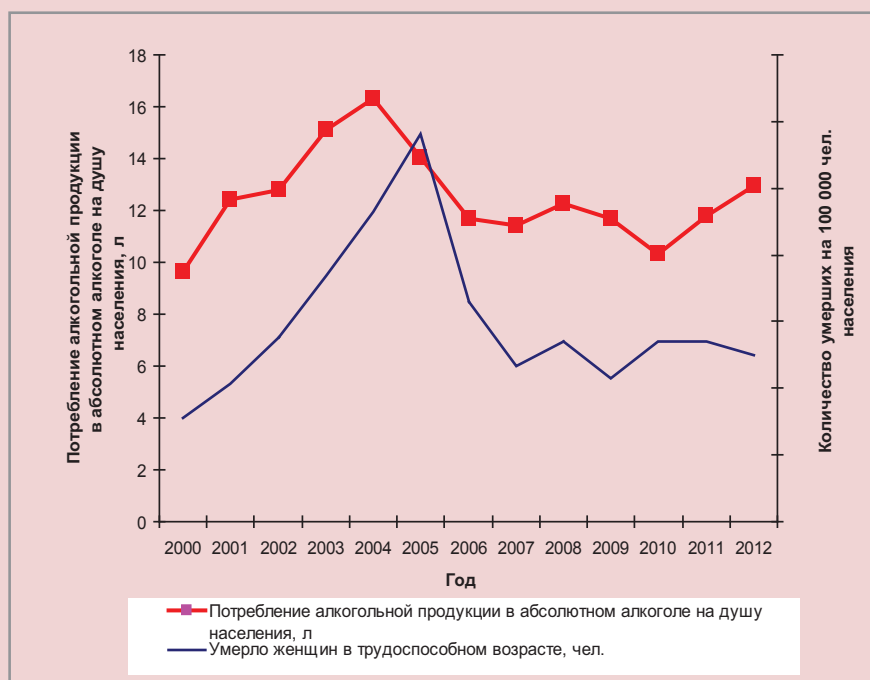

Рисунок 3. Корреляция между смертностью женщин в трудоспособном возрасте от причин, связанных с употреблением алкоголя и потреблением алкогольной продукции на душу населения в Вологодской области

Последние годы отчетливо прослеживается тенденция повышения акцизов с целью снижения доступности алкоголя. Основная опасность, которую таит в себе быстрый и высокий рост акцизов, — это увеличение незаконно произведенной алкогольной продукции. В период с 2010 по 2012 г. ставки акциза на водку и ликероводочные изделия выросли на 42,2%, но поступления в бюджет сократились на 17,1%.

Доходы от производства и оборота алкоголя в Вологодской области в 2012 году составили около 0,8% доходов регионального бюджета (табл. 4).

Политика, нацеленная на увеличение акцизов, стимулирует рост теневого оборота. В ходе выборочной проверки по выявлению незаконного производства и

оборота этилового спирта и алкогольной продукции, произведенной в 2012 году на территории Вологодской области, было изъято 9 декалитров этилового спирта и 138 декалитров алкогольной продукции, в том числе 19 декалитров водки. Доля незаконно произведенной алкогольной продукции составила 46,6% от объема проверенной продукции, а водки — 13%, что свидетельствует о резерве дополнительных бюджетных доходов (табл. 5).

Средняя ошибка доли алкогольной продукции, производство и оборот которой проводились незаконно, установлена на уровне 0,029, предельная ошибка доли незаконно произведенной алкогольной продукции с заданной вероятностью $\alpha=0,05$ составила — 0,0568, доверительный интервал — 0,4092; 0,5228.

Таблица 4. Динамика доходов областного бюджета за 2010–2012 гг.

Наименование показателя	Кассовое поступление, тыс. руб.		
	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Доходы областного бюджета, всего	36 057 172,7	39 342 345,0	42 391 989,1
в том числе налоговые доходы	23 022 109,5	25 207 213,6	26 966 202,8
в них: акцизы, всего	392 311,5	415 509,4	342 187,3

Составлено по: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://vologdastat.gks.ru/> [13]

Таблица 5. Оценка экономической потери, связанной с незаконным производством алкогольной продукции в Вологодской области в 2012 году

Показатель	Нижняя граница показателя	Точечная оценка показателя	Верхняя граница показателя
Фактический объем производства алкогольной продукции в абсолютном алкоголе, тыс. дал.	-	432,17	-
Доля незаконно произведенной алкогольной продукции	0,4092	0,466	0,5228
<i>С учетом выборочной оценки доли</i>			
Объем незаконно произведенной алкогольной продукции в абсолютном алкоголе, тыс. дал.	176,84	201,39	225,94
<i>С учетом среднегодовой ставки акциза (277 руб.)</i>			
Недополученная сумма акцизных поступлений всего, тыс. руб.	489 846,8	557 850,3	625 853,8
<i>С учетом структуры акцизных поступлений</i>			
Из них: акцизные поступления в федеральный бюджет, тыс. руб.	293 908,08	334 710,18	375 512,28
акцизные поступления в региональный бюджет, тыс. руб.	195 938,7	223 140,1	250 341,5

Следовательно, необходимо применять жесткие меры для пресечения деятельности, связанной с незаконным производством и оборотом алкогольной продукции. Актуализируются эффективные государственные меры по противодействию злоупотреблению алкоголем, который считается главным фактором демографического и социального кризиса в России, общенациональной угрозой на уровне личности, общества и государства. Вместе с тем единые подходы к регулированию производства и оборота алкогольной продукции не определены. На протяжении многих лет отмечается смещение приоритетов в сферу экономических интересов, принося ущерб охране здоровья населения. Считаем целесообразным создание государственной монополии на оборот этилового спирта. В этом случае объектом обложения акцизом должен стать спирт, а плательщиком — государственное предприятие, что создает предпосылки к пресечению нелегального производства и оборота алкогольной продукции и пополнению государственной казны.

Очевидно, продолжает оставаться нерешенным вопрос о регулировании объема производства и потребления алкогольной продукции (с точки зрения безопасной величины как для населения, так и для государства), сопровождаемого отсутствием экономических потерь от незаконного оборота алкогольной продукции.

Оценка механизмов управления алкогольной отраслью за рубежом показала наличие сбалансированной концепции развития и регулирования рынка алкогольной продукции, учитывающей интересы государства, производителей и населения. Значительное влияние на решение проблем алкогольной отрасли оказывают профессиональные союзы и ассоциации алкогольного бизнеса, которые во взаимодействии с властными структурами имеют

возможность формировать национальную алкогольную политику [10, 16].

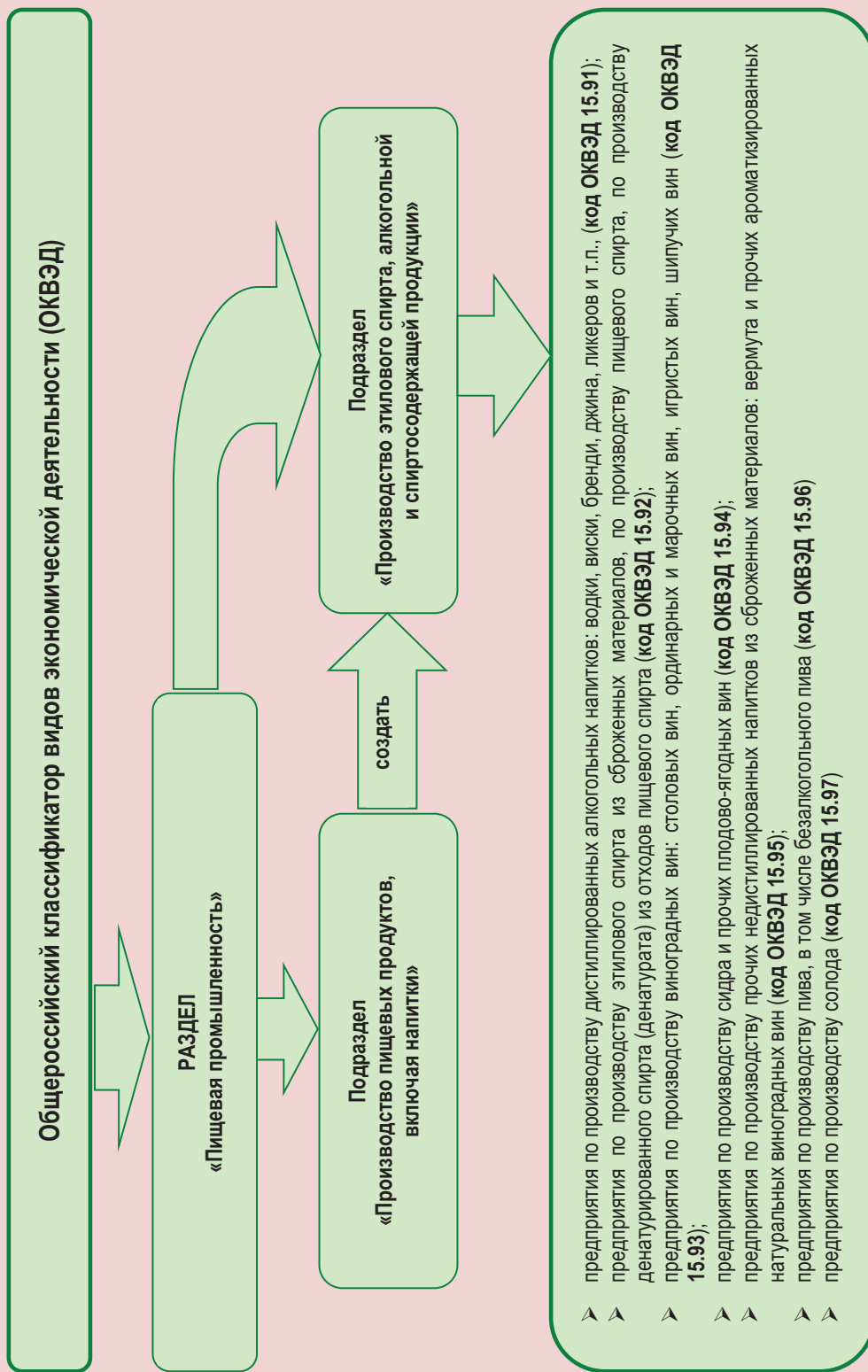
Одним из методов регулирования алкогольной безопасности в зарубежной практике выступает ограничение доступности спиртных напитков.

Во-первых, это связано с процедурой лицензирования и налогообложения производства и реализации алкогольных напитков. Во многих странах (Канада, Швеция, Финляндия, Норвегия и т.д.) в любое из звеньев производственного цикла (производство, оптовая или розничная продажа) встраивается государственное звено для усиления надзора, либо существует монополия (полная, частичная) на производство и продажу алкоголя, что повышает эффективность контроля оборота этилового спирта.

Во-вторых, следует отметить опыт нордических стран в борьбе с алкоголизацией через физические и экономические методы ограничения доступности алкоголя (удаленность магазинов от мест массового скопления граждан, ограничение времени их работы, сокращение количества точек, реализующих алкоголь, увеличение стоимости алкогольной продукции за счет повышения акцизов, усиление санкций за фальсификацию спирта, лишение социальных льгот за самогонование и т.п.).

Регулирование алкогольной безопасности целесообразно осуществлять в рамках единой отрасли. С точки зрения хозяйственной отрасли как совокупности предприятий, производящих и распределяющих аналогичные товары, которые конкурируют на одном потребительском рынке, предприятия по производству дистиллированных алкогольных напитков, виноградных вин, пива, сидра и прочих плодово-ягодных вин, прочих недистиллированных напитков из сброженных материалов и предприятия по производству этилового спирта из сброженных материалов, пищевого спирта,

Рисунок 4. Рекомендуемый классификатор видов экономической деятельности

Источник: Общероссийский классификатор видов экономической деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.okvad.ru/razdel_da.html

денатурированного спирта (денатурата) из отходов пищевого спирта следует объединить в одну отрасль, поскольку их продукция является спиртосодержащей (содержание спирта более 1,5%) и относится к алкогольному рынку. На сегодняшний день с точки зрения административной отрасли выделяют предприятия, производящие денатурат, алкогольные и безалкогольные напитки [4]. Вместе с тем этиловый непьющий спирт (денатурат) по своему содержанию нельзя отнести к продукции пищевой промышленности, т.к. он содержит денатурирующие добавки в концентрации, исключающей возможность использования указанного спирта для производства алкогольной и другой пищевой продукции. Пиво и пивные напитки в соответствии с федеральным законодательством относятся к алкогольной продукции, однако деятельность по его производству и обороту не подлежит лицензированию, что затрудняет осуществление контроля за его производством и реализацией [14].

Очевидно, что проведение единой государственной алкогольной политики необходимо совершенствовать в рамках правовых основ производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. В общероссийском классификаторе видов экономической деятельности

из подраздела «Производство пищевых продуктов, включая напитки», входящего в раздел «Пищевая промышленность», следует выделить подраздел «Производство этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции». Предлагаемая классификация ОКВЭД представлена на *рисунке 4*.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что в современных условиях актуализируется роль органов власти в регулировании алкогольного рынка, что предопределяет наличие государственной структуры в сфере закупки и распределения спиртосодержащей продукции, основными функциями которой должны стать: планирование и контроль производства, а также корректировка потребления этилового спирта на условиях социальной ответственности и созидательной мотивации, поскольку рынок алкогольной продукции является одним из традиционных и значительных потребительских рынков. В этой связи представляется возможным использование предложенной системы показателей для проведения мониторинга алкогольной безопасности и оценки динамики показателей безопасности с точки зрения экономического роста и сохранения стабильности демографической ситуации.

Источники

1. Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия: доклад Общественной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oprf.ru/files/dokladalko.pdf>.
2. Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rb.ru/inform/128937.html>
3. Морев, М.В. Проблемы взаимодействия государства и общества [Текст] / М.В. Морев, В.С. Каминский // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6 (30). – С. 207-224.
4. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.okvad.ru/razdel_da.html
5. Овсянкина, Н.М. Анализ и прогнозирование социально-демографических показателей алкогольной безопасности в Вологодской области [Текст] / Н.М. Овсянкина, О.А. Шихова // Молочнохозяйственный вестник. – 2013. – № 3 (11). – С. 69-75.

6. Павличенко, Н.В. Криминологический анализ изменений законодательства в сфере реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения [Текст] / Н.В. Павличенко, А.С. Самоделкин. – Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 125-132.
7. Злоупотребление алкоголем как причина смерти [Текст] / Н.И. Прокопчик, Ю.Е. Разводовский, М.Г. Зубрицкий, А.М. Гавра, Д.В. Солодуха // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. – 2009. – № 3 (27). – С. 57-58.
8. Пхитиков, А.Ю. Развитие алкогольной политики в Российской Федерации как приоритетная задача в обеспечении экономической безопасности [Текст] / А.Ю. Пхитиков, Ю.К. Лукьянов // Российский следователь. – 2007. – № 2. – С. 31-33.
9. Симонов, С.Н. Демографические последствия злоупотребления алкоголем в России [Текст] / С.Н. Симонов, Д.Л. Симонова, М.С. Симонов. – Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. Т. 18. – 2013. – № 1. – С. 321-323.
10. Тимошин, А.Н. Анализ международного опыта регулирования алкогольного рынка [Текст] / А.Н. Тимошин // Вестник Брянского государственного университета. – 2011. – № 3. – С. 308-311.
11. Толкачева, О.П. Государственное регулирование рынка алкогольной продукции в системе обеспечения национальной безопасности страны [Текст] / О.П. Толкачева, А.С. Крупенина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 4. – С. 142-145.
12. Усова, К.О. Формирование сбалансированной промышленной и торговой политики в целях обеспечения экономической безопасности производства и оборота алкогольной продукции [Текст] / К.О. Усова // Вестник ЮРГТУ (НПИ). – 2012. – № 3. – С. 173-176.
13. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologdastat.gks.ru/>
14. Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» от 22.11.1995 № 171-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154020/
15. Шукшина, Ю.А. Совершенствование региональной политики в области регулирования рынка алкогольной продукции [Текст] / Ю.А. Шукшина. – Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2008. – № 9. – С. 113-117.
16. Österberg, E. What are the most effective and costeffective interventions in alcohol control? Copenhagen, WHO Regional Office for Europe [Электронный ресурс] / E. Österberg // Health Evidence Network report. – URL: <http://www.euro.who.int/document/E82969.pdf>.

Aksyutina S.V., Ovsyankina N.M.

Critical issues of alcohol safety in the region

Svetlana Vasil'evna Aksyutina – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education the Vologda State University (81A, Gagarin Street, Vologda, 160002, Russian Federation, s_vasilievna@mail.ru)

Natal'ya Mikhailovna Ovsyankina – Master of Economics, Senior Lecturer at the Department of Statistics and Information Technology, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education the Vologda State Dairy Farming Academy Named after N.V. Vereshchagin (2, Schmidt Street, Molochnoye, Vologda, 160555, Russian Federation, ov_nataliya@mail.ru)

Abstract. The paper presents results of the research into the economic and socio-demographic indicators associated with the production and consumption of alcoholic beverages. It discloses the analysis of the alcoholic beverage market structure in the Vologda Oblast. The authors have identified the threshold of the safe alcohol production volume in the region taking into account the World Health Organization standards of alcohol consumption and the share of illegally produced goods.

The article states that the increased alcohol production contributes to the rise in tax revenues, but the state fiscal policy to regulate the alcoholic beverage market leads to an increase in the share of shadow turnover. The authors have calculated the economic loss connected with the illegal production of alcoholic beverages in the Vologda Oblast. The alcohol consumption is a destructive socio-demographic process and one of the threats to the health of the nation. Excessive alcohol consumption leads to alcohol dependence, regression of the society and increases the threat to national and economic security. The study reveals a direct correlation between the consumption of alcoholic beverages per capita and mortality rates in men and women of working age from the causes related to the consumption of alcoholic beverages. The study of the international experience to regulate alcohol consumption has showed the need to tighten state control in the sphere of production and turnover of alcoholic products. The conduct of the unified state alcohol policy substantiates the selection of the alcohol industry in the all-Russian classifier of economic activity types. The authors have elaborated the concept and conditions of alcoholic security from the point of view of economic growth and social development. The article substantiates the necessity to monitor alcohol safety indicators when considering the regional development. It presents the complex system of socio-economic and demographic indicators for its evaluation in dynamics.

Key words: alcohol policy, alcoholic beverage market, state regulation, alcohol safety, performance indicators, threats and indicators of alcohol safety.

References

1. *Zloupotreblenie alkogolem v Rossiiskoi Federatsii: sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya i mery protivodeistviya: doklad Obshchestvennoi palaty Rossiiskoi Federatsii* [Alcohol Abuse in the Russian Federation: Socio-Economic Consequences and Countermeasures: Report of the Public Chamber of the Russian Federation]. Available at: <https://www.oprf.ru/files/dokladalko.pdf>.
2. *Kontsepsiya gosudarstvennoi politiki po snizheniyu masshtabov zloupotrebleniya alkogolem i profilaktike alkogolizma sredi naseleniya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda* [Concept of the Public Policy to Reduce Alcohol Abuse and Prevent Alcoholism among the RF Population for the Period up to 2020]. Available at: <http://www.rb.ru/inform/128937.html>
3. Morev M.V., Kaminskii V.S. Problemy vzaimodeistviya gosudarstva i obshchestva [Issues of State-Society Relations]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 6 (30), pp. 207-224.
4. *Obshcherossiiskii klassifikator vidov ekonomicheskoi deyatel'nosti* [All-Russian Classifier of Economic Activity Types]. Available at: http://www.okvad.ru/razdel_da.html
5. Ovsyankina N.M., Shikhova O.A. Analiz i prognozirovaniye sotsial'no-demograficheskikh pokazatelei alkogol'noi bezopasnosti v Vologodskoi oblasti [Analysis and Forecasting of Socio-Demographic Indicators of Alcohol Safety in the Vologda]. *Molochnokhozyaistvennyi vestnik* [Diary Farming Reporter], 2013, no. 3 (11), pp. 69-75.
6. Pavlichenko N.V., Samodelkin A.S. Kriminologicheskii analiz izmenenii zakonodatel'stva v sfere realizatsii gosudarstvennoi politiki po snizheniyu masshtabov zloupotrebleniya alkogol'noi produktsiei i profilaktike alkogolizma sredi naseleniya [Criminology Analysis of the Changes in the Legislation in the Sphere of Implementation of the State Policy to Reduce Alcohol Abuse and Prevent Alcoholism among the Population]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law], 2014, no. 2, pp. 125-132.
7. Prokopchik N.I., Razvodovskii Yu.E., Zubritskii M.G., Gavra A.M., Solodukha D.V. Zloupotreblenie alkogolem kak prichina smerti [Alcohol Abuse as a Cause of Death]. *Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta* [Journal of the Grodno State Medical University], 2009, no. 3 (27), pp. 57-58.
8. Pkhitikov A.Yu., Luk'yanov Yu.K. Razvitiye alkogol'noi politiki v Rossiiskoi Federatsii kak prioritelnaya zadacha v obespechenii ekonomicheskoi bezopasnosti [Elaboration of Alcohol Policy in the Russian Federation as a Priority to Ensure Economic Security]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Prosecutor], 2007, no. 2, pp. 31-33.

9. Simonov S.N., Simonova D.L., Simonov M.S. Demograficheskie posledstviya zloupotrebleniya alkogolem v Rossii [Demographic Consequences of Alcohol Abuse in Russia]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Estestvennye i tekhnicheskie nauki* [Tambov University Review. Series: Natural and Technical Sciences], vol. 18, 2013, no. 1, pp. 321-323.
10. Timoshin, A.N. Analiz mezhdunarodnogo opyta regulirovaniya alkogol'nogo rynka [Analysis of the International Experience to Regulate the Alcoholic Beverage Market]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bryansk State University Herald], 2011, no.3, pp. 308-311.
11. Tolkacheva, O.P., Krupenina A.S. Gosudarstvennoe regulirovanie rynka alkogol'noi produktsii v sisteme obespecheniya natsional'noi bezopasnosti strany [State Regulation of the Alcoholic Beverage Market in the System to Ensure National Security of the Country]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2011, no. 4, pp. 142-145.
12. Usova K.O. Formirovanie sbalansirovannoi promyshlennoi i torgovoi politiki v tselyakh obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti proizvodstva i oborota alkogol'noi produktsii [Formation of Balanced Industrial and Trade Policies in Order to Ensure Economic Security of Production and Turnover of Alcoholic Products]. *Vestnik YuRGU (NPI)* [Vestnik of URGU(NPI)], 2012, no. 3, pp. 173-176.
13. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://vologdastat.gks.ru/>
14. *Federal'nyi zakon "O gosudarstvennom regulirovanii proizvodstva i oborota etilovogo spirta, alkogol'noi i spirtosoderzhashchei produktsii i ob ogranichenii potrebleniya (raspitiya) alkogol'noi produktsii" ot 22.11.1995 № 171-FZ* [Federal Law "On State Regulation of Production and Turnover of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products and on Restriction of Consumption (Drinking) of Alcoholic Products" of November 22, 1995 No. 171-FZ]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154020/
15. Shukshina Yu.A. Sovershenstvovanie regional'noi politiki v oblasti regulirovaniya rynka alkogol'noi produktsii [Improvement of the Regional Policy in the Field of Alcoholic Beverage Market Regulation]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Samara State University of Economics], 2008, no. 9, pp 113-117.
16. Österberg E. What are the Most Effective and Costeffective Interventions in Alcohol Control? Copenhagen, WHO Regional Office for Europe. *Health Evidence Network Report*. Available at: <http://www.euro.who.int/document/E82969.pdf>.

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.9

УДК 316.728+314.4(470.12), ББК 60.526+60.70(2Рос-4Вол)

© Шабунова А.А., Фахрадова Л.Н.

Причины и факторы распространения сердечно-сосудистых заболеваний в Вологодской области (по данным исследования ЭССЕ-РФ)

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aas@vscc.ac.ru)

**Лейла Натиговна
ФАХРАДОВА**

младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, leyl.fachradova2014@yandex.ru)

Аннотация. В статье основное внимание уделено анализу факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний. Информационную базу составили данные исследования эпидемиологии сердечно-сосудистых заболеваний (ЭССЕ-2013), проведенного в Вологодской области, а также материалы государственной службы статистики. Анкета ЭССЕ-2013 включала несколько тематических блоков, соответствующих основным факторам, влияющим на риск развития заболеваний сердца и сосудов. В результате анализа распределения ответов респондентов установлено, что существует связь между наличием сердечно-сосудистых заболеваний и воздействием таких факторов, как пол, возраст, наследственность, индекс массы тела.

Среди респондентов, страдающих инфарктом миокарда, 40% отметили наличие данного заболевания у ближайших родственников. Среди перенесших инсульт доля аналогичных ответов составила 30%. Сопоставление половозрастных характеристик респондентов с наличием у них заболеваний сердечно-сосудистой системы позволило выявить, что группами риска по таким заболеваниям, как инсульт, стенокардия и нарушения сердечного ритма, являются мужчины и

женщины в возрасте старше 60 лет; риск инфаркта очень высок для мужчин старше 60 лет; для женщин в возрасте до 60 лет основную опасность представляют нарушения сердечного ритма.

Однозначная корреляция между негативными характеристиками образа жизни и риском заболеваний сердечно-сосудистой системы в ходе исследования не установлена.

Таким образом, удалось подтвердить высокую значимость наследственности и половозрастных характеристик как факторов риска развития сердечно-сосудистых заболеваний. В то же время влияние образа жизни в рамках данного исследования не удалось определить однозначно. В связи с этим перспективным направлением работы может стать мониторинговое исследование воздействия отдельных поведенческих практик на риск сердечно-сосудистых заболеваний.

Ключевые слова: сердечно-сосудистые заболевания, группы риска, факторы риска, здоровье.

Общественное здоровье является одним из главных факторов успешного функционирования общества. Создание условий для сохранения и улучшения общественного здоровья – приоритетная задача любого государства. В долгосрочной программе развития здравоохранения Российской Федерации содержится 6 целевых показателей общественного здоровья¹, в аналогичной программе Вологодской области² – 12. Ряд негативных трендов упомянутых показателей актуализирует разработку и принятие эффективных мер в сфере здравоохранения, направленных, прежде всего, на профилактику заболеваемости.

В Российской Федерации болезни сердечно-сосудистой системы являются ведущей причиной смертности населения³, несмотря на снижение соответствующего показателя на 13% в период с 2000 по 2012 г. В тот же период показатель заболеваемо-

сти по указанной причине вырос на 55% и составил 2663 случая на 100 тыс. чел. населения; показатель первичного выхода на инвалидность снизился на 29% (табл. 1).

На региональном уровне наблюдается аналогичная ситуация: заболеваемость, инвалидность и смертность в связи с болезнями сердца и сосудов остаются наиболее высокими по сравнению с показателями по другим причинам. В Вологодской области заболевания сердечно-сосудистой системы продолжают сохранять лидирующие позиции среди перечня наиболее частых причин смертности и инвалидности взрослого населения (табл. 2). Величина показателя заболеваемости по данной причине в 2012 г. на 32% превысила величину, зафиксированную в 2000 г.

На состояние здоровья человека оказывают влияние факторы различной природы – как связанные с условиями проживания и образа жизни, так и наследственно-обусловленные. Условия, обстоятельства, причины, повышающие вероятность нарушения здоровья, определяют как факторы риска и объединяют в две группы – эндогенные и экзогенные. Сам риск для здоровья рассматривают как возможность возникновения вредных для здоровья человека (группы людей) эффектов при наличии какой-либо опасности⁴.

¹ Государственная программа РФ «Развитие здравоохранения» на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosminzdrav.ru/news/2014/01/30/1686-gosudarstvennaya-programma-razvitiya-zdravoohraneniya-rossiyskoy-federatsii>

² Государственная программа «Развитие здравоохранения Вологодской области» на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologda-oblast.ru/special/dokumenty/18329/>

³ По данным на 2012 год смертность от болезней сердечно-сосудистой системы составила 737 чел. на 100 тыс. чел. населения, от новообразований – 203 чел. на 100 тыс. чел. населения, вследствие воздействия внешних причин – 135,3 чел. на 100 тыс. чел. населения (Здравоохранение в России 2013 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_34/Main.htm).

⁴ Здоровье и здравоохранение [Текст] : учебное пособие для вузов / А.А. Шабунова, К.Н. Калашников, М.В. Морев, О.Н. Калачикова, Н.А. Кондакова; под ред. А.А. Шабуновой. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. – 154 с.

Таблица 1. Заболеваемость, инвалидность и смертность, обусловленные сердечно-сосудистыми заболеваниями, в Российской Федерации

Показатель	Территория	Год					2012 г. к 2000 г., %
		2000	2003	2006	2009	2012	
Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний	РФ	846,1	927,5	864,7	801,0	737,1	87
	ЕС	310,39	295,25	252,2	226,37	–	
Численность лиц, впервые признанных инвалидами в возрасте от 18 лет и старше, сердечно-сосудистые заболевания (на 10 000 чел. населения)	РФ	35,4	35,9	53	33,3	25,1	71
	ЕС	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д	Н/д
Заболеваемость сердечно-сосудистыми заболеваниями (на 100 000 чел. населения)	РФ	1718	2058,3	2647,1	2634,3	2663,1	155
	ЕС	2390,09	2473,38	2415,26	2416,09	–	–

Источники: Российский статистический ежегодник 2010, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078; Центральная база статистических данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/>; Европейская база данных «Здоровье для всех» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.euro.who.int/hfad/b/shell_ru.html

Таблица 2. Заболеваемость, инвалидность и смертность, обусловленные сердечно-сосудистыми заболеваниями, в Вологодской области

Показатель	Год					2012 г. к 2000 г., %
	2000	2003	2006	2009	2012	
Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний (на 100 000 чел. населения)	895,9	1094,2	963,2	937,9	896,0	100
Численность лиц в возрасте от 18 лет и старше, впервые признанных инвалидами (на 10 000 чел. населения)	72	181	60	39	30	42
Заболеваемость сердечно-сосудистыми заболеваниями (на 1000 чел. населения)	18,4	18,7	25,6	27,4	24,3	132

Источники: Статистический ежегодник Вологодской области 2013: стат. сб. // Вологдастат. – Вологда, 2013. – 371 с.; Статистический ежегодник Вологодской области 2007: стат. сб. // Вологдастат. – Вологда, 2007. – 363 с.

В зависимости от источника возникновения все факторы риска разделяют на четыре группы: образ жизни и социально-экономические условия, наследственность, качество внешней среды, здравоохранение (классификация Всемирной организации здравоохранения). Степень их воздействия на здоровье варьирует: по данным, представленным в работе Ю.П. Лисицына, максимальный вклад в формирование здоровья вносят факторы образа жизни и социально-экономические условия (49–53%; табл. 3).

В общем приближении влияние факторов на состояние здоровья можно оценить, сопоставив подверженность человека определённым болезням с наличием факторов риска их развития. Причинами возникновения сердечно-сосудистых заболеваний часто являются неправильное питание (превышающий норму индекс массы тела – ИМТ), курение, злоупотребление алкоголем, малоподвижный образ жизни, наследственная предрасположенность.

Таблица 3. Группировка факторов риска, оказывающих воздействие на здоровье населения

Группы факторов	Удельный вес, %	Составляющие
1. Образ жизни и социально-экономические условия	49 – 53	Курение, неправильное питание, чрезмерное употребление алкоголя, вредные условия труда, стресс, гиподинамия, плохие материально-бытовые условия, употребление наркотиков, злоупотребление лекарствами, непрочность семей, одиночество, низкие образовательный и культурный уровни, чрезмерная урбанизация
2. Генетика, биология человека	18 – 22	Предрасположенность к наследственным болезням
3. Качество внешней среды, природные условия	17 – 20	Загрязнение окружающей среды, вредные условия труда, резкая смена погоды; повышенные уровни радиационного, солнечного, магнитного излучений
4. Здравоохранение	8 – 10	Неэффективность профилактических мероприятий, низкое качество медицинской помощи и её несвоевременность
Источник: Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. – 2-е изд. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. – С. 45.		

В настоящее время выделяется более 200 различных факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний [11].

Эпидемиологическое исследование сердечно-сосудистых заболеваний проводилось в 2013 году на территории Вологодской области специалистами ИСЭРТ РАН в рамках договора с ФГБУ «Государственный научно-исследовательский центр профилактической медицины» Министерства здравоохранения Российской Федерации. Регион стал участником уникального общероссийского проекта «Эпидемиология сердечно-сосудистых заболеваний» («ЭССЕ – РФ»).

Цель работы состояла в проведении скринирующего обследования населения Вологодской области и формировании базы данных для оценки эпидемиологической ситуации по сердечно-сосудистым заболеваниям (ССЗ) и их факторам риска в субъекте РФ. На полевом этапе исследования проводился опрос. Анкета исследования включала 12 тематических блоков, позволяющих оценить основные факторы, формирующие здоровье человека. Объём выборки составил 1650 человек из городского и сельского населения. Возраст респондентов от 25 до 64 лет, что обеспечивает объективное представление эпидемиологии сердечно-сосудистых

заболеваний среди взрослого населения. Половая структура выборки соответствовала половой структуре взрослого населения области.

На следующем этапе исследования производились измерение артериального давления, взятие образцов крови у участников для выявления биохимических маркеров, сопровождающих развитие патологий сердечно-сосудистой системы. На заключительном этапе работы по результатам лабораторных исследований и обработки анкет была сформирована база данных [7].

В данной работе будут обсуждаться ассоциации некоторых факторов с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Эмпирическую базу для анализа составляют результаты проекта «ЭССЕ – РФ». Как было показано выше (см. табл. 3), образ жизни человека в наибольшей степени отражается на здоровье человека, и лишь на втором месте по значимости оказываются наследственные факторы. Воздействие последних можно продемонстрировать путём сопоставления заболеваемости сердечно-сосудистыми болезнями в нескольких поколениях одной семьи. Методологическую сложность представляет выявление взаимосвязи между наличием негативных факторов образа жизни и развитием определённых заболеваний.

Особенность социологической информации состоит в её субъективности, что позволяет говорить только о потенциальной взаимосвязи изучаемых явлений. Поэтому, с целью уточнения характера связей между действием фактора риска и наличием заболевания, рассчитывались соответствующие коэффициенты корреляции (критерий χ^2 Пирсона, позволяющий выявить наличие или отсутствие связи и критерий ϕ , показывающий силу связи переменных)⁵.

Также аналитический этап исследования включал сопоставление данных о самооценке здоровья человека, его образе жизни с объективными характеристиками состояния его здоровья, типом профессиональной деятельности, уровнем образования и дохода с целью выявления значимости социальных условий и поведенческих практик при формировании здоровья индивидов.

Самооценка здоровья является общепризнанным методом выявления самочувствия респондентов. В работах А.А. Шабунной, О.Н. Калачиковой, К.Н. Калашникова, Н.А. Кондаковой показана взаимосвязь поведения индивидов в отношении собственного здоровья и его самооценки [1, 5]. Лица, высоко оценивающие собственное здоровье, своевременно обращаются за медицинской помощью, соблюдают режим лечения, лучше информированы в вопросах, касающихся профилактики заболеваний. Как следствие, самооценку здоровья можно считать и показателем, и регулятором самосохранительного поведения.

Количественным выражением самооценки здоровья для исследуемой группы служит распределение ответов участников

⁵ Расчёт производился в соответствии с методикой, изложенной в статье А.М. Гржибовского «Анализ номинальных данных (независимые наблюдения)» в журнале «Экология человека» №6 за 2008 год (с.58-68).

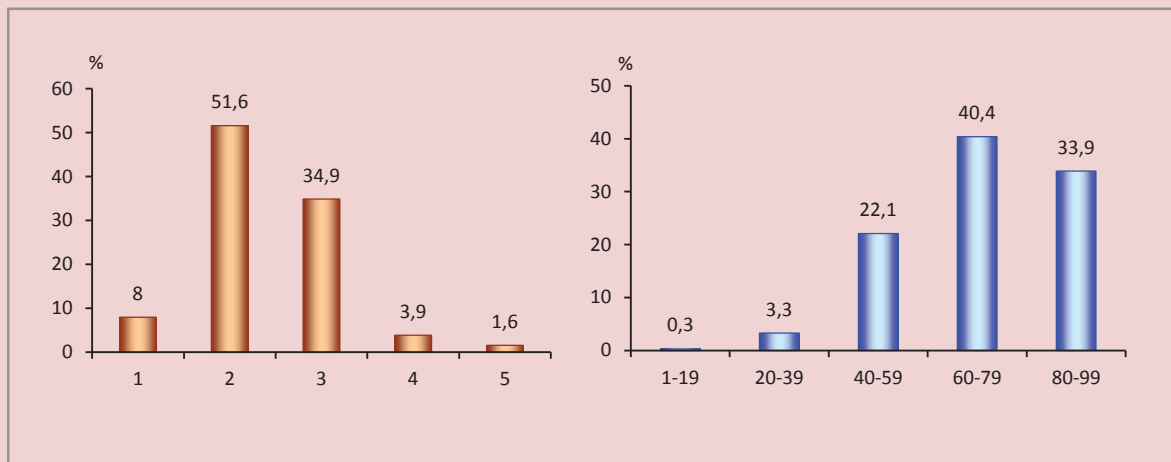
выборки. На индивидуальном уровне самооценка здоровья даётся по шкале, которая может иметь различную градацию. В анкете исследования «ЭССЕ – 2013» респондентам предлагались две шкалы. Первая шкала включала пять ступеней: отличное, очень хорошее, хорошее, удовлетворительное, плохое. Вторая шкала была градуирована от нуля до 100 баллов (методика EuroQoL, 1990); ноль баллов соответствовал наихудшему из возможных состояний здоровья, 100 баллов – наилучшему.

Распределение ответов респондентов, построенное в соответствии с обеими методиками, позволило установить, что имеется значимое различие в самооценке здоровья при использовании пятиступенчатой и столбальной шкалы. Участники исследования были склонны давать более позитивную, возможно, завышенную самооценку здоровья при использовании столбальной шкалы и более пессимистичную оценку при использовании обычной пятиступенчатой шкалы. В последнем случае более половины респондентов оценили своё здоровье как удовлетворительное (51,6%), а 8% – как плохое (рис. 1). Возможно, полученные различия обусловлены разницей в наглядном представлении вариантов ответа: шкала самооценки здоровья, построенная по методике EuroQoL, была представлена графически в виде «термометра», где респондент должен был самостоятельно поставить отметку, пятиступенчатая шкала была представлена словесно.

Рассмотрение эндогенных неуправляемых факторов включает оценку влияния пола, возраста и наследственной предрасположенности на развитие сердечно-сосудистых заболеваний.

Данные исследования демонстрируют существование корреляции между заболеваниями сердца и сосудов и половозрастными характеристиками респондентов. Среди мужчин в возрасте старше 60 лет

Рисунок 1. Распределение самооценок здоровья респондентов по пяти- и столбальной системам (в % от числа опрошенных)

Примечание. Обозначения на рисунке слева: 1 – плохое состояние здоровья, 2 – удовлетворительное; 3 – хорошее; 4 – очень хорошее; 5 – отличное.

распространённость инфаркта на 10% выше, чем среди женщин той же возрастной категории (рис. 2).

В возрастной категории старше 60 лет чаще встречаются и другие заболевания сердечно-сосудистой системы: стенокардия, инсульт, нарушение сердечного ритма. Мужчины данной возрастной группы более подвержены инсультам (см. рис. 2) и ишемической болезни сердца (рис. 3). Распространённость нарушений сердечного ритма в возрастной группе до 60 лет выше среди женщин, в возрастной группе старше 60 лет различие сглаживается.

Представленные распределения иллюстрируют существующее в старшей возрастной группе бремя заболеваний. Менее масштабное распространение сердечно-сосудистых заболеваний среди женщин данной возрастной категории обусловлено тем, что в течение 10 лет после окончания фертильного периода сохраняется устойчивость к рассматриваемым заболеваниям.

Важно учитывать наличие наследственной предрасположенности, поскольку данный фактор значительно снижает эф-

фективность профилактических мероприятий в отношении сердечно-сосудистых заболеваний. Так, 40% пациентов с инфарктом миокарда отметили, что их ближайшие родственники страдали данным заболеванием. Аналогична ситуация с инсультами – 30% пациентов, страдающих данным заболеванием, отметили его наличие у ближайших родственников (рис. 4).

Для определения наличия связей между наследственными и половозрастными характеристиками и вероятностью развития заболеваний сердечно-сосудистой системы с помощью стандартного пакета программ SPSS был рассчитан критерий согласия χ^2 Пирсона. Критическое значение показателя составляет 3,841 при уровне значимости 0,05. В таблице 4 приведено использованное при расчёте фактическое количество наблюдений для каждого из сопряжений.

Для показателей, взаимосвязь которых была подтверждена с помощью критерия χ^2 Пирсона, путём расчёта критерия ф была определена сила связи. Так, для наследственного фактора было установлено, что существует слабая связь между наличием

Рисунок 2. Распространённость инфарктов и инсультов среди населения (в % от числа опрошенных)

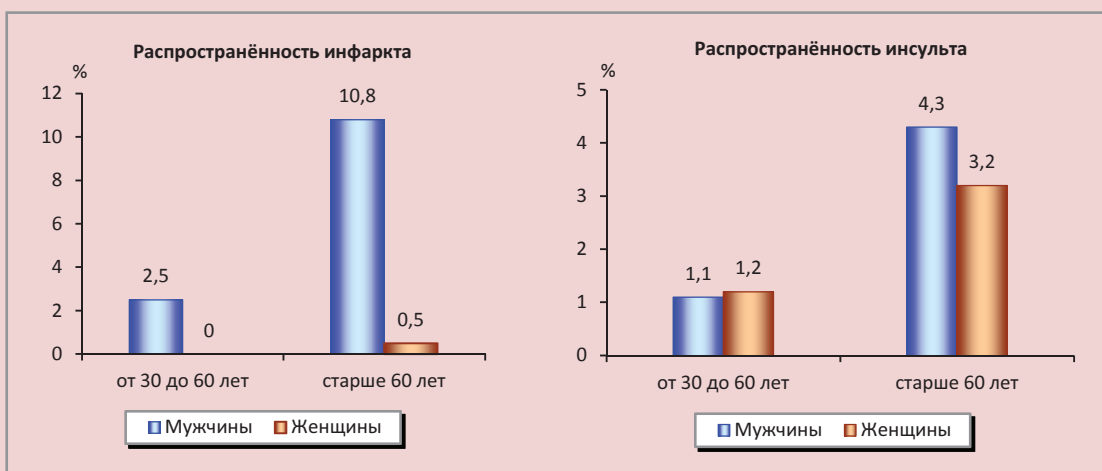

Рисунок 3. Распространённость стенокардии и нарушений сердечного ритма среди населения (в % от числа опрошенных)

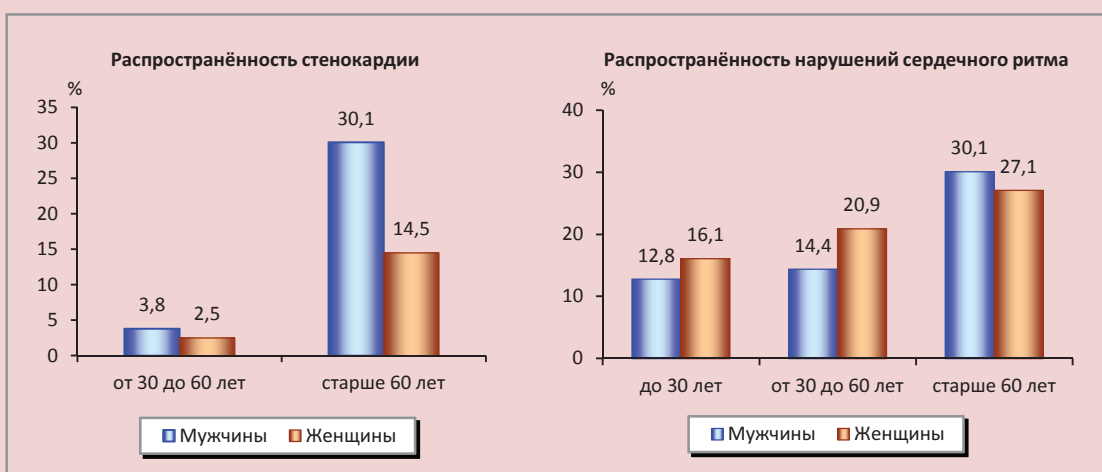

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Страдали(ют) ли Ваши мать, родные сестры (в возрасте до 65 лет), отец, родные братья (в возрасте до 55 лет) следующими заболеваниями: инфаркт миокарда, инсульт» (в % от числа респондентов, страдающих соответствующим заболеванием)

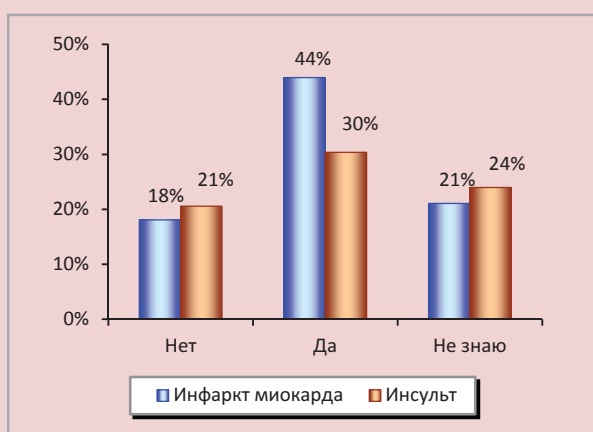

Таблица 4. Наблюдаемые частоты

Факторы риска		Исход									
		инсульт		инфаркт		ИБС		нарушение ритма		другие БС	
		есть	нет	есть	нет	есть	нет	есть	нет	есть	нет
Наследственность по инфаркту миокарда	есть	2	293	11	284	31	255	70	212	53	229
	нет	21	1125	9	1140	51	1068	204	903	122	976
Наследственность по мозговому инсульту	есть	7	325	3	332	32	294	76	242	41	274
	нет	16	1094	18	1094	52	1031	201	873	130	934
Наследственность по артериальной гипертонии	есть	20	885	15	893	66	807	217	648	123	734
	нет	3	544	7	542	18	523	66	468	56	475
Пожилые возраст (пенсионный возраст)	есть	11	302	11	302	60	239	88	202	39	257
	нет	13	1298	14	1302	37	1246	229	1041	155	1100
Мужчины старше 60 лет	есть	4	88	10	82	28	61	28	61	11	78
	нет	20	1512	15	1522	69	1424	289	1182	183	1279
Женщины старше 55 лет	есть	7	214	1	220	32	178	60	141	28	179
	нет	17	1386	24	1384	65	1307	257	1102	166	1178

Таблица 5. Значения критерия ϕ для факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний

Факторы риска	Инсульт	Другие БС	Инфаркт	Нарушение ритма	ИБС
Пожилые возраст (граница – пенсионный возраст)	$\phi = 0,082$, $p \leq 0,001$	Связь не выявлена	$\phi = 0,079$, $p = 0,002$	$\phi = 0,119$, $p \leq 0,001$	$\phi = 0,280$, $p \leq 0,001$
Мужчины старше 60 лет	Связь не выявлена	Связь не выявлена	$\phi = 0,186$, $p \leq 0,001$	$\phi = 0,068$, $p = 0,007$	$\phi = 0,258$, $p \leq 0,001$
Женщины старше 55 лет	Связь не выявлена	Связь не выявлена	Связь не выявлена	$\phi = 0,091$, $p \leq 0,001$	$\phi = 0,149$, $p \leq 0,001$
Наследственность по инфаркту миокарда	Связь не выявлена	$\phi = 0,093$, $p \leq 0,001$	$\phi = 0,102$, $p \leq 0,001$	$\phi = 0,065$, $p = 0,016$	$\phi = 0,108$, $p \leq 0,001$
Наследственность по артериальной гипертонии	$\phi = 0,064$, $p = 0,014$	$\phi = 0,055$, $p = 0,040$	Связь не выявлена	$\phi = 0,154$, $p \leq 0,001$	$\phi = 0,087$, $p \leq 0,001$
Наследственность по мозговому инсульту	Связь не выявлена	Связь не выявлена	Связь не выявлена	$\phi = 0,055$, $p = 0,042$	$\phi = 0,089$, $p \leq 0,001$

Приведены значения критерия ϕ , а также значения уровня значимости p .

инфаркта и ишемической болезни сердца у респондента и наличием инфаркта у его родственников, а также между существованием нарушений сердечного ритма у пациентов и наличием у их родственников артериальной гипертонии. Что касается воздействия половозрастных характеристик, то связи средней силы были обнаружены между фактором «мужчины старше 60 лет» и исходом «ишемическая болезнь сердца».

Слабые связи сформировались между фактором «женщины старше 55 лет» и наличием ишемической болезни сердца и нарушений сердечного ритма (табл. 5). Математический анализ данных не выявил сильных взаимосвязей между рассмотренными факторами риска и наличием сердечно-сосудистых заболеваний. Максимальная сила связи наблюдается между фактором «пенсионный возраст» и исходом «ишемическая болезнь сердца».

Более слабое воздействие других причин может быть обусловлено тем, что не учитывался эффект совместного влияния факторов, оказывающих разное воздействие на здоровье респондентов.

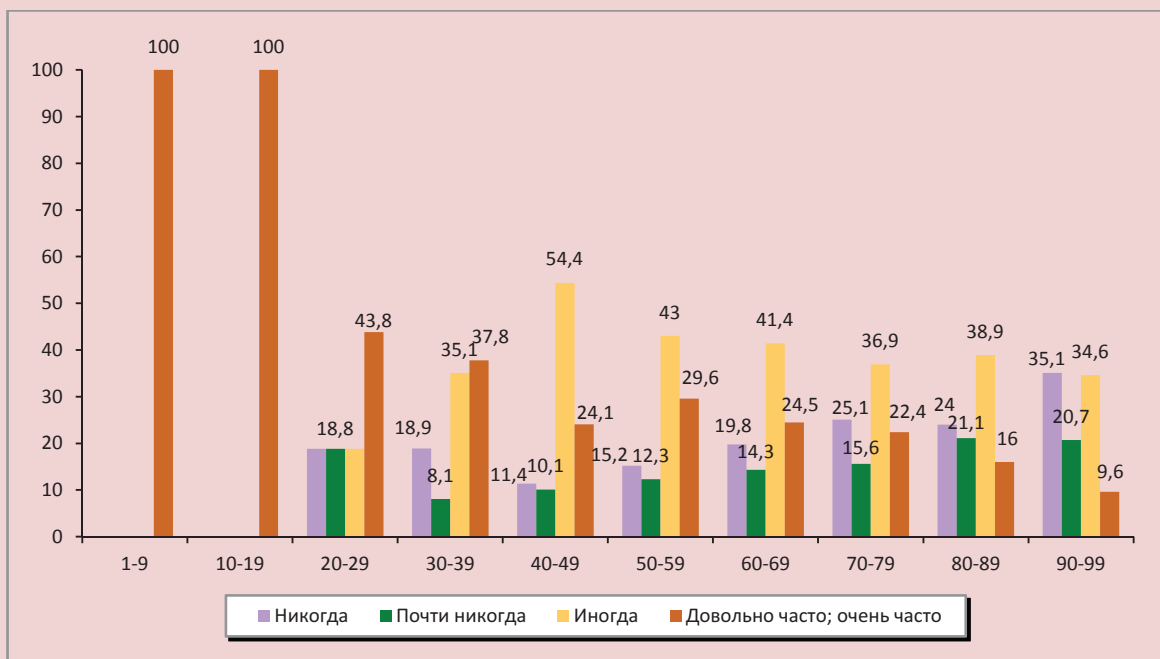
Образ жизни является экзогенным управляемым фактором, изменяя который соответствующим образом, можно значительно снизить риск возникновения сердечно-сосудистых заболеваний. Его изучению были посвящены несколько блоков анкеты ЭССЕ-2013. Были исследованы следующие аспекты: питание, физическая активность, подверженность стрессовым ситуациям, наличие вредных привычек.

Для характеристики влияния стрессовых ситуаций на самочувствие населения было проведено сопоставление самооценок здоровья и степени подверженности респондентов стрессу.

Среди оценивших собственное здоровье выше 90 баллов по стобалльной шкале наблюдается наиболее высокая доля тех, кто никогда не испытывает стресс (35%). Большая часть респондентов, оценивших собственное здоровье в пределах от 40 до 89 баллов, испытывают стресс лишь иногда (в среднем 43%). При самооценке здоровья ниже 40 баллов наблюдается высокая подверженность стрессовым ситуациям – от 37% (самооценка здоровья от 30 до 39 баллов) до 100% (самооценка здоровья менее 20 баллов) респондентов отметили, что довольно часто либо очень часто испытывают стресс (рис. 5).

Зависимость самочувствия респондентов от наличия вредных привычек выражена слабо. В то же время можно отметить склонность респондентов к саморазрушительному поведению, проявлением кото-

Рисунок 5. Распределение ответов на вопрос: «В течение последнего месяца как часто Вы находились в нервном состоянии или испытывали стресс?» (в % от числа респондентов по группам самооценки здоровья по шкале от 0 до 100 баллов)

Примечание. По правилам анкеты не допускался выбор 0 или 100 баллов при самооценке здоровья.

рого служит высокий уровень потребления спиртных напитков, несмотря на наличие сердечно-сосудистых заболеваний. Только перенесшие инфаркт полностью отказались от креплёных вин и крепких настоек, однако 56% представителей группы допускают употребление водки или коньяка. Среди людей, перенесших инсульт, 62% употребляют крепкое спиртное, 50% – сухое вино или шампанское, 29% – пиво, 16% – креплёные вина, 8% – крепкие настойки. В целом наличие заболеваний сердечно-сосудистой системы не ведёт к отказу от потребления алкоголя (рис. 6).

Рацион питания оказывает опосредованное воздействие на вероятность развития сердечно-сосудистых заболеваний. Различия в рационе питания людей с нормальным весом и людей, страдающих ожирением, касаются лишь некоторых групп продуктов: сыра, круп и макаронных из-

делий. Респонденты с ожирением (третьей степени) чаще употребляют мясо, реже – сыр, крупы и макароны. Респонденты с дефицитом массы тела не употребляют соления и маринады, реже употребляют сыр, но чаще – сметану, сливки и бобовые. В целом для участников опроса характерен ежедневный рацион с преобладанием молочных продуктов и продуктов, содержащих большую долю углеводов. Профили питания в зависимости от индекса массы тела представлены в таблице 6 (профили построены по наиболее частым ответам среди респондентов с разными индексами массы тела).

Соотношение индекса массы тела с наличием сердечно-сосудистых заболеваний различно. Так, среди респондентов, имеющих ожирение второй степени, 13% страдают стенокардией, 24% – нарушением сердечного ритма.

Рисунок 6. Распределение положительных ответов на вопрос: «Употребляете ли вы следующие спиртные напитки?» (в % от числа опрошенных, имеющих указанное заболевание сердечно-сосудистой системы)

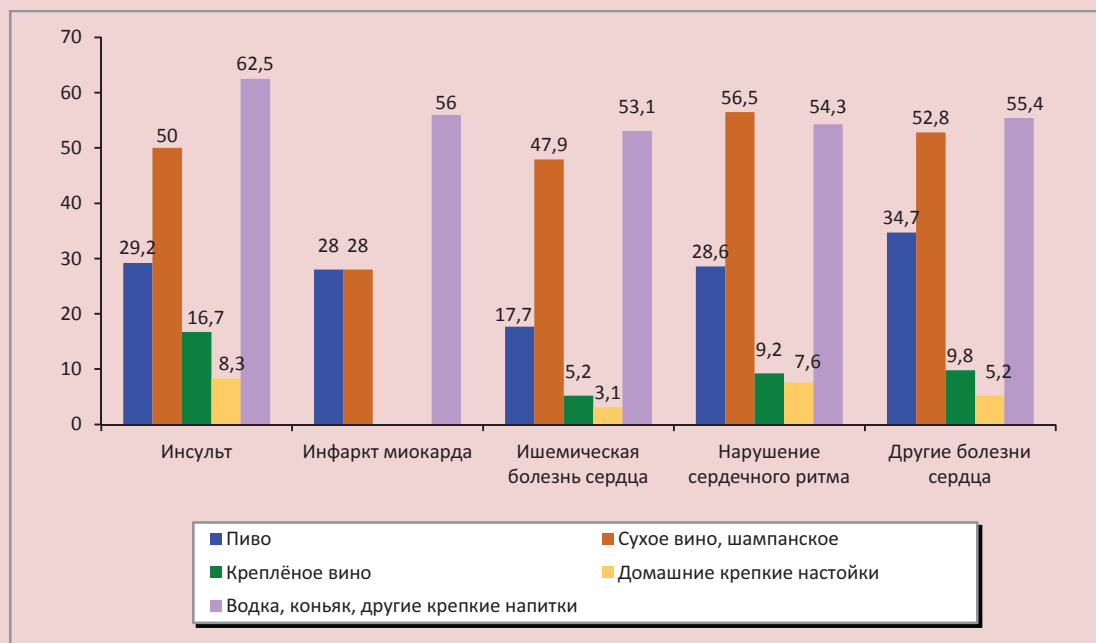

Таблица 6. Профили питания

Продукты питания	Частота употребления		
	Дефицит массы тела	Нормальная масса тела	Ожирение второй степени
Мясо – 150 гр. (говядина, свинина, баранина и др.)	1 – 2 раза в неделю	1 – 2 раза в неделю	1 – 2 раза в неделю
Рыба и морепродукты – 200 гр.	1 – 2 раза в неделю	1 – 2 раза в неделю	1 – 2 раза в неделю
Птица – 150 гр. (курица, индейка и др.)	1 – 2 раза в неделю	1 – 2 раза в неделю	1 – 2 раза в неделю
Колбасы, сосиски, субпродукты (язык, печень, сердце и др.)	1 – 2 раза в неделю	1 – 2 раза в неделю	1 – 2 раза в неделю
Соления и маринованные продукты	Не употребляют / редко употребляют	1 – 2 раза в неделю	1 – 2 раза в неделю
Крупы, макароны (1 порция)	Ежедневно / почти ежедневно	Ежедневно / почти ежедневно	1 – 2 раза в неделю
Свежие овощи и фрукты (3 штуки)	Ежедневно / почти ежедневно	Ежедневно / почти ежедневно	Ежедневно / почти ежедневно
Бобовые (фасоль, чечевица, горох и др.)	1 – 2 раза в месяц	Не употребляют / редко употребляют	Не употребляют / редко употребляют
Сладости и кондитерские изделия (конфеты, варенье, печенье и др.)	Ежедневно / почти ежедневно	Ежедневно / почти ежедневно	Ежедневно / почти ежедневно
Молоко, кефир, йогурт	Ежедневно / почти ежедневно	Ежедневно / почти ежедневно	Ежедневно / почти ежедневно
Сметана, сливки	Ежедневно / почти ежедневно	1 – 2 раза в неделю	1 – 2 раза в неделю
Творог	1 – 2 раза в неделю	1 – 2 раза в неделю	1 – 2 раза в неделю
Сыр	1 – 2 раза в неделю	Ежедневно / почти ежедневно	1 – 2 раза в неделю

Источник: данные исследования «ЭССЕ-2013».

Наибольшая доля перенесших инфаркт миокарда зафиксирована среди респондентов с ожирением первой степени – 2,9%. Более низкие показатели среди респондентов с ожирением второй и третьей степени могут быть обусловлены относительной немногочисленностью данных категорий в выборке. Распространённость инсульта максимальна в группах пациентов с ожирением второй степени и с дефицитом массы тела. Среди респондентов с ожирением первой степени отмечена наибольшая доля тех, кто страдает нарушениями сердечного ритма (27%), имеет иные болезни сердца помимо инфаркта, инсульта и стенокардии (14%; рис. 7).

По данным, приведённым в работе Ю.П. Лисицына (2009), неблагоприятные факторы образа жизни обуславливают развитие ишемической болезни сердца на

60%, сосудистых поражений мозга – на 65%, развитие прочих сердечно-сосудистых заболеваний – на 40% (табл. 7).

Управление факторами образа жизни в рамках профилактической работы с населением осуществляют муниципальные учреждения здравоохранения: проведение просветительской, профилактической, физкультурно-спортивной работы с населением. Выполнение данных мероприятий может обеспечить снижение заболеваемости населения сердечно-сосудистыми заболеваниями, предотвратить развитие их осложнений.

Достижение поставленных задач в сфере пропаганды здорового образа жизни и снижения смертности в регионе характеризуется целевыми индикаторами, закреплёнными в государственной программе РФ «Развитие здравоохранения» на период

Рисунок 7. Распределение положительных ответов на вопрос: «Говорил ли Вам когда-нибудь врач, что у Вас имеются следующие заболевания?» (в % от числа опрошенных, имеющих соответствующий индекс массы тела)

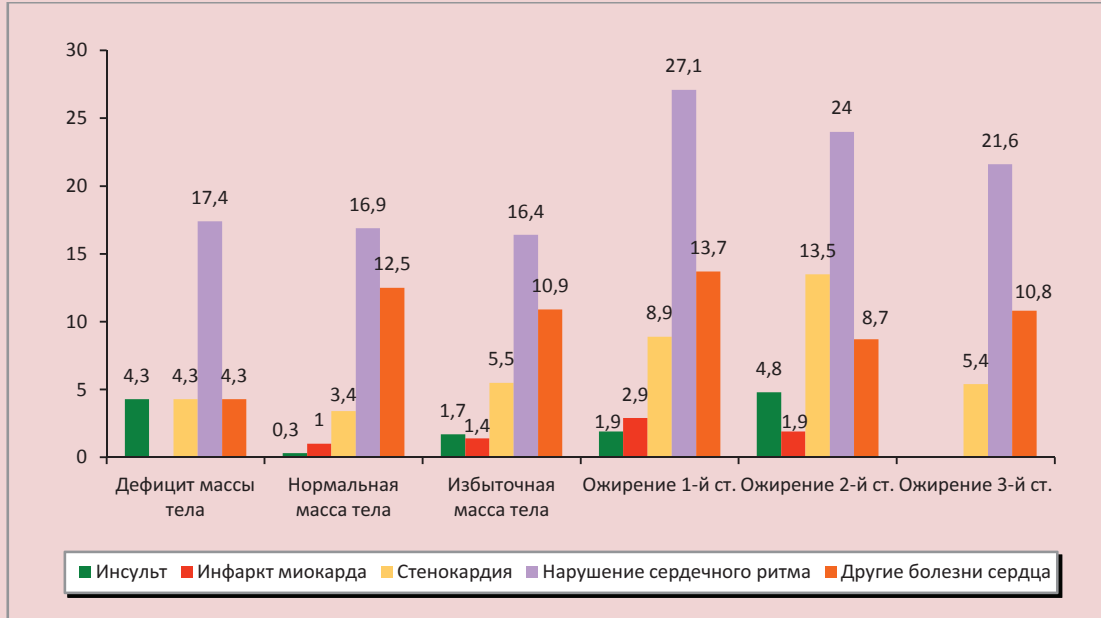

Таблица 7. Распределение факторов риска при различных хронических заболеваниях (% влияния)

Заболевание	Неблагоприятные факторы образа жизни	Генетический риск	Загрязнение внешней среды	Недостатки здравоохранения
Ишемическая болезнь сердца	60	18	12	10
Сосудистые поражения мозга	65	17	13	5
Прочие сердечно-сосудистые заболевания	40	35	17	8

Источник: Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. – 2-е изд. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. – С. 46.

до 2020 г., а также в программе «Развитие здравоохранения Вологодской области» на период до 2020 года⁶.

⁶ Государственная программа РФ «Развитие здравоохранения» на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rosminzdrav.ru/news/2014/01/30/1686-gosudarstvennaya-programma-razvitiya-zdravoohraneniya-gossiyskoj-federatsii>; Государственная программа «Развитие здравоохранения Вологодской области» на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://vologda-oblast.ru/special/dokumenty/18329/>

В соответствии с указанными госпрограммами значение показателя смертности в РФ от болезней системы кровообращения к 2020 году должно снизиться до 622,4 случая на 100 тыс. чел. населения (на 16% по сравнению с 2012 г.), в Вологодской области – до 649,4 случая на 100 тыс. чел. населения (на 28% по сравнению с 2012 г.).

Таким образом, в ходе исследования удалось подтвердить значение наследственности и половозрастных характеристик как факторов риска заболеваний сердечно-сосудистой системы.

Также было установлено, что воздействие индекса массы тела на риск развития заболеваний сердца и сосудов различно. Так, среди респондентов, имеющих ожирение второй степени, 13% страдают стенокардией, 24% – нарушением сердечного ритма. Наибольшая доля перенесших инфаркт миокарда зафиксирована среди респондентов с ожирением первой степени – 2,9%, также среди них отмечена наибольшая доля страдающих нарушениями сердечного ритма (27%), имеющих иные болезни сердца помимо инфаркта, инсульта и стенокардии (14%). Распространённость инсульта максимальна в группах пациентов с ожирением второй степени и с дефицитом массы тела.

Сопоставление факторов образа жизни и наличия заболеваний сердца и сосудов не привело к выявлению значимых связей. Это может быть связано с тем, что исследование носило разовый характер и не предполагало углублённого анализа самосохранительного поведения людей. Для получения более репрезентативных данных о воздействии поведенческих факторов на риск развития заболеваний сердечно-сосудистой системы необходимо проведение проспективного исследования. Тем не менее, респонденты с низкой самооценкой здоровья чаще остальных подвергаются стрессам. Все, кто оценил своё здоровье на 20 баллов и ниже (по столбальной шкале), испытывают стресс довольно часто или очень часто.

Приоритетным направлением борьбы с распространением сердечно-сосудистых

заболеваний является распространение ценностей и практик здорового образа жизни. В формировании соответствующей культуры участвуют государство, его профильные органы в сфере здравоохранения, СМИ, общество, работодатели и сами граждане. Роль координатора и регулятора действий в отношении укрепления здоровья населения играет государство. В его ведении находится формирование стратегий и программ в сфере здравоохранения, распределение финансовых потоков, определение общепринятых установок в отношении здоровья посредством каналов СМИ, а также контроль и надзор за выполнением подведомственными учреждениями своих функций.

В целом возможны два варианта действий государства в отношении здоровья населения. В первом случае производятся инвестиции в профилактические мероприятия, раннюю диагностику заболеваний, укрепление материально-технической базы учреждений здравоохранения, информационную пропаганду здорового образа жизни, контроль условий труда на предприятиях, мониторинг эффективности управления в соответствующих сферах. Последовательное выполнение указанных действий позволяет свести к минимуму потери ВВП, связанные с ухудшением здоровья населения. Второй вариант не предполагает развития профилактической медицины и формирования здорового образа жизни. В данном случае средства выделяются на компенсацию негативных изменений здоровья населения, также имеют место дополнительные издержки от недопроизводства ВВП. Очевидно, что при ориентации государства на долгосрочный эффект приемлем только первый вариант действий.

Литература

1. Анализ смертности населения Вологодской области от сердечно-сосудистых заболеваний: отчёт о НИР / О.Н. Калачикова, К.Н. Калашников; ИСЭРТ РАН. – Вологда, 2014. – 59 с.
2. Введенская, И.И. Самооценка здоровья как показатель самосохранительного поведения пожилых [Текст] / И.И. Введенская, Е.С. Введенская, Л.С. Шилова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранение и история медицины. – 1999. – № 5. – С. 12-15.
3. Гржибовский, А.М. Анализ номинальных данных (независимые наблюдения) / А.М. Гржибовский // Экология человека. – 2008. – № 6. – С. 58-68.
4. Журавлёва, И.В. Отношение населения к здоровью [Текст] / И.В. Журавлёва. – М., 1993. – С. 97.
5. Здоровье и здравоохранение [Текст] : учебное пособие для вузов / А.А. Шабунова, К.Н. Калашников, М.В. Морев, О.Н. Калачикова, Н.А. Кондакова; под ред. А.А. Шабуновой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 154 с.
6. Лисицын, Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник [Текст] / Ю.П. Лисицын. – 2-е изд. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. – 512 с.
7. Научно-организационный комитет проекта ЭССЕ-РФ. Эпидемиология сердечно-сосудистых заболеваний в различных регионах России (ЭССЕ-РФ). Обоснование и дизайн исследования / С.А. Бойцов, Е.И. Чазов, Е.В. Шляхто, С.А. Шальнова, А.О. Конради, Ю.А. Карпов, Г.А. Муромцева, Ю.В. Жернакова, Е.В. Ощепкова, О.П. Ротарь, Ю.А. Баланова, Т.В. Балахонова, Е.И. Баранова, Н.В. Гомыранова, А.Д. Деев, А.Б. Добровольский, А.Н. Доценко, С.Е. Евстифеева, Р.А. Еганян, А.В. Капустина, А.В. Концевая, А.А. Костарева, М.Н. Мамедов, В.П. Масенко, В.А. Метельская, А.Н. Мешков, Е.П. Панченко, А.Ю. Постнов, Р.А. Потемкина, А.В. Пустеленин, А.Н. Рогоза, Г.В. Рябыкина, И.А. Скрипникова, В.Н. Титов, О.Н. Ткачева, М.Б. Худяков, С.К. Гутнова, З.А. Тогузова, Г.В. Толпаров, В.А. Невзорова, Н.В. Кулакова, С.В. Недогода, Е.В. Чумачек, В.А. Ильин, Р.А. Касимов, А.А. Шабунова, Г.И. Фурменко, Э.В. Минаков, О.А. Назарова, С.В. Романчук, О.А. Белова, Ю.И. Гринштейн, М.М. Петрова, Р.А. Либис, Е.Н. Исаева, Д.В. Дупляков, С.А. Гудкова, Р.С. Карпов, И.А. Трубачева, И.В. Медведева, В.П. Шава, А.Ю. Ефанов // Профилактическая медицина. – 2013. – № 6. – С. 25-34.
8. Опыт организации эпидемиологического исследования факторов риска неинфекционных заболеваний в Рязанской области (по результатам пилотного проекта МЕРИДИАН-РО) / С.С. Якушин, С.А. Шальнова, Р.А. Потемкина, Е.В. Филиппов, Ю.А. Баланова, С.А. Бойцов // Профилактическая медицина. – 2012. – №6. – С. 20-24.
9. Развитие здравоохранения [Электронный ресурс] : государственная программа РФ. – Режим доступа: <http://www.rosminzdrav.ru/news/2014/01/30/1686-gosudarstvennaya-programma-razvitiya-zdravoohraneniya-rossiyskoj-federatsii>
10. Развитие здравоохранения Вологодской области [Электронный ресурс] : государственная программа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologda-oblast.ru/special/dokumenty/18329/>
11. Распространенность повышенного уровня С-реактивного белка и его ассоциации с традиционными факторами риска и заболеваемостью у жителей Российской Федерации (по данным исследования ЭССЕ-РФ) / С.Е. Евстифеева, С.А. Шальнова, А.Д. Деев, Т.М. Гагагонова, А.Ю. Ефанов, Ю.В. Жернакова, В.А. Ильин, А.О. Конради, В.А. Метельская, Е.В. Ощепкова, С.В. Романчук, О.П. Ротарь, И.А. Трубачева, Е.В. Шляхто, С.А. Бойцов от имени участников исследования ЭССЕ-РФ // Рациональная фармакотерапия в кардиологии. – 2014. – № 10 (6). – С. 597-605.
12. Российский статистический ежегодник 2010, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078
13. Шабунова, А.А. Общественное здоровье и здравоохранение территорий [Текст] / А.А. Шабунова, К.Н. Калашников, О.Н. Калачикова; под рук. А.А. Шабуновой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 284 с.: ил.
14. Эпидемиологический мониторинг как инструмент планирования программ профилактики хронических неинфекционных заболеваний и их факторов риска / С.А. Шальнова, А.В. Концевая, Ю.А. Карпов, А.Н. Мешков, С.А. Бойцов // Профилактическая медицина. – 2012. – № 6. – С. 64-68.
15. Age-associated cardiovascular changes in health: impact on cardiovascular disease in older persons / Lakatta Edward G. // Heart Failure Reviews. – 2002. – № 1. – P. 29-49. ОI

© Shabunova A.A., Fakhradova L.N.

Causes and factors promoting the expansion of cardiovascular diseases in the Vologda Oblast (according to the research in epidemiology of cardiovascular disease)

Aleksandra Anatol'evna Shabunova – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director, Head of the Department, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, aas@vscc.ac.ru)

Leila Natigovna Fakhradova – Junior Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, leyl.fakhradova2014@yandex.ru)

Abstract. The article focuses on the analysis of risk factors for cardiovascular diseases. The data of the research in epidemiology of cardiovascular disease (ESSE-2013), carried out in the Vologda Oblast, and the materials of the state statistics service comprise an information base. The ESSE-2013 questionnaire included several thematic blocks corresponding to the main factors influencing the development of cardiovascular diseases. The distribution of respondents' answers reveals that there is a connection between cardiovascular diseases and effects of such factors as gender, age, heredity, and the body mass index.

Of all the respondents who had infarction, 40% mention that their close relatives suffer from this disease as well. Of those who had a stroke, 30% have relatives with such a disease. The comparison of the respondents' age and gender characteristics by the presence of cardiovascular diseases shows that men and women over 60 belong to the risk groups of such diseases as stroke, stenocardia and cardiac arrhythmia; the risk of heart attack is very high for men over 60; heart rhythm disorders – for women under 60.

The study has not indicated a clear correlation between negative characteristics of lifestyles and risks for cardiovascular diseases.

Thus, the research confirms the high importance of heredity and age and gender characteristics as risk factors for cardiovascular disease. At the same time, the impact of the lifestyle is not vivid. In this regard, it can be promising to monitor the impact of individual behavioral practices on risks for cardiovascular disease.

Key words: cardiovascular disease, risk groups, risk factors, health.

References

1. Kalachikova O.N., Kalashnikov K.N. *Analiz smertnosti naseleniya Vologodskoi oblasti ot serdechnosudistykh zabolevaniy: otchet o NIR* [Analysis of Population's Mortality from Cardiovascular Diseases: Research Report]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 59 p.
2. Vvedenskaya I.I., Vvedenskaya E.S., Shilova L.S. Samootsenka zdorov'ya kak pokazatel' samosokhranitel'nogo povedeniya pozhilykh [Self-Assessment of Health as an Indicator of Self-Preservation Behavior of the Elder]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istoriya meditsiny* [Problems of Social Hygiene, Health Care and History of Medicine], no .5, 1999, pp. 12-15.
3. Grzhibovskii A.M. Analiz nominal'nykh dannykh (nezavisimye nablyudeniya) [Analysis of Nominal Data (Independent Monitoring)]. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology], 2008, no. 6, pp.58-68.
4. Zhuravleva I.V. *Otnosheniye naseleniya k zdorov'yu* [The Population's Attitude to Health]. Moscow, 1993, p. 97.
5. Shabunova A.A., Kalashnikov K.N., Morev M.V., Kalachikova O.N., Kondakova N.A. *Zdorov'e i zdravookhraneniye: uchebnoye posobie dlya vuzov* [Health and Health Care: Textbook for Universities]. Under editorship of A.A. Shabunova. Vologda: ISERT RAN, 2014. 154 p.

6. Lisitsyn Yu.P. *Obshchestvennoe zdorov'e i zdравookhraneniye: uchebnyk* [Public Health and Health Care: Textbook]. Moscow: GEOTAR-Media, 2009. 512 p.
7. Boitsov S.A., Chazov E.I., Shlyakhto E.V., Shal'nova S.A., Konradi A.O., Karpov Yu.A., Muromtseva G.A., Zhernakova Yu.V., Oshchepkova E.V., Rotar' O.P., Balanova Yu.A., Balakhonova T.V., Baranova E.I., Gomyranova N.V., Deev A.D., Dobrovolskii A.B., Dotsenko A.N., Evstifeeva S.E., REganyan.A., Kapustina A.V., Kontsevaya A.V., Kostareva A.A., MMamedov.N., Masenko V.P., Metel'skaya V.A., Meshkov A.N., Panchenko E.P., Postnov A.Yu., Potemkina R.A., Pustelenin A.V., Ragoza A.N., Ryabykina G.V., Skripnikova I.A., Titov V.N., Tkacheva O.N., Khudyakov M.B., Gutnova S.K., Toguzova Z.A., Tolparov G.V., Nevzorova V.A., Kulakova N.V., Nedogoda S.V., Chumachek E.V., Ilyin V.A., Kasimov R.A., Shabunova A.A., Furmenko G.I., Minakov E.V., Nazarova O.A., Romanchuk S.V., Belova O.A., Grinshtein Yu.I., Petrova M.M., Libis R.A., Isaeva E.N., Duplyakov D.V., Gudkova S.A., Karpov R.S., Trubacheva I.A., Medvedeva I.V., Shava V.P., Efanov A.Yu. Nauchno-organizatsionnyi komitet proekta ESSE-RF. Epidemiologiya serdechno-sosudistykh zabolevaniy v razlichnykh regionakh Rossii (ESSE-RF). Obosnovaniye i dizain issledovaniya [Epidemiology of Cardiovascular Diseases in Different Regions of Russia (Esse-Rf). The rationale for and Design of the study]. *Profilakticheskaya meditsina* [Preventive Medicine], 2013, no. 6, pp. 25-34.
8. Yakushin S.S., Shal'nova S.A., Potemkina R.A., Filippov E.V., Balanova Yu.A., Boitsov S.A. Opyt organizatsii epidemiologicheskogo issledovaniya faktorov riska neinfektsionnykh zabolevaniy v Ryazanskoj oblasti (po rezul'tatam pilotnogo proekta MERIDIAN-RO) [Experience to Carry Out an Epidemiological Study of Risk Factors for Noncommunicable Diseases in the Ryazan Oblast: Results of the MERIDIAN-RO Pilot Project]. *Profilakticheskaya meditsina* [Preventive Medicine], 2012, no.6, pp. 20-24.
9. *Razvitiye zdравookhraneniya: gosudarstvennaya programma RF* [Development of Health Care: the State Program]. Available at: <http://www.rosminzdrav.ru/news/2014/01/30/1686-gosudarstvennaya-programma-razvitiya-zdravookhraneniya-rossiyskoy-federatsii>
10. *Razvitiye zdравookhraneniya Vologodskoi oblasti: gosudarstvennaya programma* [Development of Health Care of the Vologda Oblast: the State Program]. Available at: [//vologda-oblast.ru/special/dokumenty/18329/](http://vologda-oblast.ru/special/dokumenty/18329/)
11. Evstifeeva S.E., Shal'nova S.A., Deev A.D., Gatagonova T.M., Efanov A.Yu., Zhernakova Yu.V., Ilyin V.A., Konradi A.O., Metel'skaya V.A., Oshchepkova E.V., Romanchuk S.V., Rotar' O.P., Trubacheva I.A., Shlyakhto E.V., Boitsov S.A. Rasprostranennost' povyshennogo urovnya S-reaktivnogo belka i ego assotsiatsii s traditsionnymi faktorami riska i zabolevaemost'yu u zhitelei Rossijskoi Federatsii (Po dannym issledovaniya ESSE-RF) [Prevalence of Elevated Levels of C-Reactive Protein and its Association with Traditional Risk Factors and Morbidity among Residents of the Russian Federation (According to the ESSAY-RF Research)]. *Ratsional'naya farmakoterapiya v kardiologii* [Rational Pharmacotherapy in Cardiology], 2014, no. 10 (6), pp. 597-605
12. *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik 2010, 2013* [Russian Statistical Yearbook 2010, 2013]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078
13. Shabunova A.A., Kalashnikov K.N., Kalachikova O.N. *Obshchestvennoe zdorov'e i zdравookhraneniye territorii* [Public Health and Health Care of Territories]. Under editorship of A.A. Shabunova. Vologda: ISERT RAN, 2010. 284 p.
14. Shal'nova S.A., Kontsevaya A.V., Karpov Yu.A., Meshkov A.N., Boitsov S.A. Epidemiologicheskii monitoring kak instrument planirovaniya programm profilaktiki khronicheskikh neinfektsionnykh zabolevaniy i ikh faktorov riska [Epidemiological Monitoring as a Tool to Plan Programs for Prevention of Chronic Noncommunicable Diseases and their Risk Factors]. *Profilakticheskaya meditsina* [Preventive Medicine], 2012, no. 6, pp. 64-68.
15. Lakatta E.G. Age-Associated Cardiovascular Changes in Health: Impact on Cardiovascular Disease in Older Persons. *Heart Failure Reviews*, 2002, no.1, pp. 29-49.

Региональный бюджет 2015–2017: бездефицитность или отказ от развития?

**Анна Ивановна
ПОВАРОВА**

старший научный сотрудник, зав. сектором исследования проблем общественных финансов, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aip150663@yandex.ru)

Аннотация. Формирование регионального бюджета Вологодской области на 2015–2017 годы проходило в сложных социально-экономических условиях, вызванных не только сохраняющейся высокой зависимостью российской экономики и бюджетной системы от внешнеэкономической конъюнктуры, но и целым рядом новых факторов, связанных с усилением геополитической напряжённости и введением секторальных санкций западными странами.

Несмотря на неопределённость трендов развития экономики, новый бюджет объявлен бездефицитным. Казалось бы, достигнут основополагающий принцип бюджетной системы – сбалансированность доходов и расходов. Однако анализ расходной части бюджета показал, что ценой баланса выступает режим жёсткой экономии, переходящий в рестрикцию всех направлений финансирования. За 2015–2017 гг. доля расходов областного бюджета в ВРП уменьшится до 9,8% против 13,6% в 2014 г. При нисходящей макроэкономической динамике такая бюджетная политика в долгосрочном периоде будет ещё больше подавлять экономику и в конечном итоге приведёт к сокращению налогового потенциала.

В условиях замедления экономической активности, даже при сбалансированном бюджете, не удастся полностью нивелировать циклические риски поступления налога на прибыль от интегрированных в мировую экономику крупнейших бюджетобразующих отраслей региона – металлургической и химической. Простые расчёты дают основание говорить о том, что при уже имеющемся высоком уровне закредитованности правительству области крайне трудно будет преодолеть зависимость от привлекаемых средств, поэтому достижение бюджетного баланса в прогнозном периоде выглядит весьма иллюзорным.

На основе результатов анализа ряда законов об областном бюджете¹ автор приходит к выводу об ошибочности проводимого федеральным правительством курса налогово-бюджетной политики, приматом которого являются фискальные, а не стимулирующие и регулирующие функции, способствующие экономическому росту.

Наращение проблем на региональном уровне рано или поздно потребует принятия решений со стороны центра.

В статье обосновываются практические рекомендации по стабилизации территориальных бюджетных систем, которая одновременно должна сопровождаться принятием мер по корректировке налогово-бюджетной политики.

Ключевые слова: региональный бюджет, дефицит, кредиты, долговая нагрузка, корректировка налогово-бюджетной политики.

В ближайшие годы как мировая, так и российская экономика сохранит невысокие темпы роста. При этом рост экономики РФ будет значительно ниже роста мировой экономики. Неопределённость макроэкономических трендов может возрасти в связи с прогнозируемым понижением ключевого параметра формирования бюджетных доходов – цен на нефть² (рис. 1).

Прогноз экономического и социального развития Вологодской области на 2015–2017 гг. [11], отражающий общероссийские тенденции, характеризуется стагнацией всех макроэкономических показателей на фоне сильного спада инвестиционной активности (табл. 1).

Роста ВРП в 2015–2017 гг. предполагается достичь за счёт увеличения промышленного производства и потребительского спроса. Однако, на наш взгляд, существуют риски недостижения прогнозируемых значений ВРП, которые не увязываются с

отрицательной динамикой инвестиций в основной капитал. Ожидается, что в 2017 г. капиталовложения сократятся на 23,2% по сравнению с уровнем 2014 г., что предопределяет замедление темпов роста ВРП.

Безусловно, экономические проблемы не могут не отразиться на состоянии бюджетной системы региона, хотя на первый взгляд, основные параметры нового трёхлетнего бюджета [10] выглядят весьма оптимистично.

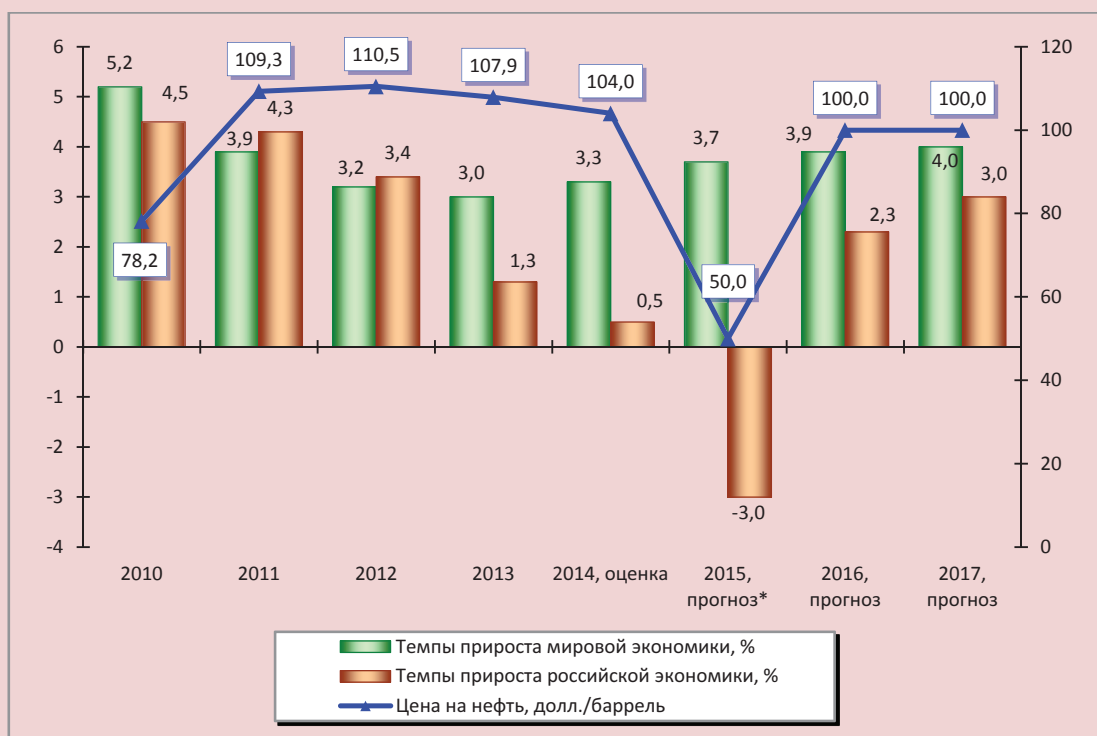
Прогнозируется рост как общих, так и собственных доходов. Но сами по себе абсолютные показатели мало о чём говорят. Системной ошибкой бюджетного планирования на региональном уровне является отсутствие корреляции основных параметров бюджета с ВРП. По нашим расчётам, доля доходов регионального бюджета в ВРП уменьшится до 10,7% в 2017 г. против 12,5% в 2014 г., что указывает на долгосрочный дефицит финансовых ресурсов (табл. 2).

¹ Поварова А.И. Формирование регионального бюджета в условиях кризиса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2010. – № 2. – С. 101-114; Поварова А.И. Трёхлетний бюджет: ждать ли стабильности? // Там же. – 2011. – № 2. – С. 20-36; Поварова А.И. Региональный бюджет 2012–2014: стабильность откладывается // Там же. – 2012. – № 3. – С. 39-58; Поварова А.И. Региональный бюджет 2013–2015: стабильность или выживание? // Там же. – 2013. – № 1. – С. 36-55.

² Согласно новому прогнозу Минэкономразвития РФ от 31.01.2015 г., падение ВВП составит 3% (в предыдущем прогнозе 0,8%). Инфляция на конец года ожидается на уровне 12% вместо запланированных ранее 7,5%. Снижение инвестиций предусмотрено в размере 13%, реальных располагаемых доходов населения – на 6% (ранее эти показатели прогнозировались со снижением соответственно на 3,5 и 2,8%).

Сценарный прогноз на 2015 г., разработанный учёными Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, предусматривает снижение ВРП в стрессовом варианте на 4%, в консервативном – на 2,5%, в оптимистическом – на 0,3%.

Рисунок 1. Темпы прироста мировой и российской экономики, цена на нефть в 2010–2017 гг.

* Данные за 2015 г. представлены с учётом нового прогноза, внесённого Минэкономразвития РФ в Правительство РФ 31.01.2015 г.

Источник: данные прогноза Минэкономразвития РФ от 26.09.2014 г. [13].

Таблица 1. Основные макроэкономические показатели для составления проекта регионального бюджета Вологодской области на 2015–2017 гг., в сопоставимых ценах, % к предыдущему году

Показатели	Фактически				2014, оценка	Прогноз			2017 к 2014, %
	2010	2011	2012	2013		2015	2016	2017	
ВРП	105,7	106,9	104,8	100,0	100,5	102,7	102,0	101,3	106,1
Индекс промышленного производства	111,1	105,6	101,3	102,3	101,3	102,6	101,7	102,7	107,2
Инвестиции в основной капитал	116,1	149,4	121,2	46,2	77,7	118,0	94,7	68,7	76,8
Оборот розничной торговли	116,3	107,6	119,7	101,7	100,5	100,4	102,8	103,2	106,5
Реальные располагаемые денежные доходы населения	109,3	100,1	106,9	105,4	100,0	102,1	102,5	103,0	107,8

Таблица 2. Основные параметры регионального бюджета Вологодской области, млрд. руб.

Параметры	Фактически						Прогноз			
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Доходы, всего	39,5	31,2	36,1	39,3	42,4	40,3	45,1	43,0	45,9	47,3
В % к ВРП	13,4	14,6	13,7	12,2	11,9	11,3	12,5	10,8	10,8	10,7
Налоговые и неналоговые (собственные) доходы	34,4	19,0	25,8	28,8	31,5	30,3	35,0	35,9	40,6	41,9
Расходы	39,1	37,7	43,1	46,5	45,2	44,2	49,0	43,0	38,0	43,5

Год назад, в прогнозе на 2014–2016 гг., ВРП предусматривался в объёме 402,9 млрд. руб. в 2015 г. и 437 млрд. руб. в 2016 г. В прогнозе на 2015–2017 гг. сумма ВРП в 2015 г. снижена на 5,7 млрд. руб., в 2016 г. – на 13,7 млрд. руб.

Таким образом, в 2015–2016 гг. при проектируемом уровне доходов областного бюджета 10,8% ВРП будет недополучено более 2 млрд. руб.

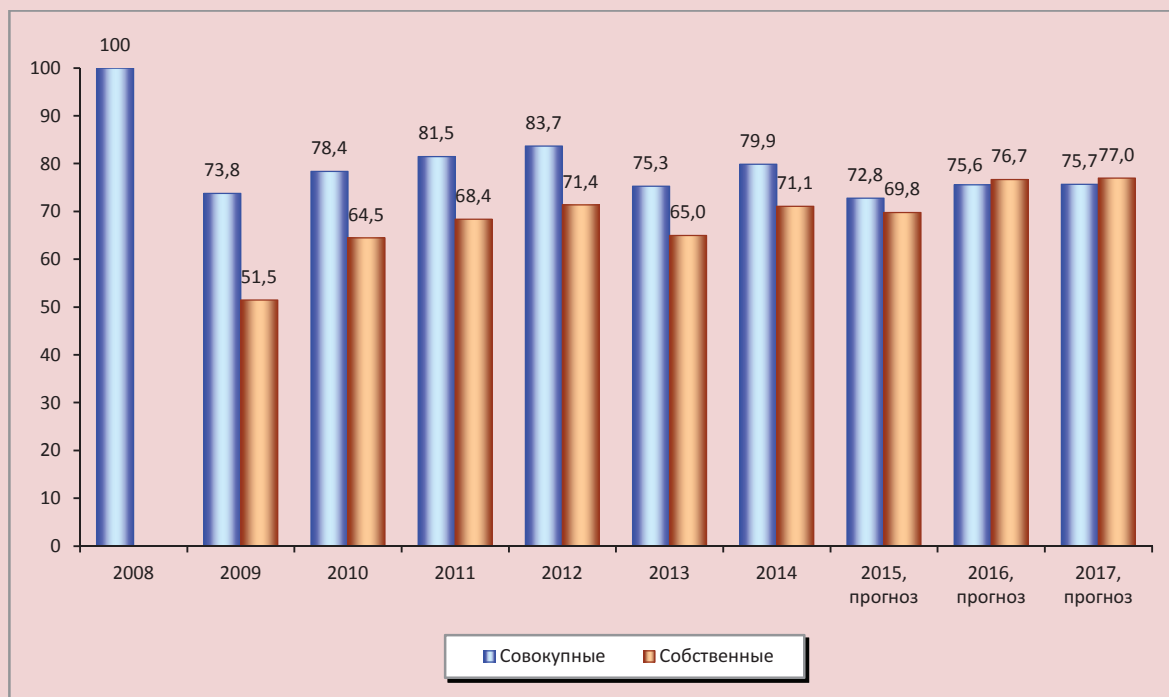
На сохраняющиеся в экономике региона проблемы указывают также низкие темпы восстановления бюджетных доходов, которые в реальном выражении даже в 2017 г. не выйдут на траекторию их докризисного объёма (рис. 2).

Ключевым фактором снижения самообеспеченности Вологодской области начиная с 2009 г. стало изменение структуры доходной части бюджета, связанное с рез-

ким падением поступлений налога на прибыль от крупнейшей корпорации чёрной металлургии – публичного акционерного общества «Северсталь» (ПАО «Северсталь»), обеспечивавшей до 2009 г. более половины платежей по данному доходному источнику. В прогнозном периоде это предприятие так и не вернёт себе статус главного катализатора сборов налога на прибыль (рис. 3).

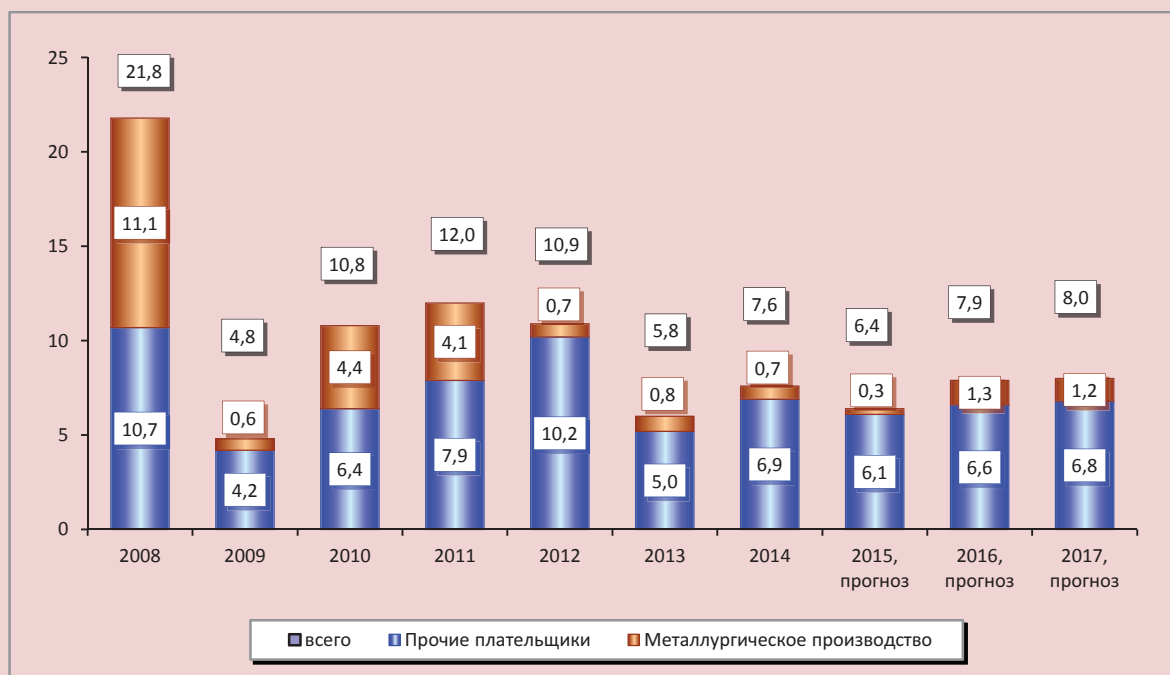
Более того, обращает на себя внимание тот факт, что металлургическая промышленность не рассматривается правительством области в качестве фактора влияния на прибыль, поскольку прогноз прибыли на 2015–2017 гг. не включает показатели этой отрасли. Между тем ещё в 2012 г. металлургия обеспечивали 36% совокупного объёма прибыли хозяйствующих субъектов (рис. 4).

Рисунок 2. Динамика реальных доходов регионального бюджета Вологодской области в 2008–2017 гг., % к 2008 г.

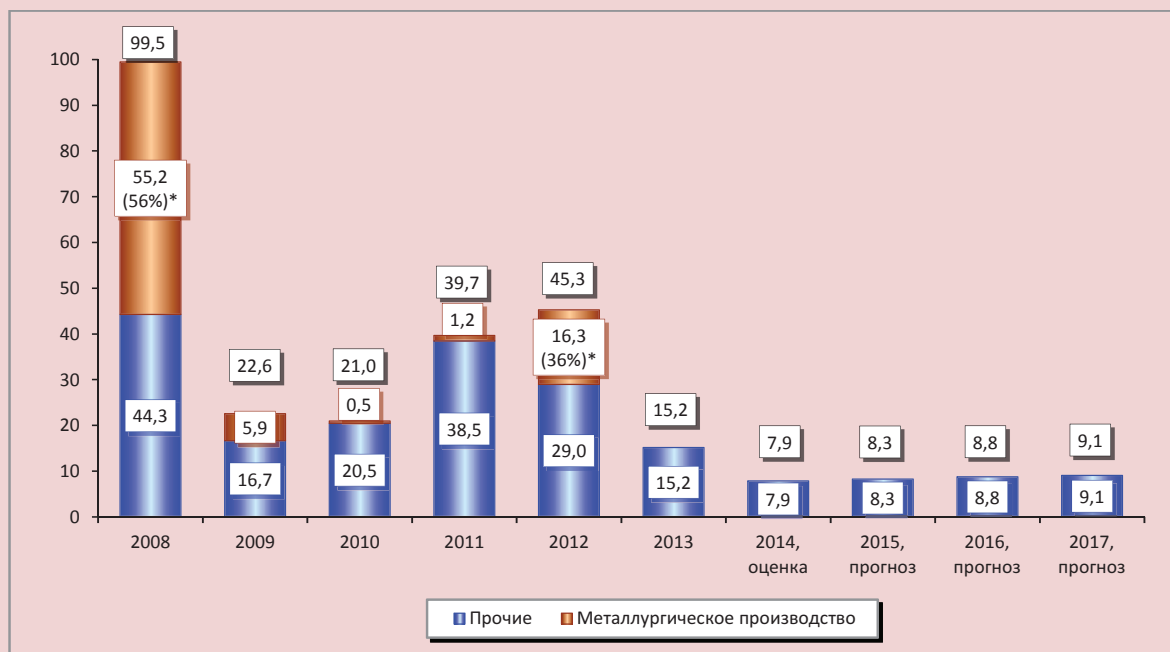
Источники: данные Федерального казначейства [15]; Департамента финансов Вологодской области [12]; расчёты автора.

Рисунок 3. Динамика поступлений налога на прибыль в региональный бюджет Вологодской области в 2008–2017 гг., млрд. руб.

Источники: данные ФНС; [16]; Департамента финансов Вологодской области; расчёты автора.

Рисунок 4. Динамика прибыли до налогообложения организаций Вологодской области в 2008–2017 гг., млрд. руб.

* В скобках указана доля металлургического производства в общем объеме прибыли по экономике.

Источники: данные Департамента финансов Вологодской области; расчёты автора.

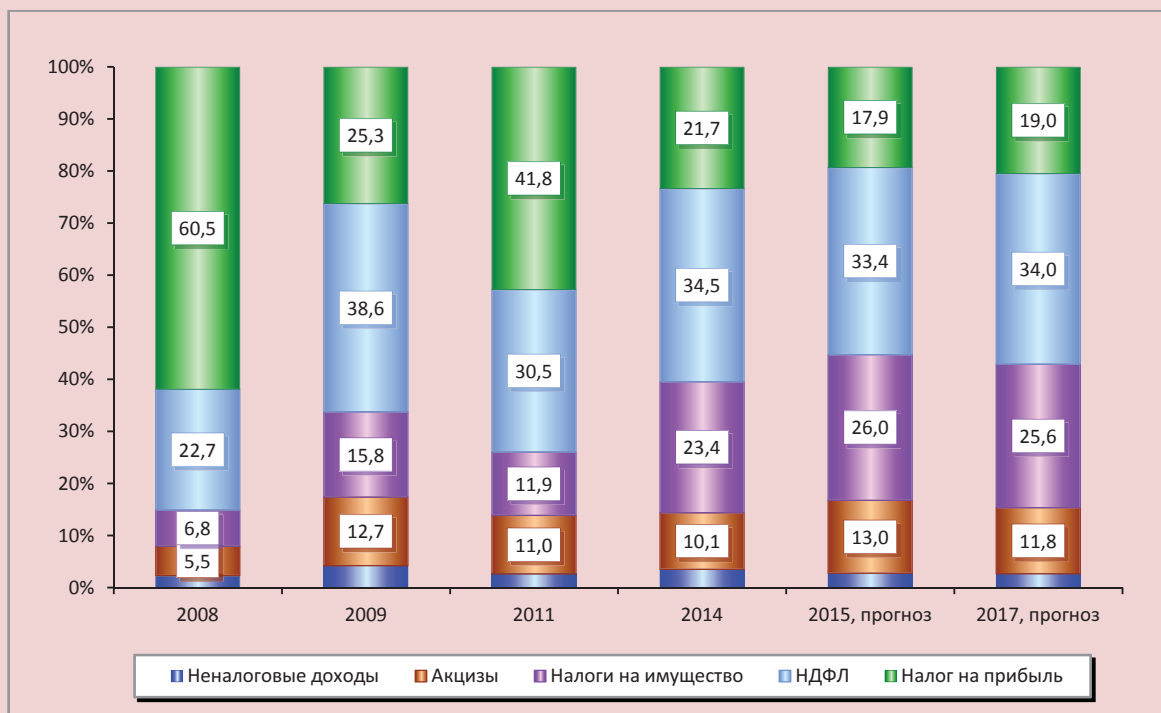
Необходимо также отметить, что рост прибыли по экономике Вологодской области в 2015–2017 гг. составит 15% и будет опережать рост ВРП (6%). При этом инвестиции в основной капитал, как уже было сказано, сократятся на 23%. Это значит, что прибыль хозяйствующих субъектов не вкладывается в программы модернизации производства, а становится источником оттока капитала³.

Кризисные последствия кардинально изменили структуру собственных доходов областного бюджета, что выразилось в

сильнейшем падении удельного веса налога на прибыль. Причём в посткризисный период поступления никаких других налогов не смогли компенсировать потери налога на прибыль.

В предстоящем бюджетном цикле основную роль в формировании собственных доходов региональной казны будут играть налог на доходы физических лиц (НДФЛ) и налоги на имущество — их доля составит соответственно 34 и 26%. Удельный вес налога на прибыль окажется на уровне 19%, что меньше, чем в кризисном 2009 году (рис. 5).

Рисунок 5. Структура собственных доходов регионального бюджета Вологодской области, %

Источники: данные Федерального казначейства; Департамента финансов Вологодской области; расчёты автора.

³ К сожалению, банковская статистика не содержит информацию о вывозе капитала в региональном разрезе. По данным Центробанка, общий отток капитала из России за 2014 г. стал самым масштабным и достиг 151,5 млрд. долл. (для сравнения: в 2008 г. — 133,6 млрд. долл., в 2013 г. — 61 млрд. долл.).

Замедление темпов роста заработной платы не позволит существенно увеличить объём поступлений НДФЛ. В 2015–2017 гг. он будет прирастать ежегодно на 0,5 млрд. руб., что в два раза меньше, чем в 2012–2014 гг. (табл. 3).

В связи с серьёзным снижением самообеспеченности региональный бюджет становится всё более зависимым от финансовой поддержки из федерального бюджета в форме межбюджетных трансфертов и кредитов. За 2008–2014 гг. её объём вырос в четыре раза – с 5 до 19 млрд. руб. (рис. 6).

Судя по данным рисунка, приоритетом межбюджетной политики начиная с 2014 г. становится замещение трансфертного финансирования долговым. В 2015–2017 гг. плановый объём бюджетных кредитов почти в два раза превысит объём трансфертной помощи.

Существенное снижение межбюджетных трансфертов Вологодской области станет одним из главных факторов сокра-

щения реальных доходов регионального бюджета в предстоящей трёхлетке. В результате будет увеличиваться разрыв в обеспеченности населения бюджетными доходами по сравнению со среднероссийским уровнем (рис. 7).

В 2015–2017 гг. Правительство Вологодской области поставило амбициозную задачу достижения сбалансированности регионального бюджета⁴ (рис. 8).

Поставленная задача будет решаться за счёт сокращения расходов, причём по всем функциональным статьям. В 2017 г. расходная часть бюджета уменьшится в текущих ценах на 5,6 млрд. руб., а с учётом инфляции – на 11,4 млрд. руб., или на 23% к уровню 2014 г. (табл. 4).

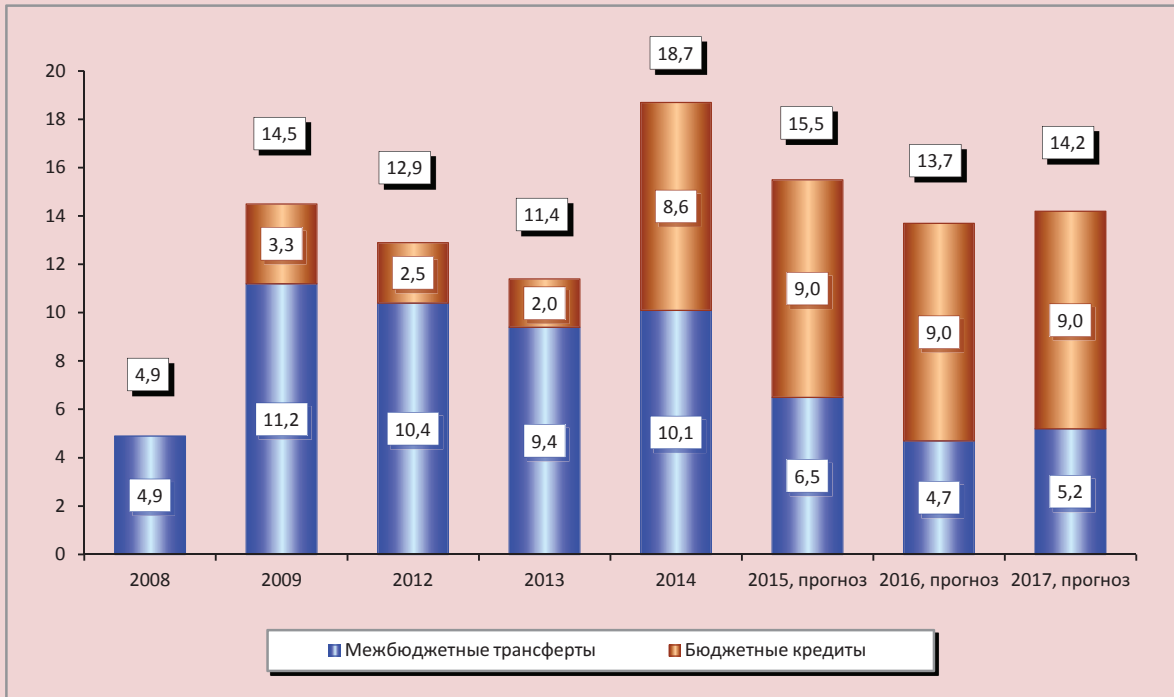
Масштабное снижение финансового обеспечения ожидается по жилищно-коммунальному хозяйству – 63%, что определяется уменьшением расходов на бюджетные инвестиции и капитальный ремонт объектов государственной и муниципальной собственности.

Таблица 3. Поступление НДФЛ в региональный бюджет Вологодской области и заработная плата в 2012–2017 гг.

Показатели	2012, факт	2013, факт	2014, факт	В среднем за 2012–2014	Прогноз			В среднем за 2015–2017
					2015	2016	2017	
НДФЛ, млрд. руб.	9,6	10,5	12,1	10,7	12,0	13,4	14,3	13,2
К предыдущему году								
- млрд. руб.	0,8	0,9	1,6	1,1	-0,9	1,4	0,9	0,5
- %	109,5	109,3	114,8	111,2	92,8	111,5	106,8	103,7
Среднемесячная номинальная заработная плата, руб.	22649	25127	26643	24806	27997	29703	31713	29804
Темп роста, %	111,8	110,9	106,0	109,6	105,1	106,1	106,8	106,0
Реальная заработная плата, % к предыдущему году	106,9	104,4	98,7	103,3	98,5	101,6	102,4	100,8
Источники: данные Департамента финансов Вологодской области; расчёты автора.								

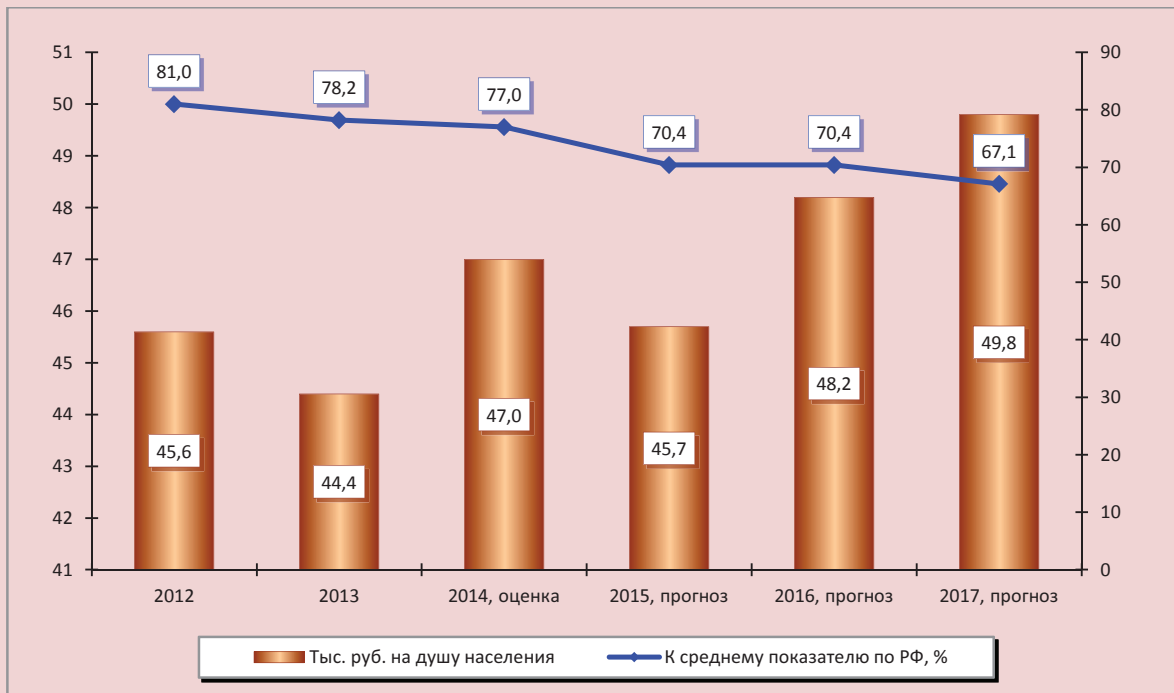
⁴ Основой послужило соглашение Вологодской области с Минфином РФ о предоставлении бюджетного кредита на замещение коммерческих кредитов в сумме 6 млрд. руб. В соответствии с условиями соглашения областной бюджет на 2015–2017 гг. должен быть сформирован без дефицита, а объём рыночных заимствований к 1 января 2017 г. снижен до 50% от объёма собственных доходов бюджета.

Рисунок 6. Динамика финансовой помощи из федерального бюджета региональному бюджету Вологодской области в 2008–2017 гг., млрд. руб.

Источники: данные Федерального казначейства; Департамента финансов Вологодской области; расчёты автора.

Рисунок 7. Обеспеченность населения Вологодской области бюджетными доходами* в 2012–2017 гг.

* Данные по консолидированному бюджету Вологодской области.

Источник: расчёт автора по данным Федерального казначейства; Росстата; Минфина РФ; Департамента финансов Вологодской области.

Рисунок 8. Динамика результатов исполнения регионального бюджета Вологодской области в 2008–2017 гг., млрд. руб.

Источники: данные Федерального казначейства; Департамента финансов Вологодской области.

Таблица 4. Динамика расходов регионального бюджета Вологодской области в 2014–2017 гг., млн. руб.

Расходы	2014	Прогноз						2017 к 2014, %	
		2015		2016		2017		Номи-нальные	Реаль-ные*
	Номи-нальные	Реаль-ные*	Номи-нальные	Реаль-ные*	Номи-нальные	Реаль-ные*			
Расходы, всего	49046	43005	40305	38043	34242	43470	37669	88,6	76,8
Общегосударственные расходы	2330	2396	2246	1845	1660	1892	1640	81,2	70,4
Национальная экономика	9020	6437	6033	5540	4987	6549	5675	72,6	62,9
- сельское хозяйство	2628	1232	1155	744	670	924	801	35,2	30,5
ЖКХ	947	863	809	762	685	404	350	42,7	37,0
Социальная сфера	32789	29831	27957	26238	23617	29697	25734	90,6	78,5
- образование	13381	10716	10043	9945	8951	11353	9838	84,8	73,5
- культура	767	517	485	465	418	498	432	65,0	56,3
- здравоохранение	7717	7804	7314	6604	5945	7433	6441	96,3	83,5
- социальная политика	10661	10590	9925	9131	8219	10328	8949	96,9	83,9
- физкультура и спорт	263	203	191	93	84	85	73	32,1	27,7

* В ценах 2014 г.
Источники: данные Федерального казначейства; Департамента финансов Вологодской области; расчёты автора.

На 37% лишается прежней поддержки национальная экономика. В частности, расходы на сельское хозяйство в 2017 г. составят всего 30% от уровня 2014 г., что будет ограничивать возможности развития импортозамещения.

Перспективы бюджетирования социальной сферы выглядят не менее удручающими: расходы на образование снижаются на 27%, здравоохранение и социальную политику – на 16%, культурную деятельность – на 44%, физкультуру и спорт – на 72%.

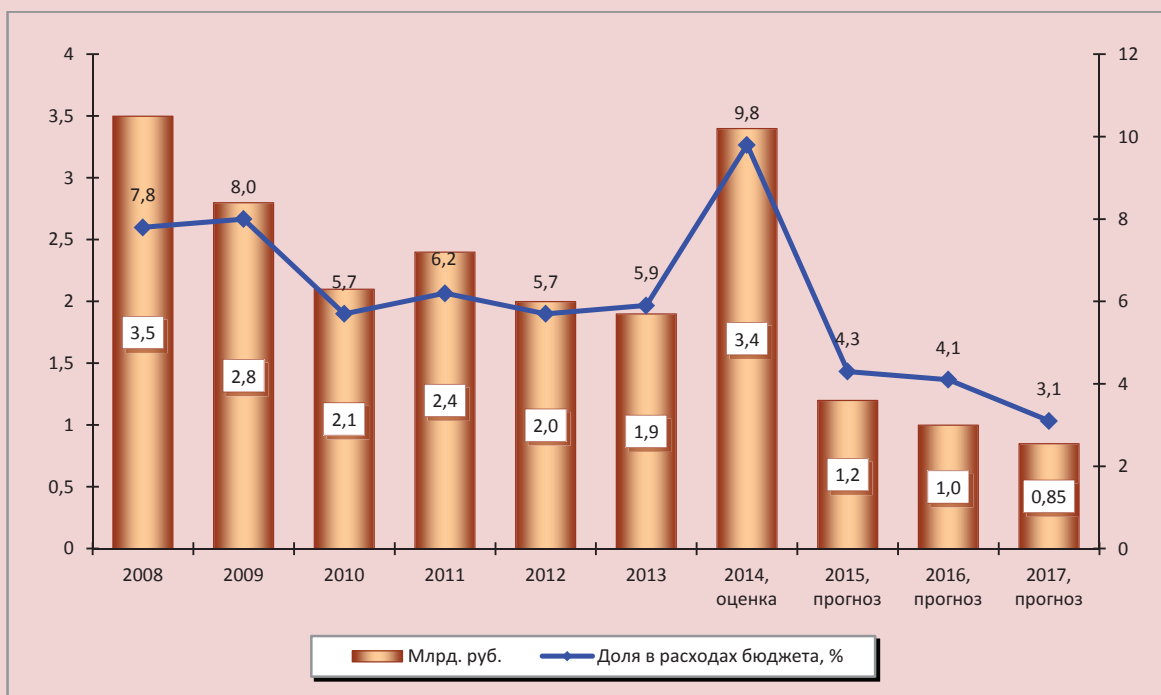
Необходимость достижения баланса и сверхсоциальная структура расходов на-

глядно характеризуют ещё одну проблему регионального бюджета, связанную с прогрессирующим уменьшением капиталовложений. Объём бюджетных инвестиций за три года сократится на 2,5 млрд. руб., или в четыре раза по сравнению с 2014 г. (рис. 9).

Создаётся впечатление, что правительство области сделало выбор в пользу окончательной оптимизации капитальных расходов⁵.

Несмотря на беспрецедентную оптимизацию, достижение бездефицитности региональной казны, на наш взгляд, представляется маловероятным.

Рисунок 9. Динамика капитальных вложений регионального бюджета Вологодской области в 2008–2017 гг., в ценах 2008 г.

Источники: данные Федерального казначейства; Департамента финансов Вологодской области; расчёты автора.

⁵ По удельному весу средств, направляемых на формирование бюджета развития, Вологодская область в 2013 г. занимала 7-е место в СЗФО. При среднем уровне по округу, составившем 10,3%, на инвестиции было потрачено 5,9% расходов регионального бюджета. Даже в высокودотационных Новгородской и Псковской областях данный показатель составил 10,7 и 6,5% соответственно.

Во-первых, практика формирования профицитного бюджета существует уже несколько лет. Реальный же бюджетный процесс оказывается далёким от сценарных условий и вынуждает прибегать к многократным корректировкам результатов исполнения бюджета.

Так, бюджеты и на 2014-й, и на 2015 год первоначально были объявлены профицитными, а при формировании основных характеристик следующего бюджетного цикла – дефицитными (табл. 5).

Во-вторых, реализация мероприятий в рамках указов Президента РФ от 7 мая 2012 г., ставших, по сути, нефинансируемыми социальными мандатами для регионов, потребует более 16 млрд. руб., в то время как реальные средства на эти цели составляют 8,7 млрд. руб., то есть половину необходимого. Особенно остро дефицит финансовых ресурсов будет ощущаться в 2015 г. (табл. 6).

В случае отсутствия должной поддержки из федерального центра исполнение указов, как показала практика предыдущих лет, будет осуществляться посредством ликвидации бюджетной сети и сокращения численности работников⁶.

В-третьих, в результате сложившегося дисбаланса межбюджетных отношений, характеризующегося увеличением количества переданных регионам полномочий Федерации⁷ с одновременным сокращением безвозмездной финансовой помощи из федерального бюджета, средний уровень покрытия расходов областного бюджета за счёт собственных доходов в 2015–2017 гг. составит 88%.

В-четвёртых, сохраняется высокая зависимость местных бюджетов от трансфертов из областного бюджета, что является одной из главных причин возникновения его дефицита. С введением в 2006 г. новой системы местного само-

Таблица 5. Изменение прогнозных параметров результатов исполнения регионального бюджета Вологодской области, млн. руб.

Закон	2014	2015	2016
Закон о бюджете на 2012–2014 гг.	5920,1		
Закон о бюджете на 2013–2015 гг.	3215,5	5345,4	-2014,8
Закон о бюджете на 2014–2016 гг.	-3212,1	-2014,8	-1486,0
Закон о бюджете на 2015–2017 гг.		0	+7898,3

Таблица 6. Прогноз расходов регионального бюджета Вологодской области на реализацию указов Президента РФ в 2015–2017 гг., млн. руб.

Показатели	2015	2016	2017	Всего
Потребность в средствах	5400,8	5304,1	5663,2	16368,1
Предусмотрено в бюджете	1730,3	3068,3	3913,7	8712,3
Недостаток средств				
- млн. руб.	3670,5	2235,8	1749,5	7655,8
- %	32,0	57,8	69,1	53,2
Источник: данные Департамента финансов Вологодской области.				

⁶ По данным Департамента финансов, за 2012–2013 гг. в Вологодской области закрыто 98 учреждений образования и культуры, сокращено 1607 работающих.

⁷ С 2004 по 2013 год количество федеральных полномочий, переданных на региональный уровень, увеличилось почти в три раза. При этом количество налогов, закреплённых за бюджетами регионов, сократилось с семи до трёх.

управления доля межбюджетных трансфертов муниципалитетам в расходах областного бюджета стабильно составляет более 40%.

В-пятых, в 2015–2017 гг. плановые расходы на возврат коммерческих и бюджетных кредитов, привлечённых в предыдущие годы для финансирования бюджетного дефицита, достигнут 53,7 млрд. руб., что кардинально изменит фактические результаты исполнения бюджета⁸ (табл. 7).

По нашим расчётам, в 2017 г. реальный дефицит областного бюджета достигнет 19 млрд. руб., на его погашение предстоит направить почти половину собственных доходных источников. В условиях огра-

ниченной самообеспеченности бюджета финансирование дефицита скорее всего вызовет необходимость новых заимствований или секвестра.

В-шестых, достижение сбалансированности регионального бюджета нереалистично в условиях высокой закредитованности.

Формируя бездефицитный бюджет, правительство области рассчитывает снизить острую долговую нагрузку. Действительно, в прогнозном периоде абсолютный объём государственного долга уменьшится с 35 млрд. руб. в 2014 г. до 23,6 млрд. руб. в 2017 г., но будет оставаться существенным, соответствуя 57% объёма собственных доходов регионального бюджета (табл. 8).

Таблица 7. Реальные результаты исполнения регионального бюджета Вологодской области в 2014–2017 гг., млн. руб.

Показатели	2014	Прогноз		
		2015	2016	2017
Дефицит (-), профицит без расходов на возврат кредитов	-3960	0	7898	3856
К собственным доходам бюджета, %	-11,3	0	19,4	9,2
Расходы на возврат кредитов*	24471	11563	19092	23016
Реальный дефицит (-), профицит	-28431	-11563	-11194	-19160
К собственным доходам бюджета, %	-81,3	-32,2	-27,5	-45,7

* Утверждено в законе об областном бюджете на 2014–2016 гг.

Таблица 8. Динамика и структура государственного долга Вологодской области в 2014–2017 гг., млрд. руб.

Показатели	2014, факт		2015, прогноз		2016, прогноз		2017, прогноз		2017 к 2014, %
	Млрд. руб.	%	Млрд. руб.	%	Млрд. руб.	%	Млрд. руб.	%	
Госдолг, всего	34,9	100,0	35,2	100,0	27,3	100,0	23,6	100,0	67,6
Банковские кредиты	14,0	40,1	20,6	58,6	19,1	70,0	20,6	87,4	147,1
Бюджетные кредиты	12,6	36,1	8,5	24,2	4,2	15,4	0	0	0
Госгарантии	3,4	9,6	3,3	9,4	3,1	11,4	3,0	12,6	88,2
Ценные бумаги	4,9	14,1	2,8	7,8	0,9	3,2	0	0	0
Долговая нагрузка, %*	99,8		99,3		68,3		57,2		-43,3

* Долговая нагрузка измеряется отношением объёма государственного долга к собственным доходам бюджета. Источники: данные Департамента финансов Вологодской области; расчёты автора.

⁸ Несмотря на неоднократные обращения глав субъектов РФ (в частности, губернатора Вологодской области О.А. Кувшинникова) в Минфин РФ с просьбой о внесении изменений в порядок учёта расходов на возврат кредитов, данные расходы включаются не в расходную часть бюджета, а в состав источников финансирования дефицита, что приводит к искажению его фактического размера.

Уровень коммерческой задолженности в структуре долговых обязательств будет неуклонно расти и составит к концу бюджетного цикла 87,4%, создавая тем самым дополнительные риски долговой устойчивости бюджета. Более того, после существенного снижения привлечённых займов в 2015–2016 гг. правительство области в 2017 г. планирует набирать новые банковские кредиты, что повлечёт за собой возобновление роста расходов на их обслуживание (рис. 10).

Если суммировать расходы на возврат и обслуживание кредитов, то их объём превысит другие важнейшие направления финансирования регионального бюджета. По сути, данные расходы стали приоритетными (рис. 11).

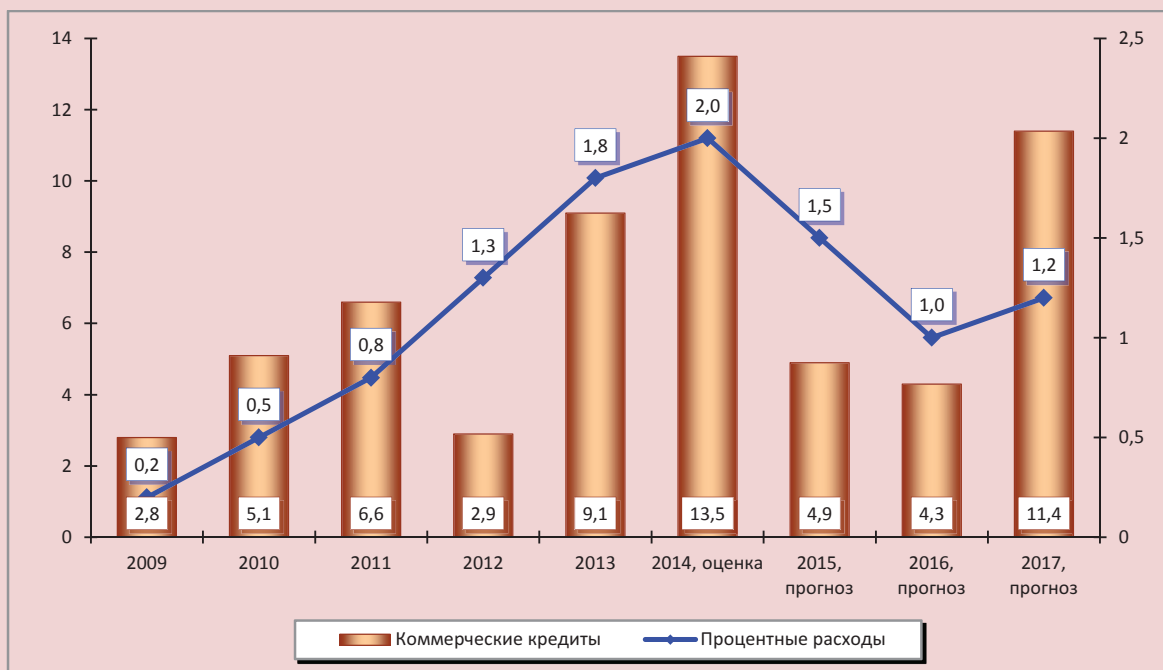
Совершенно очевидно, что в ближайшей перспективе региональным властям не удастся кардинально поменять ситуацию в сфере долговой политики, а от-

влечение бюджетных средств на возврат заимствований и процентные платежи будет усиливать риски исполнения первоочередных расходных обязательств.

Можно и дальше перечислять изъяны очередного трёхлетнего бюджета, но в конечном итоге, по нашему мнению, они предопределяются дефектами проводимой в стране налогово-бюджетной политики, которая, вместо того чтобы служить важнейшим инструментом управления территориальным развитием, всё глубже погружает российские регионы в бюджетный кризис.

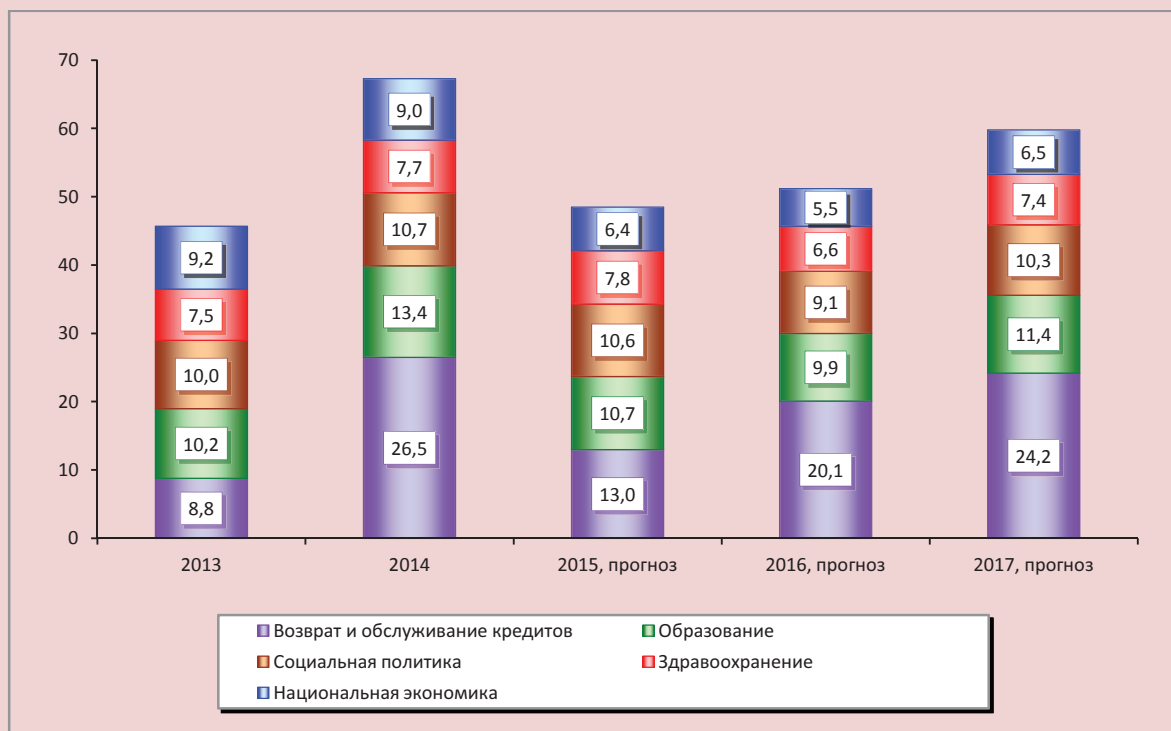
Чем другим можно объяснить, что только 10 субъектов РФ являются самодостаточными (не получающими дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности), что дефицит региональных бюджетов за 2013–2014 гг. достиг исторического максимума, в несколько раз превысив плановые значения [7], и большинство

Рисунок 10. Динамика привлечённых коммерческих кредитов и процентных расходов регионального бюджета Вологодской области в 2009–2017 гг., млрд. руб.

Источники: данные Федерального казначейства; Департамента финансов Вологодской области; расчёты автора.

Рисунок 11. Основные функциональные расходы и расходы на возврат кредитов регионального бюджета Вологодской области в 2013–2017 гг., млрд. руб.

Источник: расчёт автора по данным Департамента финансов Вологодской области.

регионов балансируют на грани банкротства, продолжая заимствовать средства не на развитие, а на обеспечение текущих расходов? С января по ноябрь 2014 г. закредитованность субъектов РФ выросла на 75%, впервые превысив триллион рублей (рис. 12). Привлечённые кредиты уступают по объёму лишь расходам региональных бюджетов на образование и социальную политику.

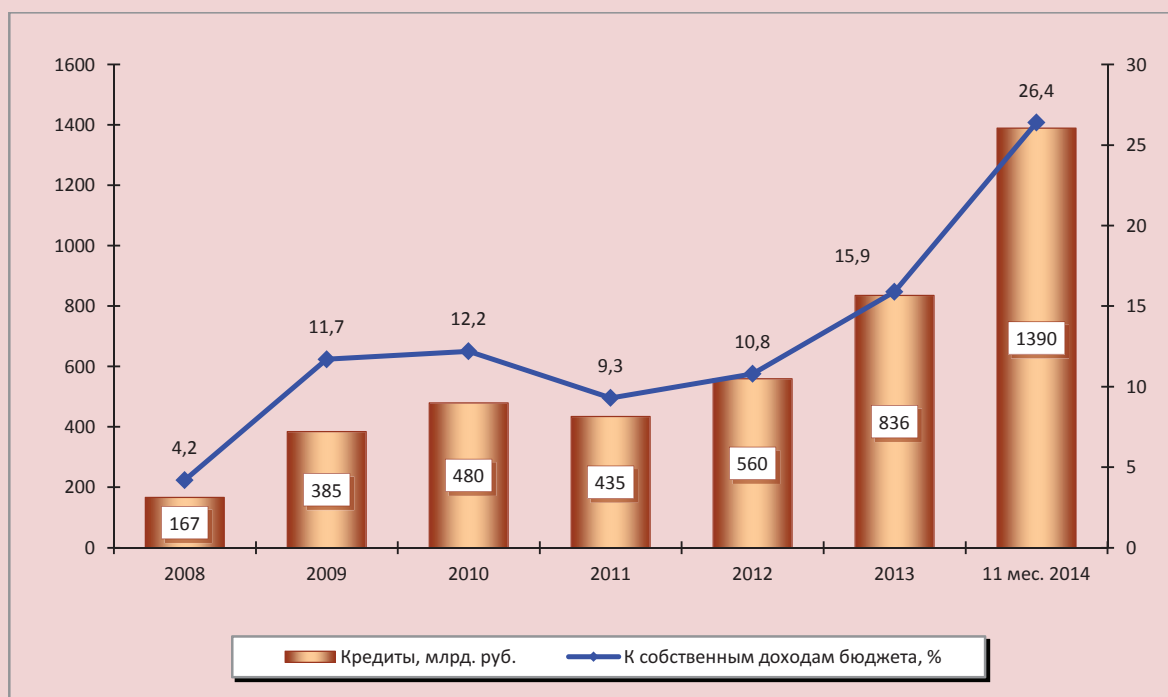
Нормативы зачисления доходов в территориальные бюджеты, установленные Бюджетным кодексом РФ, не обеспечивают реализацию закреплённых за регионами полномочий. При этом, решая проблему дефицита федерального бюджета за счёт перекалывания государственных расходов на нижестоящие уровни, центральное правительство вынуждает региональные власти изначально формировать свои бюд-

жеты с предельными значениями долговых обязательств. К примеру, в 2015 г. долговая нагрузка регионов Северо-Запада РФ, за исключением г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, приблизится к критическому уровню, а в Республике Карелия превысит его (табл. 9).

Острый долговой кризис большинства субъектов РФ во многом обусловлен запоздалой реакцией центральных властей на нарастающие риски. Только в июле 2014 г. Правительством РФ было принято решение о трансформации коммерческих кредитов в бюджетные, выдаваемые по низкой процентной ставке⁹.

⁹ В 2014 г. средние ставки по коммерческим кредитам, привлечённым субъектами РФ, составляли 10,8–13,5%, по бюджетным кредитам – ¼ ставки рефинансирования Центробанка (для финансово слабых регионов, в том числе для Вологодской области, бюджетные кредиты на замещение банковских выдаются по ставке 0,1% годовых).

Рисунок 12. Динамика кредитов, привлечённых субъектами РФ в 2008–2014 гг.

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Таблица 9. Верхний предел государственного долга региональных бюджетов субъектов СЗФО в 2014–2015 гг.

Субъект	Утверждено на 2014 г.		Утверждено на 2015 г.	
	Млрд. руб.	К собственным доходам бюджета, %	Млрд. руб.	К собственным доходам бюджета, %
г. Санкт-Петербург	14,6	3,8	79,6	20,0
Ленинградская область	22,0	33,8	22,9	32,2
Мурманская область	20,3	54,8	25,2	63,7
Калининградская область	21,2	79,4	19,9	74,1
Новгородская область	17,2	90,7	16,0	81,0
Республика Коми	28,7	52,1	51,5	89,5
Вологодская область	34,9	100,5	35,2	97,9
Архангельская область	35,6	80,2	40,7	98,1
Псковская область	14,7	99,5	14,7	98,6
Республика Карелия	19,0	102,4	20,1	107,3

Источники: законы субъектов РФ о региональном бюджете на 2014–2016 и на 2015–2017 гг.; расчёты автора.

Выступая на расширенной коллегии Минфина РФ 8 апреля 2013 г., Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко задала справедливый вопрос главному финансовому ведомству: «Минфин не должен стоять в стороне. Почему мы не остановили безудержные заимствования ряда регионов, которые практически стали банкротами?» [3].

К сожалению, системные меры по решению проблемы бюджетного кризиса регионов Правительством РФ до сих пор не предложены.

Напротив, в «Программе повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года» совершенно открыто говорится о том, что «основная часть государственных полномочий должна быть закреплена за субъектами Российской Федерации в качестве собственных».

Похоже, что решать проблему повышения эффективности управления региональными финансами правительственный аппарат намерен за счёт постепенной окончательной передачи финансирования своих функций субъектам РФ, не осознавая последствий, к которым может привести рост числа финансово не обеспеченных обязательств и без того непомерно обременённых региональных бюджетов [18].

Концептуальные аспекты действий, необходимых для корректировки проводимой налогово-бюджетной политики, имеют аргументированное обоснование в большом числе трудов представителей научного сообщества [1, 2, 4, 5, 6, 8, 9, 17, 19].

Как видится, на региональном уровне первоочередными должны стать меры, обеспечивающие адекватное законодательное обеспечение субнациональных бюджетных систем. Укрупнённый перечень этих мер можно представить в виде трёх блоков.

1. Передача на региональный уровень дополнительных налоговых доходов¹⁰, а именно:

— закрепление за бюджетами регионов поступлений налога на прибыль в полном объёме¹¹ на том основании, что в формировании доходов федерального бюджета доля этого платежа не превышает 3%;

— повышение стандартной ставки НДС (к примеру, с 18 до 20%) либо отмена возмещения из федерального бюджета НДС экспортёрам сырьевых ресурсов и направление дополнительных сборов НДС на увеличение выравнивающих дотаций субъектам РФ или их распределение между регионами на подушевой основе, как это происходит в Германии;

— введение налога на роскошь, которое правительство так и не решается предпринять¹².

2. Увеличение объёма финансовой помощи из федерального бюджета. В приоритетном порядке должны выделяться не бюджетные кредиты, а трансферты, поскольку в случае предоставления новых кредитов для погашения уже имеющейся задолженности ситуация будет воспроизводиться.

Одной из мер в данном направлении может стать пересмотр действующего порядка использования целевых трансфертов. Неравномерное в течение года¹³ выделение федеральным центром межбюджетных трансфертов приводит к тому,

¹⁰ В соответствии с Законом о федеральном бюджете, в 2015–2017 гг. на федеральном уровне будет централизовано 72,4% доходов бюджетной системы РФ.

¹¹ В соответствии с Бюджетным кодексом РФ 2% налога на прибыль, исчисленного по ставке 20%, зачисляется в федеральный бюджет, а 18% — в бюджет субъекта РФ.

¹² О необходимости введения налога на роскошь в первой половине 2013 г. Президент РФ заявлял ещё в Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г.

¹³ По нашим расчётам, в 2011–2013 гг. более 30% федеральных трансфертов в региональный бюджет Вологодской области было перечислено в 4 квартале, что сопоставимо со средним показателем по субъектам РФ.

что субъекты не могут своевременно ими распорядиться, в результате чего в соответствии с бюджетным законодательством неиспользованные остатки возвращают в федеральный бюджет.

В Вологодской области объём возвратов за 2008–2013 гг. увеличился в 8,4 раза – с 56 до 476 млн. руб.

Более серьёзного внимания со стороны центрального правительства требуют вопросы софинансирования инвестиционных программ территорий. По данным Федерального казначейства, объём субсидий, выделенных субъектам РФ из федерального бюджета на капиталовложения, за 2012–2014 гг. сократился со 199 до 56 млрд. руб., или в 3,6 раза (в Вологодской области – с 825 до 184 млн. руб., или в 4,5 раза). Безусловно, такое резкое сжатие инвестиционных трансфертов создаст долговременные риски для устойчивого роста налогового потенциала.

3. Инвентаризация расходных полномочий с последующей передачей части из них на федеральный уровень.

По оценкам Института экономики Уральского отделения РАН, с 2000 г. не было случая передачи Федерацией полно-

мочий регионам и муниципалитетам со 100%-ной финансовой обеспеченностью ресурсами [20].

Весомым облегчением для социальной нагрузки региональных бюджетов могла бы стать передача на уровень Федерации расходов по уплате страховых взносов на обязательное медицинское страхование неработающего населения. Данные расходы, например, в Вологодской области преобладают в структуре расходов регионального бюджета на здравоохранение, занимая 56% (в РФ – 42%).

По нашим оценкам, реализация только одних вышеперечисленных первоочередных мер позволит увеличить ежегодные доходы региональных бюджетов в среднем на 1,2 трлн. руб. (табл. 10).

В процессе реализации этих мер следует переходить к коренной переработке Налогового и Бюджетного кодексов РФ с целью изменения подходов к налогообложению прибыли крупного бизнеса, установления валютного контроля, введения прогрессивной шкалы подоходного налога, наведения порядка в недропользовании, отмены налоговых льгот и преференций для высокодоходных хозяйствующих субъектов и т.д.

Таблица 10. Источники дополнительных доходов региональных бюджетов субъектов РФ, млрд. руб. в год

Источник	Оценка
Зачисление в полном объёме собранного на территории региона налога на прибыль	350*
Повышение ставки НДС или отмена возмещения НДС сырьевым экспортёрам	400–450*
Введение налога на роскошь	200–250**
Оставление неиспользованных целевых межбюджетных трансфертов в региональных бюджетах	35–40*
Передача на федеральный уровень полномочий по уплате страховых взносов на ОМС неработающего населения	500*
Итого	1135–1240

* Оценка выполнена исходя из динамики показателя за 2011–2013 гг.

** Согласно законопроекту, подготовленному депутатом Госдумы РФ д.э.н. О.Г. Дмитриевой совместно с представителями партии «Справедливая Россия», под действие налога на роскошь попадают объекты недвижимости стоимостью свыше 30 млн. руб. и транспортные средства стоимостью свыше 3 млн. руб. Это примерно 200 тыс. квартир и особняков и около 100 тыс. транспортных средств. Причём их владельцы – это сотые доли процента населения, сверхбогатые россияне, владеющие объектами роскоши, а не средний класс. По своему объёму поступления налога на роскошь от небольшого числа состоятельных лиц будут сопоставимы с поступлениями налогов от всех упрощённых режимов, уплачиваемыми миллионами малых предпринимателей и фермеров.

Безусловно, материализация указанных резервов в большей степени зависит от усилий федерального центра. Однако это не освобождает региональные власти от проведения ответственной бюджетной политики. Применительно к Вологодской области основные направления такой политики должны включать следующее.

Во-первых, активный поиск всех возможных источников увеличения собираемости налоговых доходов. По данным Департамента финансов области, на конец 2014 г. задолженность налогоплательщиков региона по уплате налогов в бюджетную систему РФ превысила 2 млрд. руб., а потери бюджета от применения «серых» схем оплаты труда достигли 5 млрд. руб. Этих средств вполне хватило бы не только на покрытие текущего дефицита, но и на финансовое обеспечение инаугурационных указов Президента в 2015 г.

В целях усиления мобилизующей функции неналоговых доходов следует реализовать ряд мер административного характера,

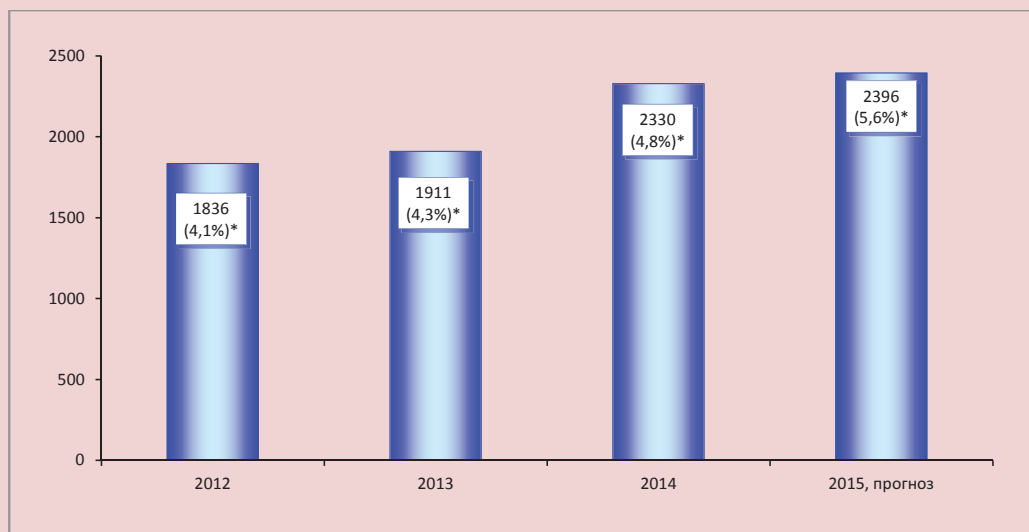
в частности: пересмотреть законодательную базу; проиндексировать ставки отдельных видов платежей; исключить факты передачи областного имущества в безвозмездное пользование федеральным структурам.

Во-вторых, дальнейшую оптимизацию бюджетных расходов на управление. Динамичное увеличение общегосударственных затрат, в отличие от других расходных статей, указывает на имеющиеся резервы их сокращения (рис. 13).

По последним данным Вологдастата, за январь–сентябрь 2014 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года численность работников органов государственного управления в области выросла с 9,8 до 16,9 тыс. человек, то есть в 1,7 раза.

Средняя заработная плата одного работника аппарата управления, включая весь штатный персонал, составила 41,7 тыс. руб. при средней зарплате по экономике 25,7 тыс. руб. Зарботная плата чиновников Правительства Вологодской области, замещаю-

Рисунок 13. Расходы по разделу «Общегосударственные вопросы» регионального бюджета Вологодской области в 2012–2015 гг., млн. руб.

* В скобках указана доля расходов в общем объеме расходной части регионального бюджета.

Источники: данные Департамента финансов Вологодской области; расчёты автора.

щих государственных должности, достигла 301 тыс. руб. и превзошла среднестатистический показатель по региону в 12 раз.

В-третьих, усиление ответственности распорядителей бюджетных средств за ненадлежащий уровень кассового исполнения расходов. При хроническом бюджетном дефиците ежегодно не осваивается порядка 2 млрд. руб. утверждённых ассигнований областного бюджета.

Серьёзную озабоченность вызывает бюджетная дебиторская задолженность, объём которой на начало 2014 г. достиг 1,1 млрд. руб. Почти вся эта сумма приходится на оплату авансов по заключённым

контрактам и на расчёты по кредитам, выданным из областного бюджета.

Укрепление финансовой основы регионов должно стать центральным аспектом повышения эффективности государственного управления.

Продолжение политики бюджетной консолидации неизбежно приведёт к тяжёлому долговому кризису территориальных бюджетов, а в конечном итоге к дефолту регионов и дестабилизации экономики страны. Одновременно ощущается потребность в консолидации усилий российских регионов по изменению политики федерального центра.

Литература

1. Букина, И.С. Парадоксы финансовой политики в РФ / И.С. Букина // Федерализм. – 2014. – № 2. – С. 25-34.
2. Бюджетная трёхлетка 2015–2017: императив «реверсирования» социально-экономического курса проигнорирован и на сей раз: редакционная статья // Российский экономический журнал. – 2014. – № 5. – С. 3-21.
3. Выступление Матвиенко В.И. на расширенной коллегии Минфина РФ по вопросу «Об итогах исполнения федерального бюджета за 2012 год и задачах органов финансовой системы РФ на 2013 год» 8 апреля 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.council.gov.ru/media/files/>
4. Дмитриева, О.Г. Экономические кругообороты и финансовые пылесосы / О.Г. Дмитриева // Вопросы экономики. – 2013. – № 7. – С. 49-62.
5. Зюганов, Г.А. Проект деградации / Г.А. Зюганов // Советская Россия. – 2014. – 14 октября.
6. Ильин, В.А. Бюджетный кризис регионов в 2013–2015 годах – угроза безопасности России / В.А. Ильин, А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 6. – С. 30-41.
7. Ильин, В.А. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления / В.А. Ильин, А.И. Поварова // Экономика региона. – 2014. – № 3. – С. 48-63.
8. Кашин, В.А. Налоговая система – угроза национальной безопасности России / В.А. Кашин, М.Д. Абрамов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.modern-rf.ru/netcat_files/93/47/
9. Ореховский, П.А. Российская налоговая система и грядущий кризис региональных финансов / П.А. Ореховский // Федерализм. – 2014. – № 1. – С. 141-150.
10. Об областном бюджете на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов: закон Вологодской области от 22.12.2014 г. № 3532-ФЗ.
11. О прогнозе социально-экономического развития Вологодской области на 2015–2017: постановление Правительства Вологодской области от 27.10.2014 г. № 954.
12. Официальный сайт Департамента финансов Вологодской области. – Режим доступа: <http://df35.ru/>
13. Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/>
14. Официальный сайт ПАО «Северсталь». – Режим доступа: <http://www.severstal.ru/>
15. Официальный сайт Федерального казначейства России. – Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/>
16. Официальный сайт Федеральной налоговой службы России. – Режим доступа: <http://www.nalog.ru/>
17. Петров, Ю.А. К формированию новой экономической модели: рестрикция бюджетных расходов или повышение собираемости налогов? / Ю.А. Петров // Российский экономический журнал. – 2013. – № 4. – С. 24-39.

18. Поварова, А.И. Об условиях и мерах повышения эффективности общественных финансов (критические заметки) / А.И. Поварова // Экономист. – 2014. – № 3. – С. 68-71.
19. Соляникова, С.П. Управление государственными финансами: заявленные принципы и реальность / С.П. Соляникова // Экономист. – 2014. – № 4. – С. 44-58.
20. Татаркин, А.И. Диалектика государственного и рыночного регулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов / А.И. Татаркин // Экономика региона. – 2014. – № 1. – С. 9-30.

Povarova A.I.

Regional budget for 2015–2017: doing away with deficit or doing away with development?

Anna Ivanovna Povarova – Senior Research Associate, Head of the Sector for Research into the Issues of Public Finance, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia. aip150663@yandex.ru)

Abstract. Regional budget in the Vologda Oblast for 2015–2017 was formed under difficult socio-economic conditions caused not only by a longstanding dependence of Russia's economy and its budget system on the external economic environment, but also by a number of new factors associated with the aggravation of geopolitical tensions and the application of sectoral sanctions by Western countries.

Despite an uncertainty in economic development trends, the new budget is announced to be deficit-free. It would seem that the balance of revenues and expenditures, a fundamental principle of the budget system, has been achieved. However, an analysis of the expenditure part of the budget shows that the balance is achieved at the expense of introducing the austerity regime followed by the restriction of all directions of funding. For 2015–2017 the share of the regional budget expenditures in GRP will decrease to 9.8% vs. 13.6% in 2014. If macroeconomic dynamics maintains its downward trend, such fiscal policy in the long term will suppress the economy even more significantly and will ultimately lead to the taxable capacity reduction.

Under the conditions of economic activity slowdown, even if the budget is balanced, it will not be possible to neutralize the cyclical risks connected with the receipt of profit tax from the metallurgical and chemical industries that are integrated into the world economy and act as the major budget revenue generating industries in the region. Simple calculations prove that at the current high level of debt load it will be extremely difficult for the government to overcome the dependence on borrowed funds; therefore, it seems rather doubtful that the budget balance over the forecast period can be achieved.

The author analyzes several laws on the regional budget* and comes to a conclusion that the fiscal policy pursued by the federal government is flawed because it focuses on fiscal functions rather than on stimulating and regulating functions that promote economic growth.

The growing problems at the regional level will sooner or later require that the center make definite decisions. The article substantiates practical recommendations for stabilizing the regional and local budget systems; this stabilization should be accompanied by the adoption of measures to adjust fiscal policy.

Key words: regional budget, deficit, loans, debt load, fiscal policy adjustment.

* Povarova A.I. Formirovanie regional'nogo byudzheta v usloviyakh krizisa [Formation of Regional Budget in Crisis]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2010, no. 2, pp. 101-114; Povarova A.I. Trekhletnii byudzhets: zhdet' li stabil'nosti? [The Three-Year Budget: Should We Wait for Stability?]. *Ibidem*, 2011, no. 2, pp. 20-36; Povarova A.I. Regional'nyi byudzhets 2012–2014: stabil'nost' otkladyvaetsya [Regional Budget of 2012 – 2014: Stability is Delayed]. *Ibidem*, 2012, no. 3, pp. 39-58; Povarova A.I. Regional'nyi byudzhets 2013–2015: stabil'nost' ili vyzhivanie? [Regional Budget for 2013 – 2015: Stability or Survival?]. *Ibidem*, 2013, no. 1, pp. 36-55.

References

1. Bukina I.S. Paradoksy finansovoi politiki v RF [The Paradoxes of Financial Policy in the Russian Federation]. *Federalizm* [Federalism], 2014, no. 2, pp. 25-34.
2. Byudzhetnaya trekhletka 2015–2017: imperativ “reversirovaniya” sotsial’no-ekonomicheskogo kursa proignorirovan i na sei raz: redaktsionnaya stat’ya [The Three-Year Budget 2015–2017: the Imperative of “Reversing” the Socio-Economic Course Ignored Once Again: Editorial]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2014, no. 5, pp. 3-21.
3. *Vystuplenie Matvienko V.I. na rasshirennoi kollegii Minfina RF po voprosu “Ob itogakh ispolneniya federal’nogo byudzheta za 2012 god i zadachakh organov finansovoi sistemy RF na 2013 god” 8 aprelya 2013 g.* [The Speech of V.I. Matvienko at the Expanded Board of the Ministry of Finance of the Russian Federation “On the Results of Execution of the Federal Budget for 2012 and the Tasks of the Financial Authorities of the Russian Federation for 2013”, April 8, 2013]. Available at: <http://www.council.gov.ru/media/files/>
4. Dmitrieva O.G. Ekonomicheskie krugoboroty i finansovye pylesosy [Economic Turnovers and Financial Vacuum Cleaners]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of the Economy], 2013, no. 7, pp. 49-62.
5. Zyuganov G.A. Proekt degradatsii [Degradation Project]. *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia], 2014, October 14.
6. Ilyin V.A., Povarova A.I. Byudzhetnyi krizis regionov v 2013–2015 godakh – ugroza bezopasnosti Rossii [Budget Crisis of the Regions in 2013 – 2015: a Threat to Russia’s Security]. *Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, no. 6, pp. 30-41.
7. Ilyin V.A., Povarova A.I. Problemy regional’nogo razvitiya kak otrazhenie effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya [Problems of Regional Development as the Reflection of the Effectiveness of Public Administration]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2014, no. 3, pp. 48-63.
8. Kashin V.A., Abramov M.D. *Nalogovaya sistema – ugroza natsional’noi bezopasnosti Rossii* [Tax System – a Threat to Russia’s National Security]. Available at: http://www.modern-rf.ru/netcat_files/93/47/
9. Orekhovskii P.A. Rossiiskaya nalogovaya sistema i gryadushchii krizis regional’nykh finansov [Russian Fiscal System and the Coming Crises of Regional Finances]. *Federalizm* [Federalism], 2014, no. 1, pp. 141-150.
10. *Ob oblastnom byudzhete na 2015 god i planovyi period 2016 i 2017 godov: zakon Vologodskoi oblasti ot 22.12.2014 g. № 3532-FZ* [On the Oblast Budget for 2015 and for the Planned Period of 2016 and 2017: the Law of the Vologda Oblast of December 22, 2014 No. 3532-FZ].
11. *O prognoze sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Vologodskoi oblasti na 2015–2017: postanovlenie Pravitel’sтва Vologodskoi oblasti ot 27.10.2014 g. № 954* [On the Forecast of Socio-Economic Development of the Vologda Oblast in 2015–2017: Resolution of the Government of the Vologda Oblast of October 27, 2014 No. 954].
12. *Ofitsial’nyi sait Departamenta finansov Vologodskoi oblasti* [Official Website of the Vologda Oblast Department of Finance]. Available at: <http://df35.ru/>
13. *Ofitsial’nyi sait Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF* [Official Website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/>
14. *Ofitsial’nyi sait PAO “Severstal”* [Official Website of PAO Severstal]. Available at: <http://www.severstal.ru/>
15. *Ofitsial’nyi sait Federal’nogo kaznacheistva Rossii* [Official Website of the Federal Treasury of Russia]. Available at: <http://www.roskazna.ru/>
16. *Ofitsial’nyi sait Federal’noi nalogovoi sluzhby Rossii* [Official Website of the Federal Tax Service of Russia]. Available at: <http://www.nalog.ru/>
17. Petrov Yu.A. K formirovaniyu novoi ekonomicheskoi modeli: restriksiya byudzhetnykh raskhodov ili povyshenie sobiraemosti nalogov? [About Shaping a New Economic Model: Restriction of Budget Expenditures or Better Fiscal Performance?]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2013, no. 4, pp. 24-39.
18. Povarova A.I. Ob usloviyakh i merakh povysheniya effektivnosti obshchestvennykh finansov (kriticheskie zametki) [About the Conditions and Measures to Improve the Effectiveness of Public Finance (Critical Notes)]. *Ekonomist* [The Economist], 2014, no. 3, pp. 68-71.
19. Solyannikova S.P. Upravlenie gosudarstvennymi finansami: zayavlennye printsipy i real’nost’ [Public Finance Management: Declared Principles and Reality]. *Ekonomist* [The Economist], 2014, no. 4, pp. 44-58.
20. Tatarkin A.I. Dialektika gosudarstvennogo i rynochnogo regulirovaniya sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya regionov i munitsipalitetov [Dialectics of Public and Market Regulation of a Region and Municipality Socioeconomic Development]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2014, no. 1, pp. 9-30.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.11

УДК 332.144, ББК 65.05

© Козицина А.Н., Филимонок И.В.

Стратегическая взаимосвязь инновационного развития и управления кадровым потенциалом региона

**Анастасия Николаевна
КОЗИЦИНА**

ассистент кафедры маркетинга, Институт управления бизнес-процессами и экономики, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Сибирский федеральный университет (660074, г. Красноярск, ул. Киренского, д. 26а, ауд. Д 4-28, kozitsina55@mail.ru)

**Ирина Владимировна
ФИЛИМОНЕНКО**

кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник, зав. кафедрой маркетинга, Институт управления бизнес-процессами и экономики, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Сибирский федеральный университет (660074, г. Красноярск, ул. Киренского, д. 26а, ауд. Д 4-28, Ifilimonenko@sfu-kras.ru)

Аннотация. Современная концепция модернизации экономики Российской Федерации, выдвинутая федеральными органами исполнительной власти, предусматривает инновационную модель развития. Считается, что только инновации способны решить множество задач, стоящих перед российской экономикой, и прежде всего – повышения ее конкурентоспособности.

Одной из проблем российской инновационной системы является отсутствие комплекса ресурсов либо их неэффективное использование среди отдельных направлений развития инновационной деятельности: устаревшие производственные мощности и научно-исследовательская база исследовательских организаций; старение кадров; ограниченный доступ к финансовым ресурсам. От наличия и состояния этих ресурсов, от возможностей их использования – другими словами, от выбора стратегии инновационного развития напрямую зависит эффективность инновационной деятельности региона. В статье рассматривается классификация его инновационных стратегий. Так как важнейшим фактором достижения инновационного развития экономики является повышение качества кадрового потенциала, авторами поднимается проблема стратегического соответствия между инновационным развитием региона и управлением кадровым потенциалом.

На основе предложенной методики авторы определяют стратегию инновационного развития Красноярского края, придерживаясь методики стратегического соответствия, а также дают рекомендации по управлению кадровым потенциалом региона.

В статье использовались аналитические и статистические методы исследования, научные публикации отечественных и зарубежных учёных по данной проблеме. Результаты исследования могут применяться в реализации концепции инновационного развития региона.

Ключевые слова: инновационное развитие, инновационная стратегия, стратегия инновационного развития, стратегия управления кадровым потенциалом, стратегическое соответствие, инновационная экономика, кадровый потенциал.

В условиях перехода экономики региона к инновационному развитию трансформация её потребностей в ресурсах (производственных, финансовых, кадровых и пр.) обуславливает необходимость изменения сложившихся подходов к их воспроизводству. Традиционно одним из важнейших факторов-ресурсов инновационного развития экономической системы любого хозяйственного уровня является её кадровый потенциал [17], от состояния которого, прежде всего, зависят масштабы и качество результатов научных исследований и научно-технических разработок. Поэтому этап становления инновационной экономики требует выбора определенной стратегии развития с учетом специфических требований к параметрам кадрового потенциала.

Целью данного исследования является достижение стратегической взаимосвязи инновационного развития региона и управления кадровым потенциалом.

Для достижения данной цели необходимо определить тип инновационной стратегии развития региона на основе расчета интегрального показателя инновационного роста, установить вид стратегии управления кадровым потенциалом, соответствующий типу инновационной стратегии развития, сформулировать стратегические направления формирования кадрового потенциала региона.

Согласно определениям, принятым в экономической науке, стратегия инновационного развития региона понимается как система долгосрочных целей и задач, направленных на увеличение инновационной активности и наращивание инновационного потенциала региона, способов использования средств и ресурсов, обеспечивающих разработку, внедрение и распространение новаций и механизмов их реализации [1, 2, 18, 19].

Следует отметить, что в экономической науке, несмотря на большое количество исследований, не сложилось единой типологии, фиксирующей существенные различия стратегий инновационного развития регионов.

Объяснением этому является разнообразие целей и акцентов научных исследований, в частности: факторная обусловленность; элементный состав; структурные трансформации; экономические механизмы и пр.

В соответствии с целью данного исследования, в качестве критериев классификации стратегии инновационного развития предлагается использовать обобщенную скорость изменения показателей науки, технологий и инноваций, обеспечивающих инновационную активность региона. Это позволит, используя классификацию глобальных стратегий развития американских экономистов М. Мескона и Ф. Хедоури,

выделить три вида стратегий инновационного развития (рост, ограниченный рост, сокращение) [16]:

- *стратегия роста* характеризуется ежегодным наращиванием показателей развития науки, технологий и инноваций по сравнению с уровнем предыдущего года (рис. 1а):

$$X_j^{t+1} > X_j^t,$$

где X_j^t – показатель (j), характеризующий развитие науки, технологий или инноваций в период (t);

X_j^{t+1} – значения тех же показателей (j) в последующем периоде ($t+1$);

- *стратегия ограниченного роста* – увеличением показателей развития науки, технологий или инноваций по сравнению с уровнем предыдущего периода, не превышающим величину, обеспеченную ростом уровня инфляции (рис. 1б):

$$X_j^t < X_j^{t+1} \leq X_j^t + \Delta X_j^t(i),$$

где $\Delta X_j^t(i)$ – увеличение показателя развития науки, технологий или инноваций, вызванное ростом уровня инфляции (i) в период (t);

- *стратегия сокращения* – снижением достигнутого уровня изучаемых показателей по сравнению с уровнем предыдущего периода (рис. 1в):

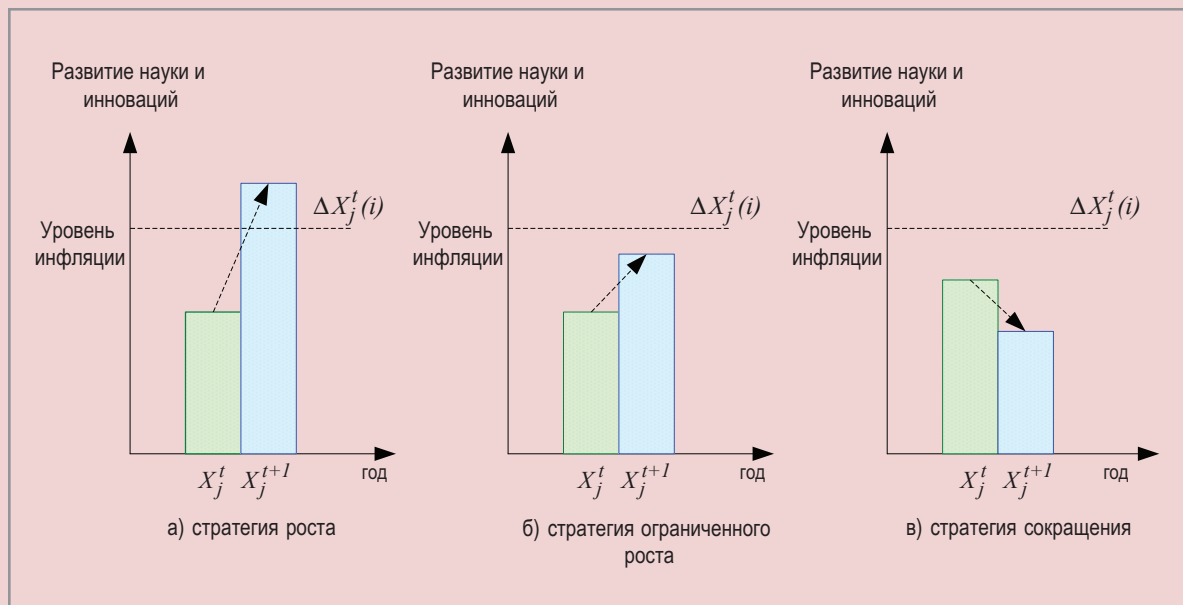
$$X_{j+1} < X_j.$$

Построение системы показателей инновационной активности региона проведено с учетом анализа мирового опыта [4, 20], особенностей формирования потенциалов инновационного развития российскими регионами [21, 22], наличия статистической информации, необходимой для анализа. Система охватывает три группы показателей.

Показатели, отражающие состояние кадрового потенциала региона для развития науки и инноваций:

- численность студентов образовательных учреждений высшего и среднего

Рисунок 1. Стратегии инновационного роста

Источник: составлено авторами.

профессионального образования на 10 000 человек населения — характеристика резерва пополнения доли высококвалифицированных специалистов;

- численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, — характеристика масштаба занятости в сфере науки, потенциала увеличения суммы научных знаний и поиска новых областей их применения;

- численность исследователей, имеющих ученую степень, — характеристика квалификации работников, занимающихся исследованиями и разработками.

Показатели активности и результативности инновационной деятельности:

- число организаций, выполняющих научные исследования и разработки;

- доля организаций, осуществляющих технологические, организационные или маркетинговые инновации, в общем числе организаций;

- число используемых передовых производственных технологий;

- число получивших охрану результатов интеллектуальной деятельности;

- объем инновационных товаров, работ, услуг;

- удельный вес вновь внедренных или подвергавшихся значительным технологическим изменениям товаров, работ, услуг организаций региона в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг.

Показатели затрат на технологические инновации, научные исследования и разработки:

- удельный вес затрат на НИОКР в валовом региональном продукте характеризует материальную базу научных исследований, наличие и обновление оборудования, возможность апробации и внедрения результатов исследования на практике, уровень оплаты труда занятых в НИОКР;

- доля внебюджетных средств в затратах на НИОКР.

Для определения типа инновационной стратегии региона необходимо по каждому единичному показателю его инновационной активности сформировать статистические ряды данных; рассчитать индексы показателей на основе отношения значений единичных показателей в конце исследуемого периода к их среднему значению за анализируемый временной интервал; рассчитать интегральный показатель инновационного развития региона (α) на основе средней арифметической индексов единичных показателей.

Определение типа стратегии инновационного развития происходит согласно следующему правилу:

- если величина интегрального показателя меньше единицы ($\alpha < 1,0$), тип региональной стратегии инновационного развития — *сокращение*;

- если величина интегрального показателя возросла в пределах установленного уровня инфляции ($1,0 < \alpha < 1+i$), тип стратегии — *ограниченный рост*;

- если величина интегрального показателя превышает показатели прошлых лет ($\alpha > 1+i$), тип стратегии — *рост*.

Результаты расчетов для Красноярского края на основе использования статистических данных за пять лет — с 2009 по 2013-й — представлены в *таблице*. Расчеты темпов роста единичных показателей и интегрального показателя ($\alpha = 1,3$) позволили установить тип инновационной стратегии — *ограниченный рост*, поскольку значение интегрального показателя не превышает величину официально установленного уровня инфляции за 2013 год (6,45%). Положительную динамику имеет большая часть рассматриваемых показателей, максимально влияют на интегральный показатель инновационной активности региона показатели «объем инновационных товаров, работ, услуг» и «удельный вес вновь внедренных или подвергав-

Расчет интегрального показателя инновационного роста Красноярского края

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	Ср. зн.	2013/ ср. зн.
1. Численность студентов образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования на 10 000 человек населения	620	601	557	557	847	636	1,33
2. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.	6299	6475	6748	6353	7273	6629	1,10
3. Численность исследователей, имеющих ученую степень, чел.	790	823	850	839	837	827	1,01
4. Число организаций, выполняющих научные исследования и разработки, ед.	52	54	53	52	52	52	0,99
5. Доля организаций, осуществляющих технологические, организационные или маркетинговые инновации, в общем числе организаций	12,2	10,0	10,2	9,5	11,2	10	1,05
6. Число используемых передовых производственных технологий, ед.	1352	1937	1979	2261	2388	1983	1,20
7. Число получивших охрану результатов интеллектуальной деятельности	561	518	474	529	499	516	0,97
8. Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн. руб.	3 895	4 957	11 694	35 800	53 874	22 044	2,44
9. Удельный вес вновь внедренных или подвергавшихся значительным технологическим изменениям товаров, работ, услуг организаций региона в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	0,6	0,5	1,1	3,4	5,1	2,2	2,36
10. Внутренние затраты на научные исследования и разработки, млн. руб.	5572	6961	8908	10548	9736	8345	1,17
11. Доля внебюджетных средств в затратах на НИОКР	58,3	77,3	106,9	45,3	42,1	65,9	0,64
Интегральный показатель (α)							1,3
Составлено по: Данные статистики Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krasstat.gks.ru .							

шихся значительным технологическим изменениям товаров». В то же время среди единичных показателей инновационного развития региона выделены три показателя с отрицательной динамикой, среди них: «число организаций, выполняющих научные исследования и разработки», «число получивших охрану результатов интеллектуальной деятельности», «доля внебюджетных средств в затратах на НИОКР».

В результате проведенных расчетов (см. таблицу) установлено, что становление и развитие инновационной экономики ре-

гиона в большей степени обусловлено как прямым (первая группа показателей – п. 1–3), так и косвенным (показатели результативности – п. 7–9) влиянием кадрового потенциала. Вклад данных показателей в интегральный показатель (α) инновационного развития Красноярского края составляет 64,7%. Таким образом, выполненное исследование позволило обосновать важность стратегии управления кадровым потенциалом для обеспечения инновационного роста региональной экономической системы.

Вместе с тем, в условиях перехода экономики региона к инновационной модели развития, наблюдается ряд взаимосвязанных проблем в отношении управления кадровым потенциалом.

Во-первых, в результате данных процессов *изменяются внутренние потребности экономики*, ориентированные на ресурсоэффективные и инновационные технологии, приводящие, в свою очередь, к необходимости изменения *качественного состава* (профессионально-квалификационного) *кадрового потенциала* региона.

Во-вторых, *технологическая многоукладность* экономики региона обуславливает существование *сегментов*, находящихся на разных стадиях экономического развития и предъявляющих *различные потребности* к качеству и составу кадрового потенциала.

В-третьих, *отраслевая неравномерность* инновационной активности приводит к необходимости одновременного воспроизводства в региональной экономической системе кадров, *традиционных* для экономики региона, и формирования кадрового потенциала *нового качества* для потребностей инновационного развития.

Следовательно, особенности становления инновационной экономики региона обуславливают формирование и выбор различных стратегий управления кадровым потенциалом, вертикально интегрированных со стратегией развития региона и являющихся ее неотъемлемой частью [3]. Вертикальная интеграция необходима для обеспечения согласованности стратегии развития региона и стратегии формирования, использования и управления кадровым потенциалом в целях достижения синергетического эффекта от их взаимодействия.

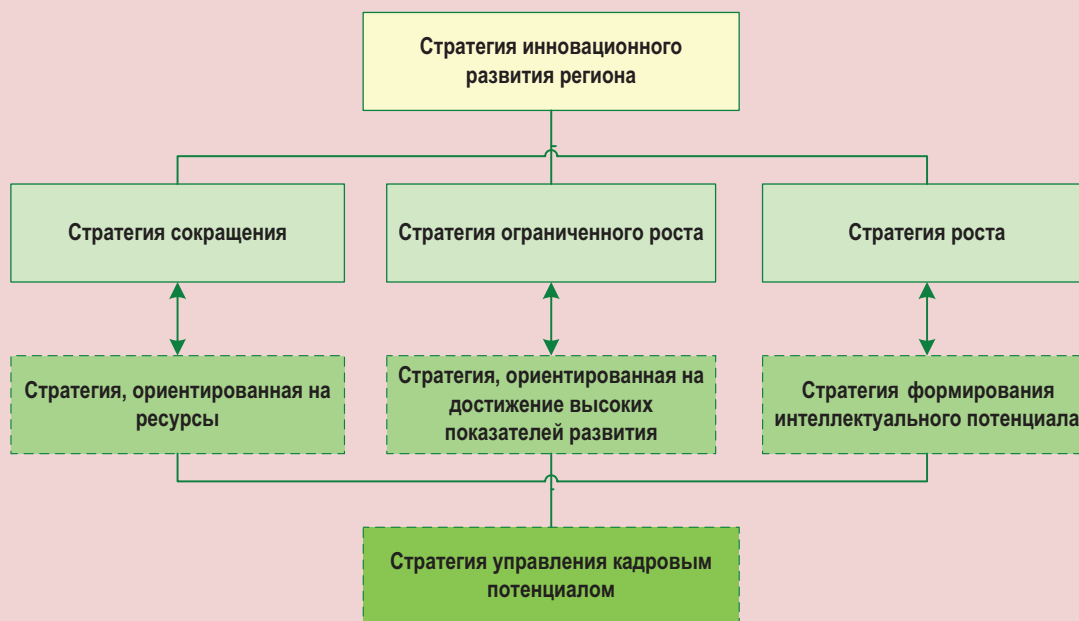
В соответствии с типологией Майкла Армстронга можно выделить три стратегии управления кадровым потенциалом региона [3]:

- стратегия, ориентированная на ресурсы;
- стратегия, ориентированная на достижение высоких показателей развития;
- стратегия формирования интеллектуального потенциала, ориентированная на высокий уровень участия и приверженности.

Установим логическую взаимосвязь между стратегиями инновационного развития региона и управления кадровым потенциалом региона (*рис. 2*).

Поскольку *стратегия сокращения* характеризуется снижением инновационной активности, развитие экономики региона реализуется в большей степени за счет социально-экономических факторов, следовательно, кадровый потенциал региона отличается стабильной профессионально-квалификационной структурой (по уровням, направлениям и квалификациям профессиональной подготовки), традиционной для экономики региона. В этих условиях его стратегия управления кадровым потенциалом ориентирована на повышение эффективности использования трудовых ресурсов. Целью данной стратегии является достижение стратегического соответствия между ресурсами и благоприятными возможностями получения добавленной стоимости от их эффективного использования. Тип стратегии – *ориентированная на ресурсы* – подчеркивает прямую зависимость результатов деятельности профессиональных кадров от затрат на повышение уровня социально-личностных компетенций (дисциплинированность, ответственность, трудолюбие) и поддержку необходимого уровня профессиональных компетенций (образование, квалификация) [3].

Рисунок 2. Стратегическое соответствие инновационного развития экономики региона и управления кадровым потенциалом

Источник: составлено авторами.

Стратегия ограниченного роста, являясь промежуточным звеном на пути перехода к инновационной модели развития, не предполагает качественных изменений в структуре кадрового потенциала региона, допуская при этом количественные перераспределения трудовых ресурсов между профессионально-квалификационными группами (по уровням, направлениям и квалификациям профессиональной подготовки). Данная стратегия ориентирована на увеличение масштабов экономики в целом и умеренные показатели инновационного роста, достигаемые за счет разработки программ стимулирования и мотивации трудовых ресурсов в целях реализации крупномасштабных инвестиционных проектов развития, использования новых форм занятости (вахтовый метод, неполная занятость и пр.), напрямую влияющих на рост производительности труда, качество выполняемых

работ и получение добавленной стоимости. Тип стратегии управления кадровым потенциалом — *ориентированная на достижение высоких показателей развития* — подчеркивает зависимость результатов деятельности профессиональных кадров от расширения спектра их компетенций (профессиональные, организационные, социально-личностные и др.) [3].

Стратегия инновационного роста экономики характеризуется качественным изменением спроса в отношении профессиональных кадров, обуславливающим качественные изменения структуры (новые уровни профессиональной подготовки, специальности, профессии) кадрового потенциала региона. Тип стратегии управления профессиональными кадрами — *формирование интеллектуального потенциала региона*, ориентированное на достижение высокого уровня участия профессиональных кадров в разработке,

внедрении и распространении инноваций (глубокие знания предметной области, нестандартность мышления, умение работать не только в команде, но и автономно, готовность к непрерывному обучению, повышению квалификации, готовность к нововведениям и переменам). При таком варианте развития необходимым условием является формирование приверженности профессиональных кадров не только за счет высокого уровня доверия и партнерских отношений с работодателями [3], но и в результате продуманной региональной политики инновационного развития, среди задач которой должны быть обозначены [23]:

- снижение неопределенности относительно направлений инновационного развития региона;

- содействие организации активных форм сотрудничества предприятий и университетов, способных оказать позитивное влияние на качество интеллектуального потенциала;

- поддержка (налоговая, ресурсная, коммуникационная) развития инновационных производств, возникновения новых рабочих мест, удержания высококвалифицированных работников и привлечения специалистов из других регионов.

Таким образом, по мнению Р. Нильсона и Э. Фелпса, значение кадрового потенциала региона повышается с увеличением

инновационного содержания выполняемых задач и технологических изменений [4, с. 69].

Результаты расчета интегрального показателя инновационного развития позволили определить тип инновационной стратегии роста Красноярского края – *ограниченный рост*. На основании установленного стратегического соответствия наиболее приемлемая стратегия управления кадровым потенциалом региона – *ориентированная на достижение высоких показателей развития*. Основными стратегическими направлениями развития кадрового потенциала региона целесообразно принять разработку программ управления занятостью на территории региона с использованием форм внутрирегиональной мобильности; повышение эффективности подготовки профессиональных кадров с расширенным спектром компетенций (профессиональные, организационные, социально-личностные и др.) для обеспечения потребностей инвестиционного развития региона; выявление потребностей инновационного развития экономики в целях формирования программ подготовки высококвалифицированных интеллектуальных работников, обладающих фундаментальными знаниями, способных эффективно использовать современные технологии, имеющих склонность к инновационному мышлению и созиданию.

Источники

1. Ильенкова, С.Д. Инновационный менеджмент: учебник [Электронный ресурс] / С.Д. Ильенкова, Л.М. Гохберг, С.Ю. Ягудин; под ред. С.Д. Ильенковой. – М.: Юнити, 1997. – 306 с. – Режим доступа: <http://www.vipstudent.ru/index.php?q=lib&r=13&id=1194190608&p=34>
2. Пиканов, М.И. Формирование стратегии инновационного развития региона / М.И. Пиканов // Экономика и управление. – 2011. – № 4 (77). – С. 58-62.
3. Армстронг, М. Практика управления человеческими ресурсами [Электронный ресурс] / М. Армстронг. – Режим доступа: http://thelib.ru/books/maykl_armstrong/praktika_upravleniya_chelovecheskimi_resursami-read-11.html (дата обращения: 11.12.2013).
4. Nelson, R. Investment in humans, technological diffusion, and economic growth / R. Nelson, E. Phelps // American Economic Review: Papers and Proceedings. – 1966. – No. 51 (2). – P. 69-75.

5. Фурсик, С.Н. Качество человеческого потенциала как фактор инновационного развития экономики региона / С.Н. Фурсик // Проблемы развития территории. – 2014. – № 1 (69). – С. 67-81.
6. Гузакова, О.Л. Качество человеческого капитала как фактор экономического роста [Текст]: монография / О.Л. Гузакова, С.Н. Фурсик, С.А. Андронович; науч. ред. О.Л. Гузакова. – Вологда: ВГПУ, 2011. – 118 с.
7. Шабунова, А.А. Трудовой потенциал региона [Текст]: учеб. пособие для вузов / А.А. Шабунова, Е.А. Чекарцева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 95 с.
8. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. [Текст] / под редакцией А.А. Аузана и С.Н. Бобылева. – М.: ПРООН в РФ, 2011. – 146 с.
9. Зарубина, Н.Н. Человеческие ресурсы российской модернизации: к новой парадигме исследования [Текст] / Н.Н. Зарубина // Вестник МГИМО-Университета. – М.: МГИМО(У). – 2010. – № 6 (15). – С. 7-14.
10. Человеческий капитал и проблемы формирования инновационной экономики: монография / Л.Г. Симкина, М.М. Критский, Т.Л. Судова, Т.А. Селищева и др. – СПб.: СПбГИЭУ, 2007. – 227 с.
11. Тихонова, Н.Е. Человеческий потенциал российских модернистов и перспективы модернизации в России [Текст] / Н.Е. Тихонова // Terra economicus. – 2012. – Т. 10. – № 1. – С. 135-146.
12. Гулин, К.А. К вопросу о социально-экономической модернизации российских регионов [Текст] / К.А. Гулин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 4. – С. 42-58.
13. Человеческий капитал и проблемы формирования инновационной экономики: монография / Л.Г. Симкина, М.М. Критский, Т.Л. Судова, Т.А. Селищева и др. – СПб.: СПбГИЭУ, 2007. – 227 с.
14. Корчагин, Ю.А. Человеческий капитал – сущность, идеология, развитие [Электронный ресурс] / Ю.А. Корчагин. – Режим доступа: <http://www.lerc.ru>
15. Инновационный менеджмент: учебник [Электронный ресурс] / С.Д. Ильенкова, Л.М. Гохберг, Н.Д. Ильенкова и др. – 2000. – Режим доступа: <http://www.irbis.vegu.ru>
16. Мескон, М. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М., 2009. – 672 с.
17. Петрухина, Е.В. Интеллектуально-кадровый потенциал инновационного развития региона [Электронный ресурс] / Е.В. Петрухина, Л.И. Губарева // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 1. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/107-8363>
18. Коробейников, О.П. Стратегическое поведение: от разработки до реализации / О.П. Коробейников, В.Ю. Колесов, А.А. Трифилова // Менеджмент в России и за рубежом. – 2002. – № 3. – С. 88-129.
19. Леонов, С.Н. Разработка стратегии регионального развития (пример Дальнего Востока России) [Текст] / С.Н. Леонов // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2009. – № 2 (т. 2). – С. 59-70.
20. Hollanders, H. Regional Innovation Scoreboard (RIS) 2009 / H. Hollanders, S. Tarantola, A. Loschky // Pro Inno Europe. – 2009. – С. 4.
21. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. – Вып. 2 / под ред. Л.М. Гохберга. – М.: Национальный исследовательский университет ВШЭ, 2014. – 88 с.
22. Дубинин, А.С. Сущность и методы оценки инновационной активности региона / А.С. Дубинин // Вестник Новгородского государственного университета. – 2011. – № 61. – С. 22-26.
23. Лагутина, Л.Г. Использование форсайта в процессе управления интеллектуальным потенциалом региона / Л.Г. Лагутина // Экономические науки. – 2009. – № 4 (53). – С. 169-171.

Kozitsina A.N., Filimonenko I.V.

Strategic relationship between innovation development and management of human resources potential in the region

Anastasiya Nikolaevna Kozitsina – Teaching Assistant at the Marketing Department, Institute for Management of Business Processes and Economy, Federal State Autonomous Institution of Higher Professional Education Siberian State University (26A, Kirensky Street, room D 4-28, Krasnoyarsk, 660074, Russian Federation, kozitsina55@mail.ru)

Irina Vladimirovna Filimonenko – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Research Associate, Head of the Marketing Department, Institute for Management of Business Processes and Economy, Federal State Autonomous Institution of Higher Professional Education Siberian State University (26A, Kirensky Street, room D 4-28, Krasnoyarsk, 660074, Russian Federation, Ifilimonenko@sfu-kras.ru)

Abstract. The modern concept for modernization of Russia's economy, put forward by the federal executive authorities, provides for an innovation development model. It is believed that only innovation is able to solve many problems that the Russian economy faces, and first of all, the enhancement of its competitiveness.

One of the problems of Russia's innovation system consists in the lack of resources and in their inefficient use in certain directions of development of innovation activity: outdated production capacities and facilities and equipment at research organizations; ageing of staff; limited access to financial resources. The availability and condition of these resources, the opportunities for their usage – in other words, the choice of innovation development strategy, all these factors determine the effectiveness of innovation activity in the region. The article provides a classification of the region's innovation strategies. Due to the fact that the most important factor in achieving innovation economic development is the improvement of the quality of human resources, the authors highlight the issue of strategic compliance between the innovation development of the region and human resources management.

The authors define the strategy for innovative development of Krasnoyarsk Krai on the basis of the proposed methodology according to the methodology of strategic compliance; they also give recommendations on human resources management in the region.

The authors use analytical and statistical methods of research, and they take into consideration relevant scientific publications of domestic and foreign scientists. The research findings can be applied in the implementation of the concept for innovation development of the region.

Key words: innovation development, innovation strategy, innovation development strategy, human resources management strategy, strategic compliance, innovation economy, human resources potential.

References

1. Il'enkova S.D., Gokhberg L.M., Yagudin S.Yu. *Innovatsionnyi menedzhment: uchebnik* [Innovation Management: Textbook]. Ed. by S.D. Il'enkova. Moscow: Yuniti, 1997. 306 p. Available at: <http://www.vipstudent.ru/index.php?q=lib&r=13&id=1194190608&p=34>
2. Pikanov M.I. Formirovanie strategii innovatsionnogo razvitiya regiona [Formation of the Strategy for Innovation Development of the Region]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2011, no. 4 (77), pp. 58-62.
3. Armstrong M. *Praktika upravleniya chelovecheskimi resursami* [A Handbook of Human Resource Management Practice]. Available at: http://thelib.ru/books/maykl_armstrong/praktika_upravleniya_chelovecheskimi_resursami-read-11.html (Accessed December 11, 2013).
4. Nelson R., Phelps E. Investment in Humans, Technological Diffusion, and Economic Growth. *American Economic Review: Papers and Proceedings*, 1966, no. 51 (2), pp. 69-75.
5. Fursik S.N. Kachestvo chelovecheskogo potentsiala kak faktor innovatsionnogo razvitiya ekonomiki regiona [Quality of Human Capital as a Factor Promoting Innovation Development of the Region's Economy]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2014, no. 1 (69), pp. 67-81.
6. Guzakova O.L., Fursik S.N., Andronovich S.A. *Kachestvo chelovecheskogo kapitala kak faktor ekonomicheskogo rosta: monografiya* [The Quality of Human Capital as a Factor in Economic Growth: Monograph]. Under scientific editorship of O.L. Guzakova. Vologda: VGPU, 2011. 118 p.
7. Shabunova A.A., Chekmareva E.A. *Trudovoi potentsial regiona: ucheb. posobie dlya vuzov* [Labor Potential of the Region: Textbook for Higher Schools]. Vologda: ISERT RAN, 2010. 95 p.

8. *Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossiiskoi Federatsii za 2011 g.* [National Human Development Report for the Russian Federation 2011]. Ed. by A.A. Auzan and S.N. Bobylev. Moscow: PROON v RF, 2011. 146 p.
9. Zarubina N.N. Chelovecheskie resursy rossiiskoi modernizatsii: k novoi paradigme issledovaniya [Human Resources of Russian Modernization toward a New Research Paradigm]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2010, no. 6 (15), pp. 7-14.
10. Simkina L.G., Kritskii M.M., Sudova T.L., Selishcheva T.A. et al. *Chelovecheskii kapital i problemy formirovaniya innovatsionnoi ekonomiki: monografiya* [Human Capital and the Issues of Building an Innovation Economy: Monograph]. Saint Petersburg: SPbGIEU, 2007. 227 p.
11. Tikhonova N.E. Chelovecheskii potentsial rossiiskikh modernistov i perspektivy modernizatsii v Rossii [Human Potential of the Russian Modernists and the Prospects of Modernization in Russia]. *Terra Economicus*, 2012, vol. 10, no. 1, pp. 135-146.
12. Gulin K.A. K voprosu o sotsial'no-ekonomicheskoi modernizatsii rossiiskikh regionov [On the Issue of Socio-Economic Modernization of Russian Regions]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, no. 4, pp. 42-58.
13. Simkina L.G., Kritskii M.M., Sudova T.L., Selishcheva T.A. et al. *Chelovecheskii kapital i problemy formirovaniya innovatsionnoi ekonomiki: monografiya* [Human Capital and the Issues of Building an Innovation Economy: Monograph]. Saint Petersburg: SPbGIEU, 2007. 227 p.
14. Korchagin Yu.A. *Chelovecheskii kapital – sushchnost', ideologiya, razvitie* [Human Capital: Essence, Ideology, Development]. Available at: <http://www.lerc.ru>
15. Il'enkova S.D., Gokhberg L.M., Il'enkova N.D. et al. *Innovatsionnyi menedzhment: uchebnik* [Innovation Management: Textbook]. 2000. Available at: <http://www.irbis.vegu.ru>
16. Mescon M., Albert M., Khedouri F. *Osnovy menedzhmenta* [Management]. Moscow, 2009. 672 p.
17. Petrukhina E.V., Gubareva L.I. Intelektual'no-kadrovyy potentsial innovatsionnogo razvitiya regiona [Intellectual and Personnel Potential of Innovation Development in the Region]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Issues of Science and Education], 2013, no. 1. Available at: <http://www.science-education.ru/107-8363>
18. Korobeinikov O.P., Kolesov V.Yu., Trifilova A.A. Strategicheskoe povedenie: ot razrabotki do realizatsii [Strategic Behavior: from Design to Implementation]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and Abroad], 2002, no. 3, pp. 88-129.
19. Leonov S.N. Razrabotka strategii regional'nogo razvitiya (primer Dal'nego Vostoka Rossii) [Development of the Strategy for Regional Development (Case Study of Russia's Far East)]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and Public Administration Projection], 2009, no. 2, vol. 2, pp. 59-70.
20. Hollanders H., Tarantola S., Loschky A. Regional Innovation Scoreboard (RIS) 2009. *Pro Inno Europe*, 2009, p. 4.
21. *Reiting innovatsionnogo razvitiya sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Innovative Development Rating of the Russian Federation Subjects]. Issue 2. Ed. by L.M. Gokhberg. Moscow: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet VShE, 2014. 88 p.
22. Dubinin A.S. *Sushchnost' i metody otsenki innovatsionnoi aktivnosti regiona* [Essence and Methods of Estimation of Innovation Activity in the Region]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Novgorod State University], 2011, no. 61, pp. 22-26.
23. Lagutina L.G. Ispol'zovanie forsaita v protsesse upravleniya intellektual'nym potentsialom regiona [The Use of Foresight in the Management of the Region's Intellectual Potential]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic Sciences], 2009, no. 4 (53), pp. 169-171.

Оценка эффективности направлений развития особо охраняемых природных территорий Республики Коми*

**Татьяна Вячеславовна
ТИХОНОВА**

кандидат экономических наук, доцент, зав. лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, tikhonova@iespn.komisc.ru)

Аннотация. В статье представлен алгоритм управления особо охраняемых природных территорий (ООПТ) региона. Этот алгоритм включает в себя последовательное выполнение следующих процедур: принятие обязательств по сохранению биоразнообразия; планирование мероприятий по сохранению природных комплексов и их реализация; оценка, анализ результатов и разработка рекомендаций по улучшению управления. Согласно данному алгоритму проведена апробация на модельных объектах – особо охраняемых природных территориях федерального и регионального значения. В ходе выполнения мероприятий выявлены источники финансирования особо охраняемых модельных объектов: средства бюджета всех уровней; грантовые и благотворительные средства; средства, полученные от оказания услуг по осуществлению рекреационного отдыха и туризма. Для семи объектов показаны финансовые стратегии их развития и проведен анализ бизнес-планов по ним. Результаты социологического опроса населения об эффективности внедрения бизнес-планов показали, что предоставление разнообразных положительных эффектов от существования ООПТ отличается в большую сторону, чем ограничения, которые испытывают местные жители. Это относится к возможностям и формам сотрудничества, вклада в социально-экономическое развитие региона. Предложены мероприятия по организации рекреационного отдыха для жителей региона. Наиболее интересен для них, особенно горожан, отдых выходного дня, затраты на который составляют 2 тыс. руб./чел. Данный вид отдыха может организовать поток 200 тыс. чел/год при условии предоставления необходимого спектра услуг, особенно касающегося детского досуга. Для туристического отдыха, наоборот, необходимо максимальное удешевление затрат (5 тыс. руб./чел. за маршрут), предоставление минимальных услуг, при этом

* Публикация выполнена в рамках Программы интеграционных фундаментальных исследований УрО РАН, проект 12-И-7-2070 «Инструменты и механизмы реализации социально-экономической политики северных территорий».

ежегодный поток данной категории туристов может составить 40 тыс. чел. Другим направлением совершенствования состояния ООПТ может стать организация природных парков традиционной направленности. На примере модельных объектов ООПТ показана возможность рационального ведения природоохранных работ при допустимой рекреационной деятельности, что и составляет не консервацию, а «развитие» данных территорий.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, биоразнообразиие, экосистемные услуги, рекреационные ресурсы, экологический туризм, бизнес-план.

Сегодня стало очевидным, что задачи сохранения окружающей среды и экономического развития взаимосвязаны, так как, разрушая и истощая природу, невозможно обеспечить устойчивое экономическое развитие территории. Одной из важнейших задач на пути к устойчивому развитию должно стать сохранение территорий с пока еще уцелевшими, ненарушенными экосистемами. На ее решение направлена и сформированная к настоящему времени в стране система особо охраняемых природных территорий (ООПТ).

Главной задачей соблюдения принципов устойчивого развития территории является, с одной стороны, многоплановое использование лесных ресурсов, включающее лесозаготовку и ее переработку, рекреацию, сбор дикоросов, торговлю лесными квотами и т.д., с другой — использование природных ресурсов в размерах, не противоречащих восстановительной способности экосистем и возможности сохранения природного капитала для будущих поколений. Богатый опыт экспериментальных исследований на территории РФ [1, 2, 3, 4] позволил сформулировать общий алгоритм принятия управленческих решений по ресурсным и природоохранным проблемам, который заключается в непрерывном и последовательном перечне действий:

- принятие обязательств и стратегии сохранения биоразнообразия;
- планирование и реализация мероприятий по сохранению природных комплексов;

- оценка, анализ результатов и разработка рекомендаций по улучшению управления.

Основная цель алгоритма — непрерывное повышение эффективности управления для предотвращения истощения ресурсов и экосистемных услуг, предоставляемых на территориях. Схема таких действий является общей стратегией устойчивого развития в контексте территориального развития и закреплена международными стандартами, такими как ISO 14001 (табл. 1).

Выгоды от использования алгоритма состоят в улучшении институциональных условий сохранения биоресурсов, создании информационного блока данных, содействии повышению выгод от использования ресурсов и благ окружающей среды. Основываясь на опыте проекта ПРООН/ГЭФ Коми «Сохранение биоразнообразия первичных лесов в районе верховьев реки Печора Республики Коми», представим основные результаты.

Природно-заповедный фонд республики насчитывает 240 ООПТ, 238 из которых республиканского значения. Самые значимые — Печоро-Ильчский государственный природный заповедник (ПЗ) и национальный парк (НП) «Югыд ва» в 1995 г. включены в Список Всемирного наследия природы под общим названием «Девственные леса Коми». Охраняемые объекты регионального значения занимают существенную часть общей площади ООПТ (около 2,7 млн. га). С учётом возможности

Таблица 1. Алгоритм управления сохранением биоразнообразия на территории ООПТ

№ п/п	Этап	Процедура	Базовые инструменты
1.	Принятие обязательств и стратегии сохранения биоразнообразия	Выявление основных проблем и угроз	Данные социологических опросов населения, полевые исследования
		Оценка социальной и экологической значимости	Исследования в соответствии с методологией эколого-экономического учета (ООН)
		Определение основных направлений совершенствования экологической политики	Нормативно-правовые положения, инструкции, институциональное и финансовое обеспечение
2.	Планирование мероприятий по сохранению биоразнообразия	Выявление потоков природных ресурсов и экосистемных услуг и определение групп их пользователей	Полевые исследования
		Определение экономической ценности ресурсов и услуг	Экономическая оценка природных ресурсов и экосистемных услуг
		Анализ распределения выгод от их использования	
		Анализ финансовых затрат на сохранение биоразнообразия	Бизнес-планы развития ООПТ
3.	Реализация мероприятий по сохранению биоразнообразия	Разработка инструментов реализации выбранных направлений деятельности Учет традиций природопользования	
4.	Оценка результатов	Оценка эффективности	Контрольная деятельность, социологические опросы
5.	Анализ и улучшение направлений управления	Анализ трендов экономической ценности природных ресурсов и экосистемных услуг и разработка мер и рекомендаций	Прогнозирование динамики состояния природных ресурсов, способов и характера их использования

их эксплуатации практически все объекты используются местным населением и жителями региона.

Принятие обязательств и стратегии сохранения биоразнообразия

Проблемы сохранения биоразнообразия могут быть сформулированы на основе анализа данных опроса населения и данных экспертов о результатах полевых исследований. Инвентаризация ООПТ региона началась еще в 2005 г. под руководством Министерства природных ресурсов Республики Коми. Благодаря подключенному с 2008 г. проекту ПРООН/ГЭФ Коми к 2013 г. инвентаризация была завершена, накоплен огромный объем материала полевых исследований как по биологическим, так и по социальным вопросам. В ходе выполнения работ в 2006 и 2013 гг. проводились опросы

жителей близлежащих к ООПТ населенных пунктов. Опрос местных жителей в 2013 г. (504 человека) включал в себя категории сельских и городских жителей, туристов, работников ООПТ и органов местного самоуправления.

По данным проведенного социологического опроса местного населения основные угрозы для биоразнообразия природных комплексов ООПТ региона включают в себя: браконьерство со стороны «коррумпированной верхушки и бизнеса» (62% респондентов), браконьерство «безработного местного населения сопредельных сел и деревень» (36%), а также «негативное влияние промышленных объектов» (27% респондентов) [5]. Низкий уровень жизни сельского, особенно коренного и старожильческого, населения способствует браконьерству в

том случае, когда появляется спрос на эти ресурсы. Фактическая безнаказанность за превышение изъятия природных ресурсов леса и водных объектов приводит к появлению организованных групп браконьеров из числа жителей городов и работников предприятий, находящихся в непосредственной близости от объектов ООПТ. В число идентифицированных угроз экосистемам и биологическому разнообразию ООПТ Республики Коми входят: незаконная вырубка леса, нерегулируемая заготовка недревесной продукции, браконьерство, включая незаконную охоту и рыболовство, проникновение инвазивных видов, нерегулируемый туризм, добыча нефти и газа, горнорудная промышленность, строительство дорог и линейных сооружений, лесные пожары.

Социальная и экологическая значимость объектов охраны заключается в неистощительном использовании людьми природных ресурсов и экосистемных услуг. В соответствии с методологией эколого-экономического учета (ООН), поток выгод от использования природных ресурсов и экосистемных услуг составляет основную ценность территории. Поэтому экологическая политика должна быть нацелена на *сохранение и увеличение этой ценности* при строгом соблюдении природоохранных режимов. В связи с этим на начальных этапах обязательно проводится экономическая оценка ресурсов и услуг, как это было представлено в ранее опубликованных статьях [6, 7].

Эстетическая ценность ООПТ может быть наиболее привлекательным фактором создания условий для экологического туризма и рекреационного отдыха жителей региона. В «Стратегии развития туризма в РФ на период до 2020 года» предусматривается внедрение въездного туризма на ООПТ, включая создание условий и инфраструктуры.

Согласно обследованию всей территории региона по состоянию ООПТ предло-

жено перевести ряд комплексных заказников и памятников природы в ранг природных парков, что позволит акцентировать внимание на рекреационном отдыхе и экологическом туризме [8]. К таким объектам относятся «Белый» и «Белоборский». Необходимо наделить Министерство природных ресурсов Республики Коми правом определять особенности использования и охраны ООПТ регионального значения, контролировать доступ к ним и взимать входную дифференцированную плату за пользование природными ресурсами и благами. В таком случае регион будет полномочным хозяином всех ресурсов, имеющихся на охраняемых территориях.

Планирование мероприятий по сохранению биоразнообразия

На основе полевых исследований и наблюдений, изучения документации, анализа статистической информации выявляются природные ресурсы и комплексы, которые пользуются реальным спросом, тем самым формируются потоки использования. Так, по данным тринадцати объектов региона, общей площадью около 1,367 млн. га, были проведены оценки *потоков природных ресурсов и экосистемных услуг*. В их число вошли: ресурсы леса — дровяная древесина, недревесные ресурсы (ягоды, грибы, лекарственные растения, орехи), сено (сенокосение); рекреационные, рыбные и охотничьи ресурсы; ресурсы оленьих пастбищ; поглощение углерода лесами и водными объектами; водорегулирование болот и водоочистная функция лесных и водных экосистем. При этом основными пользователями данных потоков стали: местное население, приезжие туристы, мировое сообщество и бизнес [9, 10, 11].

Экономическая оценка осуществляется в соответствии с методологией эколого-экономического учета (ООН) и применением рыночных и нерыночных методов оценок:

- прямой рыночной (древесные и недревесные лесные ресурсы, ресурсы охоты и рыбные ресурсы);
- косвенной рыночной (поглощение углерода);
- определения экономического ущерба (оленьи пастбища);
- транспортно-путевых затрат (рекреационные и туристические ресурсы);
- компенсационных затрат (водорегулирование и водоочистка).

Результаты данных оценок и их анализ ранее опубликованы в статьях [6, 12] и в обобщенном виде представлены в *таблице 2*.

Так, удельные показатели среднегодовой экономической оценки объектов ООПТ варьируются: для крайнесеверной тайги – от 190 до 310 руб./га в год; для северной тайги – от 8 до 220 руб./га в год; для средней тайги – от 200 до 993 руб./га в год. Причем доля глобальных функций экосистем (поглощение углерода и водорегулирование) превалирует для крупных ООПТ. Выявление групп пользователей природных ресурсов и экосистемных услуг осуществляется в ходе полевых исследо-

ваний, определение их размеров – в ходе выполнения их экономической оценки.

Так, распределение выгод различается по ООПТ. За счет того, что получателями выгод от поглощения углерода лесами является мировое сообщество, а водорегулирования – местное население, наиболее подвижной категорией становятся бизнес и приезжие туристы. Следовательно, на тех ООПТ, где осуществляется активная рекреация (в том числе для реализации бизнес-проектов) или браконьерство, их доля возрастает до значений 50–70% [12].

В настоящее время ни одна охраняемая территория регионального значения не финансируется для проведения реальных природоохранных мероприятий. В то же время инспекторы и лесничество не имеют возможности контролировать столь обширные площади объектов, находящиеся в труднодоступных местах региона. Поэтому сохранность многих ООПТ ограничивает от неизбежного браконьерства только этот факт вместе с альтернативами ресурсов на близлежащих территориях. Данные проблемы не могут быть решены без участия

Таблица 2. Результаты экономической оценки ООПТ регионального значения

ООПТ	Площадь, тыс. га	Экономическая ценность, млн. руб./год	Удельный показатель, руб./га/год
<i>Крайнесеверная тайга</i>			
Комплексный заказник «Усинский»	179	33,765	188,6
Болотный резерват «Океан»	139	43,561	313,4
<i>Северная тайга</i>			
Комплексный заказник «Сэбысь»	175	37,192	212,5
Комплексный заказник «Удорский»	242	52,272	216,0
Кедровый заказник «Подчерский»	1,3	0,051	39,2
Кедровый заказник «Сопляский»	0,6	0,039	65,0
Болото «Печорское»	6,4	0,054	8,4
Водный памятник природы «Параськины озера»	0,02	0,377	188,5
<i>Средняя тайга</i>			
Ихтиологический заказник «Ильчский»	532,4	108,556	203,9
Комплексный заказник «Уньинский»	32,4	22,455	693,1
Комплексный заказник «Белоборский»	9,0	8,940	993,3
Комплексный заказник «Белый»	7,8	2,68	343,6
Комплексный заказник «Верхне-Локчимский»	42,4	10,2	240,6

местного населения и более значительных финансовых вложений в охрану природных ресурсов. Основная цель разработки бизнес-планов ООПТ сводится к переориентации неорганизованного потока людей в организованный, обеспечение занятости местного населения, обеспечение охранных мероприятий за счет финансовых поступлений благодаря внедрению финансовых стратегий.

Выбор модельных ООПТ для бизнес-планирования обусловлен значимостью и расположением. Первые два объекта – биосферный Печоро-Ильчский заповедник и национальный парк «Югыд ва» являются не только самыми важными для региона, но и выполняют функции охраны биоразнообразия и рекреационного отдыха в масштабе страны. Остальные объекты (комплексные заказники «Белый», «Белоборский» и водный памятник природы «Параськины озера») расположены вблизи самых крупных городов региона (Ухта и Сыктывкар), что объясняет возможность организации отдыха выходного дня, проведения праздников и просветительских программ. Комплексный заказник «Уньинский» расположен в буферной зоне заповедника и разработка его бизнес-плана направлена на перераспределение потока туристов заповедника при одновременной функции охраны природных ресурсов. Анализ фактических финансовых затрат предполагает выявление всех поступлений, которые расходуются на сохранение биоразнообразия. Эта информация становится базовой для составления бизнес-планов развития, при этом необходимо учитывать, что средства, направляемые из федерального и регионального бюджета для БЗ и НП, расходуются на контрольные и надзорные функции и проведение в последнее десятилетие инвентаризации. Благотворительные средства и иностранные гранты являются переменной величиной и, как правило, ис-

пользуются на начальном этапе внедрения бизнес-программ для оборудования инфраструктурных объектов (гостевых домов, беседок, мест стоянок автотранспорта, обустройство утилизации мусора и т.д.). Следует также учитывать факт наличия в большинстве районов региона программ развития туризма, согласно которым происходит ежегодное перечисление средств на организацию объектов туризма, и в частности на ООПТ (Усть-Вымский, Княжпогостский, Удорский и другие районы). Перечисления из различных источников финансирования ООПТ, для которых были разработаны бизнес-планы, представлены в *таблице 3*.

Вследствие недофинансирования, менеджмент ООПТ вынужден полагаться на туризм как источник дохода, однако без развитой инфраструктуры (специально направленной на снижение воздействия на природу) нагрузка на природные комплексы критична и вызывает их деградацию, той же причиной может быть вызвано безответственное использование внешними бизнес-структурами ресурсов и объектов ООПТ. Лишь следствием является дефицит квалифицированных работников, для которых ООПТ не может конкурировать на рынке труда, предлагая низкую оплату труда. Теми же причинами (ООПТ не развивает местные общины, часто оторванные от рынка труда) вызвано и браконьерство как со стороны населения вокруг ООПТ, так и со стороны посетителей. В этой ситуации прибегаем к методу предварительного отбора финансовых стратегий (механизмов), который выполняется на основе данных, собранных методами интервью менеджмента и ведущего штата ООПТ, проведения круглых столов, опроса целевых групп и обзора отчетов предыдущих исследований (*рисунок*).

В зависимости от специфики объектов бизнес-планирования выделяются разные финансовые стратегии (*табл. 4*).

Таблица 3. Источники финансирования ООПТ

Источники финансирования	БЗ	НП	Белоборский	Белый	Уньинский	Параськины озера
Федеральный бюджет	+	+				
Региональный бюджет	+	+	+	+	+	+
Местный бюджет		+				
Проект ПРООН/ГЭФ	+	+	+	+	+	+
Иностранные гранты	+	+				
Благотворительные средства	+	+				
Собственная деятельность	+	+		+		

Предварительный выбор финансовых механизмов

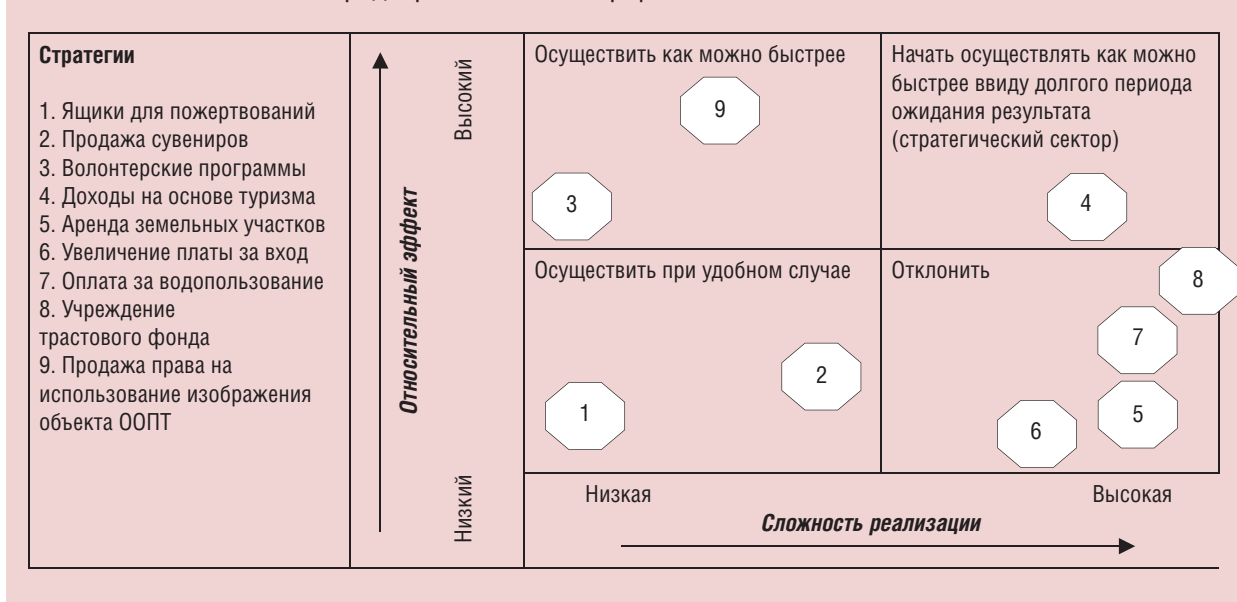

Таблица 4. Финансовые стратегии бизнес-планов развития ООПТ

Стратегии	БЗ	НП	Белоборский	Белый	Уньинский	Параськины озера
Федеральный бюджет	+	+				
Региональный бюджет			+	+		+
Местный бюджет			+	+	+	+
Иностранные гранты	+	+	+	+	+	
Благотворительные средства	+	+	+	+	+	+
Туризм	+	+	+	+	+	+
Аренда территории и объектов		+	+	+		+
Право изображения, печатная продукция, рекламные акции	+	+				
Мультимедийная энциклопедия	+	+				
Визит-центр		+	+	+		+
Вклад волонтеров			+	+		

Так, для брендовых ООПТ поступление средств, помимо поступлений от проведения туризма, может быть обеспечено за счет создания мультимедийных информационных источников, продажи печатных изображений и рекламы, установки ящиков для добровольных пожертвований.

Для «пригородных» охраняемых объектов приемлемо вовлечение волонтеров, организация рыбохозяйственных производств, переработки грибо-ягодной продукции, визит-центров с проведением просветительских мероприятий.

Реализация мероприятий по сохранению биоразнообразия

Бизнес-план ООПТ является гибким инструментом финансирования программ плана управления ООПТ и их систем (табл. 5).

Согласно разработанным бизнес-планам, туристические услуги включали в себя: спортивный туризм (велосипедный, пеший, лыжный, на байдарках, на лодках), организацию семейного и корпоративного отдыха, проведения учебных практик для студентов и школьников, наблюдения за

животными и птицами (видеосъемки), проведения праздников и спортивных состязаний (на собачьих упряжках, соревнования по спортивному ориентированию, пейнтболу), любительского лова рыбы, туристических маршрутов по исторической тематике.

Учет традиций природопользования заключается в вовлечении местного населения в программы развития ООПТ. Так, практически для всех объектов были предусмотрены рабочие места для населения в сфере сопровождения туристов, организации охраны, обслуживания гостевых домов, досуга. Проведенное социологическое обследование населения (504 человека), проживающего вблизи от ООПТ, доказывает готовность сотрудничества в сфере сопровождения, проведения строительных работ, изготовления лодок, сувениров (56% респондентов).

Так, распределение по категориям респондентов следующее: местное население сельских пунктов Печорского района – 22%; местное население сельских пунктов Вуктыльского района – 100 %; местное

Таблица 5. Программы бизнес-планов ООПТ

Программа	БЗ	НП	Белоборский	Белый	Уньинский	Параськины озера
Управление и техническая поддержка	+	+	+	+	+	+
Охрана территории	+	+	+	+	+	+
Восстановление нарушенных комплексов		+	+			
Научные исследования	+	+	+	+	+	
Эко-просвещение	+	+	+	+		+
Реорганизация системы охраны	+	+	+			
Поддержка финансирования	+	+	+	+	+	+
Сохранение традиционного образа жизни и культуры населения	+	+	+	+	+	+

Таблица 6. Сведения по социальному фактору бизнес-планирования ООПТ

	БЗ	НП	Белоборский	Белый	Уньинский	Параськины озера
Число посетителей, чел./год	1 900	4 840	17 000	8 100	100	1 000
Число рабочих мест, шт.	24	20	14	12	23	7

население сельских пунктов Троицко-Печорского района – 68%; жители городов региона – 52%; туристы из региона – 57%; представители органов местного самоуправления этих же районов – 50% [5]. Социальный фактор чрезвычайно важен для социально-экономического развития территории региона, вследствие чего предоставление рабочих мест, средств для охраны ООПТ, обеспечение контроля и личная заинтересованность населения в неистощительном использовании ресурсов является обязательным разделом бизнес-плана (табл. 6) [9, 10, 11, 12, 14].

Оценка результатов

Результативность мероприятий оценивается с позиции эколого-экономической эффективности, когда снижение качества или деградация природных комплексов не может быть компенсировано инвестициями в другие виды капитала.

Таким образом, при внедрении бизнес-проектов должна быть сохранена или повышена ценность природных ресурсов и экосистемных услуг. Наиболее приемлемым способом является контрольная деятельность, которая фиксирует использование природных ресурсов и услуг и изменения природных объектов. Это позволяет проводить мониторинговый сопоставительный анализ антропогенной нагрузки и природной среды к восприятию этой нагрузки. Сочетание туризма и образовательной и научной деятельности на одной территории должно обеспечивать рациональное использование ресурсов и мониторинг за его изменениями. Проведение внешнего контроля должно осуществляться со стороны ГБУ РК «Центр по ООПТ» Министерства природных ресурсов региона в форме отчетов на бумажных носителях и выездов на территории объектов ежеквартально.

Таблица 7. Сведения о взаимодействии местных жителей и ООПТ

Категории респондентов	Вклад в социально-экономическое развитие региона				Характер взаимодействия	
	Важна для поддержания качества жизни, %	Дает развитие местной экономике, %	Предоставляет рабочие места, %	Ограничивает развитие региона, %	Ограничивает традиционную деятельность, %	Ограничивает посещение, %
Сельские жители Печорского района (98 чел.)	35	29	4	6	30	47
Сельские жители Вуктыльского района (8 чел.)	100	нет				
Городские жители (162 чел.)	53	28	11	16	31	46
Сельские жители п. Якша (39 чел.)	62	36	31	нет		28
Сельские жители Троицко-Печорского района (25 чел.)	52	44	40	нет	12	36
Туристы региона (60 чел.)	50	40	10		30	53
Преподаватели и студенты (61 чел.)	69	20	20		38	21
Руководство местных органов власти (40 чел.)	50	53	23	3	18	45
Работники ООПТ (11 чел.)	64	45	27	нет	18	нет
Всего (504 чел.)	52	32	15	7	30	38

Внутренний контроль производится по всем программам руководителем ООПТ в форме отчетов.

Учитывая незначительный срок (2–3 года) реализации проектов бизнес-планирования на территории, обследованию подверглись лишь два объекта – биосферный Печоро-Ильчский заповедник и национальный парк «Югыд ва». В социологическом опросе участвовало местное население сельских (15 сел и поселков) и городских населенных пунктов (городов Вуктыл, Инта и Печора) в количестве 504 респондентов. В результате получены следующие данные: по уровню доступности для населения, возможности сотрудничества, роли ООПТ в социально-экономическом развитии прилежащих населенных пунктов (табл. 7). Несмотря на административные и финансовые ограничения охраняемые объекты население считает доступными – 54% всех опрошенных; малодоступным – 32%. Ограничения в доступе объясняются большими затратами на ГСМ, экипировку, неудовлетворительным состоянием дорог и туристической инфраструктурой. В той же степени отражается готовность к сотрудничеству, особенно для тех жителей, которые желают получить рабочие места. Наибольший вклад в волонтерскую деятельность готовы внести местные туристы (20% опрошенных), в среднем эта доля составляет 8% респондентов [5].

Как видно из таблицы предоставление разнообразных положительных эффектов от существования ООПТ отличается в большую сторону, чем ограничения, которые испытывают местные жители.

Однако, мероприятия по привлечению жителей сопредельных парку и заповеднику территорий не достаточны, вследствие чего и изменения в оценке услуг также незначительны. До сих пор не реализованы проекты по эффективному использованию недревесных ресурсов леса (организация на месте их переработки).

Анализ и улучшение направлений управления

Анализ улучшения должен касаться всех направлений деятельности ООПТ – охраны природных ресурсов, финансовых и социальных показателей. Осуществление рекреационной и туристической деятельности формирует финансовые поступления и обеспечивает занятость местного населения, вследствие чего нами был проведен социологический опрос: жителей пяти муниципальных образований (Сыктывкар, Инта, Печора, Усинск и Ухта) и семи муниципальных районов (Ижемский, Усть-Вымский, Усть-Куломский, Троицко-Печорский, Княжпогостский, Прилузский и Койгородский).

Всего опрошено 604 человека, количество городских жителей составило 83%. Категория молодых (20–25 лет) респондентов доминирует (42%), остальные возрастные категории представлены равномерно по доле участия (25–35 лет – 15%; 35–50 лет – 26% и 50 лет и более – 17%). Задачами анкетирования являлось выявление предпочтений по видам отдыха, перечню необходимых услуг и объемов приемлемых затрат на его проведение.

В результате проведенного анализа получены следующие выводы:

- жители региона хорошо осведомлены и имеют богатый опыт посещения ООПТ с целью отдыха и туризма (56% респондентов, из которых 18% – посещают ООПТ каждый год и чаще; целями посещения являются рекреация (60%) и спортивный туризм (16%), лишь у 8% опрошенных целью посещения ООПТ является производственная необходимость);

- предпочтения по организации отдыха разделяются на две категории – вне региона (41% респондентов) и на территории региона (53% респондентов), причем отдых последних воспринимается как желание эстетического наслаждения и тишины;

– предпочтения наиболее ожидаемых видов услуг для *отдыха выходного дня* заключаются в следующем перечне (по убывающей степени значимости): проведение экскурсий, услуги бани, прокат рыболовного и спортивного снаряжения и организация палаточного лагеря;

– для проведения отдыха в виде *туристических маршрутов* в перечень наиболее значимых услуг вошли: услуги бани, устройство палаточного лагеря, сопровождение маршрутов и прокат спортивного снаряжения;

– гипотетические затраты респондентов на организацию *отдыха выходного дня* распределены равномерно: до 1 тыс. руб./чел. (22%); 1–2 тыс. руб./чел. (37%) и 2–5 тыс. руб./чел. (30%);

– затраты респондентов на организацию туристического отдыха отнесены к категории 2–5 тыс. руб./чел. (35%) и 1–2 тыс. руб./чел. (29%);

– в качестве дополнительных видов услуг респондентами предложены: организация досуга детей, расширение рекреационных зон с обеспечением услуг для отдыха всей семьи; охват зимних видов отдыха — купание в проруби, катание на снегоходах, собачьих упряжках.

Большинство респондентов (87%) отдадут предпочтение отдыху в регионе при одновременном более длительном отдыхе за его пределами. Обследование показало, что наиболее предпочтителен для жителей региона, особенно горожан, отдых выходного дня, затраты на который составляют 2 тыс. руб./чел.

Значительная доля респондентов (30%), готовых тратить на отдых выходного дня от 2 до 5 тыс. руб./чел., учитывая предпочтения отдыха в кругу семьи, предполагают обеспечение услуг хорошего качества. Данный вид отдыха может организовать поток 200 тыс. чел./год при условии предоставления необходимого спектра услуг, особенно

касающегося детского досуга. Для туристического отдыха, наоборот, необходимы максимальное удешевление затрат (5 тыс. руб./чел. за маршрут), предоставление минимальных услуг (баня, сопровождение маршрутов и прокат спортивного оборудования), при этом ежегодный поток данной категории туристов (жителей региона) может составить 40 тыс. чел. Необходимо создавать комфортные условия отдыха для регионального жителя, тем самым обеспечивая занятость населения, расширять сферу услуг и их качество, формировать, особенно для молодой категории граждан, образ «здорового отдыха».

Другим направлением совершенствования состояния ООПТ может стать организация природных парков традиционной направленности. Наиболее приемлемыми объектами и территориями могут стать комплексный заказник «Сэбысь» (Ижемский район), «Удорский» (Удорский район) и участок площадью 25 тыс. га в районе д. Еремеево и п. Приуральский (Трицко-Печорский район). Учитывая многовековой опыт жителей данных территорий (оленоводство, рыболовство и охота «коми-ижемцев», «удорачи»), их традиционный уклад, навыки, накопленные временем, богатство природных ресурсов (животные, птицы, грибы и ягоды), опыт проведения туризма, разнообразных праздников, данные территории могут существовать за счет выполнения природоохранных и социально-экономических программ развития.

Важным шагом по данному пути является зонирование площади объектов по сферам деятельности и лимитирование изъятия ресурсов. Вне зоны особой охраны предлагается осуществлять регулируемый познавательный, сельский, событийный, охотничий, рыболовный, экологический и спортивный туризм с организацией специальных мероприятий по сохранению животного и растительного мира.

К числу таких мероприятий могут быть отнесены: обязательный мониторинг за состоянием ресурсов, создание подкормочных площадок, кормушек, кормовых полей и солонцов и т.д.

Для минимизации негативного воздействия на природную среду на некоторых заказниках целесообразно развитие коневодства. Это может способствовать расширению рекреационной возможности объектов в виде конных прогулок и походов. Занятость местного населения может быть обеспечена и развитием рыбозаготовки, пчеловодства, вольерного содержания охотничьих животных и т.д. Таким образом, организация территорий традиционного

природопользования позволит не только сохранить биоразнообразие, но и улучшить экономическое положение местного сельского населения, сохранить культуру и привычные формы природопользования.

Наиболее острая проблема сохранения биоразнообразия в Республике Коми заключается в сокращении возможностей финансирования. Это не региональная, а системная проблема, свидетельствующая о необходимости изменения подходов к управлению ООПТ. Накопленный опыт управления может быть использован не только для этого региона, но и для других территорий со схожими природными и социально-экономическими условиями.

Литература

1. Комплексная экономическая оценка лососевых Камчатки / С.Н. Бобылев, С.В. Соловьева, А.В. Стеценко, П.В. Касьянов. – М.: Права человека, 2008. – 64 с.
2. Красовская, Т.М. Природопользование Севера России / Т.М. Красовская. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
3. Тишков, А.А. Биосферные функции природных систем России / А.А. Тишков. – М.: Наука, 2005. – 309 с.
4. Экономическая оценка особо охраняемых природных территорий Камчатки: практические результаты и их значение для сохранения биоразнообразия (на примере природного парка «Быстринский») / Г.А. Фоменко, М.А. Фоменко, А.В. Михайлова, Т.Р. Михайлова; науч. ред. Г.А. Фоменко. – Ярославль: АНО НИПИ «Кадастр», 2010. – 156 с.
5. Давыдова, Н.В. Опрос местных жителей о влиянии ООПТ на среду их обитания и деятельность [Электронный ресурс] / Н.В. Давыдова: отчет по проекту ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия первичных лесов в районе верховьев реки Печора Республики Коми». – Сыктывкар, 2013. – URL: <http://www.undp-komi.org>
6. Тихонова, Т.В. Социально-экономическая оценка особо охраняемых природных территорий (на примере заказников Республики Коми) / Т.В. Тихонова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда. – 2011. – № 2 (14). – С. 144-157.
7. Тихонова, Т.В. Стратегия развития особо охраняемых природных территорий в целях использования и сохранения биоресурсов и экосистемных услуг / Т.В. Тихонова // Экономика региона. – Екатеринбург, 2012. – № 3 (31). – С. 150-160.
8. Особо охраняемые природные территории Республики Коми: итоги анализа пробелов и перспективы развития / Коллектив авторов. – Сыктывкар, 2011. – 256 с.
9. Белых, А.В. Бизнес-план водного памятника природы «Параськины озера» [Электронный ресурс] / А.В. Белых: отчет по проекту ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия первичных лесов в районе верховьев реки Печора Республики Коми». – Сыктывкар, 2012. – URL: <http://www.undp-komi.org>
10. Носова, Е.С. Бизнес-план комплексного заказника «Белый» [Электронный ресурс] / Е.С. Носова, отчет по проекту ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия первичных лесов в районе верховьев реки Печора Республики Коми». – Сыктывкар, 2013. – URL: <http://www.undp-komi.org>
11. Тихонова, Т.В. Бизнес-план развития комплексного заказника «Уньинский» [Электронный ресурс] / Т.В. Тихонова: отчет по проекту ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия первичных лесов в районе верховьев реки Печора Республики Коми». – Сыктывкар, 2012. – URL: <http://www.undp-komi.org>

12. Бизнес-план национального парка «Югыд ва» [Электронный ресурс]: отчет по проекту ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия первичных лесов в районе верховьев реки Печора Республики Коми». – Вуктыл, 2011. – URL: <http://www.undp-komi.org>
13. Тихонова, Т.В. Развитие системы особо охраняемых природных территорий Республики Коми / Т.В. Тихонова // Экономика региона. – Екатеринбург, 2013. – № 3 (35). – С. 132-142
14. Бизнес-план Печоро-Илычского государственного природного биосферного заповедника [Электронный ресурс]: отчет по проекту ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия первичных лесов в районе верховьев реки Печора Республики Коми». – Якша, 2010. – URL: <http://www.undp-komi.org>
15. Зими́на, И.В. Бизнес-план комплексного заказника «Белоборский» [Электронный ресурс] / И.В. Зими́на: отчет по проекту ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия первичных лесов в районе верховьев реки Печора Республики Коми». – Сыктывкар, 2012. – URL: <http://www.undp-komi.org>

Tikhonova T.V.

Evaluation of the efficiency of development of specially protected natural areas in the Republic of Komi

Tat'yana Vyacheslavovna Tikhonova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Laboratory Head, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation, tikhonova@iespn.komisc.ru)

Abstract. The article presents an algorithm for the management of specially protected natural areas in the region. This algorithm consists of the following procedures: assumption of the obligation to preserve biodiversity; planning and implementation of activities to preserve natural complexes; evaluation, analysis of results and development of recommendations to improve management. According to this algorithm the procedures were tested on model objects – specially protected natural territories of federal and regional importance. In the course of implementation of these activities the sources of funding of specially protected model objects were identified: the funds of budgets of all levels; grants and charitable contributions; funds received from the provision of recreation and tourism services. The financial strategies of development were provided, and the business plans were analysed for seven natural reserves. The results of a sociological survey concerning the effectiveness of implementation of business plans show that positive effects from the existence of protected areas are much more pronounced than the limitations experienced by local residents. This refers to the opportunities and forms of cooperation and contribution to socio-economic development in the region. The activities for the organization of recreation for residents in the region are proposed. Recreation at the weekend, the costs of which amount to two thousand rubles/person, is most interesting to the region's residents, especially to urban residents. This type of recreation can organize a flow of 200 thousand people per year, if the necessary range of services, especially children's leisure, is provided. Leisure tourism, on the contrary, requires the maximum reduction of cost (five thousand rubles/person for the route), and the provision of minimum number of services; the annual flow of this category of tourists may reach 40 thousand people. Establishment of conventional natural parks can be another way to improve the condition of protected areas. The possibility of rational nature management carried out along with recreational activity that promotes the development of these areas is shown on the example of model objects of specially protected natural areas.

Key words: specially protected natural areas, biodiversity, ecosystem services, recreational resources, ecological tourism, business plan.

References

1. Bobylev S.N., Solov'eva S.V., Stetsenko A.V., Kas'yanov P.V. *Kompleksnaya ekonomicheskaya otsenka lososevykh Kamchatki* [Comprehensive Economic Assessment of Salmon in Kamchatka]. Moscow: Prava cheloveka, 2008. 64 p.

2. Krasovskaya T.M. *Prirodopol'zovanie Severa Rossii* [Nature Management in the North of Russia]. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2008. 288 p.
3. Tishkov A.A. *Biosfernnye funktsii prirodnykh sistem Rossii* [Biospheric Functions of Natural Systems in Russia]. Moscow: Nauka, 2005. 309 p.
4. Fomenko G.A., Fomenko M.A., Mikhailova A.V., Mikhailova T.R. *Ekonomicheskaya otsenka osobo okhranyaemykh prirodnykh territorii Kamchatki: prakticheskie rezul'taty i ikh znachenie dlya sokhraneniya bioraznoobraziya (na primere prirodnogo parka "Bystrinskii")* [Economic Assessment of Specially Protected Natural Areas of Kamchatka: Practical Results and Their Importance for Preservation of Biodiversity (Case Study of Bystrinsky Nature Park)]. Scientific editor G.A. Fomenko. Yaroslavl: ANO NIPI "Kadastr", 2010. 156 p.
5. Davydova N.V. Opros mestnykh zhitelei o vliyaniy OOPT na sredu ikh obitaniya i deyatel'nost' [Survey of Local Residents concerning the Impact of Specially Protected Natural Areas on Their Environment and Activities]. *Otchet po projektu PROON/GEF "Sokhraneniye bioraznoobraziya pervichnykh lesov v raione verkhov'ev reki Pechora Respubliki Komi"* [Report on the UNDP/GEF/EU Project "Conservation of Virgin Forest Biodiversity in the Pechora River Headwaters Region"]. Syktyvkar, 2013. Available at: <http://www.undp-komi.org>
6. Tikhonova T.V. Sotsial'no-ekonomicheskaya otsenka osobo okhranyaemykh prirodnykh territorii (na primere zakaznikov Respubliki Komi) [Socio-Economic Estimation of the Particularly Protected Natural Territories (by the Example of the Komi Republic Preserves)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2011, no. 2 (14), pp. 144-157.
7. Tikhonova T.V. Strategiya razvitiya osobo okhranyaemykh prirodnykh territorii v tselyakh ispol'zovaniya i sokhraneniya bioresursov i ekosistemnykh uslug [Strategy of Protected Areas Development in Purposes of Using and Keeping Bioresources and Ecosystem Services]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2012, no. 3 (31), pp. 150-160.
8. *Osobo okhranyaemye prirodnye territorii Respubliki Komi: itogi analiza probelov i perspektivy razvitiya* [Specially Protected Natural Areas of the Republic of Komi: the Results of the Gap Analysis and Prospects of Development]. Syktyvkar, 2011. 256 p.
9. Belykh A.V. Biznes-plan vodnogo pamyatnika prirody "Paraskiny ozera" [Business Plan for the Natural Water Monument "Paraskiny Lakes"]. *Otchet po projektu PROON/GEF "Sokhraneniye bioraznoobraziya pervichnykh lesov v raione verkhov'ev reki Pechora Respubliki Komi"* [Report on the UNDP/GEF/EU Project "Conservation of Virgin Forest Biodiversity in the Pechora River Headwaters Region"]. Syktyvkar, 2012. Available at: <http://www.undp-komi.org>
10. Nosova E.S. Biznes-plan kompleksnogo zakaznika "Belyi" [Business Plan for Belyi Integrated Reserve]. *Otchet po projektu PROON/GEF "Sokhraneniye bioraznoobraziya pervichnykh lesov v raione verkhov'ev reki Pechora Respubliki Komi"* [Report on the UNDP/GEF/EU Project "Conservation of Virgin Forest Biodiversity in the Pechora River Headwaters Region"]. Syktyvkar, 2013. Available at: <http://www.undp-komi.org>
11. Tikhonova T.V. Biznes-plan razvitiya kompleksnogo zakaznika "Un'inskii" [Business Plan for the Development of Un'inskii Integrated Nature Reserve]. *Otchet po projektu PROON/GEF "Sokhraneniye bioraznoobraziya pervichnykh lesov v raione verkhov'ev reki Pechora Respubliki Komi"* [Report on the UNDP/GEF/EU Project "Conservation of Virgin Forest Biodiversity in the Pechora River Headwaters Region"]. Syktyvkar, 2012. Available at: <http://www.undp-komi.org>
12. Biznes-plan natsional'nogo parka "Yugyd va" [Business Plan for Yugyd Va National Park]. *Otchet po projektu PROON/GEF "Sokhraneniye bioraznoobraziya pervichnykh lesov v raione verkhov'ev reki Pechora Respubliki Komi"* [Report on the UNDP/GEF/EU Project "Conservation of Virgin Forest Biodiversity in the Pechora River Headwaters Region"]. Vuktyl, 2011. Available at: <http://www.undp-komi.org>
13. Tikhonova T.V. Razvitiye sistemy osobo okhranyaemykh prirodnykh territorii Respubliki Komi [Development of Protected Area System of the Komi Republic]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2013, no. 3 (35), pp. 132-142
14. Biznes-plan Pechoro-Ilychskogo gosudarstvennogo prirodnogo biosfernogo zapovednika [Business Plan for Pechora-Ilych Nature Reserve]. *Otchet po projektu PROON/GEF "Sokhraneniye bioraznoobraziya pervichnykh lesov v raione verkhov'ev reki Pechora Respubliki Komi"* [Report on the UNDP/GEF/EU Project "Conservation of Virgin Forest Biodiversity in the Pechora River Headwaters Region"]. Yaksha, 2010. Available at: <http://www.undp-komi.org>
15. Zimina I.V. Biznes-plan kompleksnogo zakaznika "Beloborskii" [Business Plan for Beloborsky Integrated Nature Reserve]. *Otchet po projektu PROON/GEF "Sokhraneniye bioraznoobraziya pervichnykh lesov v raione verkhov'ev reki Pechora Respubliki Komi"* [Report on the UNDP/GEF/EU Project "Conservation of Virgin Forest Biodiversity in the Pechora River Headwaters Region"]. Syktyvkar, 2012. Available at: <http://www.undp-komi.org>

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.13

УДК 338.436.33(476), ББК65.32(4Бел)

© Грибоедова И.А.

Анализ и адаптация опыта диверсификации мировой продовольственной системы в Республике Беларусь

**Ирина Анатольевна
ГРИБОЕДОВА**

кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, Институт экономики НАН Беларуси (220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, каб. 1111, oei2008@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены основные тенденции диверсификации мировой продовольственной системы. Автором обосновано, что в настоящее время динамичность развития и глобализация современной мировой экономики обуславливают необходимость диверсификации агропродовольственного комплекса Беларуси для достижения его независимости от кризисов, снижения рисков неопределенности внешней среды, непредвиденных обстоятельств (экспортные эмбарго и ограничения), изменений потребительских предпочтений и в конечном счете повышения конкурентоспособности, укрепления экономического иммунитета и стабильности.

Одновременно давление избытка предложения продуктов питания в сегментах мирового рынка, обеспеченных платежеспособным спросом, заставляет производителей действовать по принципу «от вилки к ферме». Соответственно, именно предпочтения потребителей являются драйвером зачастую противоречивых и конкурирующих между собой сдвигов в трансформации продовольственных систем. Проведенное исследование свидетельствует, что две разнонаправленные движущие силы – массовое стремление потребителей к готовым продуктам питания с глубокой степенью переработки и растущий элитарный интерес к максимально натуральному здоровому питанию – в совокупности обуславливают прогрессивное развитие производительных сил агропродовольственного комплекса в направлении инновационного поиска разнообразных, адаптированных к потребительскому спросу, наукоемких схем производства, переработки и распределения продуктов питания.

Предложенная классификация основных потребительских типов позволила обосновать приоритет развития принципиально новых видов продуктовых подкомплексов, среди которых значительным экспортным потенциалом и резервом импортозамещения как для Республики Беларусь, так и на всем пространстве Евразийского экономического союза обладают экологические формы

ведения хозяйства. Автором предложена «дорожная карта» диверсификации производства продуктов питания на базе органического (экологически безопасного) сельского хозяйства, принципиальная новизна и актуальность которой заключаются в научном обосновании масштабного комплекса экономических, организационно-управленческих и технико-технологических мероприятий государственного уровня для становления в республике высокоэффективного органического сектора аграрного производства.

Ключевые слова: диверсификация, продовольственная система, потребительский спрос, продукты питания.

Динамичность развития и глобализация современной мировой экономики обуславливают необходимость диверсификации отечественной продовольственной системы для достижения ее независимости от кризисов, снижения рисков неопределенности внешней среды, непредвиденных обстоятельств (экспортные эмбарго и ограничения), изменений потребительских предпочтений и в конечном счете повышения конкурентоспособности, укрепления экономического иммунитета и стабильности агропродовольственного комплекса Беларуси. Вышеперечисленные обстоятельства обусловили **цель проведенной работы** – исследовать эволюцию и выявить мегатренды диверсификации мировой продовольственной системы для научного обоснования новых принципов и направлений адаптации передового опыта в Республике Беларусь.

Экспорт продовольствия является неотъемлемым элементом аграрной политики Республики Беларусь, и, оценивая внешне-экономическую деятельность агропродовольственного комплекса страны с точки зрения обеспечения адекватности продовольственных поставок удовлетворению потребностей мирового рынка, следует отметить, что результаты работы позволили превысить рубеж в 5 млрд. долл. США выручки от экспорта с положительным внешнеторговым сальдо в данной группе товаров. С учетом рациональных норм потребления собственного населения резервы

продовольствия Беларуси позволяют удовлетворить годовую потребность более 60% населения Москвы в мясных продуктах, почти 80% – в молочных товарах и на полтора года обеспечить потребность жителей российской столицы в сахаре.

Однако в настоящее время круг наиболее значимых производимых и экспортируемых продуктов питания узко ограничен. Анализ данных Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) свидетельствует, что на производство молока, мяса КРС и свинины приходится 65% стоимостного объема сельскохозяйственной продукции Беларуси. Из 20 ведущих экспортных позиций республики 95% формируют мясомолочное направление и рафинированный сахар (82 и 13% соответственно). Вследствие угрожающего доминирования низкорентабельной молочной продукции и свежего охлажденного или замороженного мяса в виде туш, полутуш и отрубов, составляющих 59,5% экспорта, он сконцентрирован в областях товарного пространства, не обеспечивающих выход на мировые рынки с продукцией, имеющей высокую долю добавленной стоимости [14].

Следовательно, поиск и адаптация перспективных направлений развития агропродовольственного комплекса являются важнейшим элементом в общегосударственной работе по повышению конкурентоспособности белорусской экономики в целом.

В условиях формирования информационного общества информация становится самостоятельным элементом производительных сил, а ее влияние на экономические решения и создание инновационных алгоритмов хозяйствования выступает одним из системообразующих факторов эффективного поступательного развития, что и обуславливает **актуальность и практическую значимость проведенного анализа основных направлений диверсификации мирового продовольственного рынка.**

Источниками и драйверами развития агропродовольственного комплекса как сферы экономики, максимально ориентированной на конечное потребление общества, являются потребности людей. Видоизменение данных потребностей определяет новые формы общественного разделения труда, обеспечивающие прогрессивное развитие материального производства путем развития производительных сил, что воплощается в форме создания новых видов труда.

В течение предыдущих тысячелетий способ производства продуктов питания отличался значительной степенью консерватизма: еда преимущественно производилась, продавалась и потреблялась традиционными способами в местном масштабе (фактически — в пределах «шаговой» доступности). Сегодня, несмотря на то что до сих пор существуют местные рынки продуктов, произведенных традиционным способом (или традиционным на словах), только за прошедшие несколько последних десятилетий общая картина производства и потребления продуктов питания радикально изменилась в пользу значительного разнообразия так называемых «интернациональных» продуктов. Это особенно заметно в развитых странах, где общество увеличило продовольственную доступность с помощью промышленного производства, а также региональной

и международной торговли продуктами питания. Еда и здоровье, безопасность, устойчивость, удобство, индивидуализм, здоровое старение и аутентичность и т.д. в настоящее время требуют огромной гибкости от национальных продовольственных систем.

Процесс трансформации охватил весь глобальный продовольственный рынок, и последовавшие изменения оказывают все большее влияние на этапы производства, переработки, упаковки, распределения, обмена и потребления продуктов питания, то есть на все этапы пищевой цепи.

Поскольку современный способ аграрного производства представляет собой одну из наиболее сложных производственно-экономических систем, связующих в единое целое виды экономической деятельности так называемого цикла от «от фермы до вилки», далее представлена комплексная картина эволюции мировой продовольственной системы в качестве квинтэссенции научных трудов отечественных и зарубежных ученых, а также практических наработок профильных научно-исследовательских учреждений, затрагивающих проблематику функционирования отдельных этапов пищевой цепи.

Потребление продуктов питания. Хотя потребление является завершающей фазой в продовольственной системе, давление избытка предложения продуктов питания в сегментах мирового рынка, обеспеченных *платежеспособным* спросом, заставляет производителей действовать по принципу «от вилки к ферме». И именно предпочтения потребителей служат драйвером зачастую противоречивых и конкурирующих между собой сдвигов в трансформации продовольственных систем.

1. Изменения в балансе потребляемых продуктов. К примеру, по данным ФАО, в развитых странах уменьшается потребление картофеля, молока и красного мяса,

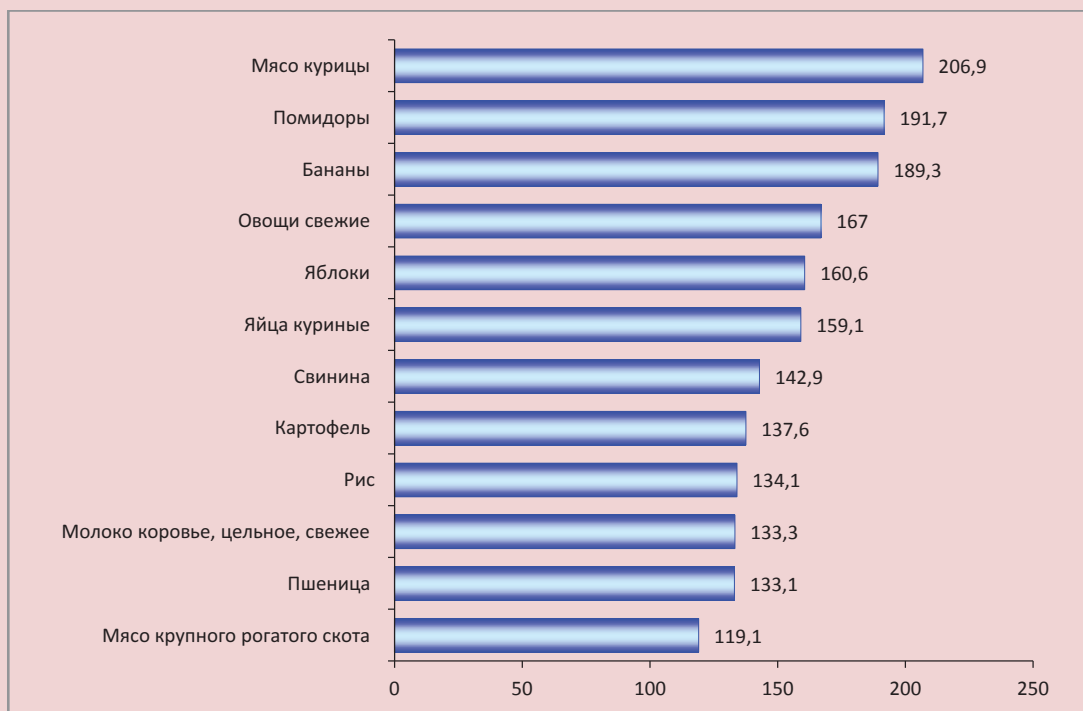
в то же самое время растет потребление фруктов, овощей, свинины, мяса птицы, рыбы и морепродуктов, что отразилось и на общей динамике мирового производства наиболее важных видов продовольственно-го сырья и первичных сельскохозяйственных продуктов (рис. 1).

Одновременно в динамично развивающихся странах основная тенденция – смена в регионе преобладающей доли злаковых на молочные (Индия) и мясные (Китай) продукты. По прогнозам (Steinfeld и др., 2006), глобальный спрос на продукты животного происхождения в период с 2000 по 2050 г. может удвоиться [13].

2. Повышение уровня жизни, перемены в её образе и демографической ситуации, увеличение количества рабочих часов у занятого населения и доли женщин в структуре занятости, доступность разнообразного холодильного оборудования для

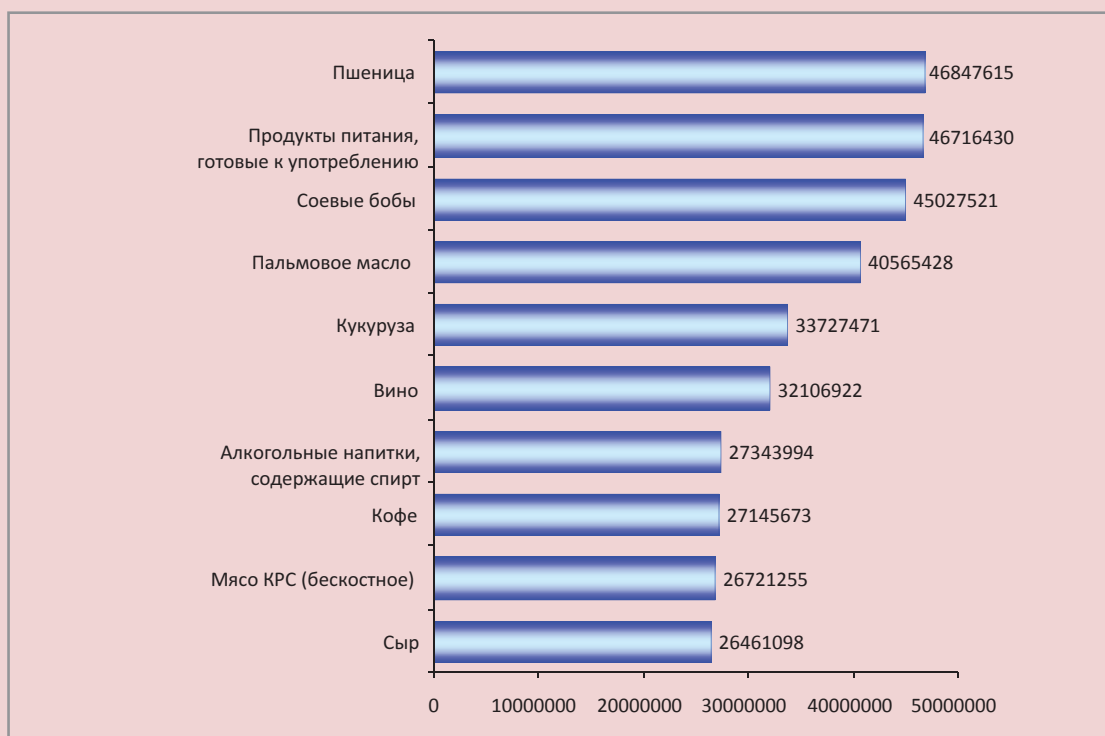
домашних хозяйств и пр. Данные факторы вызывают снижение спроса на свежие продукты и его одновременное увеличение на полуфабрикаты для быстрого приготовления, предварительно обработанные (замороженные или охлажденные) и готовые к употреблению продукты; распад семейного меню в пользу выбора разрекламированного рациона, обладающего скорее качествами, связанными с маркетингом, кино, телевидением, культурой звезд, чем особыми питательными свойствами; рост распространённости «перекусов», приводящий к расширению типов точек питания, особенно точек импульсных покупок (в дополнение к небольшим продовольственным магазинам и киоскам появляются сервисные станции и торговые автоматы); наконец, питание вне дома составляет существенную быстрорастущую долю потребления (Michaelis и Lorek, 2004).

Рисунок 1. Динамика мирового производства наиболее важных видов продовольственного сырья и первичных сельскохозяйственных продуктов, 2011 г., в % к 1994 г.

Примечание. Составлено на основе данных ФАОСТАТ [14].

Рисунок 2. Топ-10 важнейших экспортных товаров мира, 2011 г.

Примечание. Составлено на основе данных ФАОСТАТ [14].

Как итог, в стоимостном объеме мировой торговли продуктами питания категория кулинарных продуктов, включающая продукты питания, готовые к употреблению, и базовые кулинарные продукты, устойчиво занимает лидирующие позиции (рис. 2).

3. Повышение степени осознания риска наряду с социальными опасениями, связанными с проблемами потребления (масса тела, нарушение энергетического баланса, питание по привычке, несбалансированная диета); внимание, уделяемое окружающей среде и вопросам этики (включая защиту животных, условия работы, использование детского труда, условия торговли). Это вызывает развитие диаметрально противоположной тенденции — рост интереса к здоровому питанию, в том

числе увеличение спроса на органические, вегетарианские продукты, продукты без искусственных добавок, а также продукты, приобретенные в соответствии с принципами справедливой торговли [5; 6; 10]. По данным Международной Федерации движений за органическое сельское хозяйство, в 162 странах мира наряду с традиционным сельским хозяйством активно ведётся органическое сельское хозяйство, а объем сертифицированной органической продукции ежегодно возрастает на 20–30% (табл. 1). В настоящее время предложение в данном сегменте глобального продовольственного рынка значительно отстает от быстро растущего спроса, и по оценкам международных экспертов мировой рынок экологически чистой сельхозпродукции в 2020 г. составит 200–250 млрд. долл. США.

Таблица 1. Мировое органическое производство: ключевые индикаторы и страны-лидеры

Индикатор	Значение	Страны-лидеры
Объем рынка органических продуктов	2011: 62,9 млрд. долл. 2000: 15,2 млрд. долл. США	2011: США: 29 млрд. долл. Германия: 6,6 млрд. евро Франция: 3,7 млрд. евро
Страны, сертифицированные для органического агропроизводства	2011: 162 страны 2000: 86 стран	
Органические сельскохозяйственные земли	2011: 37,2 млн. га 1999: 11 млн. га	Австралия: 12 млн. га (2009) Аргентина: 3,8 млн. га США: 1,9 млн. га (2008)
Примечание. Составлено на основе данных [11].		

В соответствии с рассмотренными социально-экономическими тенденциями нами предлагается следующая сегментация основных потребительских типов, на удовлетворение запросов которых должна быть нацелена деятельность агропродовольственного комплекса:

- потребитель, заботящийся о здоровье, предпочитающий свежие продукты, направленные на поддержание здорового образа жизни: например, низкокалорийные продукты с низким содержанием жиров и богатые витаминами и минералами;
- потребитель, заботящийся об окружающей среде, предпочитающий необработанные (свежие) продукты или продукты коротких производственных цепочек, продукты органического сельского хозяйства;
- потребитель, любящий природу и животных, интересующийся методами первичного производства, обеспокоен генетической модификацией, считает защиту животных важной проблемой, сосредоточивается на этической эффективности производственных систем;
- потребитель, который ценит удобство, который предпочитает закуски, фаст-фуд, еду «навынос», готовую к употреблению еду, легкие в приготовлении продукты, ресторанный пищу;
- потребитель, ориентирующийся на оптимальное соотношение цена–качество (например, продукты массового производства, дешевые полуфабрикаты);

– потребитель-гедонист, который предпочитает экзотические фирменные блюда, деликатесы, продукты с добавленной стоимостью, еду в качестве развлечения и приятного времяпрепровождения, ресторанный еду, продукты высокого органолептического качества;

– потребитель, который ищет разнообразие и любит разнообразие полуфабрикатов, компонентов и готовых продуктов для домашней пищи, а также разнообразие типов еды (от тщательно приготовленной изысканной домашней пищи до удобного обеда на стороне) [11; 12].

Безусловно, что ни один потребитель полностью не укладывается в рамки конкретного типа: к примеру, в будние дни может превалировать важность удобства, в то время как в выходные – интерес к деликатесной пище либо забота о здоровом образе жизни. В то же время данная классификация позволяет обосновать ключевые направления диверсификации спроса и новых перспективных видов труда в сфере отечественного производства продовольственного сырья и готовых продуктов питания.

Развитие производительных сил и обусловленные этим сдвиги в видовой структуре продуктов питания целесообразно рассматривать в соответствии с этапами продовольственной цепи. Рассмотрим основные этапы агротехнологической эволюции в исторической ретроспективе (рис. 3).

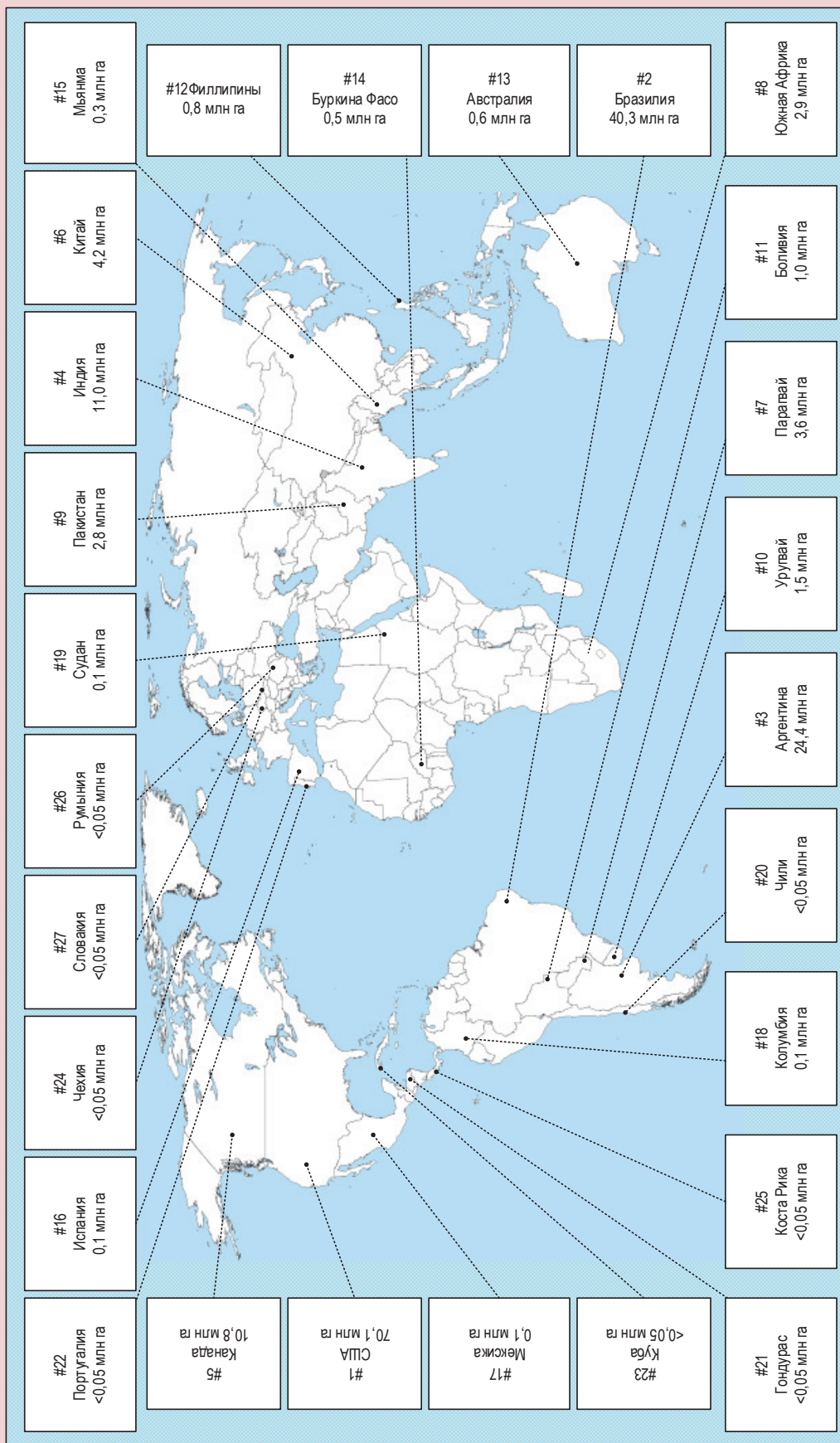
Рисунок 3. Историческая ретроспектива основных этапов агротехнологической эволюции

Производство продовольственного сырья и первичных пищевых продуктов. Как известно, естественные удобрения (вещества органического происхождения) использовались ещё в древнем Китае, а рекомендации по их применению содержались в труде Катона «О земледелии» (Рим, II в. до н.э.). Тем не менее тысячи лет данная

сфера отличалась достаточной степенью технологического консерватизма — до начала использования химических удобрений в XIX в. [5]. Что касается перманентного процесса агротехнологических сдвигов (агрехимических, трансгенных, информационных), то он вошел в наиболее активную фазу в 1940–1970 гг. (рис. 4) и проявляется

Рисунок 4. Общая площадь, занимаемая генетически модифицированными культурами, по отдельным странам мира, 2013 г., млн. га

Примечание. Составлено на основе [9].

с периода начала «зеленой революции» и в настоящее время в виде результатов интегрированного менеджмента в цепи системообразующих факторов сельскохозяйственного производства (новые сорта растений и породы животных – питательные вещества – средства защиты от вредителей и болезней – урожай) [1].

С одной стороны, развитие производительных сил при использовании наукоемких агротехнологий определило резкий скачок эффективности традиционного (конвенционального) сельскохозяйственного производства за счет роста продуктивности сельскохозяйственных растений.

Увеличение производства пшеницы, риса и кукурузы и пропорциональное снижение цен на них не только вызвало рост их непосредственного потребления в пищу, но и обусловило расширение кормовой базы и повышение продуктивности животноводства (тенденция, получившая название «мясная революция»).

Сегодня, в соответствии с определением ведущего белорусско-российского уче-

ного в области постиндустриального развития В. Иноземцева, «*постиндустриальный мир входит в XXI век вполне автономным социальным образованием, контролирующим мировое производство технологий и сложных высокотехнологичных товаров, вполне обеспечивающим себя промышленной и сельскохозяйственной продукцией, относительно независимым от поставок энергоносителей и сырья*» [3]. Именно генерируемые интеллектом знания и их воплощение в уровне развития производительных сил позволяют лидерам постиндустриального мира выйти далеко за пределы роста производительности в сельском хозяйстве и рамки самодостаточности в отношении аграрной сферы.

Реализация Национальной экспортной инициативы (NEI) Администрации США позволила увеличить в 2012 г. экспорт продовольственных и сельскохозяйственных товаров страны на 4 млрд. долл. и достичь его рекордной величины в размере 145 млрд. долл. США. В мировом рейтинге топ-10 экспортеров пшеницы первое место также принадлежит США (табл. 2).

Таблица 2. Индикаторы сельскохозяйственной деятельности отдельных стран мира

Страна	Удельный вес занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятых, 2009-2012 гг., %	Добавленная стоимость на занятого в сельском хозяйстве, 2009-2012 гг., долл. США	Экспорт пшеницы, 2012 г., т	Стоимостной объем экспорта пшеницы, 2012 г., тыс. долл. США	Урожайность зерновых, 2012 г., ц/га
США	2	49817	32789893	11134659	59
Франция	3	76586	20345934	6738299	75
Австралия	3	53777	17657181	5709036	22
Канада	Н/д	59818	16335086	5742111	35
Россия	10	5969	15185953	3671176	19
Аргентина	1	Н/д	8411136	2508660	48
Германия	2	32087	6168890	1981035	69
Украина	17	4375	4097309	1070292	32
Казахстан	26	3533	2891482	609419	10
Бразилия	15	5035	2350720	699110	46

Примечание. Составлено по данным The World Bank [4].

В этой группе лидеров уверенные позиции удерживают и высокоразвитые экономики Европы — Франция и Германия, причем, к примеру, урожайность зерновых во Франции более чем в 20 раз, а производительность труда на одного занятого в сельском хозяйстве более чем в 100 раз превосходят средний показатель для Ботсваны (3,6 ц/га и 762 долл. соответственно).

С другой стороны, интенсификация в виде лавинообразного и зачастую неконтролируемого процесса использования химико-синтетических удобрений и средств защиты, концентрации животноводства в промышленного типа комплексах, увеличения отходов пищевой промышленности, непредсказуемость воздействия ГМО-организмов на окружающую среду и животных, а генетически измененного продовольствия — на человека вызвали обеспокоенность населения ухудшением окружающей среды и собственного здоровья [8].

В результате, как показывает историческая ретроспектива, с начала 1990-х гг. стал развиваться процесс интеграции интенсивных индустриальных, биологических методов и экологизации агропроизводства за счет роста наукоемкости высокопроизводительных органических агротехнологий, в частности, посредством замены химико-синтетических средств экологически чистыми биологическими препаратами (см. рис. 4). Таким образом, диверсификация в сфере производства продовольственного сырья и первичных пищевых продуктов в основном затронула развитие агротехнологий.

Одновременно, несмотря на то что основной видовой состав (укрупненные группы) продукции сельского хозяйства не претерпел существенных изменений, можно констатировать, что развитие селекционно-генетических приемов (селекция на гетерозис, основанная на ис-

пользовании инбридинга и аутбридинга, создание методов направленных мутаций и пр.) способствовало появлению новых сортов и разновидностей сельскохозяйственных культур (в том числе широко известные потребителю помеси и гибриды плодов и овощей, полученные в результате межвидового скрещивания растений: нектарин, танжерин, нэши, плут, брокколини, юзу, йошта и пр.), а также новых форм животных — пород, типов, линий, кроссов с новыми заданными свойствами (наиболее известным примером использования гетерозиса в практических целях является мул — гибрид от скрещивания лошади (*Equus caballus*) с ослом (*Equus asinus*) [2]).

Переработка продовольственного сырья и первичных пищевых продуктов. В настоящее время в развитых странах продукты питания преимущественно производятся промышленным способом: около 80–90% продовольственного сырья подвергается той или иной степени переработки, а на смену традиционным методам пришли научные подходы (хотя традиционные корни многих процессов все еще присутствуют) к решению следующих вопросов в производстве продуктов питания:

- оптимальное использование сырья, которое должно обеспечить адекватность пищевых ингредиентов и готовых продуктов требованиям потребителей и их представлению о высоком качестве;
- эффективное использование водных и энергетических ресурсов, упаковочных и других материалов (технологических пищевых добавок и т.д.), требуемых для процесса переработки;
- способы переработки, которые надежны и соответствуют потребительскому восприятию, социальным и культурным ценностям;
- экономическая эффективность устойчивых схем переработки.

В области переработки принцип «от вилки к ферме» выражается в «обратном инжиниринге» и в настоящее время разрабатываются новые системные подходы к системам инжиниринга пищевой промышленности. Сферы междисциплинарного научного исследования основаны на изучении генетических, физиологических, психологических и поведенческих факторов, на знаниях и концепциях, заимствованных из физики, химии, математики и информатики.

К примеру, инновационные разработки нашли выражение в наукоемких технологиях молекулярной гастрономии — направления, представляющего приготовление пищи как симбиоз химического и физического процессов. Ключевые фразы, описывающие требования к современному процессу переработки, — это «точно вовремя», «в нужном месте», «в соответствии с требованиями», «для конкретного человека», «в соответствии с принципом устойчивости».

Задача состоит в том, чтобы произвести блюда, богатые клетчаткой и микроэлементами, с низким содержанием соли и «плохих жиров», без аллергенов, одновременно имеющие высокие органолептические параметры и оптимальное для потребителя соотношение цена—качество. Это требует проведения широкого спектра исследований, которые позволят диверсифицировать технологии производства и ассортимент продуктов питания в направлении:

- более свежих продуктов с характеристиками, приближенными к свойствам ингредиентов, из которых они были изготовлены;
- функциональных продуктов питания со специфическими свойствами, основанных на новых процессах биопереработки;
- удобных, готовых к употреблению блюд, в совокупности формирующих об-

ширные меню посредством диверсификации предложения в точках розничной торговли и общественного питания;

- гибких, мелкомасштабных, применимых на местах (даже для приготовления пищи в домашних условиях) форм переработки, одновременно обеспечивающих достойные условия труда (эргономику, здоровье и безопасность);

- оперативного скрининга и аналитического контроля производства (параметров переработки, гигиены и пр.) в целях обеспечения безопасности продуктов питания.

В разработке принципиально новых технологий производства готовых к употреблению и здоровых продуктов питания для одновременного удовлетворения спроса различных групп потребителей существенную роль играет поиск оптимальных мягких схем переработки, развитие биопереработки, микроинжиниринга, основные направления которых сгруппированы в *таблице 3*.

Следует особо подчеркнуть приоритетность вопросов минимизации потоков пищевых и непищевых отходов при производстве и потреблении продуктов питания, а также сокращения объемов выбросов в атмосферу, сточных вод и потребления энергии (*рис. 5*).

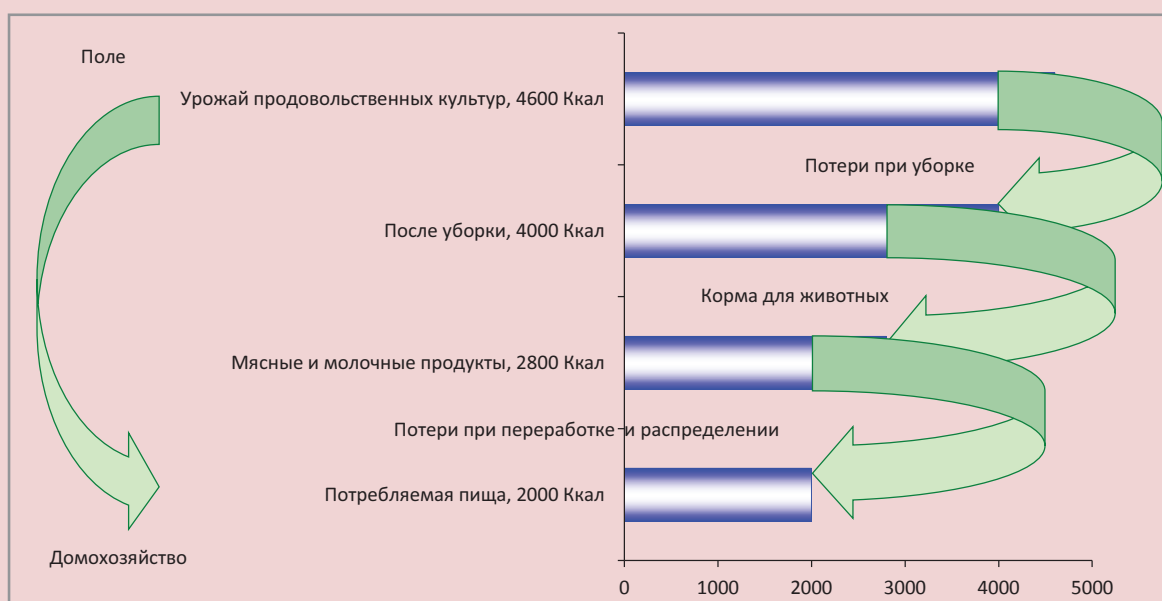
Сокращение потерь и эффективная валоризация отходов — один из определяющих стратегических резервов наращивания ресурсов продовольствия без увеличения нагрузки на окружающую среду. К примеру, в США отходы составляют 40% от общего объема произведенных продуктов питания, что в годовом измерении составляет 48,3 млрд. долл. и соизмеримо с затратами 350 млн. баррелей нефти и 40 трлн. литров воды [5; 13].

По оценкам исследователей, масштабы потерь и отходов во всей цепочке производства и потребления составляют: по мясу

Таблица 3. Классификация инновационных разработок в технологиях производства продуктов питания

Технология	Вид процесса
Сохранение с помощью термической обработки	Высокотемпературная обработка
	Омический нагрев
	Инфракрасное нагревание
	Микроволновое нагревание
	Предварительная низкотемпературная обработка
Сохранение с помощью нетермических методов	Высокое давление
	Электрические импульсы высокой частоты
	Обработка пульсирующим светом
	Радиоактивное облучение
	Ультразвуковая обработка
	Сушка, обезвоживание
	Упаковка в стеклянную тару
Сохранение с использованием холода	Быстрая заморозка
Пленочная технология с минимальной переработкой	Комбинация технологий сохранения
Упаковка	Стерильная упаковка
	Упаковка в модифицированной и регулируемой газовой среде
Ферментация	Непрерывные процессы
	Ферментация поверхностного твердого слоя
Разделение	Мембранный синтез
	Хроматографический синтез
	Органико-химический синтез
	Сверхглубокая жидкостная экстракция
	Модифицированные микроэлементы
Производство готовых к употреблению продуктов	Экструдирование
	Взбивание / образование эмульсий
	Разделение на фазы

Рисунок 5. Величина потерь в продовольственной цепи, Ккал на душу населения в день

Примечание. Составлено на основе данных [7].

КРС – 40–52%, сыру – 85–90; сокам из фруктов и овощей – 30–50; картофельному крахмалу – 80; сахару из сахарной свеклы – 86; растительному маслу – 40–70; для консервированных рыбных продуктов – 30–65, для копченой, соленой или вяленой рыбы – 50–75%.

Упаковка. По оценкам производителей, упаковка предотвращает гораздо больше потерь, чем их вызывает (INCPEN, 2005), поэтому в противовес распространенному мнению о необходимости сокращать количество упаковочных материалов происходит увеличение их использования (к примеру, в Великобритании 50% всех упаковочных материалов используется именно в пищевой промышленности), что сопровождается диверсификацией процесса упаковки в следующих направлениях обеспечения ее мультифункциональности:

1. Стандартизация переработки и распределения. В настоящее время упаковка используется для стандартизации производственных линий и упрощения системы логистики (например, наряду с первичной упаковкой используется вторичная упаковка для облегчения транспортировки и движения грузов на поддонах).

2. Защита. Упаковка помогает минимизировать повреждения транспортируемых товаров и минимизировать потери.

3. Безопасность и охрана здоровья потребителей. Упаковка повышает безопасность пищевых продуктов и защищает от биологического и других видов загрязнения.

4. Срок хранения. Упаковка продлевает срок хранения и помогает сохранить естественную структуру продукта (к примеру, контролируемая упаковочная атмосфера используется для улучшения внешнего вида продукта).

5. Маркетинг, информация и брендинг. Упаковка играет ключевую роль в увеличении привлекательности продуктов, исполь-

зуется для коммуникации с потребителем с целью передачи информации о питательных свойствах, времени, способе доставки продукта и т.п. (например, в британской розничной торговле, в частности в сети Marks&Spencer и Tesco, маркировка специальными логотипами продуктов, доставленных воздушным транспортом, подчеркивает для потребителя их свежий характер).

6. Быстрота приготовления. Упаковка может использоваться для того, чтобы уменьшить время приготовления пищи, особенно при использовании продуктов, которые достаточно разогреть в микроволновке (духовке).

Распределение и обмен продуктов питания. В настоящее время транспортировка продуктов питания составляет более 20% мирового дорожного фрахта в тоннах перевезенной продукции и 27% – в т/км. Изменения, произошедшие в сфере распределения, позволили диверсифицировать ассортимент продуктов питания в отдельных региональных сегментах рынков за счет доставки не произрастающих (не производимых) в данной местности видов продовольствия.

В то же время расстояние транспортировки, способ и ряд её этапов в настоящее время тоже существенно диверсифицированы и определяются следующими особенностями отдельной цепочки поставок.

- С одной стороны, увеличение степени переработки и упаковки продуктов питания, а также спрос в направлении круглогодичных поставок определенных продуктов вместо сезонного производства привели к большому количеству связей в цепочке поставок продовольствия и более длинным расстояниям транспортировки. Продукты, приобретаемые основными розничными продавцами через глобальные цепочки поставок, могут импортироваться из мест, отдаленных на многие тысячи

километров (к примеру, мясомолочная продукция из Новой Зеландии преодолевает около 18 000 км, чтобы достичь Европейского континента). В дополнение к стадии перевозки от места (страны) происхождения до места назначения крупные розничные сети добавляют еще несколько этапов в стране происхождения/или назначения для оптимизации логистики и контроля запасов, что увеличивает количество этапов доставки и расстояние даже для продуктов, произведенных в местном масштабе. Это зачастую формирует примеры достаточно нелогичных на первый взгляд цепочек поставок продовольствия (например, компания по производству сэндвичей в Дербишире, имеющая завод, расположенный в пределах нескольких сотен метров от одного из магазинов крупной сети супермаркетов, поставляет свои продукты в центр розничной доставки данной сети, расположенный на расстоянии более 100 км).

- С другой стороны, возрастающий интерес потребителей, ориентированных на принцип «знай своего фермера, знай свою еду», к продуктам, произведенным в местном масштабе, то есть продаваемым непосредственно на фермах, ближайших рынках или посредством их прямой доставки конечным потребителям, обуславливает сокращение количества этапов доставки и минимального расстояния транспортировки (как правило, менее 50 км).

Таким образом, проведенное исследование выявило основные тренды в развитии глобальной продовольственной системы на каждом из этапов производства, переработки, упаковки, распределения, обмена и потребления продуктов питания, то есть на всех этапах пищевой цепи. Установлено, что две разнонаправленные движущие силы — *массовое стремление потребителей к готовым продуктам питания с глубокой степенью переработки и*

растущий элитарный интерес к максимально натуральному здоровому питанию — в совокупности обуславливают развитие производительных сил агропродовольственного комплекса в направлении инновационного поиска разнообразных адаптированных к потребительскому спросу наукоемких схем производства, переработки и распределения продуктов питания.

Современные схемы строятся на основе НБИК (NBIC) технологий (конвергенции нано-, био-, информационных и когнитивных технологий), совмещающих углубленное изучение биологически активных веществ, химического состава, инновационных производственных и нанотехнологий, а также молекулярной нутрициологии, изучающей взаимосвязь питания и здоровья человека.

Предложенная классификация основных потребительских типов позволила обосновать востребованность развития новых видов продуктовых подкомплексов, среди которых значительным экспортным потенциалом и резервом для развития внутреннего рынка Беларуси обладают экологические формы ведения хозяйства, что и определяет прикладную значимость авторских предложений как для Республики Беларусь, так и для всех действующих и потенциальных членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Фактическое отсутствие производства сертифицированных экологически безопасных (органических) продуктов на территории ЕАЭС раскрывает значительные возможности проникновения органических технологий в данный сегмент мирового рынка, поскольку барьеры вхождения достаточно низки, конкуренция пока относительно слаба, а эффективность может измеряться высокими коэффициентами отдачи. В частности, большая емкость российского продовольственного рынка с заслуженно высокой репутацией белорусских про-

дуктовых товаров и изменения потребительских предпочтений среди городского населения с высоким и средним уровнем дохода в направлении здорового питания и здорового образа жизни дают основания говорить о потенциальном успехе диверсификации агропроизводства Беларуси в области освоения органических технологий.

Исходя из анализа накопленного мирового опыта, действия государства по экологизации отечественного продуктового комплекса следует сконцентрировать на реализации двух направлений.

— *Во-первых*, органическое производство, нацеленное на развитие внутреннего рынка, при котором целесообразно создание прослойки мелких предпринимателей. Для реализации данного приоритета действия государства должны быть нацелены на информирование населения о преимуществах употребления органической продукции, создание для малых хозяйств разветвленной инфраструктуры поддержки сертификации, обеспечения доставки продукции до потребителя. Кроме того, для развития системы мелких фермерских хозяйств необходимо решить вопрос о выделении регулярных правительственных субсидий на период трансформации. В то же время вопрос высоких финансовых и временных затрат в условиях Беларуси может быть решен достаточно продуктивно посредством формирования устойчивого спроса в виде государственного заказа в системе лечебно-профилактического, агро- и экотуризма, дошкольного воспитания и образования (школьные завтраки и полный комплект питания), здравоохранения (питание в системе стационарных заведений лечебного и профилактического профиля) и др. Вместе с тем ряд фермерских хозяйств де-факто ведут производство, отвечающее основным принципам органического направления, что позволит минимизировать объем государственных преференций.

— *Во-вторых*, экспортоориентированное органическое производство, организованное посредством создания небольшого количества крупнотоварных органических хозяйств. Создание конкурентоспособной экспортной отрасли требует соответствия внутренней сертификации международным стандартам, действующим на потенциальных рынках сбыта и быстрого создания сети сильных игроков из числа существующих традиционных производителей.

Как итог проведенного научного исследования нами предлагается «дорожная карта» диверсификации производства продуктов питания на базе органического (экологически безопасного) сельского хозяйства, принципиальная новизна и актуальность которой заключаются в научном обосновании масштабного комплекса экономических, организационно-управленческих и технико-технологических мероприятий государственного уровня для становления в республике высокоэффективного органического сектора аграрного производства:

1. Законодательная и нормативная поддержка развития органического производства в целях обеспечения честной конкуренции и надлежащего функционирования внутреннего рынка органической продукции, а также поддержания и оправдания доверия потребителей к продуктам, маркированным как органические. Это регулирование должно быть направлено на обеспечение условий, при которых данный сектор сможет развиваться параллельно с развитием обычного производства и рынка, посредством принятия в Беларуси закона «Об органическом производстве» и внедрения в практику базовых агроэкологических требований и стандартов, согласованных с требованиями и регулировкой органического производства в ЕС и в перспективе — в ЕАЭП.

2. Создание системы стимулирования и финансовой поддержки органического производства на основе совершенствования налоговой политики в части ее применения к участникам органического производства; оптимизации государственной поддержки развития сельских территорий и сельского хозяйства с соблюдением требований ВТО; поддержки реализации государственных региональных инвестиционных проектов, направленных на применение методов органического производства.

3. Научная и консультативная поддержка развития органического производства в виде государственной поддержки и реструктуризации аграрной науки и образования, введения обучения сельского населения основам ведения органического производства, подготовки специалистов в области органического производства на основе государственного заказа, расширения научных исследований по вопросам органического производства; создания подсистемы органического производства в единой информационно-справочной системе агропромышленного комплекса; развития сельскохозяйственных служб по распространению передового мирового и, по мере накопления, отечественного опыта ведения органического производства.

4. Развитие земельных отношений и форм хозяйствования за счет совершенствования системы государственного управления земельными ресурсами, в частности, в зонах санитарной охраны водных объектов; стимулирования изъятия из интенсивного использования деградированных, малопродуктивных и техногенно-загрязненных сельскохозяйственных угодий; обеспечения устойчивого функционирования мелиоративных систем и эффективности использования мелиорированных земель; защиты и воспроизводства плодородия почв, в частности, путем ис-

пользования почвозащитных технологий; формирования экосети как эффективного механизма сохранения ландшафтного биоразнообразия.

5. Развитие сферы производства посредством государственной поддержки конкурентоспособности отечественной органической сельскохозяйственной продукции; внедрения научно обоснованных систем ведения органического сельскохозяйственного производства; государственной поддержки производства органических удобрений; государственной поддержки производства биологических средств охраны растений и животных; внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий.

6. Развитие аграрного рынка через формирование внутреннего рынка органической сертифицированной продукции; совершенствование форм реализации органической продукции; содействие экспортной деятельности производителей органической продукции и расширение государственной поддержки внешнего маркетинга; повышение аграрного и экологического имиджа Беларуси.

7. Повышение безопасности и улучшение качества продуктов питания на основе усиления защиты прав потребителей путем усовершенствования государственного контроля за качеством и безопасностью органических продовольственных товаров, гармонизации национальных стандартов качества с международными требованиями; внедрения национальной системы сертификации и маркировки органической сельскохозяйственной продукции и продуктов питания; стимулирования расширения производства органических продуктов питания, и в первую очередь — детского питания; сохранения зон сельскохозяйственного производства, свободных от использования генетически модифицированных организмов.

В заключение следует подчеркнуть, что в Беларуси достижение в перспективе среднеевропейских параметров удельного веса органического сектора (5–10%) при значительных объемах производства продуктов питания и их экспорта в абсолютном

значении представляет собой значительный ресурс валютных поступлений в экономику страны. Данный потенциал существенно возрастает при ориентации на 30%-ный порог органического сельского хозяйства, намеченный к достижению в ЕС.

Литература

1. Гусаков, В.Г. Вопросы рыночного развития АПК. Книги 1-2 / В.Г. Гусаков. – Минск, 2013.
2. Ильев, Ф.В. Инбридинг и гетерозис в селекции сельскохозяйственных животных / Ф.В. Ильев. – Кишинев: Картя Молдовеняска, 1987. – 182 с. – С. 3, 128.
3. Иноземцев, В.Л. Современное постиндустриальное общество [Электронный ресурс] / В.Л. Иноземцев. – Режим доступа: <http://ru.scribd.com/doc/12982954/>. – Дата доступа: 25.03.2014
4. Катон, М.П. Земледелие / М.П. Катон. – М.-Л., 1950. – С. 8, 9, 11, 12.
5. Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности: обобщающий доклад для представителей властных структур. – ЮНЕП, 2011. – 45 с. – С. 19-20.
6. Никитенко, П.Г. Социально-экономические системы Беларуси и России: эволюция и перспективы / П.Г. Никитенко, С.Ю. Солодовников. – Минск: Беларуская навука, 2008.
7. Agriculture & Rural Development / The World Bank [Electronic resource]. – Mode of access: <http://data.worldbank.org/topic/agriculture-and-rural-development>. – Date of access: 24.03.2014
8. Childhood Pesticide Poisoning, Information for Advocacy and Action. UNEP Chemicals (2004) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.chem.unep.ch/Publications/pdf/pestpoisoning.pdf>. – Date of access: 4.03.2012.
9. Executive Summary: Global Status of Commercialized Biotech/GM Crops: 2013 - ISAAA Brief 46-2013 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.bioportfolio.com/news/article/1819146/Executive-Summary-Global-Status-of-Commercialized-Biotech-GM-Crops-2013-ISAAA-Brief.html>. – Date of access: 24.03.2014.
10. Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Working Group III Report: Mitigation of Climate Change. IPCC, 2007.205
11. Organic Agriculture Worldwide: Key results from the survey on organic agriculture worldwide 2010-2013 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.organic-world.net/yearbook-2012-presentations.html>. – Date of access: 4.03.2012.
12. Schaack, D. News about the organic market in Germany 2011 [Electronic resource] / D. Schaack. – Mode of access: http://www.organic-world.net/fileadmin/documents/yearbook/2012/2012-02-16/schaack-120216_Bio-UmsatzDE_engl.pdf. – Date of access: 4.03.2012.
13. The Environmental Food Crisis [Электронный ресурс]. – ЮНЕП, 2009. – Режим доступа: http://www.grida.no/_res/site/file/publications/FoodCrisis_lores.pdf. – Дата доступа: 25.08.2014.
14. The Statistics Division of the FAO [Electronic resource]. – Mode of access: <http://faostat.fao.org/site/291/default.aspx>. – Date of access: 4.03.2012.

Griboedova I.A.

Analysis and adoption of the experience of the global food system diversification in the Republic of Belarus

Irina Anatol'evna Griboedova – Ph.D. in Economics, Professor, Deputy Director, Institute of Economics of Belarus NAS (1, Building 2, Surganov Street, Office 1111, Minsk, 1220072, Belarus, oei2008@yandex.ru)

Abstract. The article considers the main trends in the diversification of the global food system. The author proves that at the present time the dynamic development and globalization in the modern world economy require diversification of Belarusian agro-food complex in order to achieve its independence

from crises, reduce risks of the external environment uncertainty, unforeseen circumstances (export embargoes and restrictions) and changes in consumer preferences and, ultimately, boost competitiveness and strengthen economic immunity and stability.

At the same time, the pressure of the abundant food supply in the world market segments, ensured by consumer demand, makes the manufacturers follow the principle “from fork to farm”. Thus, it is consumers’ preferences that are often drivers of contradictory and competing shifts in the transformation of food systems. The survey shows that two opposite driving forces – the consumers’ desire for ready-to-use food products with the deep level of processing and the growing elite interest in the natural healthy diet – determine the progressive development of productive forces in the agricultural complex in the direction of innovative search of diverse, adapted to consumer demand, high-tech schemes of production, processing and distribution of food.

The classification of main consumer types helps substantiate the priority to develop new types of product subcomplexes. The ecological forms of agriculture have significant export potential and import substitution reserves in the Republic of Belarus and the Eurasian Economic Union as a whole. The author proposes a “road map” for the diversification of food production on the basis of organic (environmentally friendly) agriculture. Its innovation is scientifically justified by the state large-scale economic, managerial and technological measures to develop a highly efficient organic sector of agricultural production in the republic.

Key words: diversification, food system, consumer demand, food.

References

1. Gusakov V.G. *Voprosy rynochnogo razvitiya APK. Knigi 1-2* [Issues of Market Development of Agriculture. Books 1–2]. Minsk, 2013.
2. Il'ev F.V. *Inbriding i geterozis v seleksii sel'skokhozyaistvennykh zhivotnykh* [Inbreeding and Heterosis in Breeding Farm Animals]. Kishinev: Kartya Moldovenyaska, 1987. 182 p.
3. Inozemtsev V.L. *Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo* [Modern Post-Industrial Society]. Available at: <http://ru.scribd.com/doc/12982954/>. Accessed March 25, 2014
4. Cato M.P. *Zemledelie* [On Agriculture]. Moscow, Leningrad, 1950, pp. 8, 9, 11, 12.
5. *Navstrechu “zelenoi” ekonomike: puti k ustoychivomu razvitiyu i iskoreneniyu bednosti: obobshchayushchii doklad dlya predstavitelei vlastnykh struktur* [Towards Green Economy: Ways to Sustainable Development and Poverty Eradication: Summorizing Report for the Representatives of Power Structures]. UNEP, 2011. 45 p.
6. Nikitenko P.G., Solodovnikov S.Yu. *Sotsial'no-ekonomicheskie sistemy Belarusi i Rossii: evolyutsiya i perspektivy* [Socio-Economic Systems of Belarus and Russia: Evolution and Prospects]. Minsk: Belaruskaya navuka, 2008.
7. Agriculture & Rural Development. *The World Bank*. Available at: <http://data.worldbank.org/topic/agriculture-and-rural-development>. Accessed March 24, 2014
8. *Childhood Pesticide Poisoning, Information for Advocacy and Action. UNEP Chemicals* (2004). Available at: <http://www.chem.unep.ch/Publications/pdf/pestpoisoning.pdf>. Accessed March 3, 2012.
9. *Executive Summary: Global Status of Commercialized Biotech/GM Crops: 2013 - ISAAA Brief 46-2013*. Available at: <http://www.bioportfolio.com/news/article/1819146/Executive-Summary-Global-Status-of-Commercialized-Biotech-GM-Crops-2013-ISAAA-Brief.html>. Accessed March 24, 2014.
10. *Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Working Group III Report: Mitigation of Climate Change*. IPCC, 2007. 205 p.
11. *Organic Agriculture Worldwide: Key Results from the Survey on Organic Agriculture Worldwide 2010–2013*. Available at: <http://www.organic-world.net/yearbook-2012-presentations.html>. Accessed March 4, 2012.
12. Schaack D. *News about the Organic Market in Germany 2011* Available at: http://www.organic-world.net/fileadmin/documents/yearbook/2012/2012-02-16/schaack-120216_Bio_UmsatzDE_engl.pdf. Accessed March 4, 2012.
13. *The Environmental Food Crisis*. UNEP, 2009. Available at: http://www.grida.no/_res/site/file/publications/FoodCrisis_lores.pdf. Accessed August 25, 2014.
14. *The Statistics Division of the FAO*. Available at: <http://faostat.fao.org/site/291/default.aspx>. Accessed March 4, 2012.

Дифференцированные организационно-экономические механизмы индустриально-инновационной модернизации регионов Казахстана

**Анель Ахметовна
КИРЕЕВА**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (050010, Казахстан, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29, anele19@mail.ru)

Аннотация. Казахстан является государством с существенными межтерриториальными различиями в обеспеченности природным и экономическим потенциалом, что отразилось и на уровне экономического развития, обеспеченности объектами социальной инфраструктуры, инвестиционных возможностях. Особенности пространственного развития Казахстана, разный стартовый уровень его отдельных территорий, различия в структуре и специализации хозяйств, неоднозначность остроты и глубины кризисных процессов в годы рыночных реформ, темпов и форм их осуществления поставили регионы нашей страны в неравные условия, что способствовало углублению их дифференциации. Поэтому в Послании народу Казахстана Президента страны Н.А. Назарбаева «Стратегия “Казахстан-2050” – новый политический курс состоявшегося государства» весьма своевременно поставлена задача выравнивания социально-экономических условий в регионах и формирования новых эффективных механизмов его осуществления. Для решения этой задачи в условиях экономического роста целесообразен новый подход в региональной политике, который предполагает не только выравнивание уровня экономического развития регионов, но и обеспечение благосостояния населения на всей территории страны. Важный сдвиг в региональной политике соответствует задачам перехода от модели «сырьевого» развития к индустриально-инновационному.

В свете этого особую актуальность приобретает проблема комплексной оценки инновационных процессов и ресурсов региона с целью их более эффективного использования и распределения в интересах индустриально-инновационной модернизации экономики территорий. В статье предлагается использовать дифференцированный подход при выборе эффективных организационно-экономических механизмов модернизации территорий. В частности, предлагается использовать следующие компоненты: правовой, организационный, финансово-экономический,

научно-исследовательский и информационный. Разработан новый подход, позволяющий определить основные стратегические направления развития регионов по индустриально-инновационной траектории и подобрать наиболее оптимальные механизмы реализации этих направлений. В качестве базы для разработки стратегических направлений развития территории автором предлагается модель «индустриально-инновационной модернизации региона» на основе рейтинговых значений показателей группировки от «А» до «D».

Ключевые слова: модернизация, инновационное развитие, индустриализация, регион, Казахстан.

Начало XXI века характеризуется сменой парадигмы региональной политики и регионального управления, поиском путей повышения эффективности управления территориальным развитием, новых методов и механизмов динамичного развития территорий. В настоящее время экономика любого региона подвергается влиянию новых социально-экономических и технологических тенденций. Так, в условиях глобализации и усиления конкуренции устойчивость развития регионов в большей степени зависит от использования внутренних специфических факторов, способствующих осуществлению модернизации и активному участию во внедрении различных нововведений и инноваций.

Для Казахстана с его значительной территорией, разнообразием и неоднородностью природно-географических и хозяйственных условий многие социально-экономические процессы имеют достаточно выраженный региональный аспект. Не является исключением и процесс индустриальной модернизации. С одной стороны, индустриализация открывает возможности для изменений в уровнях производства, для улучшения специализации регионов, использования природных ресурсов как важного фактора развития многих территорий [1]. Новые технологии как одно из основных направлений индустриализации, особенно такие, как ресурсо- и трудосберегающие, безотходные, маловодоемкие технологии, усовершенствованные техни-

ческие средства позволяют смягчить влияние традиционных факторов размещения производства.

С другой стороны, несомненно влияние на темпы и масштабы индустриализации совокупности региональных факторов: степени технологического развития, экономики региона, обеспеченности научной базой; кадровой обеспеченности, наличия и особенностей топливно-энергетических, минерально-сырьевых, земельных, водных и рекреационных ресурсов, а также экологических ограничений.

Так, в Послании Президента страны Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» от 17 января 2014 г. поставлена задача – **«скорректировать и усилить тренд инновационной индустриализации»** [2]. В этой связи особую важность приобретает разработка эффективных организационно-экономических механизмов индустриально-инновационной модернизации экономики регионов Казахстана.

При этом модернизация казахстанской экономики предусматривает решение ряда принципиальных задач по приданию национальной экономической системе индустриально-инновационного вектора развития. Необходимо преодолеть сырьевую доминанту и сложившуюся практику отторжения инноваций реальным сектором и последовательного упрощения технологических цепочек.

Не менее необходимо создать институты и инструменты стимулирования новых знаний, реализуемых в основанных на них технологиях и образцах техники, не только обеспечить их финансовыми ресурсами, но и создать условия для последующей коммерциализации, в том числе и за рубежом. Поэтому решение задач индустриально-инновационного характера невозможно без продуманной и концептуально обоснованной региональной политики.

Процесс индустриализации в Казахстане должен опираться на целевой переход к модернизации экономики регионов с учетом национальной специфики. Недоучет регионального фактора при осуществлении индустриальной модернизации может усилить диспропорции в развитии регионов Казахстана. Об этом говорит наш прошлый опыт индустриализации в рамках «советского проекта».

Советская индустриализация позволила создать достаточно крупный экономический потенциал во многих регионах Казахстана. Но поскольку она проводилась при доминировании интересов общесоюзного разделения труда, то в результате основные регионы Казахстана оказались в экономическом отношении теснее связаны с прилегающими территориями других союзных республик, чем между собой: Северный Казахстан интегрирован с Уралом и Сибирью, Западный – с Поволжьем и Уралом, Восточный – с Алтаем и Сибирью, Южный – со Средней Азией.

Это привело к значительной дифференциации уровня социально-экономического развития регионов и породило проблемы для интеграции национальной экономики как единого комплекса на этапе независимого развития.

В качестве важнейшего фактора индустриальной модернизации Казахстана следует рассматривать его региональное развитие. Отсюда вытекает необходимость

взаимосвязанного решения задач территориального развития с задачами индустриализации. Например, задачи индустриализации требуют концентрации ресурсов в ключевых регионах, обеспечивающих индустриальное развитие страны, а стратегические приоритеты территориального развития обуславливают необходимость поддержки отстающих регионов. Это делает неизбежным поиск баланса между мерами индустриальной и региональной политики.

Мировой опыт показывает, что догоняющее развитие, а именно в этой ситуации находится Казахстан, трудносовместимо с равномерным развитием всей территории. В процессе модернизации экономики догоняющих стран индустриальный рост принимает очаговый характер, вследствие чего усиливаются региональные различия в уровне развития. В условиях догоняющей индустриализации полюса роста появляются на основе использования преимуществ того или иного региона.

В качестве преимуществ могут быть задействованы выгоды местоположения, обеспеченность природными ресурсами, наличие квалифицированного человеческого капитала, доступность инфраструктуры. В зависимости от вида преимуществ складываются разные типы полюсов роста. Это, прежде всего, крупные города, в которых сосредоточиваются наиболее технологичные предприятия. Это регионы с развитым потенциалом обрабатывающего сектора, особенно в высоко- и средневысокотехнологичных отраслях. Это могут быть регионы, имеющие выгодное геоэкономическое положение: регионы, имеющие выход в море и в силу этого более низкие издержки на транспортировку экспортной продукции, и приграничные регионы, где нередко создаются свободные экономические зоны; регионы интенсивного освоения ресурсов.

Прежде всего отметим, что под **организационно-экономическим механизмом** понимается «совокупность определенных звеньев и элементов, приводящих систему (механизм) в действие» [3, с. 366]. Так, индустриально-инновационная модернизация должна быть реализована различными организационно-экономическими механизмами, направленными не только на снижение территориальных диспропорций, но и обеспечение благосостояния населения на всей территории страны. Она все больше становится развивающей политикой, т.е. ориентированной на освоение перспективных хозяйственно-экономических укладов, запуск новых видов деятельности, модернизацию и формирование современных индустриально-инновационных инфраструктур.

При этом региональная политика в области индустриально-инновационного развития требует, в первую очередь, выбора таких механизмов и инструментов, которые посредством методов государственной поддержки и содействия должны обеспечивать активную инвестиционную и инновационную деятельность, рост объемов производства конкурентоспособной продукции, рентабельную работу предприятий, социальную защиту населения [4], тем самым создавать базовые условия для индустриально-инновационной модернизации региона.

Как отмечалось ранее в наших исследованиях, регионы Казахстана имеют существенную дифференциацию по основным социально-экономическим и инновационно-технологическим показателям [5]. Такая дифференциация не только свидетельствует о социально-экономической неоднородности территорий Казахстана, но и вызывает определенную напряженность индустриально-инновационного характера. Чем выше неоднородность страны в региональном плане, тем слож-

нее ее развитие, тем больше требований к региональной политике [6]. При этом и большие страны, и многие малые государства с различными межрегиональными и международными отношениями вынуждены учитывать этот фактор (к примеру, Испания, Италия, Бельгия и т.д.).

Рост регионального неравенства пока остается непреодоленным, экономическая активность более всего сосредоточивается в небольшом числе регионов с особыми преимуществами: в Алматы (18,7% суммарного ВРП страны в 2012 г.), Атырауской области (10,3%), Карагандинской области (8,5%), Астане (9,0%), а также в последние годы в Мангистауской области. На долю четырех лидирующих регионов Казахстана (города Астана и Алматы, Атырауская и Карагандинская области) приходится почти половина ВРП (46,5%), хотя в двух последних наблюдается тенденция снижения доли в общем объеме ВРП [7].

Одним из важнейших факторов, обуславливающих неравномерность развития регионов, являются демографические ресурсы. В целом в республике отмечается постоянный естественный прирост населения. Особенно высоки темпы прироста населения в южных регионах (Южно-Казахстанская, Кызылординская, Жамбылская области), представляющих демографический резерв страны. В то же время в двух северных регионах стабильна естественная убыль населения.

Необходимость принципиального изменения подходов к формированию эффективных механизмов территориального развития связана и с действием новых факторов – формированием «экономики знаний», усилением роли науки и наукоемких технологий, информации, появлением новых финансовых инструментов и методов регулирования, развитием фондового рынка, проникновением транснационального капитала и другими.

В соответствии с вышеизложенным, для формирования эффективного механизма реализации новой модели территориального развития необходим комплекс инструментов и методов мобилизации, аккумуляции, распределения и использования различных ресурсов [8]. Для этого целесообразно использовать **дифференцированный подход**, что обусловлено высокой степенью дифференциации форм, способов и методов обеспечения динамичного развития региона.

Такой подход позволяет учесть как специфику регионов (сырьедобывающие и, как правило, инвестиционно обеспеченные регионы-лидеры; индустриально развитые, имеющие высокий экономический потенциал, потенциальные лидеры; агропромышленные, характеризующиеся активизацией индустриально-инновационной деятельности – развивающиеся регионы; депрессивные, утратившие значительный инновационный потенциал, но с признаками возрождения и оживления инновационных процессов – неустойчивые), для которых он разрабатывается, так и особенности привлекаемых ресурсов (бюджетные, заемные, собственные средства и т.д.).

Дифференцированный подход позволит:

а) применять мотивационные методы в целях повышения качества инвестиций, то есть для стимулирования притока новых высоких технологий, знаний, информации, передовых приемов управления, маркетинга и т.д.;

б) обеспечить более широкое использование новых прогрессивных финансовых инструментов регулирования инвестиционной деятельности в регионе;

в) формировать адекватные институциональные условия для эффективного использования привлеченных и накопленных инвестиционных ресурсов;

г) улучшить управление инвестиционными процессами на местном уровне, по-

вышать квалификацию и ответственность кадров, управляющих инвестициями;

д) определить возможности развития экономики региона на основе наиболее эффективного использования его ресурсного потенциала, а также выявить потенциальные пробелы и барьеры в реализации политики управления на местном уровне;

е) оценить организационно-производственную инфраструктуру региона с учетом требований инновационных, финансовых, интеллектуальных и организационных технологий, достаточных для реализации целевых региональных проектов и программ;

ж) создать эффективный инструмент реализации региональных программ на основе привлечения значительных дополнительных инвестиций в региональные программы и проекты.

Поэтому при выборе эффективных организационно-экономических механизмов модернизации территории, как отмечалось ранее, целесообразно применение дифференцированного подхода. Предлагаем выработать дифференцированные организационно-экономические механизмы, которые не только приводят в движение процесс индустриально-инновационной модернизации в регионе, но и позволяют обеспечить его дальнейшее постоянное и динамичное развитие.

Отметим, что реализация концептуальных положений индустриально-инновационной модернизации, независимо от уровня иерархии пространства, должна осуществляться через правовой, организационный, финансово-экономический, научно-исследовательский и информационный компоненты организационно-экономических механизмов. Соответственно этому можно классифицировать эти компоненты.

Первый компонент – это институциональный механизм, который представляет собой систему законов, документов и про-

цедур, формирующих правовое поле развития региона. Это система действующего законодательства, касающаяся распределения полномочий и ответственности между исполнительной властью и органами местного самоуправления [4]. Системой, представленной в Конституции РК, законами «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан», «О налогах и других обязательных платежах в бюджет», «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан», и в других нормативно-правовых актах регламентируется решение различных проблем экономического, социального и экологического характера на региональном уровне.

Второй компонент — это организационно-структурный механизм, который представляет собой систему взаимодействия учреждений, организаций и служб, осуществляющих основные функции эффективного регионального управления. Кроме того, данный механизм включает государственную стратегию регионального развития, стратегии развития республики и отдельных городов, территорий, программные документы, различные прогнозы и планы развития.

Третий компонент — финансово-экономический механизм, представляющий собой систему финансовых и экономических рычагов воздействия на организацию различных подразделений. Такой механизм определяет возможность финансового обеспечения и стимулирования развития территории, а также комплексное соотношение между пропорциями производства и потребления рыночных услуг. Главным инструментом такой системы в контексте выделяемого механизма должны являться развитие производственного потенциала, привлечение инвестиций в региональную экономику и эффективное пополнение бюджета.

Четвертый компонент — научно-исследовательский механизм, т.е. система, включающая в себя взаимодействие соответствующих научно-исследовательских и образовательных учреждений и подразделений, генерирующих новые знания, идеи и занимающихся подготовкой кадров, воплощение стратегии динамичного развития территории. Он также предусматривает максимально полное и эффективное использование научно-исследовательского, инновационного, производственного и интеллектуального потенциалов в регионе.

Пятый компонент — информационный механизм, включающий в себя взаимодействие организаций, осуществляющих сбор, обработку и поток информационных данных, специальных служб и учреждений, характеризующих состояние, динамику и результативность реализации стратегии динамичного развития территории. Предоставляемая информация должна отражать не только динамику экономического роста и демографические тенденции, но и доводить до органов власти сведения о возможных проблемных ситуациях и последствиях происходящих изменений. При этом возможно использование социального информационного сервиса (от англ. *Social Network Services*), который создаст доступную информационную среду, удовлетворяющую потребности всех слоев общества в получении электронных услуг, а также будет способствовать формированию необходимых условий для внедрения передовых информационных технологий в регионе [9].

В связи с вышесказанным сделаем вывод о том, что для *проведения эффективной модернизации необходим новый вектор индустриально-инновационного взаимодействия организационно-экономических механизмов, способных к самоорганизации и самосовершенствованию.*

Успешное развитие любого региона в большей степени зависит от использования внутренних специфических факторов для создания ценностей на глобальных рынках, что вызывает невозможность существования единой универсальной стратегии для всех регионов, т.к. каждая территория имеет различный потенциал и уникальные способности к осуществлению индустриально-инновационной модернизации. Поэтому реализация новой модели инновационной модернизации регионов должна быть направлена не только на целесообразность и правильность формирования и использования ресурсов, но и на конечные результаты управления публичными ресурсами, на качество проработки стратегий социально-экономического развития регионов, их результативность и перспективность.

Несмотря на то, что в различные периоды развития экономики существовали различные стратегии развития регионов, цель их заключалась в обеспечении экономического и социального процветания населения на определенной территории [10]. Как было отмечено ранее, для выбора эффективной стратегии развития регионов целесообразно применение дифференцированного подхода, который обусловлен территориальными диспропорциями по существующему уровню развития и потенциалу регионов Казахстана.

Поэтому нами был разработан новый подход, позволяющий определить основные стратегические направления развития регионов по индустриально-инновационной траектории и подобрать наиболее оптимальные механизмы реализации этих направлений.

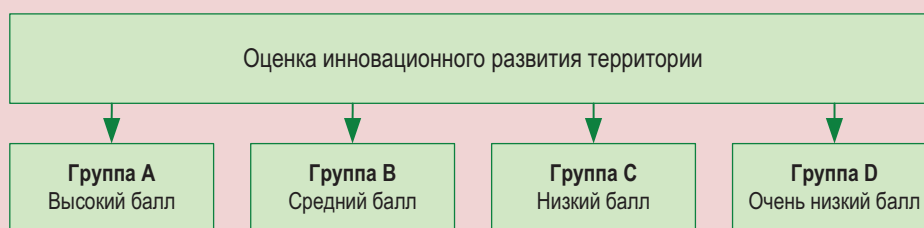
В качестве базы для разработки стратегических направлений развития территории предлагаем модель индустриально-инновационной модернизации региона (рисунок).

Данная модель представляет собой зависимость от уровня инновационного развития региона. В соответствии с этим каждому региону присваивается свой балл (высокий, средний, низкий, очень низкий), отражающий степень развития региона. После этого все регионы разделяются на четыре условные группы: от группы «А» (регионы-лидеры) до группы «D» (регионы-аутсайдеры).

В основе предлагаемой нами модели лежат две гипотезы.

Во-первых, регион с высоким баллом по уровню инновационного развития является лидером по отношению к другим регионам. Отсюда следует, что происходит значительное усиление конкурентной позиции данного региона, т.к. коммерческий эффект от модернизации и внедрения новых технологий умножается на количество

Модель индустриально-инновационной модернизации региона*

* Составлено автором.

предприятий региона, достигших успеха в их внедрении и продвижении на рынок. В результате увеличивается уровень социально-экономического развития региона. Именно поэтому одним из наиболее важных элементов индустриально-инновационной политики становится создание условий для максимально быстрой диффузии технологий в рамках определенной специализации.

Во-вторых, регионы в условиях эффекта конкуренции все более вынуждены выбирать политику по достижению высоких темпов инновационного развития и поиска финансовых средств. В результате происходит выборка промышленных отраслей, появление новых производств, которые в условиях сравнительных преимуществ (различающихся по некоторым регионам) позволяют четко определить специализацию технологической политики.

Предложенная модель будет некорректной, если не использовать ее на практике. Так, структуризацию инновационных процессов можно начать с анализа инновационной сферы и затем перейти к рейтинговой оценке регионов Казахстана. В результате рейтинговой процедуры составляется линейный ряд объектов, в котором они по сочетанию выбранных признаков находятся на равном расстоянии друг от друга. Каждому из них присваивается порядковый номер или класс, соответствующий его месту в общем ряду. Наиболее предпочтительному объекту, как правило, присваивается первый ранг – «А». На основе рейтингов и абсолютных значений показателей составляются группировки. В этом случае каждый регион относится к определенному классу объектов, выделенному экспертами по сочетанию условий инвестирования и уровню предпочтительности для инвестора [11].

Целью данного рейтинга регионов является выявление их потенциала, основной

акцент анализа будет направлен на выявление инновационных преимуществ того или иного региона. Как известно, регионам Казахстана присуща высокая неоднородность. Большое влияние на конкурентоспособность регионов имеют географическое расположение и наличие природных ресурсов.

Итак, инновационная сфера, главной составляющей частью которой являются научно-исследовательские разработки (далее R&D, от англ. Research & Development – научно-исследовательские разработки), на современном этапе развития служит основным двигателем экономического роста. Для полной и объективной оценки состояния инновационного потенциала, сложившегося к 2013 году, и дальнейшей его динамики обратимся к статистическим данным РК. *Таблица 1* наглядно демонстрирует динамику количества предприятий в Казахстане, занимающихся R&D по каждому региону.

В целом по Казахстану за анализируемый период (2009–2013 гг.) наблюдается заметное сокращение количества предприятий, занимающихся R&D (почти на 18%). Сокращение организационных структур, занимающихся данными работами, означает, что потеряно важное звено связи производства и науки, наиболее короткий путь внедрения научных результатов в производство.

К тому же за этот период наибольший спад в количестве организаций, занимающихся R&D, показывают Северо-Казахстанская область (60%) и г. Алматы (62,56%). Есть *объективные причины* такого существенного сокращения научных предприятий: финансовое положение многих промышленных предприятий не позволяет поддерживать научные исследования, проектно-конструкторские разработки, хотя их значимость для поддержания конкурентоспособности производства однозначна.

Таблица 1. Количество предприятий, занимающихся R&D в регионах Казахстана, 2009–2013 гг., ед.

Область, город	2009г.	2010г.	2011г.	2012г.	2013г.	2013г. к 2009 г., в %
<i>Республика Казахстан</i>	416	424	412	345	341	81,97
Акмолинская	7	7	8	9	12	171,43
Актюбинская	15	16	18	16	13	86,67
Алматинская	7	10	8	7	10	142,86
Атырауская	12	12	9	9	8	66,67
Восточно-Казахстанская	34	33	36	34	29	85,29
Жамбылская	12	10	7	8	9	75,00
Западно-Казахстанская	10	10	9	15	9	90,00
Карагандинская	29	28	29	26	23	79,31
Костанайская	14	15	13	14	13	92,86
Кызылординская	9	14	23	7	6	66,67
Мангистауская	6	8	8	7	7	116,67
Павлодарская	10	9	11	11	10	100,00
Северо-Казахстанская	5	5	3	3	3	60,00
Южно-Казахстанская	10	9	9	11	15	150,00
г. Астана	43	42	41	49	52	120,93
г. Алматы	195	196	180	119	122	62,56
Источник: составлено автором по [12].						

Однако некоторые регионы Казахстана за анализируемый период демонстрируют высокий уровень научного потенциала за счет увеличения количества предприятий, занимающихся R&D. В частности, рост числа таких предприятий составил: в Акмолинской области – 171,43%, в Южно-Казахстанской – 150%, Алматинской – 142,86% и г. Астана – 120,93%. В г. Астана увеличение количества научных организаций происходит в связи подготовкой к предстоящей международной выставке «Астана EXPO-2017».

В целях построения рейтингов был выбран комплекс параметров, определяющих уровень инновационного развития регионов и отслеживаемых государственной статистикой (Агентством РК по статистике), а также разработан математический аппарат получения агрегированных рейтинговых оценок. Учитываемые в рейтинге критерии инновационного развития террито-

рии разделены на две группы: факторы, описывающие уровень инновационной восприимчивости региона, и параметры инновационной активности региона.

Принимая во внимание существование множества методов обработки исходной информации и переход от набора значений первичных показателей к агрегированным оценкам, мы предлагаем использовать на этапе структуризации методов анализа рейтинговую шкалу оценок инновационного развития регионов (*табл. 2*).

Из проведенной рейтинговой оценки видно, что в 2012 году ни один из регионов Казахстана не смог попасть в зону «А». Для регионов с рейтинговым классом «В» характерна низкая экономическая эффективность затрат на исследования и разработки: доля произведенной инновационной продукции оказывается в несколько раз меньше доли внутренних затрат на исследования и разработки в общем их объеме.

Таблица 2. Итоговые индексы инновационного развития регионов Казахстана за 2012 г.

Область, город	Оценка	Рейтинговый балл	Класс
г. Алматы	Выше среднего	60,10	В
г. Астана	Средняя	55,22	В
Атырауская	Средняя	40,08	В
Павлодарская	Низкая	35,61	С
Мангистауская	Низкая	35,25	С
Восточно-Казахстанская	Низкая	33,22	С
Карагандинская	Низкая	28,14	С
Актюбинская	Низкая	26,79	С
Жамбыльская	Низкая	24,31	С
Костанайская	Низкая	22,91	С
Северо-Казахстанская	Низкая	22,87	С
Западно-Казахстанская	Низкая	22,06	С
Южно-Казахстанская	Низкая	21,43	С
Кызылординская	Низкая	21,16	С
Акмолинская	Очень низкая	18,90	Д
Алматинская	Очень низкая	18,51	Д

Источник: рассчитано автором по [12].

Особенно обращает на себя внимание группа регионов класса «С», поскольку сюда вошло большинство регионов Казахстана, что, в свою очередь, доказывает низкий уровень инновационного развития в республике.

Отсюда очевидна закономерность, проявляющаяся в том, что центральная и восточная зоны республики относятся к наиболее промышленно развитым регионам, т.к. в них присутствует большое количество крупных предприятий тяжелой промышленности, в частности угольной, черной и цветной металлургии. Кроме того, эти регионы имеют более развитую электроэнергетическую инфраструктуру. Регионы же южной зоны обладают довольно низким уровнем инновационного развития из-за меньшего числа крупных промышленных предприятий и слабой ресурсной базы.

В целом наиболее конкурентоспособными регионами по уровню инновационного развития являются города Алматы (60,10) и Астана (55,22). Остальные регио-

ны группы специализируются в основном на сельском хозяйстве, добывающей и обрабатывающей промышленности. При этом аутсайдерами рейтинга по статистическим показателям являются Акмолинская (18,90) и Алматинская (18,51) области.

Таким образом, город Алматы подтверждает свой статус лидера по уровню инновационного развития. Город обладает наиболее мощным инновационным, трудовым, потребительским, транспортным и инфраструктурным потенциалом, является финансовой столицей Казахстана. Впрочем, следует иметь в виду, что прекрасные финансовые показатели г. Алматы во многом основаны на том, что здесь располагаются центральные офисы большинства крупнейших компаний.

В этой связи отметим, что территориально регионы Казахстана неравномерно размещены по научно-технологической структуре, элементы которой формируют инновационную систему и определяют особенности модернизации [13]. Иннова-

ционность региона — это его способность к самообновлению, адаптации к изменениям и генерированию продуктов научно-технического прогресса [14].

Практика показывает, что модернизация быстрее идет там, где лучше условия для «диффузии инноваций» — выше концентрация населения и его качество, более развита инфраструктура и меньше экономическое расстояние, ниже институциональные барьеры [15]. Пространство очень инерционно, поэтому выбор направлений, стимулирующих индустриально-инновационную модернизацию, ограничен для Казахстана достаточно узким уровнем возможностей, особенно в условиях ухудшения мировой конъюнктуры и роста проблем в экономике.

В результате ранжирования регионов по уровню инновационного развития можно сделать вывод, что *в инновационном развитии регионов существуют внешние барьеры, среди которых можно выделить:*

- отсутствие трансферта технологий;
- доминирование традиционных и устаревших технологий;
- высокая стоимость внедрения нововведений;
- дефицит инвестиций и слабая заинтересованность крупных корпораций во внедрении инноваций.

Среди основных *внутренних барьеров на пути инновационного развития регионов можно выделить:*

- недостаток финансовых средств у предприятий;
- низкий инновационный потенциал предприятий;
- недостаток информации о новых технологиях;
- недостаток квалифицированных кадров.

Исходя из вышеизложенного можно будет подобрать подходящую стратегию индустриально-инновационного разви-

тия для региона, в зависимости от принадлежности к любой из трех следующих групп.

Регионы группы В — в данной группе расположены регионы со значительным инновационным потенциалом. Поэтому требуется разработка и поиск новых моделей строительства и развития регионов будущего поколения. При этом с появлением новых требований к развитию регионов и обеспечению их конкурентоспособности оформилась концепция «Умный город», которая фиксирует возросшую роль человеческого капитала и усиление значимости информационных, коммуникационных и интеллектуальных технологий в городской среде. Концепция «Умный город» объединяет разнообразные факторы регионального развития в единый механизм, главной целью которого является поддержание лидерства и обеспечение дальнейшего динамичного развития.

Такого рода города должны вести постоянный мониторинг важнейших объектов своей инфраструктуры (автомобильные дороги, мосты, туннели, железные дороги, метро, аэропорты, морские порты, системы связи, энергоснабжения), даже некоторых стратегических зданий — в целях оптимального распределения ресурсов и обеспечения безопасности. Следовательно, «умные города» постоянно наращивают и улучшают число предоставляемых населению услуг, обеспечивая устойчивую среду, которая способствует благополучию и улучшению жизни населения. Основу этих услуг составляет инфраструктура информационных, коммуникационных и интеллектуальных технологий.

Во многих странах мира ширится движение по созданию «умных городов». Однако не следует забывать, что развитие и распространение технологий, прогресс в области строительства «умных городов» пока еще относительно скромны.

Основной проблемой являются ограниченные возможности органов местного самоуправления. Большинство муниципальных властей не имеют достаточных ресурсов или полномочий для реализации полномасштабных информационных, коммуникационных и интеллектуальных проектов. Например, во Франции, Испании, США муниципальные власти имеют право формировать свою политику в рамках своих географических границ. В Великобритании же власти практически лишены возможности напрямую влиять на городское планирование [16].

Казахстан тоже не остается в стороне от мирового тренда регионального развития – концепции «Умный город». В настоящее время в городе Астане реализуется концепция проекта «Smart Astana» [17], направленная на обеспечение высокого качества жизни за счет применения новейших технологий экономического и экологического использования городских систем жизнедеятельности, на создание платформы для инноваций в столице. Следует выделить, что за основу модели развития проекта «Smart Astana» взята модель развития европейских «умных городов», основанная на взаимодействии шести характеристик:

- умное управление (англ. *Smart Governance*);
- умная экономика (*Smart Economy*);
- умная мобильность (*Smart Mobility*);
- умная окружающая Среда (*Smart Environment*);
- умные люди (*Smart People*);
- умная жизнедеятельность (*Smart Living*).

Основная цель концепции проекта «Smart Astana» – разработка и создание в будущем иннограде «Smart Astana» инновационной и социально-экономической среды, способствующей интенсивному развитию инновационного и технологического предпринимательства.

Концепция предусматривает, что проект «Smart Astana» станет лабораторией и экспериментальной площадкой для разработки и апробирования новых технологий, которые затем могут тиражироваться и внедряться в других регионах Казахстана и за рубежом.

В целом концепция «Умный город» позволит создать благоприятные условия для развития регионального инновационного бизнеса. Поэтому регулирование индустриально-инновационного процесса возможно как за счет использования самых современных технологий управления, повышающих общее качество жизни, так и путем формирования в рамках творческой экосистемы, способствующей созданию благоприятной атмосферы для свободного и интенсивного научного поиска в регионе. В частности, в рамках формирования региональной инфраструктуры «умного города» планируется использовать энерго-независимые и энергосберегающие технологии, экотехнологии, снижающие объем вредных выбросов, ресурсосберегающие технологии, компьютерные технологии централизованного управления и системы автоматизированного управления и регулирования транспортных потоков.

Таким образом, модернизация регионов возможна через развитие инновационного бизнеса путем использования концепции «Умный город». Поскольку одной из важнейших тенденций инновационной индустрии является развитие крупных городов не расширением от центра, а за счет городов-спутников – комплексного решения новых, самодостаточных урбанистических построений, со своими центрами притяжения и со своей внутренней экономикой. «Умные города» в инновационном и социально-экономическом аспектах устремлены в будущее. Так, их проекты объединит *синергетический подход, ориентированный на создание инфраструктуры, обладающей*

высоким потенциалом устойчивого долгосрочного развития и создания комфорта для населения.

Регионы группы С — регионы данной группы характеризуются низкими показателями инновационного развития. Однако такие регионы, по сути, могут стать перспективными для развития инновационного бизнеса в будущем. Для регионов данной группы характерен некоторый пик развития, после достижения, которого они сталкиваются с дефицитом трудовых, технологических, финансовых и других ресурсов. Поэтому для таких регионов требуется определение отраслей сложившейся в них специализации и обоснование направления эффективной специализации.

Выявление специализации региона — результат территориального разделения труда, она обусловлена возможностью производить на территории (за счет использования благоприятных исторических, экономических, природных и других условий) определенные виды продукции в количестве, значительно превышающем местные потребности, при сравнительно низких затратах труда, то есть возможностью развивать такие отрасли, продукция которых конкурентоспособна на внешнем рынке и преимущественно ориентирована на вывоз.

Главная характерная черта и отличительная особенность отраслей специализации — большие масштабы (объемы) и эффективность производства, участие в территориальном обмене (вывозе) произведенной продукцией. Отраслям специализации принадлежат решающая роль не только в производстве и экспорте (вывозе) продукции, но и во влиянии на размещение производительных сил (районообразующая функция отрасли), так как именно эти отрасли выполняют на территории моногорода роль ядра, притягивающего к себе вспомогательные обслуживающие и другие дополняющие производства.

Поэтому определение отраслевой специализации регионов позволяет сконцентрировать максимум усилий и ресурсов на такой деятельности, в которой преимущества проявляются в большей степени. Это предполагает создание новых площадок для развития инновационного бизнеса, в которых на основе законодательных актов местным властям будет предоставлена возможность осуществления комплекса мер по стимулированию предпринимательства: налогового стимулирования, предоставления земли под новое строительство, передачи в аренду на льготных условиях старых помещений под реконструкцию и т.д. Это даст возможность создать новые рабочие места, обеспечить перелив капитала в депрессивные регионы, оптимизировать издержки всевозможных ресурсов таким образом, чтобы обеспечить требуемые темпы развития видов деятельности и внедрение новых технологий, в которых достигается наибольшая отдача.

Но главная суть в том, что региональная политика по выявлению специализации региона — *это политика поощрения инновативности и взаимодействия, а не плановое выделение отраслей промышленности (например, нефтехимической, металлургической, текстильной и т.д.) и предприятий, развитие которых будет поддерживаться государством.* При этом не надо забывать, что это не «строительство» структурных технологических цепочек, как при создании территориально-промышленных комплексов в плановой экономике.

В этой связи реализация региональной политики должна способствовать индустриально-инновационной модернизации и росту конкурентоспособности бизнеса за счет реализации потенциала эффективного взаимодействия в регионе, включая расширение доступа к инновациям, технологиям, специализированным

услугам и высококвалифицированным кадрам, а также снижению транзакционных издержек, обеспечивающих формирование предпосылок для реализации совместных проектов и продуктивной конкуренции.

Регионы группы D – данная группа регионов находится в невыгодном инновационном положении. Регионы этой категории находятся в состоянии длительного застоя; для них характерны малодиверсифицированная отраслевая структура промышленности, слабый инновационный потенциал и малоразвитая социальная сфера. В сущности, сохранение таких регионов связано со значительными финансовыми и инвестиционными вложениями при небольших шансах улучшения положения. По сути, такие регионы, испытывающие значительные ресурсные ограничения для своего экономического развития, существенно заинтересованы в индустриально-инновационной модернизации своей экономики, с учётом важности динамичного развития регионов Казахстана за счет положительного синергетического эффекта в условиях геоэкономической конкуренции.

Поэтому государство может оказывать поддержку данным регионам в форме развития производственной инфраструктуры, стимулирования притока частных инвестиций, некоторых налоговых и кредитных льгот и преференций, селективного дотирования предприятий и т.д. Однако масштабы такой финансово-экономической

поддержки в ближайшие годы не могут быть значительными в связи с ограниченностью финансовых ресурсов.

В целом регионы Казахстана имеют существенную дифференциацию по основным инновационным показателям. Это свидетельствует об их социально-экономической неоднородности и вызывает определенную напряженность индустриально-инновационного характера. Региональная политика должна быть реализована различными организационно-экономическими механизмами, направленными не только на снижение территориальных диспропорций, но и на обеспечение благосостояния населения на всей территории страны.

Таким образом, индустриально-инновационный вектор развития как основа модернизации общества выступает в качестве самостоятельного направления региональной политики, что обуславливает их тесную взаимосвязь и взаимное влияние. Необходимость принципиального изменения подходов к формированию механизмов индустриально-инновационной модернизации территорий связана и с действием новых факторов – усилением роли науки и наукоемких технологий, информации, появлением новых финансовых инструментов и методов регулирования. При этом не существует единой универсальной стратегии для всех регионов, т.к. каждая территория имеет различный потенциал и уникальные способности к осуществлению своей индустриально-инновационной деятельности.

Источники

1. Broekel, T. Regional factors and innovativeness: an empirical analysis of four German industries / T. Broekel // *Annals of regional science*. – 2011. – Vol. 47 (1). – P. 169-194
2. Послание Президента страны Назарбаева Н.А. народу Казахстана «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее» от 17 января 2014 г.
3. Экономика: энциклопедия: в трех томах. – К.: Видавничий центр «Академия», 2001. – Т. 2. – 848 с.
4. Romer, P. Increasing Returns and Long Run Growth / P. Romer // *Journal of Political Economy*. – 1986. – P. 1002-1037.
5. Нурланова, Н.К. Методика оценки экономического и инновационного потенциалов регионов Казахстана / Н.К. Нурланова, А.А. Киреева. – Алматы: ИЭ КН МОН РК, 2014. – 108 с.

6. Гранберг, А. Темпы роста в национальном экономическом пространстве / А. Гранберг, Ю. Зайцева // Вопросы экономики. – 2002. – №9. – С. 4-17.
7. Регионы Казахстана: статистический сборник. – Астана: Агентство РК по статистике, 2013. – 28 с.
8. Fujita, M. When is the economy monocentric: von Thunen and Chamberlin unified / M. Fujita, P. Krugman // Regional Science and Urban Economics. – 1995. – Vol. 254. – P. 505-528.
9. Kireyeva, A.A. Effects of Characteristics of SNS upon Attitudes to the Product, Purchase Intention and recommendation / A.A. Kireyeva, M.K. Yong, K.Y. Myoung // Journal of Industrial Distribution and Science. – Vol. 5, No. 1, June 2014. – P. 27-37.
10. Гутман, Г.В. Стратегия развития муниципалитета / Г.В. Гутман, А.Е. Илларионова. – М.: Юркнига, 2003. – 256 с.
11. Панасейкина, В.С. Оценка инвестиционной привлекательности территориальных образований: основные концепции / В.С. Панасейкина // Общество: политика, экономика, право. – 2010. – №2. – С. 36-40.
12. Агентство по статистике РК // Официальный сайт. – Режим доступа: http://www.stat.kz/DIGITAL/Pages/Kazakhstan_cifrah.aspx
13. Kireyeva, A.A. The problems of spatial modernization of the economy and new approaches to way out from crisis: Kazakhstan's experience / A.A. Kireyeva, N.K. Nurlanova // Journal Distribution of Science. – 2013. – №11(3). – P. 39-48.
14. Нурланова, Н.К. Региональная парадигма устойчивого развития Казахстана: проблемы теории и практики / Н.К. Нурланова. – Алматы: Институт экономики КН МОН РК, 2009. – 328 с.
15. Агеенко, А.А. Методологические подходы к оценке инвестиционной привлекательности отраслей экономики региона и отдельных хозяйствующих субъектов / А.А. Агеенко // Вопросы статистики. – 2003. – №6. – С. 48-51.
16. Толмачева, Т. Города берутся за ум. О концепции «умного города» и проблемах ее реализации [Электронный ресурс] / Т. Толмачева. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=3213&level1=main&level2=articles>
17. Проект «Умный город Астана (Smart Astana)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.smartastana.kz>

Kireeva A.A.

Differentiated organizational and economic mechanisms of industrial-innovation development of the regions of Kazakhstan

Anel' Akhmetovna Kireeva – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, the Institute of Economics of the Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (29, Kurmangazy Street, Almaty, 050010, Kazakhstan, anele19@mail.ru)

Abstract. Kazakhstan is characterized by significant interregional differences in the provision with natural resources and economic capacity; this feature is reflected in the level of economic development, provision with social infrastructure, and investment opportunities. Specifics of spatial development in Kazakhstan, different potential of its individual territories, differences in the structure and specialization of economic entities, ambiguity in the severity and depth of the crisis processes in the years of market reforms, the pace and forms of their implementation put the regions of our country in unequal conditions that aggravated their differentiation. That is why the Address of the President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev to the People of Kazakhstan “The Strategy “Kazakhstan 2050”: New Political Course of the Established State” sets out a very timely task of aligning the socio-economic conditions in the regions and forming new effective mechanisms of its implementation. In order to solve this problem under the conditions of economic growth, it is appropriate to implement a new approach to regional policy, which involves the alignment of the level of economic development in the regions, and also provides people’s welfare throughout the country. This important shift in regional policy corresponds to the objectives of transition from resource-based development to industrial innovation development.

In this respect, special importance is attached to the comprehensive assessment of innovation processes and resources of the region for the purpose of their more efficient use and distribution in the interests of industrial-innovation modernization of territorial economy. The article proposes to use a differentiated approach when choosing effective organizational and economic mechanisms for territorial modernization. In particular, the author proposes to use the following components: legal, organizational, economic and financial, research and informational. A new approach has been developed, which helps identify the main strategic directions of industrial-innovation development in the regions and choose the optimal mechanisms for implementation of these directions. The author proposes a model of “industrial-innovation modernization of the region” based on the rating values of the grouping indicators from “A” to “D” as a foundation for the elaboration of strategic directions of development of the territory.

Key words: modernization, innovation development, industrialization, region, Kazakhstan.

References

1. Broekel T. Regional Factors and Innovativeness: an Empirical Analysis of Four German Industries. *Annals of Regional Science*, 2011, vol. 47 (1), pp. 169-194
2. *Poslanie Prezidenta strany Nazarbaeva N.A. narodu Kazakhstana “Kazakhstanskii put” – 2050: Edinaya tsel’, edinye interesy, edinoe budushchee” ot 17 yanvarya 2014 g.* [The Address of the President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev to the People of Kazakhstan “The Kazakhstan Way – 2050”: Common Goal, Common Interests, Common Future” of January 17, 2014].
3. *Ekonomika: entsiklopediya: v trekh tomakh* [Economics: Encyclopedia: in Three Volumes]. Kiev: Vidavnichii tsentr “Akademiya”, 2001. Vol. 2. 848 p.
4. Romer P. Increasing Returns and Long Run Growth. *Journal of Political Economy*, 1986, pp. 1002-1037.
5. Nurlanova N.K., Kireeva A.A. *Metodika otsenki ekonomicheskogo i innovatsionnogo potentsialov regionov Kazakhstana* [Methodology for Assessing the Economic and Innovation Potential of the Regions of Kazakhstan]. Almaty: IE KN MON RK, 2014. 108 p.
6. Granberg A., Zaitseva Yu. Tempy rosta v natsional’nom ekonomicheskom prostranstve [Growth Rates within the National Economic Space]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economy], 2002, no. 9, pp. 4-17.
7. *Regiony Kazakhstana: statisticheskii sbornik* [The Regions of Kazakhstan: Statistics Collection]. Astana: Agentstvo RK po statistike, 2013. 28 p.
8. Fujita M., Krugman P. When is the Economy Monocentric: von Thunen and Chamberlin Unified. *Regional Science and Urban Economics*, 1995, vol. 254, pp. 505-528.
9. Kireyeva A.A., Yong M.K., Myoung K.Y. Effects of Characteristics of SNS upon Attitudes to the Product, Purchase Intention and Recommendation. *Journal of Industrial Distribution and Science*, June 2014, vol. 5, no. 1, pp. 27-37.
10. Gutman G.V., Illarionova A.E. *Strategiya razvitiya munitsipaliteta* [Development Strategy for the Municipality]. Moscow: Yurkniga, 2003. 256 p.
11. Panaseikina V.S. Otsenka investitsionnoi privlekatel’nosti territorial’nykh obrazovaniy: osnovnye kontseptsii [Assessment of Investment Attractiveness of Territorial Entities: Basic Concepts]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2010, no. 2, pp. 36-40.
12. *Agentstvo po statistike. Ofitsial’nyi sait* [Official Website of the Statistical Agency of the Republic of Kazakhstan]. Available at: http://www.stat.kz/DIGITAL/Pages/Kazakhstan_cifrah.aspx
13. Kireyeva A.A., Nurlanova N.K. The Problems of Spatial Modernization of the Economy and New Approaches to Way Out from Crisis: Kazakhstan’s Experience. *Journal Distribution of Science*, 2013, no. 11 (3), pp. 39-48.
14. Nurlanova N.K. *Regional’naya paradigma ustoychivogo razvitiya Kazakhstana: problemy teorii i praktiki* [Regional Paradigm of Sustainable Development of Kazakhstan: Theoretical and Practical Issues]. Almaty: Institut ekonomiki KN MON RK, 2009. 328 p.
15. Ageenko A.A. Metodologicheskie podkhody k otsenke investitsionnoi privlekatel’nosti otraslei ekonomiki regiona i otdel’nykh khozyaystvuyushchikh sub’ektov [Methodological Approaches to the Estimation of Investment Attractiveness of Industries of the Regional Economy and Individual Business Entities]. *Voprosy statistiki* [Statistics Issues], 2003, no. 6, pp. 48-51.
16. Tolmacheva T. *Goroda berutsya za um. O kontseptsii “umnogo goroda” i problemakh ee realizatsii* [Cities Are Coming to Their Senses. About the Concept of “Smart City” and Problems of Its Implementation]. Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=3213&level1=main&level2=articles>
17. *Proekt “Umnyi gorod Astana (Smart Astana)”* [“Smart Astana” Project]. Available at: <http://www.smartastana.kz>

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.15

УДК 001.891, ББК 72.4

© Третьякова О.В.

Развитие национального индекса цитирования как условие формирования системы оценки результатов научной деятельности

**Ольга Валентиновна
ТРЕТЬЯКОВА**

кандидат филологических наук, заведующий отделом,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
социально-экономического развития территорий Российской академии наук
(160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, olga.tretyakova@yandex.ru)

Аннотация. В наши дни управление ресурсами, выделяемыми на науку, напрямую зависит от наличия информации о состоянии научных исследований в стране и за рубежом. В связи с ростом количества научных исследований, получающих бюджетное финансирование, а также проводимых при поддержке различных фондов, особую актуальность приобретает проблема анализа и комплексной оценки их результатов, выбора наиболее перспективных тем исследования.

В настоящей работе обоснована необходимость развития национальной информационно-аналитической системы цитирования, которая должна стать частью системы оценки эффективности и результативности деятельности российских ученых и научных организаций. На основе анализа библиометрических показателей Российского индекса научного цитирования показана динамика публикационной активности научных организаций экономического профиля, подведомственных ФАНО России.

Полученные результаты доказывают, что научные организации наращивают свою публикационную активность в РИНЦ, повышают качество публикаций, их научную и практическую значимость, о чем свидетельствуют планомерно увеличивающиеся показатели цитируемости. Показатели проведенного наукометрического мониторинга свидетельствуют о том, что в совокупности с экспертной оценкой РИНЦ в перспективе может использоваться как инструмент оценки эффективности и результативности деятельности научных учреждений, как альтернатива международным базам, показатели которых сегодня официально используются в этих целях.

Ключевые слова: наукометрия, индекс цитирования, РИНЦ, система оценки результатов научной деятельности, публикационная активность.

Сегодня для принятия эффективных управленческих решений в сфере науки необходимо создание системы объективной оценки результатов научной деятельности, позволяющей сконцентрировать государственные средства на перспективных направлениях исследований, результаты которых востребованы обществом и экономикой страны.

Разработка наукометрических измерений и их сопоставление открывают новые грани оценки научной деятельности, дают возможность скорректировать ее направления и содержание, сравнить результаты исследований. Анализ цитирований позволяет выявить закономерности и определить вероятностные темпы развития науки, служит эффективным методом изучения коммуникации в профессиональном сообществе и дисциплинарной структурой науки.

Несмотря на то что различные аспекты применения библиометрических показателей для оценки результатов научной деятельности освещаются как зарубежными (Е. Garfield [23, 24], М. Graber [24], J. Hirsch [25], R. Ketzler [28] и др.), так и отечественными исследователями (Б.И. Бедный [1], С.В. Бредихин [2], В.А. Варшавский [4, 5, 6], О.В. Кириллова [12], В.А. Маркусова [4, 13], О.В. Михайлов [14], В.В. Писляков [17] и др.), еще не установлены четкие критерии оценок, основанных на библиометрических измерениях; сохраняется необходимость проведения ряда наукометрических исследований для определения источников информации и методов ее извлечения, а также для выявления задач, которые могут быть решены при наличии той или иной информации.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы обосновать необходимость развития национальной информационно-аналитической системы цитирования, которая должна стать частью системы оценки

эффективности и результативности деятельности российских ученых и научных организаций. Показатели проведенного мониторинга показателей публикационной активности научных организаций экономического профиля, подведомственных ФАНО России, свидетельствуют о том, что в РИНЦ накоплен определенный ресурс, который в перспективе может использоваться как инструмент оценки эффективности деятельности научных учреждений, как альтернатива международным базам, показатели которых сегодня официально используются в этих целях, хотя они не позволяют в полной мере оценить результаты научной деятельности российских научных организаций и отдельных ученых по причине их слабой представленности в глобальных индексах цитирования.

В настоящее время на страницах научных изданий и в СМИ развернулась дискуссия по поводу целесообразности применения наукометрических показателей в сфере регулирования деятельности ученых. Эксперты считают, что «в связи с реформированием РАН грядет аттестация академических институтов, и библиометрические показатели (количество публикаций, цитируемость, импакт-фактор научных журналов, индекс Хирша) будут использоваться в качестве индикаторов эффективности деятельности научных коллективов» [7]. Как подчеркивает Л.Э. Миндели, переход ведущих стран мира к экономике, базирующейся на знаниях, открывает новые горизонты для наукометрических разработок и, по его мнению, «методический арсенал наукометрии выйдет за рамки собственно науки и найдет масштабное применение для мониторингового взаимодействия экономических и социальных субъектов в области знаний» [7].

Наряду с учеными, признающими роль библиометрических показателей как инструмента измерения значимости научных

результатов, многие эксперты подвергают сомнению оценку академической ценности результатов исследований, основанную на данных о цитировании, на том основании, что цитатные показатели представляют собой ограниченный и неполный взгляд на качество исследований¹.

Среди исследователей, допускающих применение наукометрических методов к оценке результативности и эффективности науки, сложилось мнение о том, что при этом библиометрические показатели должны использоваться в качестве вспомогательных, только как дополнение к экспертной оценке². Следует также отметить, что вслед за зарубежными учеными³ российские эксперты признают, что результативность или продуктивность труда ученых целесообразно оценивать посредством показателя удельных внутренних затрат на академическую или фундаментальную науку по паритету покупательной способности в расчете на одну статью [32].

Несмотря на то что эксперты еще не пришли к единому мнению по поводу использования показателей публикационной активности для оценки эффективности научной деятельности ученых и научных коллективов, наукометрические параметры используются как целевые ориентиры государственной научной политики. При этом за основу берутся данные зарубежных систем цитирования. Так, в целях дальнейшего совершенствования государственной политики в области образования и науки и подготовки квалифицированных специ-

алистов с учетом требований инновационной экономики Президент постановил Правительству РФ «обеспечить к 2015 году доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (WEB of Science), до 2,44 процента»⁴.

Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 марта 2014 г. № 162 утверждены порядок представления научными организациями сведений о результатах их деятельности в целях мониторинга и состав этих сведений [15]. Состав сведений определяется 25 показателями, которые оценивают результаты деятельности научных организаций по четырем направлениям: результативность и востребованность научных исследований; развитие кадрового потенциала; интеграция в мировое научное пространство, распространение научных знаний и повышение престижа науки; ресурсное обеспечение деятельности научной организации.

Первая группа индикаторов для оценки результативности и востребованности научных исследований включает восемь показателей, три из которых являются библиометрическими. К ним относятся число и совокупная цитируемость публикаций организации, индексируемых в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования, а также совокупный импакт-фактор журналов, в которых опубликованы статьи организации. Следует отметить, что обязательно указывается число и совокупная цитируемость публикаций, индексируемых в базе данных Web of Science, в то время как данные по другим базам данных являются факультативными.

⁴ О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №599 [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2012. — 7 мая. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html>

¹ См., например, работы Ф. Кемпбелла, П.А. Лоуренса [Игра в «цыфирь», или Как теперь оценивают труд ученого: сборник статей о библиометрике. — М.: МЦНМО, 2011.].

² Варшавский А.Е. Основные проблемы оценки результативности и эффективности деятельности научных организаций [Эл. рес.]. — Режим доступа: http://www.cemi.rssi.ru/news/cemi/index.php?ELEMENT_ID=7987

³ См., например: Leydesdorff L., Wagner C.S. Macrolevel indicators of the relations between research funding and research output // Journal of Informetrics. — 2009. — Vol. 3. — No. 4. — P. 353-362.

К данным международных информационно-аналитических систем научного цитирования привязаны также два показателя, по которым оценивается степень интеграции учреждения в мировое научное пространство. Это число статей, подготовленных совместно с зарубежными организациями, и число научных конференций с международным участием. Здесь учитываются работы, опубликованные в журналах, индексируемых в

Web of Science и Scopus, а также научные конференции и симпозиумы, по которым изданы материалы, индексируемые в указанных международных информационно-аналитических системах научного цитирования.

В *таблице 1* приводятся показатели оценки деятельности научных организаций, которые определяются по данным информационно-аналитических систем научного цитирования.

Таблица 1. Состав сведений о результатах деятельности научных организаций, рассчитываемых по данным информационно-аналитических систем научного цитирования

Результативность и востребованность научных исследований	Число публикаций организации, индексируемых в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования:		Учитываются все рецензируемые публикации за отчетный период (статьи, обзоры, тезисы докладов, материалы конференций)
	а	Web of Science	В качестве дополнительной информации организация указывает строку поиска
	б	Scopus	Указывается по желанию организации
	в	Российский индекс научного цитирования	Указывается по желанию организации
	г	Google Scholar	Указывается по желанию организации
	д	ERIH (European Reference Index for the Humanities)	Указывается по желанию организации
	е	Специализированная информационно-аналитическая система	Указывается по желанию организации в случае, если публикации индексируются в иной международной системе
	Совокупная цитируемость публикаций организации, индексируемых в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования:		Учитывается совокупная цитируемость публикаций организации
	а	Web of Science	Показатель рассчитывается автоматически по опции Search
	б	Scopus	Указывается по желанию организации
	в	Google Scholar	Указывается по желанию организации
	г	Российский индекс научного цитирования	Указывается по желанию организации
	Совокупный импакт-фактор журналов, в которых опубликованы статьи организации		Вычисляется по значениям импакт-факторов журналов, соответствующих году отчета
Интеграция в мировое научное пространство, распространение научных знаний и повышение престижа науки	Число статей, подготовленных совместно с зарубежными организациями		Учитываются работы, опубликованные в журналах, индексируемых в международных информационно-аналитических системах научного цитирования Web of Science и Scopus
	Число научных конференций с международным участием, проведенных организацией		Учитываются только научные конференции и симпозиумы, по которым изданы материалы, индексируемые в международных информационно-аналитических системах научного цитирования Web of Science и Scopus
Источник: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 марта 2014 г. № 162. Приложение 3 «Состав сведений о результатах деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, представляемых в целях мониторинга и оценки» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/05/14/minobrnauki2-dok.html .			

Однако использование показателей глобальных индексов цитирования не дает объективной картины для оценки научной деятельности российских ученых, поскольку их публикации слабо представлены в международных базах (по данным на август 2013 года на долю российских ученых приходится 1,9% в общем числе публикаций в Scopus и 1,2% – в Web of Science) [12, с. 13]. Также следует отметить, что цитируемость российских авторов невысокая. Так, показатель влияния цитирования, который рассчитывается в InCites⁵ как среднее цитирование статей, выраженное в доле от среднего по миру (равно 1), только в последние годы приближается к значению 0,5, т.е. в два раза ниже среднего мирового индикатора. Зарубежные эксперты отмечают, что показатель влияния цитирования российских публикаций является одним из самых низких среди стран Восточной Европы, несмотря на общее мнение, что наука в России очень сильна⁶.

Таким образом, использование показателей глобальных информационно-аналитических систем научного цитирования для мониторинга и оценки результатов деятельности научных организаций в России, на наш взгляд, не позволяет сформировать объективное представление о публикационной активности российских ученых и научных коллективов.

Кроме того, по мнению ведущих ученых, «подмена национальной реферативно-библиографической базы иностранными системами цитирования ведет к ориентации российских ученых на научно-исследовательские работы, интересные

в первую очередь зарубежному научному сообществу, у которого свои потребности в научной информации, очень часто не совпадающие с тем, что необходимо отечественной науке в силу исторически сложившихся реалий» [11, с. 11]. В результате этого происходит «потеря суверенитета российской науки в части выбора направлений исследований и отток за рубеж перспективных молодых ученых, которые переориентировались на иностранную научную тематику» [11, с. 11].

Таким образом, всё большую актуальность приобретает вопрос о создании национального индекса цитирования, который мог бы стать альтернативой зарубежным базам данных. Мировой опыт свидетельствует о том, что развитие национальных библиографических баз способствует повышению уровня национальных научных изданий, а также позволяет наиболее полно и достоверно подойти к оценке результативности научных коллективов на основе опубликованных ими трудов.

Созданные во многих странах национальные реферативные базы данных, такие как China Scientific and Technical Papers and Citations⁷ и Chinese Science Citation Database (Китай)⁸, Citation Database for Japanese Papers (Япония)⁹, Brazil's National Database of Research and Science Résumés (Бразилия), достигли значительных успехов в популяризации и демонстрации научных достижений своих государств.

⁷ База данных China Scientific and Technical Papers and Citations (CSTPC) создана Китайским институтом научной и технической информации. Тематическая направленность: прикладные науки [Y. Wu, 2004].

⁸ База данных Chinese Science Citation Database разработана Центром документации и информации Китайской академии наук. Тематическая направленность: фундаментальные науки [B. Jin, 1999].

⁹ База данных Citation Database for Japanese Papers создана Национальным институтом информатики Японии. Индексирует только STM-издания, выходящие в Японии [M. Negishi, 2004].

⁵ Аналитическая система компании Thomson Reuters, использующая в качестве источника информации данные индекса цитирования Web of Science. – Режим доступа: <http://incites.isiknowledge.com/iplogin.action>

⁶ См., например: Kozak M., Bornmann L., Leydesdorff L. How have the Eastern European countries of the former Warsaw Pact developed since 1990? A bibliometric study. *Scientometrics*. – 2015. – Vol. 102. – Iss. 2. – P. 1113.

Вопрос о создании объективной системы работы научных организаций не раз поднимался, в том числе и на самом высоком уровне. Так, на заседании Совета при Президенте РФ по науке и образованию в Гатчине (30 апреля 2013 года) В.В. Путин справедливо отметил, что «действующий инструмент оценки научных организаций и результатов их работы имеет, безусловно, определённые недостатки. Он не позволяет выделить настоящих лидеров в том или ином секторе исследований, а сама оценка результативности никак не увязана с финансированием научных организаций». Президент РФ подчеркнул, что существует необходимость выстроить «национальную систему объективной оценки работы научных организаций», которая, по его мнению, «позволит сконцентрировать государственные средства на тех направлениях, где мы можем сказать, действительно, веское новое слово, получить многообещающие результаты, востребованные нашим обществом и экономикой страны»¹⁰.

На наш взгляд, что частью такой системы может стать Российский индекс научного цитирования. Созданный в 2005 году на платформе Научной электронной библиотеки (НЭБ, eLibrary.ru), сегодня РИНЦ является мощной аналитической системой для оценки научной деятельности, в которой рассчитывается и постоянно обновляется ряд наукометрических показателей.

В основе национальной системы лежит библиографическая реферативная база данных, в которой аккумулировано более 7 миллионов публикаций российских авторов и информация о цитировании этих публикаций из более 4,5 тыс. российских журналов.

¹⁰ Выступление В.В. Путина на Заседании Совета по науке и образованию, Гатчина, 30 апреля 2013 года. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/18010>

Помимо публикаций из научных журналов в РИНЦ включаются доклады на конференциях, монографии, учебные пособия, патенты, диссертации. База содержит сведения о выходных данных, авторах публикаций, местах их работы, ключевых словах и предметных областях, а также аннотации и пристатейные списки литературы. РИНЦ позволяет на основе объективных данных оценивать результативность исследовательской работы и детально исследовать статистику публикационной активности более 600 тысяч российских ученых и 11 тысяч научных организаций, относящихся ко всем отраслям знаний¹¹.

Ранее нами уже была предпринята попытка представить общие подходы к оценке результативности научной деятельности организаций на основе статистических данных Российского индекса научного цитирования [20, 21]. Изучение накопленного в РИНЦ ресурса подтвердило важность наукометрических показателей для современного ученого в отдельности и научных коллективов в целом.

Мониторинг показателей публикационной активности осуществляется по группе академических институтов экономического профиля, подведомственных Федеральному агентству научных организаций, которые ранее входили в Секцию экономики ООН РАН. Анализ наукометрических индикаторов показал, что эти организации наращивают свою публикационную активность, повышают качество публикаций, их научную и практическую значимость, о чем свидетельствуют планомерно увеличивающиеся показатели цитируемости.

Полученные результаты позволяют нам сегодня говорить о том, что если в 2013 году имело место неактивное использование

¹¹ Российский индекс научного цитирования // Научная электронная библиотека. — Режим доступа: http://elibrary.ru/projects/citation/cit_index.asp

ресурсов РИНЦ в указанной референтной группе, то на начало 2015 года большинство институтов существенно увеличили свои показатели в этой базе данных.

Поскольку индикаторы в РИНЦ периодически обновляются не только по текущему году, но и по предыдущим периодам, чтобы оценить темпы роста публикационной активности институтов из указанной референтной группы, мы сравнили ряд показателей за пять лет.

Для обеспечения сопоставимости сравниваемых периодов в динамике использованы суммарные показатели двух последовательных пятилетий: 2008–2012 гг. (по данным РИНЦ на октябрь 2013 г.)¹²; 2009–2013 гг. (по данным РИНЦ на октябрь 2014 г.)¹³, т.е. в последующем периоде были исключены показатели базового года предшествующего пятилетия и добавлены показатели следующего года. Такой подход позволяет иметь равные временные отрезки, а также учитывать активизацию наполняемости данными.

Справочно даются показатели за последний пятилетний период, представленный в РИНЦ, т.е. за 2010–2014 гг. Эти данные не используются для сопоставления, так как они представлены в РИНЦ еще не в полном объеме. Эти данные выявляют дальнейшие тенденции развития и используются для ранжирования научных организаций.

Динамика показателей общего числа публикаций в РИНЦ, принадлежащих научным институтам экономического про-

филя, подведомственным ФАНО России, представлена в *таблице 2*. Организации ранжированы по общему количеству публикаций за 2010–2014 гг.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в среднем по референтной группе темп роста числа публикаций за период 2009–2013 гг. составил 125% по сравнению с предыдущим периодом 2008–2012 гг. Имеющиеся данные на 14.01.2015 также показывают рост числа публикаций за период 2010–2014 гг. по сравнению с предыдущим пятилетним периодом на 13%. Очевидно, что эти цифры еще несколько увеличатся на конец 2015 года.

В *таблице 3* представлена динамика показателей общего числа цитирований в РИНЦ, принадлежащих научным институтам экономического профиля, подведомственным ФАНО России. Организации ранжированы по общему количеству цитирований за 2010–2014 гг.

Анализ цитирований позволяет сделать вывод о том, что все институты экономического профиля, подведомственные ФАНО России, существенно улучшили показатели цитирования за 2009–2013 гг. по отношению к предыдущему пятилетнему периоду. Средний темп роста по этому показателю в референтной группе за 2014 год составил 209%, т.е. общее количество цитирований увеличилось более чем в 2 раза.

Результаты исследования динамики значений индекса Хирша¹⁴ научных учреждений экономического профиля, подведомственных ФАНО России, свидетельствуют о том, что этот показатель у многих институтов существенно увеличился в течение 2014 года (*табл. 4*).

¹² Статистические данные за указанный период представлены в статье: Третьякова, О.В. Возможности и перспективы использования индексов цитирования в оценке результатов деятельности научного учреждения / О.В. Третьякова, Е.А. Кабакова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – №6 (30). – С.189-200.

¹³ Статистические данные за указанный период представлены в препринте: Третьякова, О.В. Индексы научного цитирования. Возможности и перспективы в оценке результатов научной деятельности / О.В. Третьякова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014.

¹⁴ Индекс Хирша h получается, если n из общего количества (Np) статей сотрудников данного учреждения цитируется как минимум h раз каждая, в то время как оставшиеся ($Np - h$) статьи цитируются не более чем h раз каждая [Hirsch J.E., 2005].

Таблица 2. Динамика показателей общего числа публикаций за пятилетний период научных учреждений экономического профиля, подведомственных ФАНО России, в РИНЦ

Наименование учреждения	Общее количество публикаций за 2008-2012 гг. (данные на октябрь 2013 г.)	Общее количество публикаций за 2009-2013 гг. (данные на октябрь 2014 г.)	Темп роста 2009-2013 гг. к 2008-2012 гг., %	Общее количество публикаций за 2010-2014 гг. (данные на 14.01.2015)	Ранговое место за период 2010-2014 гг. (данные на 14.01.2015)
Институт экономики РАН	1979	2182	110	2324	1
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	1354	1744	128	1982	2
Институт экономики УрО РАН	1312	1449	110	1467	3
Центральный экономико-математический институт РАН	781	945	120	1459	4
Институт социально-экономического развития территорий РАН	716	922	150	1201	5
Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН	644	1096	170	1170	6
Институт социально-экономических исследований Уфимского НЦ РАН	85	514	в 6 раз	714	7
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	646	678	104	643	8
Институт проблем рынка РАН	188	406	216	464	9
Институт экономических исследований ДВО РАН	257	365	142	457	10
Институт социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН	480	472	98	421	11
Институт аграрных проблем РАН	365	371	102	382	12
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН	352	372	106	360	13
Институт проблем региональной экономики РАН	287	284	99	359	14
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН	116	185	159	242	15
Институт экономики Карельского НЦ РАН	128	163	127	178	16
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН	126	163	129	171	17
Сочинский научно-исследовательский центр РАН	69	106	154	99	18
Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН	73	80	110	68	19
Итого	9958	12497	125	14161	-

Таблица 3. Динамика показателей общего числа цитирований за пятилетний период научных учреждений экономического профиля, подведомственных ФАНО России, в РИНЦ

Наименование учреждения	Общее количество цитирований за 2008-2012 гг. (данные на октябрь 2013 г.)	Общее количество цитирований за 2009-2013 гг. (данные на октябрь 2014 г.)	Темп роста 2009-2013 гг. к 2008-2012 гг., %	Общее количество цитирований за 2010-2014 гг. (данные на 14.01.2015)	Ранговое место за период 2010-2014 гг. (данные на 14.01.2015)
Центральный экономико-математический институт РАН	2389	4536	190	10223	1
Институт экономики РАН	2655	5059	191	6400	2
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	2138	5141	240	6137	3
Институт экономики УрО РАН	1448	2790	193	3856	4
Институт проблем рынка РАН	300	2504	в 8,4 раза	3519	5
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	2032	2876	142	3092	6
Институт социально-экономического развития территорий РАН	677	1335	197	2027	7
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН	806	1283	159	1508	8
Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН	197	861	в 4,4 раза	1116	9
Институт экономических исследований ДВО РАН	399	820	205	1075	10
Институт социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН	108	352	326	676	11
Институт социально-экономических исследований Уфимского НЦ РАН	42	254	в 6 раз	385	12
Институт проблем региональной экономики РАН	149	225	151	379	13
Институт аграрных проблем РАН	135	228	169	314	14
Институт экономики Карельского НЦ РАН	62	156	252	273	15
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН	100	169	169	249	16
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН	15	103	в 6,9 раз	222	17
Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН	119	170	143	198	18
Сочинский научно-исследовательский центр РАН	70	90	129	112	19
Итого	13841	28952	209	41761	-

Таблица 4. Динамика значений индекса Хирша научных учреждений экономического профиля, подведомственных ФАНО России, в РИНЦ

Наименование учреждения	h-индекс (данные на октябрь 2013 г.)	h-индекс (данные на октябрь 2014 г.)	Темп роста значения индекса Хирша в 2014 г. по сравнению с 2013 г.	h-индекс (данные на 14.01.2015)	Ранговое место (данные на 14.01.2015)
Центральный экономико-математический институт РАН	21	32	152	48	1
Институт проблем рынка РАН	10	34	340	35	2
Институт экономики РАН	23	29	126	32	3
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	15	29	193	31	4
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	22	27	123	28	5
Институт экономики УрО РАН	14	20	143	21	6-7
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН	16	20	125	21	6-7
Институт социально-экономического развития территорий РАН	12	13	108	14	8-9
Институт экономических исследований ДВО РАН	9	13	144	14	8-9
Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН	7	11	157	12	10
Институт социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН	4	9	225	10	11
Институт социально-экономических исследований Уфимского НЦ РАН	4	8	200	9	12-14
Институт аграрных проблем РАН	5	8	160	9	12-14
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН	6	7	117	9	12-14
Институт экономики Карельского НЦ РАН	4	7	175	8	15-16
Институт проблем региональной экономики РАН	6	7	117	8	15-16
Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН	6	7	117	7	17-18
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН	3	5	167	7	17-18
Сочинский научно-исследовательский центр РАН	4	5	125	5	19

Таким образом, анализ индикаторов публикационной активности академических институтов экономического профиля, подведомственных ФАНО России, показал, что в течение 2014 года показатели публикационной активности этих организаций в РИНЦ существенно увеличились. Значительный рост библиометрических показателей обусловлен тем, что научные институты максимально широко представили в РИНЦ результаты научной деятельности, что подтверждает возросший интерес к аналитическому ресурсу. Очевидно, что уже сегодня Российский индекс научного цитирования имеет все перспективы стать частью системы по оценке результатов работы научных организаций. В совокупности с квалифицированной экспертной оценкой, позволяющей учитывать специфику научной деятельности, наукометрические индикаторы, представленные в РИНЦ, на наш взгляд, могут составить объективное представление о результативности деятельности научных учреждений по различным референтным группам.

Следует, однако, отметить, что развитие русскоязычного ресурса, каковым является РИНЦ, требует дополнительных организационных и экономических мер.

Прежде всего, на государственном уровне необходимо принятие решения о закреплении за Российским индексом научного цитирования статуса национальной базы данных. Важно иметь в виду, что, если речь идет об оценке эффективности и результативности деятельности российских ученых и научных организаций, а также о ранжировании научных журналов на базе каких-либо наукометрических показателей, необходимо брать за основу данные национального индекса цитирования. Развитие отечественной реферативно-библиографической базы будет во многом

способствовать сохранению суверенитета российской науки, позволит руководствоваться в выборе приоритетов научного развития прежде всего национальными интересами.

В составе сведений о результатах деятельности научных организаций, представляемых в целях мониторинга и оценки в ФАНО России, целесообразно в качестве обязательного показателя оценки результативности и востребованности научных исследований указывать «число публикаций организации, индексируемых в РИНЦ». Количество публикаций, реферируемых в международных базах данных, на наш взгляд, не может использоваться как основной наукометрический показатель для оценки результатов работы российской научной организации, поскольку российские публикации слабо представлены в зарубежных базах данных и этот показатель не позволяет составить объективную картину публикационной активности научных учреждений.

Отдельно следует отметить, что формирование национального индекса цитирования должно быть организовано путем отбора периодических изданий и отдельных публикаций по строгим критериям, которые обеспечили бы качество представленных в базе материалов, что сделало бы их оценку по наукометрическим показателям более объективной.

В завершение следует подчеркнуть, что главной целью системы оценки результатов научной деятельности должен стать поиск путей содействия научным институтам, создание базы для принятия эффективных управленческих решений в сфере науки, что позволит повысить уровень российских научных изданий и добиться существенных результатов по всем направлениям научных исследований.

Литература

1. Бедный, Б.И. О показателях научного цитирования и их применении / Б.И. Бедный, Ю.М. Сорокин // Высшее образование в России. — 2012. — №3. — С.17-28.
2. Бредихин, С.В. Анализ цитирования в библиометрии / С.В. Бредихин, А.Ю. Кузнецов, Н.Г. Щербакова. — Новосибирск: ИВМиМГ СО РАН, НЭИКОН, 2013.
3. Варшавский, А.Е. Основные проблемы оценки результативности и эффективности деятельности научных организаций. Доклад на Экспертной сессии ФАНО России «Оценка эффективности деятельности научных организаций» [Электронный ресурс] / А.Е. Варшавский. — М., 2014. — Режим доступа: http://www.cemi.rssi.ru/news/cemi/index.php?ELEMENT_ID=7987
4. Варшавский, А.Е. Методологические проблемы международного сравнительного анализа результатов научной деятельности / А.Е. Варшавский, В.А. Маркусова // Инновационная политика: Россия и Мир: 2002–2010 / под общ. ред. Н.И. Ивановой и В.В. Иванова; Российская академия наук. — М.: Наука, 2011. — С.407-441.
5. Варшавский, А.Е. Об адекватной оценке результативности научной деятельности / А.Е. Варшавский, В.В. Иванов, В.А. Маркусова // Вестник Российской академии наук. — 2011. — Т.81. — №7. — С.587-593.
6. Варшавский, А.Е. Проблемы науки и ее результативность / А.Е. Варшавский // Вопросы экономики. — 2011. — № 1. — С. 151-157.
7. Возовикова, Т. Аршином не измеришь. Ученые достойны фундаментальной оценки своего труда / Т. Возовикова // Поиск. — 2013. — №44.
8. Гарфилд, Ю. Можно ли выявлять и оценивать научные достижения и научную продуктивность? // Вестник АН СССР. — 1982. — №6. — С. 43.
9. Игра в “цыфирь”, или Как теперь оценивают труд ученого: сборник статей о библиометрике. — М.: МЦНМО, 2011.
10. Кабакова, Е.А. Использование наукометрических показателей при оценке научной деятельности / Е.А. Кабакова // Вопросы территориального развития. — 2014. — № 8 (18). — Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=4203>.
11. Каблов, Е.Н. Право на рейтинг. Как оценить интеллектуальный ресурс России? / Е.Н. Каблов // Поиск. — 2013. — №45-46. — С. 11.
12. Кириллова, О.В. Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам: рекомендации эксперта БД Scopus / О.В. Кириллова. — М., 2013. — Ч. 1. — 90 с.
13. Маркусова, В.А. Библиометрические показатели российской науки и РАН (1997–2007) / В.А. Маркусова, В.В. Иванов, А.Е. Варшавский // Вестник РАН. — 2009. — Т. 79. — №7. — С. 483-491.
14. Михайлов, О.В. Критерии и параметры объективной оценки качества научной деятельности / О.В. Михайлов // Вестник Российской академии наук. — 2011. — Т. 81. — №7. — С. 622-625.
15. Об утверждении порядка предоставления научными организациями, выполняющими научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, сведений о результатах их деятельности и порядка подтверждения указанных сведений федеральными органами исполнительной власти в целях мониторинга, порядка предоставления научными организациями, выполняющими научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, сведений о результатах их деятельности в целях оценки, а также состава сведений о результатах деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения, предоставляемых в целях мониторинга и оценки Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 марта 2014 года № 162 [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2014. — 14 мая. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/05/14/minobrnauki2-dok.html>
16. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №599 [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2012. — 7 мая. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html>
17. Писляков, В.В. Методы оценки научного знания по показателям цитирования / В.В. Писляков // Социологический журнал. — 2007. — №7. — С. 128-140.
18. Российский индекс научного цитирования // Научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://elibrary.ru/projects/citation/cit_index.asp

19. Третьякова, О.В. Возможности и перспективы использования индексов цитирования в оценке результатов деятельности научного учреждения / О.В. Третьякова, Е.А. Кабакова // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2013. – №6 (30). – С.189-200.
20. Третьякова, О.В. Индексы научного цитирования. Возможности и перспективы в оценке результатов научной деятельности [Текст]: препринт / О.В. Третьякова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 52 с.
21. Третьякова, О.В. Современные инструменты оценки научного потенциала территории: наукометрический подход / О.В. Третьякова // *Проблемы развития территории*. – 2014. – № 4. – С. 7-16.
22. China Scientific and Technical Papers and Citations (CSTPC): History, impact and outlook / Y. Wu, Y. Pan, Y. Zhang, Z. Ma, J. Pang, H. Guo, B. Xu, Z. Yang // *Scientometrics*. – 2004. – Vol. 60. – Iss. 3. – P. 385-397.
23. Garfield, E. Citation indexes to science: a new dimension in documentation through association of ideas / E. Garfield // *Science*. – 1955. – Vol. 122. – No. 3159. – P. 108-111.
24. Garfield, E. New Factors in the Evaluation of Scientific Literature Through Citation Indexing / E. Garfield, I. H. Sher // *American Documentation*. – 1963. – Vol. 14. – No. 3. – P. 195-201.
25. Graber, M. Publish or perish? The increasing importance of publications for prospective economics professors in Austria, Germany and Switzerland / M. Graber, A. Launov, K. Walde // *German Economic Review*. – 2008. – 9(4). – P. 457-472.
26. Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output // *Proc. Of the National Acad. Sci. USA*. – 2005. – V. 102. – No.46. – P. 16569-16572.
27. Jin, B. Chinese Science Citation Database: its construction and application / B. Jin, B. Wang // *Scientometrics*. – 1999. – Vol. 45. – Iss. 2. – P. 325-332.
28. Ketzler, R. A citation-analysis of economic research institutes / R. Ketzler, K. Zimmermann // *Scientometrics*. – 2013. – Vol. 95. – Iss. 3. – P.1095-1112. doi:10.1007/s11192-012-0850-2.
29. Kozak, M. How have the Eastern European countries of the former Warsaw Pact developed since 1990? A bibliometric study/ M. Kozak, L. Bornmann, L. Leydesdorff // *Scientometrics*. – 2015. – Vol. 102. – Iss. 2. – P. 1101-1117. doi: 10.1007/s11192-014-1439-8.
30. Leydesdorff, L. Macrolevel indicators of the relations between research funding and research output / L. Leydesdorff, C. S. Wagner // *Journal of Informetrics*. – 2009. – Vol. 3. – No. 4. – P. 353-362.
31. Liansheng, M. Document database construction in China in the 1990s: A review of developments / M. Liansheng // *The Electronic Library*. – 2000. – Vol. 18. – No. 3. – P. 210-215.
32. Markusova, V. Trends in Russian research output in post-soviet era / V. Markusova, M. Jansz, A. Libkind, I. Libkind, A. Varshavsky // *Scientometrics*. – 2009– Vol. 2. – Iss. 279. – P. 249-260.
33. Negishi, M. Citation Database for Japanese Papers: A new bibliometric tool for Japanese academic Society / M. Negishi, Y. Sun, K. Shigi // *Scientometrics*. – 2004. – Vol. 60. – Iss. 3. – P. 333-351.

Tret'yakova O.V.

Development of national citation index as a condition for the formation of a system to evaluate scientific research performance

Ol'ga Valentinovna Tret'yakova – Ph.D. in Philology, Department Head, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, olga.tretyackova@yandex.ru)

Abstract. Nowadays the management of resources allocated to science depends directly on the availability of information about the state of scientific research in the country and abroad. Due to the increasing number of research projects that receive public funding and that are carried out with the support from various funds, special importance is attached to the issue concerning the analysis and comprehensive evaluation of scientific research performance and the choice of the most promising research topics.

The article substantiates the necessity to develop a national information and analytical system of citation, which should become part of the system to assess the effectiveness and performance of Russian

scientists and scientific organizations. The author uses the analysis of bibliometric indicators of the Russian Science Citation Index and shows the evolution of publication activity of organizations engaged in economic research and subordinate to the Federal Agency of Scientific Organizations of Russia.

The results demonstrate that scientific organizations increase their publication activity in the RSCI, improve the quality of publications and their scientific and practical significance, as evidenced by the steadily increasing citation rates. The indicators of a scientometric monitoring prove that in the future the RSCI along with expert assessment can be used as a tool to evaluate performance efficiency of scientific institutions; it can be viewed as an alternative to international databases that are officially used for this purpose at present.

Key words: scientometrics, citation index, RSCI, a system to evaluate scientific research performance, publication activity.

References

1. Bednyi B.I., Sorokin Yu.M. O pokazatelyakh nauchnogo tsitirovaniya i ikh primeneni [About Science Citation Indices and Their Application]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2012, no. 3, pp.17-28.
2. Bredikhin S.V., Kuznetsov A.Yu., Shcherbakova N.G. *Analiz tsitirovaniya v bibliometrii* [Citation Analysis in Bibliometrics]. Novosibirsk: IVMiMG SO RAN, NEIKON, 2013.
3. Varshavskii A.E. *Osnovnye problemy otsenki rezul'tativnosti i effektivnosti deyatel'nosti nauchnykh organizatsii. Doklad na Ekspertnoi sessii FANO Rossii "Otsenka effektivnosti deyatel'nosti nauchnykh organizatsii"* [Main Problems in Assessing the Effectiveness and Efficiency of Performance of Scientific Organizations. Report on the Expert Session of FANO of Russia "Assessment of Efficiency of Performance of Scientific Organizations"]. Moscow, 2014. Available at: http://www.cemi.rssi.ru/news/cemi/index.php?ELEMENT_ID=7987
4. Varshavskii A.E., Markusova V.A. Metodologicheskie problemy mezhdunarodnogo sravnitel'nogo analiza rezul'tatov nauchnoi deyatel'nosti [Methodological Issues in International Comparative Analysis of Scientific Research Performance]. *Innovatsionnaya politika: Rossiya i Mir: 2002–2010* [Innovation Policy: Russia and the World: 2002–2010]. Under general editorship of N.I. Ivanova and V.V. Ivanov. Moscow: Nauka, 2011. Pp. 407-441.
5. Varshavskii A.E., Ivanov V.V., Markusova V.A. Ob adekvatnoi otsenke rezul'tativnosti nauchnoi deyatel'nosti [About an Adequate Assessment of Scientific Research Performance]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2011, vol. 81, no. 7, pp. 587-593.
6. Varshavskii A.E. Problemy nauki i ee rezul'tativnost' [Problems of Science and Its Effectiveness]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2011, no. 1, pp. 151-157.
7. Vozovikova T. Arshinom ne izmerish'. Uchenye dostoiny fundamental'noi otsenki svoego truda [You Cannot Measure It by a Yardstick. Scientists Deserve Fundamental Assessment of Their Work]. *Poisk* [Search], 2013, no. 44.
8. Garfield E. Mozhno li vyyavlyat' i otsenivat' nauchnye dostizheniya i nauchnyu produktivnost'? [Can We Identify and Evaluate Scientific Achievements and Scientific Performance]. *Vestnik AN SSSR* [Herald of the Academy of Sciences of the USSR], 1982, no. 6, pp. 43.
9. *Igra v "tsyfir'", ili Kak teper' otsenivayut trud uchenogo: sbornik statei o bibliometrike* [Playing with Numbers, or How the Work of a Scientist Is Now Evaluated: Collection of Articles on Bibliometrics]. Moscow: MTsNMO, 2011.
10. Kabakova E.A. Ispol'zovanie naukometricheskikh pokazatelei pri otsenke nauchnoi deyatel'nosti [The Use of Scientometric Indicators in Evaluation of Scientific Activity]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues], 2014, no. 8 (18). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=4203>.
11. Kablov E.N. Pravo na reiting. Kak otsenit' intellektual'nyi resurs Rossii? [The Right to Be Rated. How to Evaluate Russia's Intellectual Resources?]. *Poisk* [Search], 2013, no. 45-46, p. 11.
12. Kirillova O.V. *Redaktsionnaya podgotovka nauchnykh zhurnalov po mezhdunarodnym standartam: rekomendatsii eksperta BD Scopus* [Editorial Preparation of Scientific Journals according to International Standards: Recommendations of a Scopus Database Expert]. Moscow, 2013. Part 1. 90 p.

13. Markusova V.A., Ivanov V.V., Varshavskii A.E. Bibliometricheskie pokazateli rossiiskoi nauki i RAN (1997–2007) [Bibliometric Indicators of Russian Science and the Russian Academy of Sciences (1997–2007)]. *Vestnik RAN* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2009, vol. 79, no. 7, pp. 483–491.
14. Mikhailov O.V. Kriterii i parametry ob»ektivnoi otsenki kachestva nauchnoi deyatel'nosti [The Criteria and Parameters for Objective Assessment of Research Performance]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2011, vol. 81, no. 7, pp. 622–625.
15. Ob utverzhdenii poryadka predostavleniya nauchnymi organizatsiyami, vypolnyayushchimi nauchno-issledovatel'skie, opytно-konstruktorskie i tekhnologicheskie raboty grazhdanskogo naznacheniya, svedenii o rezul'tatakh ikh deyatel'nosti i poryadka podtverzhdeniya ukazannykh svedenii federal'nymi organami ispolnitel'noi vlasti v tselyakh monitoringa, poryadka predostavleniya nauchnymi organizatsiyami, vypolnyayushchimi nauchno-issledovatel'skie, opytно-konstruktorskie i tekhnologicheskie raboty grazhdanskogo naznacheniya, svedenii o rezul'tatakh ikh deyatel'nosti v tselyakh otsenki, a takzhe sostava svedenii o rezul'tatakh deyatel'nosti nauchnykh organizatsii, vypolnyayushchikh nauchno-issledovatel'skie, opytно-konstruktorskie i tekhnologicheskie raboty grazhdanskogo naznacheniya, predostavlyaemykh v tselyakh monitoringa i otsenki: Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii ot 5 marta 2014 goda № 162 [On Approval of the Procedure, according to Which the Scientific Organizations Carrying Out Scientific Research, Experimental Design and Technological Works of Civil Designation Are to Provide Information about Their Performance Results; and on the Approval of the Procedure of Confirmation of the Specified Information by the Federal Executive Authorities for the Purposes of Monitoring; On Approval of the Procedure, according to Which the Scientific Organizations Carrying Out Scientific Research, Experimental Design and Technological Works of Civil Designation Are to Provide Information about Their Performance Results for the Purposes of Evaluation; and Also on Approval of the Composition of Information about the Performance Results of Scientific Organizations Carrying Out Scientific Research, Experimental Design and Technological Works of Civil Designation provided for the Purposes of Monitoring and Evaluation: the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 5, 2014 No. 162]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2014, May 14. Available at: <http://www.rg.ru/2014/05/14/minobrnauki2-dok.html>
16. O merakh po realizatsii gosudarstvennoi politiki v oblasti obrazovaniya i nauki: Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 7 maya 2012 g. №599 [About the Measures to Implement State Policy in the Field of Education and Science: the Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 No. 599]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2012, May 7. Available at: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html>
17. Pislyakov V.V. Metody otsenki nauchnogo znaniya po pokazatelyam tsitirovaniya [Methods of Assessment of Scientific Knowledge by Citation Indices]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2007, no. 7, pp. 128–140.
18. Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya [Russian Science Citation Index]. *Nauchnaya elektronnyaya biblioteka* [Scientific Electronic Library]. Available at: http://elibrary.ru/projects/citation/cit_index.asp
19. Tret'yakova O.V., Kabakova E.A. Vozmozhnosti i perspektivy ispol'zovaniya indeksov tsitirovaniya v otsenke rezul'tatov deyatel'nosti nauchnogo uchrezhdeniya [Opportunities for and Prospects of Using Citation Indices in Evaluating the Performance of Research Institution]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no. 6 (30), pp.189–200.
20. Tret'yakova O.V. *Indeksy nauchnogo tsitirovaniya. Vozmozhnosti i perspektivy v otsenke rezul'tatov nauchnoi deyatel'nosti: preprint* [Science Citation Indices. Opportunities and Prospects in Evaluating Scientific Research Performance: Preprint]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 52 p.
21. Tret'yakova O.V. Sovremennye instrumenty otsenki nauchnogo potentsiala territorii: naukometricheskii podkhod [Modern Assessment Tools of Territory's Scientific Potential: Scientometric Approach]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2014, no. 4, pp. 7–16.
22. Wu Y., Pan Y., Zhang Y., Ma Z., Pang J., Guo H., Xu B., Yang Z. China Scientific and Technical Papers and Citations (CSTPC): History, Impact and Outlook. *Scientometrics*, 2004, vol. 60, no. 3, pp. 385–397.
23. Garfield E. Citation Indexes to Science: a New Dimension in Documentation through Association of Ideas. *Science*, 1955, vol. 122, no. 3159, pp. 108–111.
24. Garfield E., Sher I.H. New Factors in the Evaluation of Scientific Literature through Citation Indexing. *American Documentation*, 1963, vol. 14, no. 3, pp. 195–201.
25. Graber M., Launov A., Walde K. Publish or Perish? The Increasing Importance of Publications for Prospective Economics Professors in Austria, Germany and Switzerland. *German Economic Review*, 2008, no. 9 (4), pp. 457–472.

26. Hirsch J.E. An Index to Quantify an Individual's Scientific Research Output. *Proc. of the National Acad. Sci. USA*, 2005, vol. 102, no. 46, pp.16569-16572.
27. Jin B., Wang B. Chinese Science Citation Database: Its Construction and Application. *Scientometrics*, 1999, vol. 45, no. 2, pp. 325-332.
28. Ketzler R., Zimmermann K. A Citation-Analysis of Economic Research Institutes. *Scientometrics*, 2013, vol. 95, no. 3, pp.1095-1112. doi:10.1007/s11192-012-0850-2.
29. Kozak M., Bornmann L., Leydesdorff L. How Have the Eastern European Countries of the Former Warsaw Pact Developed since 1990? A Bibliometric Study. *Scientometrics*, 2015, vol. 102, no. 2, pp. 1101-1117. doi: 10.1007/s11192-014-1439-8.
30. Leydesdorff L., Wagner C. S. Macrolevel Indicators of the rRlations between Research Funding and Research Output. *Journal of Informetrics*, 2009, vol. 3, no. 4, pp. 353-362.
31. Liansheng M. Document Database Construction in China in the 1990s: A Review of Developments. *The Electronic Library*, 2000, vol. 18, no. 3, pp. 210-215.
32. Markusova V., Jansz M., Libkind A., Libkind I. Varshavsky A. Trends in Russian Research Output in Post-Soviet Era. *Scientometrics*, 2009, vol. 2, no. 279, pp. 249-260.
33. Negishi M., Sun Y., Shigi K. Citation Database for Japanese Papers: A New Bibliometric Tool for Japanese Academic Society. *Scientometrics*, 2004, vol. 60, no. 3. pp. 333-351.

О методологических подходах к исследованию сберегательного поведения населения

**Галина Вадимовна
БЕЛЕХОВА**

младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, belek-galina@yandex.ru)

Аннотация. Задачи обеспечения эффективного функционирования всех систем общества и устойчивого экономического роста требуют привлечения значительных объемов инвестиционных ресурсов, к которым относятся и сбережения населения. В связи с этим возникает необходимость определения величины накопленных населением денежных средств, а также исследования особенностей его сберегательного поведения.

В данной статье раскрываются преимущества и недостатки основных методологических подходов к изучению сберегательного поведения, проводится сравнительный анализ методов, основанных на официальной статистической информации. Поскольку для России определяющим фактором сберегательного поведения выступают доходы, была также решена задача оценки степени доходной дифференциации сберегательного поведения. Для этого использовалась методика выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств, на основе которой были рассчитаны и проанализированы ключевые индикаторы сберегательной активности домохозяйств, в том числе в разрезе групп с разным уровнем дохода.

В отличие от предыдущих работ подобной тематики, в проведенном исследовании в качестве базы для расчета показателей сберегательного поведения выбраны располагаемые ресурсы (а не денежные доходы), так как они более полно характеризуют материальные возможности малообеспеченных домашних хозяйств, имеющих наибольшее представительство в выборке бюджетных обследований.

Выполненный анализ позволил установить, что степень дифференциации сбережений населения не уступает дифференциации доходов, а наибольшие объемы сбережений и используемых финансовых активов приходятся на наиболее обеспеченную группу населения. Кроме того, рост среднедушевых доходов не способствовал увеличению склонности представителей бедных слоев населения к формированию сбережений. Так, в отличие от высокообеспеченных слоев, наращи-

вающих объем сбережений в структуре расходов, менее обеспеченные группы населения направляют основную часть денежных средств на потребительские нужды и разнообразные платежи, в результате чего удельный вес сбережений в общей структуре их доходов практически не изменяется.

В заключение подчёркивается, что качественные изменения в сберегательном поведении и анализ влияния субъективных факторов могут быть исследованы с помощью социологических методов.

Ключевые слова: сбережения, домохозяйства, баланс денежных доходов и расходов (БДиР), система налоговых счетов (СНС), выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств, норма сбережений.

Вопросы, связанные с выявлением особенностей сберегательного поведения населения и определением объемов накопленных им сбережений, на протяжении уже нескольких десятилетий активно изучаются и дискутируются как в зарубежном, так и в российском научном и экспертном сообществах. Причин для этого несколько. Структура и динамика сбережений служат неотъемлемыми индикаторами материального благополучия граждан и экономического развития государства, оказывают существенное влияние на условия развития банковского сектора, свидетельствуют о сложившемся в обществе уровне доверия финансовым организациям и органам власти.

Но, что самое главное, сбережения населения выступают значимым инвестиционным ресурсом, использование которого сулит государству немалые выгоды. Во-первых, это позволит снизить зависимость от иностранных капиталовложений. Во-вторых, население сможет получать более высокий доход со своих сбережений, больше тратить на товары и услуги, что будет способствовать экономическому росту и развитию производства. В-третьих, за счёт денежных ресурсов населения возможно финансирование социально-ориентированных проектов и отраслей, которые сейчас являются реципиентами бюджетных средств [22, с. 165]. Кроме того, сбережения, используемые на инве-

стиционное кредитование производства, являются необходимым условием структурной перестройки и модернизации экономики [3, с. 23]. По оценкам экспертов [6], привлечение сбережений населения в инвестиции через банковские вклады, фонды инвестирования, накопительную пенсионную систему и другие механизмы может обеспечить ежегодный прирост ВВП более чем на 2,5%.

Для исследования сбережений и сберегательного поведения населения традиционно применяются экономико-статистические и социологические методы. Ценность социологических подходов (анкетные опросы, фокус-группы, интервьюирование, социальный эксперимент и др.) состоит в получении оперативной информации об установках, мотивах и механизмах принятия населением решений относительно формирования и использования сбережений как в целом по стране, так и в разрезе отдельных территорий и групп населения. Более того, социологические методы позволяют решить задачу «обратной связи» — с их помощью можно установить, как меняются предпочтения потребителей финансовых услуг, как население реагирует на проводимые органами власти мероприятия в области социально-экономической политики, насколько востребована корректировка деятельности банков, страховых и инвестиционных компаний, пенсионных фондов и т.д.

Согласно данным всероссийских опросов, проводимых ВЦИОМ, уровень сберегательной активности россиян последние десять лет относительно стабилен: после увеличения доли сберегателей в начале 2000-х гг. (с 22% в 2001 г. до 32% в 2004 г.) она установилась на уровне трети населения (30% в 2010 г., 32% в 2014 г.). Основными целями сбережений россиян по-прежнему остаются покупка жилья (27% в 2010 г., 33% в 2014 г.) и создание страхового запаса «на черный день» (26%) [18]. Подавляющее большинство тех, кто имеет сбережения (90–95%), предпочитают хранить их в рублях [12].

Ослабление курса национальной валюты и ажиотажный потребительский спрос в конце 2014 года стали причиной того, что россияне начали активно тратить рублевые и наращивать валютные накопления [23]. Однако уже в январе 2015 года негативный прогноз относительно поведения курса рубля на ближайшие месяц-два респонденты давали существенно реже, нежели в ноябре 2014 г.: о том, что национальная валюта продолжит снижение, сейчас говорят 27%, тогда как в конце прошлого года – 46%. Больше стало тех, кто полагает, что курс останется приблизительно на том же уровне, что и сейчас (с 24 до 36%). При этом большая часть россиян не имеет четкой стратегии действий в случае дальнейшего подорожания «американца» – 77% не будут совершать никаких действий. Те, кто собираются что-то предпринять, скорее всего, вложат деньги в недвижимость или иные дорогостоящие предметы (6%). Часть опрошенных купит доллары (4%), а другие начнут тратить свои сбережения (3%) [12].

Социологическое исследование, проведенное Институтом социологии РАН в ноябре 2014 года, зафиксировало «сдержанно тревожные ожидания» среди населения: почти половина граждан уверена, что «страну ждут тяжелые времена», ещё

четверть не надеется на перемены [21]. Такие настроения закономерно отражаются и в поведении россиян. По информации Левада-Центра, индекс потребительских настроений (ИПН) уже в сентябре 2014 года опустился ниже 100 пунктов (до 97) и по состоянию на январь 2015 года составляет 77 пунктов, что аналогично значениям острой фазы кризиса 2008–2009 годов¹. Наряду с «замораживанием» сберегательной активности это может свидетельствовать о росте инфляционных ожиданий населения и негативном прогнозе россиян относительно своих доходов.

Сходные тенденции сберегательного поведения и потребительских настроений населения прослеживаются и в Вологодской области. Жители региона чуть более активны в вопросе формирования сбережений: в 2000–2013 гг. доля населения, имеющего сбережения, колебалась в пределах 35–40% (за исключением пореформенных и кризисных периодов, когда она сокращалась до 24%). Преобладающими мотивами сбережений для населения области выступают приобретение квартиры (26–35%), накопления «на старость» (15–25%) и «в помощь детям» (14–20%). Валютные предпочтения жителей Вологодской области совпадают с общероссийскими [2].

Анализ динамики ИПН, измеряемого ИСЭРТ РАН на территории региона с помощью проводимого с 1997 года на регулярной основе мониторинга общественного мнения, свидетельствует о том, что потребительские возможности населения области чуть менее благоприятны, чем в среднем по стране, однако так же чутко реагируют на изменения социально-экономической ситуации. Это выражается, например, в снижении индекса в периоды кризисов 1998 и 2008 гг. (до уровня 53,9 и 74,1 пункта соответственно) [5, 19].

¹ Данные с сайта <http://www.levada.ru/>.

Опросы 2014 года зафиксировали падение сберегательной активности (до 23%) и заметное ухудшение потребительских настроений (с 92,3 пункта в январе 2014 года до 82,3 пункта в декабре 2014 года). Такие данные говорят о преобладании среди жителей региона негативных оценок складывающейся социально-экономической ситуации и перспектив развития региона, связанных, среди прочего, с ростом опасений по поводу увеличения цен на товары и услуги при одновременном сокращении получаемых доходов. Однако что будет дальше – покажет время².

Среди недостатков социологических методов можно выделить вероятное искажение респондентами своих материальных возможностей, различающиеся методики и выборки опросов, проводимых разными исследовательскими организациями, трудности сопоставления полученных данных и, как следствие, отсутствие возможности использовать полученные количественные данные в качестве целевых или прогнозных показателей.

Более взвешенную оценку, позволяющую отследить тенденции сберегательного поведения, дает применение экономико-статистических методов. На основе статистической информации возможно определить объемы накопленных денежных средств (как в общей сумме, так и в разбивке по видам сбережений или по группам населения), оценить состояние банковского сектора (уровень процентной ставки, размеры банковских вкладов физических лиц и т.д.) и роль сбережений в экономике страны (доля сбережений населения в ВВП или денежных доходах).

² По оценкам главы Минэкономки Алексея Улюкаева, в 2015 году снижение потребительского спроса может составить от 7 до 9%, а падение реальных зарплат прогнозируется на уровне 12–15% [23].

В данной статье изложены ключевые особенности статистических методов оценки сбережений населения, а также представлены результаты анализа сберегательного поведения на основе выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств. Последнее обусловлено тем, что ключевым фактором сберегательного поведения россиян выступают доходы, и именно результаты бюджетных обследований позволяют оценить степень его доходной дифференциации.

В экономической науке и практике существует несколько методологических подходов к оценке сбережений населения, а именно [10, 15, 25]:

- счет использования располагаемого дохода для сектора домашних хозяйств в системе национальных счетов;
- баланс денежных доходов и расходов населения;
- данные выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, проводимого Федеральной службой государственной статистики.

Каждая из представленных методик основывается на данных, которые одновременно измеряют доходы, расходы и прочие показатели материального благосостояния населения. Однако они недостаточно согласованы между собой и дают разные итоговые результаты, зачастую имеющие противоречивый характер.

В СНС и БДиР доходы и сбережения определяются на основе официальных макростатистических данных, отчетов Центрального Банка, прочих финансовых органов и внебюджетных социальных фондов. Оценка показателей в бюджетных обследованиях населения производится на основе информации о расходах и сбережениях, полученной непосредственно от членов домашних хозяйств [13, 24].

Расчеты объемов сбережений по СНС чаще всего осуществляются при проведении международных сравнений. Особенностью этой методики является то, что сбережения здесь могут принимать форму финансовых (наличные деньги, банковские вклады, кредиты, ценные бумаги и т.д.) и материальных (покупка домов, земли) активов, а располагаемые доходы включают не только их первичное распределение (оплата труда, предпринимательский доход, доходы от собственности), но и натуральные поступления и текущие трансферты [10, с. 31]. Однако на уровне регионов СНС используется в упрощенном варианте, поэтому её возможности для оценки сбережений населения и их сберегательного потенциала внутри страны ограничены.

Данные БДиР рассматриваются большинством исследователей [9, 10, 20, 25] в качестве основного источника информации о доходах, расходах и сбережениях населения. К преимуществам данного подхода следует отнести относительную простоту расчетов и возможность применения итоговых показателей для их сопоставления в межрегиональном разрезе. Однако в Балансе, в отличие от СНС, не проводится четкого разделения между текущими и капитальными расходами. Так, по методологии БДиР, не является доходами, например, поступление денег от продажи имущества, иностранной валюты или ценных бумаг (которые в СНС рассматриваются как затраты на увеличение капитала) [8, с. 509]. Кроме того, методологические материалы Федеральной службы государственной статистики по составлению Баланса опубликованы ещё в 1996 году и отчасти потеряли свою актуальность, так как с тех пор произошли изменения в правовой системе, появились новые формы сбережений, расширилась роль кредита в жизни домохозяйств, возникли новые

инвестиционные инструменты (негосударственные пенсионные фонды, фонды доверительного управления и др.).

Некоторые эксперты обращают внимание на возможность получения при использовании этой методики значительно завышенных или заниженных результатов для некоторых регионов. Объясняется это тем, что доходы и расходы учитываются по месту их получения и совершения, которое может не совпадать с местом жительства населения [24].

Третьим методологическим подходом к оценке доходов, расходов и сбережений населения, который является предметом данной статьи, выступает выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств. Оно представляет собой государственное статистическое наблюдение за уровнем жизни населения, проводится органами государственной статистики и охватывает 49 175 домохозяйств. Обследование основывается на непосредственном опросе (интервьюировании) членов домашних хозяйств и ведении в домашнем хозяйстве записей о текущих расходах на потребление и сбережение. Выборка обеспечивает получение репрезентативных данных на федеральном и региональном уровнях. При распространении итогов обследования на генеральную совокупность проводится статистическое взвешивание [10, с. 33; 14].

Среди недостатков бюджетных обследований следует отметить отсутствие в выборке представителей наиболее обеспеченных слоёв населения и её смещение в сторону бедных и среднеобеспеченных групп [10, с. 40; 20, с. 336; 24], а также влияние психологических факторов – респонденты либо намеренно могут изменять (занижать или завышать) свои расходы и сбережения, таким образом затрудняя их достоверную оценку, либо неумышленно не могут четко идентифицировать часть своих денежных средств как сбережения или расходы [24].

Но поскольку выборки сопоставимы, а в заполняемых домохозяйствами формах используются одни и те же показатели, на основе выборочных обследований бюджетов можно судить об изменениях поведения населения относительно сбережений. Более того, осуществляемое в рамках этих наблюдений деление домохозяйств по социально-экономическим признакам позволяет провести дифференцированную оценку сбережений и выявить их особенности в разных группах домохозяйств.

Основными характеристиками объема сбережений и сберегательного поведения домохозяйств, которые можно изучить на основе выборочных обследований бюджетов, являются: 1) сумма сделанных сбережений (или прирост сбережений); 2) сумма займа (привлеченных средств) и израсходованных сбережений (десбережения); 3) прирост финансовых активов (сальдо двух предыдущих показателей) [25, с. 16].

В качестве индикатора, характеризующего динамику сберегательного поведения населения, используется норма сбережений [7, с. 21]. Норма сбережений представляет собой процентное отношение суммы прироста сбережений к источнику их происхождения — сумме денежных доходов населения за определенный период времени [1, с. 67]. Данный показатель может быть рассчитан вне зависимости от методики определения размеров дохода и накоплений. Хотя обычно нормы сбережений по данным выборочных обследований бюджетов оказываются чуть меньше, чем по данным СНС и БДиР.

В краткосрочной перспективе уровень нормы сбережений показывает способность страны справляться с циклическими колебаниями: чем выше норма сбережений, тем меньше потребление домашних хозяйств зависит от резкого спада доходов населения. В долгосрочной перспективе норма сбережений населения является

основной характеристикой кредитного потенциала страны, указывает на способность экономики финансировать свою деятельность [30].

Согласно методике Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) норма сбережений определяется через соотношение сбережений населения к располагаемому доходу домашних хозяйств. Сами сбережения рассчитываются путём вычитания из располагаемого дохода³ домохозяйств потребительских расходов⁴ и прибавления к получившемуся результату чистой стоимости средств домохозяйств в пенсионных фондах [27].

Расчёт нормы сбережения Всемирным банком, ОЭСР и другими международными организациями проводится на основе СНС-93 («Системы национальных счетов 1993 года»). В этом случае норма сбережений представляет собой отношение суммы сбережений населения и чистой стоимости средств домашних хозяйств в пенсионных фондах к располагаемому доходу домашних хозяйств [26].

Учитывая имеющуюся российскую статистическую базу, для РФ и её регионов данный показатель может быть определен либо из соотношения валового сбережения (ВС) и валовых располагаемых доходов (ВРД) сектора домашних хозяйств (по данным СНС), либо из соотношения сумм сбережений (С) и денежных доходов (ДД) населения (на основе Балансов денежных доходов и расходов населения) [7, с. 21]:

$$НС = \frac{ВС}{ВРД} \times 100\% , \text{ или } НС = \frac{С}{ДД} \times 100\% .$$

³ Располагаемые доходы домохозяйств состоят из доходов от занятости и поступлений в виде процентов, дивидендов и социальных пособий за вычетом текущих налогов, процентов по кредитам и социальных взносов.

⁴ Потребительские расходы включают денежные расходы на потребительские товары и услуги, а также вменённые расходы по собственности.

Выбор метода расчёта показателя обуславливается целями анализа. Для оценки инвестиционного потенциала желательно использовать показатель денежных доходов. В целях межстранового анализа в качестве базы сопоставления обычно применяют валовые располагаемые доходы [7, с. 22].

Аналогичным способом могут быть рассчитаны нормы десбережений (НД) и прироста финансовых активов (НПФА) [7, с. 25]:

$$НД = \frac{СЗИС}{ДД} \times 100\% \text{ и } НПФА = \frac{ПФА}{ДД} \times 100\%,$$

где СЗИС – сумма займа и израсходованных сбережений, ПФА – прирост финансовых активов.

Изменение нормы сбережений (НС) в различных странах мира приведено в *таблице 1*. Как видно, размах значений достаточно широк. В большинстве стран с развитой экономикой норма сбережений существенно не изменяется на протяжении нескольких лет и остаётся на невысоком уровне – 10–12%.

В развивающихся странах при прочих равных условиях норма сбережений должна быть выше, чем в развитых. Более низкая норма сбережений будет характерна для стран с относительно большим накопленным богатством и относительно низким уровнем процентных ставок. Таким образом, домохозяйства развитых стран при прочих равных условиях будут

Таблица 1. Динамика нормы сбережений домохозяйств по странам мира (в % к располагаемым денежным доходам)

Страна	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Франция	11,01	11,08	11,21	11,72	11,70	12,55	12,08	12,03	11,67
Германия	9,38	10,72	10,82	11,02	11,48	10,90	10,86	10,39	10,32
Австрия	9,33	9,63	10,37	11,64	11,50	11,21	8,87	6,72	7,35
Бельгия	12,46	9,91	10,67	11,34	11,53	13,17	9,93	8,43	9,62
Швеция	3,14	4,02	4,87	7,22	8,99	11,00	8,33	10,35	12,18
Мексика	-	10,12	10,07	9,73	9,25	9,03	9,00	8,23	-
Чехия	5,84	4,79	6,06	5,72	4,84	6,77	6,19	5,15	5,91
Эстония	-2,95	-10,77	-13,14	-8,18	-4,13	4,74	4,44	6,03	-1,10
Финляндия	0,48	0,88	-1,10	-0,88	-0,26	4,24	3,56	1,26	1,07
Венгрия	6,16	6,68	7,23	3,34	2,74	4,80	5,42	5,42	1,87
Норвегия	4,30	9,62	-0,51	0,83	3,66	6,91	5,63	7,12	8,19
Словения	7,85	10,6	10,81	8,99	8,56	8,05	6,12	5,23	4,70
Испания	6,14	4,75	3,90	4,03	7,76	12,19	7,86	6,79	4,42
Великобритания	0,09	-2,29	-2,21	-3,66	-2,68	2,26	2,93	2,16	2,37
США	4,20	2,69	3,50	3,15	5,22	6,38	5,85	5,87	5,81
Канада	4,78	2,18	3,61	2,90	4,04	4,70	4,88	-	-
Россия	-	10,99	12,37	12,07	10,11	13,13	15,5	13,88	-
Справочно: Россия (по данным БДир*)	7,60	10,40	10,30	9,60	5,30	13,90	14,80	10,40	9,90

* Рассчитано автором по: Баланс денежных доходов и расходов населения РФ [Эл. рес.] / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#
Источник: National Accounts at a Glance : National Accounts at a Glance 2014. Household savings Total [Эл. рес.] / OECD. – URL: <http://data.oecd.org/hha/household-savings.htm#indicator-table>

сберегать меньшую долю располагаемого дохода, чем развивающиеся [4, с. 9].

Норма сбережений в России не имеет выраженной тенденции изменения, в разные годы отмечаются заметные (в пределах 2–3%) колебания её значений в большую или меньшую сторону. Такая ситуация складывается в результате концентрации сбережений у ограниченного числа домохозяйств (со средним и высоким уровнем достатка), унификации форм накоплений (преимущественно вклады в банках и наличные деньги на руках) и развития разнообразных программ потребительского кредитования. Влияние также оказывают непрерывные социально-экономические преобразования и изменяющаяся внешняя обстановка.

Затруднительно определить, что в большей мере повлияло на расхождения в значениях нормы сбережений между странами – реальные различия в поведении людей или же различия в методике расчёта составляющих её показателей. Более того, на уровень нормы сбережений влияют институциональные, демографические и социально-экономические различия между странами, особенности финансово-кредитной и налоговой систем, культурные традиции и т.д.

Например, принимаемые правительством программы по пенсионному обеспечению и возрастная структура населения будут влиять на темпы сбережений граждан (пожилые люди, как правило, во время ухода на пенсию сокращают свои финансовые активы в ущерб сбережениям). Доступность и стоимость кредита, субъективное отношение к долгу также могут влиять на решения граждан в отношении накопления или траты свободных денежных средств [27, 29].

В России, как было отмечено выше, наиболее значимым фактором изменения объема сбережений и сберегательного по-

ведения населения является уровень доходов и особенности их использования.

На протяжении последних 10–15 лет главной характеристикой российского общества является его неоднородность по социально-имущественным характеристикам, обусловленная высокой дифференциацией доходов населения [16]. Несмотря на то что за 2000–2012 гг. среднедушевые денежные доходы россиян в реальном выражении заметно увеличились (в 2,6 раза), неравенство населения не только не снизилось, но и усилилось: например, коэффициент фондов в 2012 году составил 16,4 раза, в то время как в 2000 году он был равен 13,9 раза. Улучшение социально-экономического развития РФ в 2000–2007 гг. и последующий период оказали благоприятное воздействие на наиболее обеспеченную часть населения, а материальное положение низкодоходных групп как в России, так и в регионах существенно не изменилось. Так, в 2012 году среднедушевые денежные доходы наименее обеспеченной части населения страны составили 93% от величины прожиточного минимума, а более половины потребительских расходов в каждой пятой российской семье приходилось на приобретение продуктов питания [17, с. 94]. Остается малоподвижной и структура распределения общего объема доходов – почти уже 15 лет половина денежного дохода (47–48%) сконцентрирована у 20% наиболее обеспеченного населения, тогда как в распоряжении 20% наименее обеспеченных граждан находится около 5% всех денежных ресурсов.

Такая дифференциация по доходам непосредственно влияет на возможности потребления и сбережения в разных доходных группах. Однако прежде чем перейти непосредственно к анализу данных выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств, необходимо обозначить два допущения, принятых при анализе.

Во-первых, за анализируемый принят период с 2003 по 2012 г., так как обследования именно за эти годы находятся в открытом доступе в базе Росстата и именно к 2003 году достаточно окрепли рынки банковских вкладов и кредитования физических лиц. Во-вторых, сопоставление расходов и сбережений производится не с денежными доходами [7, 20, 25], а с располагаемыми ресурсами, включающими доходы в натуральной форме и разнообразные трансферты, поскольку они дают более полное представление о возможностях домохозяйств и позволяют бедным группам поддерживать потребление на уровне прожиточного минимума.

Анализ доходной дифференциации потребительского поведения (табл. 2) показывает, что рост доходов опережает рост потребления при переходе от менее обеспеченных групп населения к более обеспеченным.

Наибольшая доля в расходах домохозяйств всех доходных групп приходится на потребительские расходы.

В целом за период 2003–2012 гг. прослеживается тенденция к сокращению удельного веса данной статьи расходов (с 77 до 68%). Однако чем меньше доход домохозяйства, тем большая часть средств тратится на потребительские нужды.

Налоговая нагрузка на представителей разных децилей также неодинакова. Размер налогов, уплачиваемых богатыми, в 5 раз превышает соответствующие отчисления бедных домохозяйств (24 614 руб. в год на одного члена домохозяйства против 4812 руб.), однако доля налогов в доходах наименее обеспеченных составляет 8%, тогда как в 9-м и 10-м децилях она не превышает 3,5–6 процентных пункта. В целом за период 2003–2012 гг. удельный вес данной статьи расходов не изменился (5,6 и 5,9% соответственно).

Значительные диспропорции (наибольшая степень дифференциации) наблюдаются по расходам на покупку недвижимости и осуществлению сбережений. Только представители верхнего, десятого, дециля способны финансиро-

Таблица 2. Соотношение расходов и располагаемых ресурсов домохозяйств РФ в зависимости от размера располагаемых ресурсов, 2012 г. (в %)

Статья расходов	Все дом-ва	Группы домохозяйств										Кэф-фициент фондов
		1-я*	2-я	3-я	4-я	5-я	6-я	7-я	8-я	9-я	10-я*	
Потребительские расходы	67,9	78,7	78,0	77,1	75,8	74,2	74,0	72,1	71,4	67,8	57,9	8,7
Расходы на покупку недвижимости	4,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,01	0,0	0,0	0,2	0,6	12,6	16580
Налоги	5,9	8,1	8,1	8,1	7,8	7,4	7,2	6,8	6,4	6,1	3,5	5,1
Прирост финансовых активов	0,4	4,4	5,2	5,6	6,2	7,7	7,1	8,3	8,1	5,6	-13,3	-36,1
из них: - сумма сделанных сбережений	10,3	5,1	6,0	6,8	7,7	9,4	9,3	10,8	11,5	12,0	11,4	26,5
- сумма займа и использованных сбережений	9,9	0,7	0,8	1,2	1,5	1,8	2,2	2,4	3,4	6,4	24,6	403,2

* Примечание: 1-я группа – с наименьшими доходами (1-й дециль), 10-я группа – с наибольшими доходами (10-й дециль).
 Рассчитано автором по: Микроданные выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств / Росстат. – Режим доступа: <http://obdx.gks.ru/>

вать существенные вложения в недвижимое имущество (12,6% от дохода или 89 304 руб. в год на одного члена домохозяйства). И именно по этой статье расходов наблюдается наибольшая поляризация: средний размер затрат на покупку недвижимости представителей наиболее обеспеченных домохозяйств в 16 580 раз превышает аналогичный показатель для наиболее бедных домохозяйств.

Одна из причин такого положения – необходимость обладания определенной суммой «стартовых» сбережений, которая опять-таки варьирует в зависимости от уровня дохода домохозяйства (табл. 2, 3). В первом дециле в качестве сбережений откладывается 3030 руб. в год на одного члена домохозяйства (5% от доходов), тогда как в десятом – 80 323 руб. в год (11%), что в 26,5 раза больше и говорит о крайне высоком уровне дифференциации по сбережениям, многократно превосходящем уровень различий по располагаемым доходам (равный 12 раз).

В среднем в 2012 году домохозяйства указывали как на сбережения на 10% своих доходов (против 4,4% в 2003 году).

Представители наиболее обеспеченной группы также более активно используют заемные средства и ранее накопленные сбережения – почти четверть своих доходов или 174 205 руб. в год на одного члена домохозяйства (по сравнению с 22 873 руб. (6%) в 9-м дециле и 432 руб. (1%) в 1-м дециле).

Если прирост сбережений характеризует возможности домохозяйств к осуществлению сбережений, то прирост финансовых активов является обобщающей характеристикой сберегательных возможностей населения, поскольку одновременно позволяет учесть и процессы текущего накопления, и действия по использованию ранее накопленных денежных средств и вновь оформленных займов [25, с. 20]. Здесь прослеживается одна особенность – во всех доходных группах, за исключением 10-й, отмечается увеличение финансовых активов.

Таблица 3. Расходы на сбережения в зависимости от размера располагаемых ресурсов домохозяйств РФ, 2012 г.

Группы домохозяйств	Сумма сделанных сбережений (прирост сбережений)		Сумма займа и израсходованных сбережений		Прирост финансовых активов	
	руб. в год на одного человека	% к располагаемым ресурсам	руб. в год на одного человека	% к располагаемым ресурсам	руб. в год на одного человека	% к располагаемым ресурсам
Все	23063,1	10,3	22177,5	9,9	885,7	0,4
1-я	3029,8	5,1	432,0	0,7	2597,8	4,4
2-я	5098,7	6,0	671,8	0,8	4426,9	5,2
3-я	7070,1	6,8	1204,5	1,2	5865,7	5,6
4-я	9474,8	7,7	1801,3	1,5	7673,4	6,2
5-я	13657,3	9,4	2548,8	1,8	11108,4	7,7
6-я	16013,1	9,3	3809,6	2,2	12203,4	7,1
7-я	22727,8	10,8	5165,7	2,4	17562,1	8,3
8-я	30623,5	11,5	9062,3	3,4	21561,2	8,1
9-я	42613,2	12,0	22872,9	6,4	19740,3	5,6
10-я	80322,7	11,4	174205,4	24,6	-93882,7	-13,3

Рассчитано автором по: Микроданные выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств / Росстат. – Режим доступа: <http://obdx.gks.ru/>

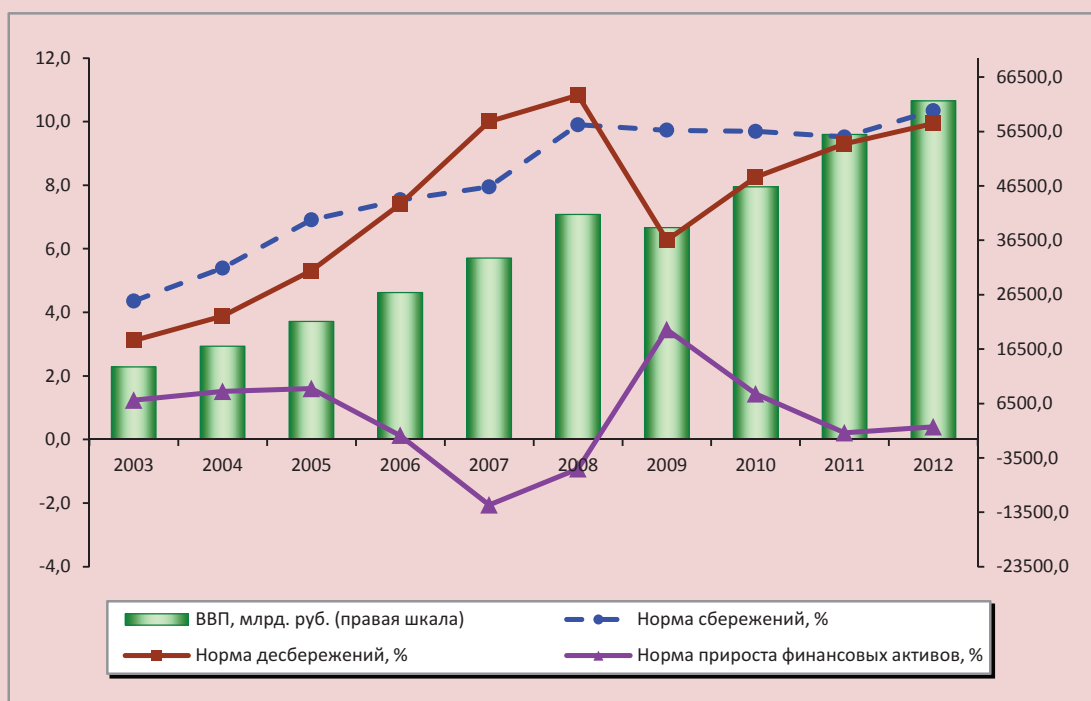
В наиболее обеспеченной группе суммы используемых сбережений и кредитов превышают сделанные за год накопления, в результате чего происходит уменьшение финансовых активов данной группы домохозяйств. Однако говорить о том, что им свойственно десберегательное поведение, не вполне корректно, поскольку израсходованные суммы могли быть направлены на покупку недвижимости или ювелирных изделий, которые в зависимости от целей домохозяйства могут расцениваться ими как сбережения.

Следовательно, чем выше уровень доходов домохозяйства, тем больше возможностей для осуществления сбережений и маневрирования другими финансовыми ресурсами.

Общая динамика норм сбережений, десбережений и прироста финансовых активов представлена на *рисунке*. В период с 2003 по 2006 г., который в Российской Федерации ознаменовался экономическим ростом и повышением уровня материального благосостояния населения, отмечается увеличение норм сбережений (с 4,4% в 2003 году до 7,5% в 2006 году) и десбережений (с 3,1 до 7,4% соответственно).

В 2006–2008 гг. норма десбережений (10–11%) превысила аналогичный показатель по сбережениям (8–10%), что в итоге привело к оттоку финансовых активов и увеличению заемных средств в расходах населения. Такая ситуация, возможно, связана с реализацией домохозяйствами отложенного спроса, который сформиро-

Динамика ВВП, норм сбережений, десбережений и прироста финансовых активов населения РФ, 2003–2012 гг.

Рассчитано автором по: Микроданные выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств [Эл. рес.] / Росстат. – Режим доступа: <http://obdx.gks.ru/>; Валовой внутренний продукт. Годовые данные (в текущих ценах) [Эл. рес.] / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

вался у них в период стабильного экономического подъема. Однако кризисные процессы 2008–2009 гг. заставили население умерить свои потребительские аппетиты, что выразилось в резком снижении объемов кредитных ресурсов и расходований накопленных ранее сбережений. При этом граждане продолжали формировать «страховой резерв» — норма сбережений сохранялась на уровне 9,7–9,9%.

Наметившееся с 2009 года фиксирование нормы сбережений (9–10%), сочетающееся с расширением использования домохозяйствами как заемных средств, так и имеющихся накоплений (норма десбережений выросла с 6,3% в 2009 году до 9,9% в 2012 году), вновь до минимума сократили прирост финансовых активов (0,2–0,4%). Учитывая, что данные изменения происходили на фоне усиления проблем социально-экономического развития государства, можно говорить о снижении доверия граждан к действиям органов власти в сфере сбережений и финансово-кредитной политики, об отсутствии приемлемых (надежных и в меру доходных) инструментов для размещения свободных средств и стремления населения расходовать значимую часть свободных денежных ресурсов.

Необходимо подчеркнуть, что наблюдающееся увеличение разрыва между приростом сбережений и финансовых активов в располагаемых ресурсах домашних хозяйств означает увеличение потребности населения в кредитных ресурсах и активизацию использования ранее накопленных средств для финансирования текущих расходов.

Индикаторы сберегательной активности населения существенно различаются по децильным группам (табл. 4). Уровень нормы сбережений в годовом разрезе стабильно увеличивается по мере перехода из одной доходной группы в другую.

Также наблюдается рост ежегодных показателей данного индикатора для каждой доходной группы.

Норма десбережений представителей первых 7-ми децилей практически не различается, и более того, остается относительно стабильной в 2003–2012 годах. Это можно объяснить ограниченным объемом денежных ресурсов у домохозяйств данных групп и невозможностью чрезмерно наращивать величину кредитных средств. Чуть выше значения рассматриваемого индикатора в 8-м и 9-м дециле.

Однако наибольшие объемы использования займов и ранее накопленных сбережений приходятся на группу самых богатых домохозяйств, причем год от года они увеличиваются. В целом за 10 лет сумма привлеченных средств и израсходованных домохозяйствами десятого дециля сбережений в абсолютном выражении выросла более чем в 9 раз — с 18 764 руб. на одного члена домохозяйства в 2003 году до 174 205 руб. в 2012 году (в сопоставимой оценке), или с 7% от располагаемых ресурсов до 25% соответственно. По состоянию на 2012 год данное направление использования денежных ресурсов более чем в два раза превысило сумму сделанных сбережений.

Следовательно, если в домохозяйствах 1–9-го децилей за период 2003–2012 гг. фиксируется увеличение нормы финансовых активов, то для наиболее обеспеченной группы населения характерно её снижение. Другими словами, население, располагающее значительными денежными ресурсами и совершающее сбережения в наибольшем объеме, предпочитает расходовать их на потребительские нужды, а не направлять в инвестиционный процесс. Одновременно, прирост финансовых ресурсов в других группах не позволяет покрыть отток средств из-за подобного поведения домохозяйств 10-го дециля. Поэтому общая норма прироста финансовых активов стремится к нулю.

Таблица 4. Динамика нормы сбережений, нормы десбережений и нормы прироста финансовых активов населения РФ в разрезе доходных групп в 2003–2012 гг. (в %)

Год	Все домо- хозяйства	Группы домохозяйств									
		1-я	2-я	3-я	4-я	5-я	6-я	7-я	8-я	9-я	10-я
<i>Норма сбережений, %</i>											
2003	4,4	2,2	2,4	2,6	2,9	3,2	3,7	3,7	4,5	4,7	6,0
2004	5,4	2,6	3,1	3,3	3,4	3,7	4,2	4,8	5,9	7,0	6,6
2005	6,9	2,3	3,0	3,3	4,0	4,7	5,3	5,9	6,5	7,2	10,3
2006	7,5	2,8	3,6	4,2	4,7	5,6	6,4	7,1	8,2	9,5	9,0
2007	7,9	3,3	4,3	5,1	5,6	6,9	7,3	7,9	8,8	10,0	8,5
2008	9,9	4,1	4,9	6,0	6,7	7,6	8,0	9,3	10,2	10,9	12,5
2009	9,7	4,0	5,2	6,1	6,9	7,9	8,7	9,8	10,4	11,8	11,3
2010	9,7	4,1	5,3	6,1	6,6	7,4	8,4	9,6	10,4	11,2	11,7
2011	9,5	4,5	5,5	6,4	6,9	7,9	8,8	9,5	10,4	11,5	10,6
2012	10,3	5,1	6,0	6,8	7,7	9,4	9,3	10,8	11,5	12,0	11,4
<i>Норма десбережений, %</i>											
2003	3,1	2,1	1,5	1,3	1,4	1,5	1,6	1,5	1,6	2,1	7,2
2004	3,9	2,2	1,4	1,5	1,5	1,6	1,9	2,0	1,8	2,2	9,0
2005	5,3	1,1	1,2	1,2	1,3	1,7	2,0	2,4	2,2	3,1	13,0
2006	7,4	1,0	1,1	1,3	1,4	1,8	2,1	2,3	3,0	4,1	18,5
2007	10,0	0,9	1,2	1,2	1,5	1,8	2,5	2,9	3,2	4,3	25,2
2008	10,8	1,0	1,1	1,4	1,6	1,9	2,4	2,8	2,9	5,0	27,4
2009	6,3	1,1	0,9	1,0	1,2	1,5	1,8	2,1	2,4	3,5	16,7
2010	8,3	0,9	1,0	1,2	1,4	1,7	2,0	2,3	2,8	3,8	22,0
2011	9,3	0,8	1,1	1,2	1,6	1,8	2,1	2,7	3,1	5,0	23,8
2012	9,9	0,7	0,8	1,2	1,5	1,8	2,2	2,4	3,4	6,4	24,6
<i>Норма прироста финансовых активов, %</i>											
2003	1,2	0,2	0,9	1,3	1,5	1,8	2,1	2,1	2,9	2,6	-1,1
2004	1,5	0,4	1,6	1,8	1,9	2,1	2,3	2,8	4,1	4,8	-2,4
2005	1,6	1,3	1,8	2,1	2,7	3,0	3,3	3,5	4,3	4,1	-2,7
2006	0,1	1,7	2,5	2,9	3,3	3,8	4,2	4,9	5,3	5,4	-9,5
2007	-2,1	2,4	3,2	3,9	4,2	5,1	4,7	5,0	5,6	5,6	-16,7
2008	-0,9	3,1	3,8	4,6	5,1	5,7	5,6	6,5	7,3	5,8	-14,9
2009	3,5	3,0	4,3	5,1	5,6	6,4	6,9	7,7	8,0	8,3	-5,4
2010	1,4	3,2	4,3	4,9	5,3	5,7	6,4	7,4	7,6	7,4	-10,3
2011	0,2	3,7	4,4	5,2	5,3	6,1	6,8	6,8	7,2	6,6	-13,2
2012	0,4	4,4	5,2	5,6	6,2	7,7	7,1	8,3	8,1	5,6	-13,3

Рассчитано автором по: Микроданные выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств [Эл. рес.] / Росстат. – Режим доступа: <http://obdx.gks.ru/>

Структура распределения сбережений по доходным группам, аналогично структуре распределения доходов, практически не изменилась. Согласно информации на 2012 год на 10% самых богатых домохозяйств приходится более трети общего объема сбережений (35%), тогда как на 10% наиболее бедного населения – чуть больше 1% (табл. 5).

Как отмечает сотрудник ВШЭ, к.ф.н. С.А. Шашнов [25, с. 24], такой высокий уровень дифференциации сбережений является фактором, который будет способствовать сохранению в ближайшее время высокого уровня дифференциации населения по доходам.

Резюмируя полученные результаты, стоит отметить, что используемая в статье методология выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств позволила оценить не только абсолютные показатели сберегательного поведения, но и степень дифференциации распределения сбережений по доходным группам. Кроме того, сделанные выводы во многом согласуются с основными итогами работ более ранних

периодов [7, 8, 15, 20, 25] и таким образом отражают характеристики, свойственные сберегательному поведению населения России.

Еще раз подчеркнем, что значимым фактором дифференциации сбережений россиян выступает уровень их доходов, поэтому только представители наиболее обеспеченных групп населения могут формировать сбережения в тех объемах и тех формах, которые позволят использовать их на цели экономического развития.

Однако следует помнить, что применение экономико-статистических методов ограничивается неполнотой и запаздыванием официальных статистических данных, а также невозможностью отследить субъективные особенности и текущие перемены в сберегательном поведении населения. Изменились ли формы сбережений? Какие мотивы сбережений преобладают? На что ориентируется население при выборе вариантов размещения свободных денежных средств? Какие действия предпримут граждане при изменении курса национальной валюты? И т.д.

Таблица 5. Распределение сбережений домохозяйств в зависимости от размеров располагаемых ресурсов в 2003–2012 гг. (в %)

Группы домохозяйств	Год									
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Все домохозяйства	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1-я	1,4	1,3	0,9	0,9	1,0	1,0	1,1	1,1	1,3	1,3
2-я	2,2	2,2	1,6	1,8	1,9	1,8	2,1	2,1	2,2	2,2
3-я	3,0	3,0	2,2	2,6	2,8	2,7	3,0	3,0	3,2	3,1
4-я	4,0	3,7	3,3	3,5	3,8	3,6	4,0	3,9	4,1	4,1
5-я	5,3	4,8	4,5	4,9	5,5	4,8	5,5	5,1	5,5	5,9
6-я	7,5	6,5	6,3	6,8	7,1	6,3	7,5	6,9	7,3	6,9
7-я	9,0	9,2	8,7	9,4	9,7	9,3	10,4	9,9	9,6	9,9
8-я	13,4	14,1	11,9	13,5	13,7	12,6	13,6	13,3	13,1	13,3
9-я	17,4	20,7	17,0	20,1	19,9	17,0	19,7	18,4	19,3	18,5
10-я	36,7	34,5	43,7	36,5	34,6	40,9	33,0	36,3	34,5	34,8

Рассчитано автором по: Микроданные выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств [Эл. рес.] / Росстат. – Режим доступа: <http://obdx.gks.ru/>

В конечном итоге выбор конкретного метода анализа определяется целями исследования. Так, при решении стратегических вопросов, касающихся экономического развития территории и улучшения материального положения населения, наиболее подходящими будут основанные на статистике методы, которые помогут оценить имеющуюся инвестиционную базу сбережений, установить целевые показатели социально-экономической политики и составить различные варианты прогнозов. В оперативном управлении для получения наиболее полной и до-

стоверной информации об изучаемом явлении рекомендуется использовать комплексный подход, предполагающий сочетание экономико-статистических и социологических методов. Представляется, что такая практика в деятельности не только исследовательского сообщества, но и органов государственной власти позволит разрабатывать более обоснованные мероприятия для решения вопросов, связанных с экономической, бюджетной и финансово-инвестиционной политикой, с уровнем жизни населения и его финансовой активностью.

Литература

1. Батракова, А.Г. Сбережения домашних хозяйств: сущность, группировки и роль в современной экономике [Текст] / А.Г. Батракова // Деньги и кредит. – 2006. – № 11. – С. 66-72.
2. Белехова, Г.В. Социально-демографические особенности финансового поведения населения [Текст] / Г.В. Белехова // Проблемы развития территории. – 2015. – № 1 (75). – С. 100-115.
3. Бурлачков, В. Политика Банка России: тенденции и противоречия [Текст] / В. Бурлачков // Экономист. – 2014. – № 12. – С. 21-26.
4. Григорьев, Л. Мировые дисбалансы сбережений и инвестиций [Текст] / Л. Григорьев, А. Ивашенко // Вопросы экономики. – 2011. – № 6. – С. 4-19.
5. Дементьева, И.Н. Опыт применения индексного метода в социологических исследованиях [Электронный ресурс] / И.Н. Дементьева // Мониторинг общественного мнения. – 2014. – № 4 (122). – Режим доступа : <http://elibrary.ru/download/25774667.pdf>
6. Деньги для новой экономики [Электронный ресурс] / РИА Новости. – Режим доступа : <http://strategy2020.rian.ru/smi/20120131/366256259.html>
7. Ефимова, М.Р. Инвестиционный потенциал населения России: основные аспекты статистического изучения [Текст] / М.Р. Ефимова, Н.Ю. Аббас // Вопросы статистики. – 2011. – № 1. – С. 21-30.
8. Иванов, Ю.Н. Проблемы и методы статистики сбережения населения в соответствии с концепциями СНС [Текст] / Ю.Н. Иванов, Т.А. Хоменко // Экономический журнал ВШЭ. – 1998. – № 4. – С. 508-515.
9. Кашин, Ю. О мониторинге сберегательного процесса [Текст] / Ю. Кашин // Вопросы экономики. – 2003. – № 6. – С. 100-110.
10. Кондратьева, З.А. Применение основных методологических подходов к оценке сбережений населения и индивидуальных инвестиций [Текст] / З.А. Кондратьева // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2013. – № 20 (158). – С. 31-40.
11. Костомарова, А.В. Кризисные тенденции в сфере сбережений населения в странах с развитой рыночной экономикой и России [Текст] / А.В. Костомарова // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 4. – С. 237-240.
12. Курс рубля: страхи и прогнозы на будущее : пресс-выпуск № 2755 [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115123>
13. Методологические положения по статистике (выпуск 1, 2, 3, 4, 5) [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа : http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/Main.htm
14. Методология статистического обследования населения. Обследования домашних хозяйств. Методология обследования бюджетов домашних хозяйств [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d020/i020460r.htm

15. Николаенко, С.А. Личные сбережения населения [Текст] / С.А. Николаенко // Экономический журнал ВШЭ. – 1998. – № 4. – С. 500-507.
16. Россошанский, А.И. Благополучие населения как показатель модернизационного потенциала территории [Текст] / А.И. Россошанский, Г.В. Белехова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5 (35). – С. 260-275.
17. Россошанский, А.И. К вопросу о региональной дифференциации качества жизни населения [Текст] / А.И. Россошанский // Проблемы развития территории. – 2015. – № 1 (75). – С. 88-99.
18. Сбережения и инвестиции: вкладываем в недвижимость : пресс-выпуск № 2750 [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. – Режим доступа : <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115115> (дата обращения 26.01.2015)
19. Северо-Запад России: тенденции общественных настроений 2005–2010 гг. [Текст] / К.А. Гулин, С.В. Озорнина, И.Н. Дементьева, Т.П. Кожина // Тенденции и проблемы развития региона: научные труды: в 4 т. – Т. 3: Социальный императив регионального развития: в 2 ч. – Ч. II. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2011. – 662 с.
20. Суринов, А.Е. Об основных тенденциях в уровне жизни и сберегательном поведении населения России [Текст] / А.Е. Суринов, С.А. Шашнов // Экономический журнал ВШЭ. – 2002. – № 3. – С. 324-342.
21. Хамраев, В. Эйфория оставила россиян [Электронный ресурс] / В. Хамраев // Коммерсант.ру. – Режим доступа : <http://www.kommersant.ru/doc/2655839>
22. Шабунова, А.А. Инвестиционное будущее сбережений населения [Текст] / А.А. Шабунова, Г.В. Белехова // Эко. – 2014. – № 2. – С. 165-178.
23. Шаповалов, А. Домохозяйства уже все купили [Электронный ресурс] / А. Шаповалов // Коммерсант.ру. – Режим доступа : <http://www.kommersant.ru/doc/2655843>
24. Шашнов, С.А. О сберегательном поведении домашних хозяйств в России и проблемах его статистического изучения [Электронный ресурс] / С.А. Шашнов. – Режим доступа : <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicatn/92/shashnov.pdf>
25. Шашнов, С.А. Сбережения домашних хозяйств и проблемы их статистического изучения на микроуровне [Текст] / С.А. Шашнов // Вопросы статистики. – 2003. – № 1. – С. 13-25.
26. Harvey, R. Comparison of household saving ratios: Euro area/United States/Japan [Электронный ресурс] / Statistics Brief. OECD. – 2004. – № 8. – Режим доступа : <http://www.oecd.org/std/na/32023442.pdf>
27. Household saving [Электронный ресурс] / OECD Factbook 2013. – Режим доступа : <http://dx.doi.org/10.1787/factbook-2013-en>
28. OECD Factbook 2014. Economic, Environmental and Social Statistics. Household savings [Электронный ресурс] / OECD. – Режим доступа : <http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/3013081ec023.pdf>
29. Sauter, A.M. The 10 Countries Where People Save the Most Money [Электронный ресурс] / Michael A., Charles B. Stockdale, Douglas A. McIntyre / 24/7 Wall St. – 2011. – August 15. – Режим доступа : <http://www.foxbusiness.com/markets/2011/08/15/10-countries-where-people-save-most-money/>
30. The various measures of the saving rate and their interpretation. Statistics directorate OECD [Электронный ресурс] / OECD. – Режим доступа : www.oecd.org/dataoecd/10/34/1953416.doc

Belekhova G.V.

On the methodological approaches to the study of saving behavior of the population

Galina Vadimovna Belekhova – Junior Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, belek-galina@yandex.ru)

Abstract. The task to ensure effective functioning of all systems in the society and sustainable economic growth requires significant amounts of investment resources, which include savings of the population. This involves identification of the amount of funds accumulated by the population and studies of the characteristics of its saving behavior.

The article reveals advantages and disadvantages of the main methodological approaches to the research in saving behavior and gives a comparative analysis of methods on the basis of official statistical information. As for Russia income is a key factor in saving behavior, the article also addresses the problem of assessing the degree of income differentiation of saving behavior. For this purpose we have used a method of household budgets sample surveys on the basis of which we have calculated and analyzed key performance indicators of savings behavior of households, including in the context of groups with different income levels.

Unlike previous works on the topic, our study uses available resources (not money income) as a basis for the calculation of saving behavior indicators, as they more fully characterize funds of low-income households, which are mostly represented in the budget surveys sample.

The performed analysis has helped identify that the degree of the population's savings differentiation does not yield to the incomes differentiation, and the highest levels of savings and used financial assets belong to the well-to-do group. What is more, the growth in per capita income has not encouraged the poor to save. Thus, in contrast to the well-to-do, increasing the volume of savings in the cost structure, poorer groups direct the major part of funds for consumer needs and different payments. Thus, the share of savings in the overall structure of their income remains practically unchanged.

The conclusion emphasizes that sociological methods can be used to study qualitative changes in saving behavior and analyze the impact of subjective factors.

Key words: savings, households, balance of money income and expenditure (Bie) tax account system (TAS), household budgets sample survey, savings rate.

References

1. Batrakova A.G. Sberezheniya domashnikh khozyaistv: sushchnost', gruppировки i rol' v sovremennoy ekonomike [Savings of Households: Essence, Grouping and Role in the Modern Economy]. *Den'gi i kredit* [Money and Credit], 2006, no. 11, pp. 66-72.
2. Belekhova G.V. Sotsial'no-demograficheskie osobennosti finansovogo povedeniya naseleniya [Socio-Demographic Peculiarities of Population's Financial Behavior]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2015, no. 1 (75), pp. 100-115.
3. Burlachkov V. Politika Banka Rossii: tendentsii i protivorechiya [Policy of the Bank of Russia: Trends and Contradictions]. *Ekonomist* [Economist], 2014, no. 12, pp. 21-26.
4. Grigor'ev, L., Ivashchenko A. Mirovye disbalansy sberezheniya i investitsii [Global Imbalances in Savings and Investment]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2011, no. 6, pp. 4-19.
5. Dement'eva I.N. Opyt primeneniya indeksnogo metoda v sotsiologicheskikh issledovaniyakh [Experience of the Index Method Use in Sociological Research]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Public Opinion Monitoring], 2014, no. 4 (122). Available at: <http://elibrary.ru/download/25774667.pdf>
6. Den'gi dlya novoy ekonomiki [Money for New Economy]. *RIA Novosti* [RIA News]. Available at: <http://strategy2020.rian.ru/smi/20120131/366256259.html>
7. Efimova M.R., Abbas N.Yu. Investitsionnyi potentsial naseleniya Rossii: osnovnye aspekty statisticheskogo izucheniya [Investment Potential of the Russian Population: Main Aspects of Statistical Learning]. *Voprosy statistiki* [Statistical Issues], 2011, no. 1, pp. 21-30.
8. Ivanov Yu.N., Khomenko T.A. Problemy i metody statistiki sberezheniya naseleniya v sootvetstvii s kontseptsiyami SNS [Problems and Methods of Statistics of the Population's Savings in Accordance with the Tax Account System]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE* [HSE Economic Journal], 1998, no. 4, pp. 508-515.
9. Kashin Yu. O monitoringe sberegatel'nogo protsessa [On the Monitoring of the Savings Process]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2003, no. 6, pp. 100-110.
10. Kondrat'eva Z.A. Primenenie osnovnykh metodologicheskikh podkhodov k otsenke sberezheniya naseleniya i individual'nykh investitsii [Application of Basic Methodological Approaches to the Estimation of the Population's Savings and Private Investment]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial Analytics: Problems and Solutions], 2013, no.20 (158), pp. 31-40.

11. Kostomarova A.V. Krizisnye tendentsii v sfere sberezhnii naseleniya v stranakh s razvitoi rynochnoi ekonomikoi i Rossii [Crisis Tendencies in the Sphere of Population's Savings in the Countries with Developed Market Economies and Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO], 2012, no. 4, pp. 237-240.
12. Kurs rublya: strakhi i prognozy na budushchee: press-vypusk № 2755 [Exchange-Value of Ruble: Fears and Predictions for the Future: Press Release No. 2755]. *VTsIOM* [VTsIOM]. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115123>
13. Metodologicheskie polozheniya po statistike (vypusk 1, 2, 3, 4, 5) [Methodological Aspects of Statistics (Issue no. 1, 2, 3, 4, 5)]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/Main.htm
14. Metodologiya statisticheskogo obsledovaniya naseleniya. Obsledovaniya domashnikh khozyaistv. Metodologiya obsledovaniya byudzhetrov domashnikh khozyaistv [Method of Statistical Surveys of the Population. Household Surveys. Method of Household Budgets Surveys]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d020/i020460r.htm
15. Nikolaenko S.A. Lichnye sberezhniya naseleniya [Personal Savings]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE* [HSE Economic Journal], 1998, no. 4, pp. 500-507.
16. Rossoshanskii A.I., Belekova G.V. Blagosostoyanie naseleniya kak pokazatel' modernizatsionnogo potentsiala territorii [Welfare of the Population as an Indicator of Modernization Potential of the Territory]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 5 (35), pp. 260-275.
17. Rossoshanskii A.I. K voprosu o regional'noi differentsiatsii kachestva zhizni naseleniya [Revisiting the Regional Differentiation of Population's Life Quality]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2015, no. 1 (75), pp. 88-99.
18. Sberezheniya i investitsii: vkladyvaem v nedvizhimost': press-vypusk № 2750 [Savings and Investment: Investing in Real Estate: Press Release No. 2750]. *VTsIOM* [VTsIOM]. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115115> (accessed January 26, 2015)
19. Gulin K.A., Ozornina S.V., Dement'eva I.N., Kozhina T.P. Severo-Zapad Rossii: tendentsii obshchestvennykh nastroyenii 2005–2010 gg. [North-West of Russia: Trends in Public Attitudes in 2005–2010]. *Tendentsii i problemy razvitiya regiona: nauchnye trudy: v 4 t. T. 3: Sotsial'nyi imperativ regional'nogo razvitiya: v 2 ch. Ch. II* [Trends and Problems of Regional Development: Proceedings: in 4 Volumes. Vol. 3: Social Imperative of Regional Development: in 2 Parts. Part 2], Vologda: ISERT RAN, 2011. 662 p.
20. Surinov A.E., Shashnov S.A. Ob osnovnykh tendentsiyakh v urovne zhizni i sberegatel'nom povedenii naseleniya Rossii [On the Main Trends in the Living Standard and Saving Behavior of the Population in Russia]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE* [HSE Economic Journal], 2002, no. 3, pp. 324-342.
21. Khamraev V. Eiforiya ostavila rossiyan [Euphoria Has Left the Russians]. *Kommersant.ru* [Kommersant.ru]. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2655839>
22. Shabunova A.A., Belekova G.V. Investitsionnoe budushchee sberezhnii naseleniya [Investment in Future Savings]. *Eko* [Eco], 2014, no. 2, pp. 165-178.
23. Shapovalov A. Domokhozyaistva uzhe vse kupili [Households Have Already Bought Everything]. *Kommersant.ru* [Kommersant.ru]. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2655843>
24. Shashnov S.A. *O sberegatel'nom povedenii domashnikh khozyaistv v Rossii i problemakh ego statisticheskogo izucheniya* [On Saving Behavior of Households in Russia and Problems of Statistical Learning]. Available at: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/92/shashnov.pdf>
25. Shashnov S.A. Sberezheniya domashnikh khozyaistv i problemy ikh statisticheskogo izucheniya na mikrourovne [Savings of Households and Their Statistical Study at the Micro Level]. *Voprosy statistiki* [Statistical Issues], 2003, no. 1, pp. 13-25.
26. Harvey R. Comparison of Household Saving Ratios: Euro Area/United States/Japan. *Statistics Brief. OECD*, 2004, no. 8. Available at: <http://www.oecd.org/std/na/32023442.pdf>
27. Household saving. *OCED Factbook 2013*. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/factbook-2013-en>
28. OECD Factbook 2014. Economic, Environmental and Social Statistics. Household savings. *OECD*. Available at: <http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/3013081ec023.pdf>
29. Sauter A.M., Stockdale Ch., McIntyre D. *The 10 Countries Where People Save the Most Money*. Available at: <http://www.foxbusiness.com/markets/2011/08/15/10-countries-where-people-save-most-money/>
30. The Various Measures of the Saving Rate and Their Interpretation. Statistics directorate OECD. *OECD*. Available at: www.oecd.org/dataoecd/10/34/1953416.doc

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. При представлении в статье результатов социологических исследований необходимо указать следующую информацию: сведения о методологии и методике; дату, место (территорию) и организацию, проводившую исследование; структуру генеральной совокупности; тип, объем и ошибку выборки; описание методов сбора и анализа данных. Данную информацию следует изложить в одном из следующих вариантов: в специальном разделе (параграфе) статьи; непосредственно в тексте; в сноске. При оформлении таблиц важно пояснить, как считаются проценты: от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом – на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи – не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) – для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (600 – 700 знаков; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью),

учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4 × 6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес: common@vscc.ac.ru.**

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscc.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включен в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Существует несколько способов оформления подписки на журнал «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз»:

- **Подписка на журнал на Почте России.**

Самый простой и традиционный способ — это подписка на Почте. Подписка на журнал осуществляется через объединенный каталог «Пресса России». Подписной индекс журнала «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз» - **41319**.

Поиск журнала по печатному каталогу на Почте довольно прост: по тематике, по алфавиту, по индексам. При оформлении подписки на журнал на Почте России Вы найдете данное издание в разделе «Экономика. Статистика» каталога «Пресса России».

- **Подписка в редакции.**

Наш менеджер будет рад проконсультировать Вас по вопросам подписки.

Журнал можно приобрести за безналичный расчет по договору.

Менеджер: Бушманова Анна Станиславовна

Телефон: 8 (8172)59-78-10 (доб. 387)

e-mail: bushmanova@vscc.ac.ru

- **Онлайн-подписка.**

На сайте <http://www.aks.ru> Вы легко сможете оформить онлайн-подписку на журнал.

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.С. Киселева

Подписано в печать 24.02.2015.
Дата выхода в свет 27.02.2015.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 31,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 54.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and social changes: facts, trends, forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru